

ТИРАНИ

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ «USA TODAY»

ТИАНА ЛАВИН

Жизнь Хантера Вульфа с восемнадцати лет была вращающейся дверью в пенитенциарной системе Сагино и Детройта, штат Мичиган. После того, как в детстве он стал свидетелем зверского убийства своей матери, его мир изменился, и эта травма превратила его в малолетнего преступника, которого дедушка и бабушка больше не могли контролировать. Будучи настоящим психопатом, он никого не удивил, став любителем оружия и безжалостным уличным боксером. Вопреки тому, что думают о нем другие, сердце Хантера бьется для избранных, таких как его умирающий друг Ной, поручающий ему ряд задач, которые он должен выполнить от его имени. Однако где-то на этом пути происходит невероятное...

Нита Перси — трудолюбивая мать-одиночка, живущая в Детройте, штат Мичиган. Последнее, что ей нужно — это огромный, звероподобный преступник, такой как Хантер, который слоняется вокруг ее дома, но у нее связаны руки, когда отец лучшей подруги ее дочери собирается сделать свой последний вздох. Со временем Нита понимает, что внешность может быть обманчива, и разглядывает истинного Хантера под его грубой оболочкой. Когда между ними начинается дружба и их физическое влечение усиливается, она больше не может бороться со своим желанием к нему, как бы ни старалась.

Но есть один вопрос, на который она не может ответить: можно ли Вульфу действительно доверять?

Когда один боится отдать свое сердце, а другой — разбить свое, смогут ли они преодолеть эти препятствия и начать все заново?

Тиана Лавин «Тиран»

Переводчик: Оксана Ржевская

Редактор: Анна Артюхова

За обложку благодарим Маргариту Волкову

Переведено специально для группы vk.com/dark_eternity_of_books

Кто Трясет Твою Клетку?

— Полное имя Хантер Энтони Вульф. Раса: белый. Пол: мужской. Рост 190 см, вес 123 кг... Шестнадцать татуировок. Самые заметные: волк на левом бицепсе, слово «Тиран» на спине, дьявол на животе и кобра на икре. Два шрама: один, маленький, на правом глазу, второй на левой руке. Цвет глаз светло-зеленый, — адвокат облизал большой палец и пролистал листы в манильской папке, переходя к следующему разделу.

— Бандитские связи не имеет. Однако у него есть друзья и родственники, которые связаны с радио «Белый Кролик» и «Альянсом висельного дерева Вотана» (Прим.: White Rabbit Radio, Gallows Tree Wotansvolk Alliance — сообщества расистов, расположенные в штате Мичиган; вотанизм или одинизм — расовая религия, названа по имени верховного божества в верованиях древних германцев Вотана, известного также как Один), — гремел адвокат Даг Рейнольдс. Цепи и наручники вокруг запястий Хантера звякнули, когда он сел на стул. Подошедший охранник снял их и исчез так же быстро, как и появился в тюремном кабинете.

Хантер был уверен, что он обезвожен, его язык был толстым и тяжелым. Растирая свои ладони, он чувствовал сухость костяшек пальцев, вены и крошечные рубцы, которые он заработал за более чем два десятилетия боев. Его желудок бунтовал из-за сегодняшнего отвратительного завтрака: яиц, плавающих в старом сале, полосок жирного бекона и черствого хлеба.

— ... Детройтский входной центр, окружная тюрьма Сагино, исправительное учреждение Сагино, исправительное учреждение в Центральном Мичигане, Мичиганский исправительный департамент и даже окружная тюрьма Флинта. В течение шестнадцати лет, мистер Вульф, вам были предъявлены обвинения в преступлениях, включающие, помимо прочего, три случая кражи со взломом второй степени, четыре случая нападения при отягчающих обстоятельствах, один случай похищения, два случая угона транспортного средства, один случай покушения на убийство первой степени, один случай убийства второй степени, один случай убийства по неосторожности, два случая запугивания потенциального свидетеля, три случая уничтожения имущества, один случай сопротивления аресту и два случая незаконного проникновения.

Адвокат с глухим шлепком швырнул бумаги на стол, затем закрыл глаза и покачал головой.

— Не все из вышперечисленного было отдельными случаями. Вы читаете это так, будто это были индивидуальные обвинения, пытаетесь доказать правоту при этом передергивая правду. Некоторые из этих обвинений произошли одновременно, а некоторые преувеличены или ложны.

— Это была тяжелая битва, мистер Вульф, — заявил мистер Лайл. Хантер встал и посмотрел на него и другого адвоката. Оба адвоката разыгрывали в этом кабинете глупую игру в хорошего адвоката и плохого адвоката. Это место воняло дешевым кофе и превосходством. Хантер почти забыл, что ублюдок был на заднем плане, словно какой-то бэк-вокалист. Он напомнил ему раздувшегося энцефалитного клеща, полного крови и с маленькой головой, застрявшего в своем темном костюме.

— Ваш испытательный срок каким-то чудом одобрен. Мистер Вульф, не думайте, что это произошло благодаря вашей заслуге. Я уверен, что в большей степени связано с переполненностью, но говорю вам, если вы не так чихнете — вас запрут на всю оставшуюся жизнь.

Хантер почесал шею, когда вернулся раздражающий зуд. Сухие, крошащиеся бруски тюремного мыла всегда оставляли какие-то крупинки на его коже, независимо от того, как тщательно он вытирался. Он часто покупал себе хорошее мыло, но у него закончились «диал» и «айриш спринг». Хантер ненавидел, как пахло тюремное мыло, но больше всего ненавидел то, что они заставляли его чувствовать. Он не мог даже принять чертов душ, не заплатив цену. Ужасная сыпь была расплатой за совершенное преступление. Опустив голову, мужчина улыбнулся... Его не арестовали за большинство вещей, которые он совершил. Эти лохи едва зацепили верхушку.

— Итак, тебе нечего сказать по этому поводу? — рывкнул адвокат за столом, заставляя Хантера отвернуться от кровожадного клеща, застрявшего в углу, как козявка в носу. Он повернулся и посмотрел в глаза холеного болтуна, считавшего свою задницу не хуже пончика с шоколадной глазурью.

— Нет, — он зевнул, вытянув длинные ноги, задеревеневшие от неловкого сидения на маленьком стуле.

— В самом деле? Забавно, потому что когда несколько лет назад вас привели в суд, вам было что сказать, когда вы орали на судью после вынесения приговора.

— Потому что это была ошибка правосудия. Если ублюдок стреляет в меня из пистолета и промахивается, а я, вытащив свой пистолет в целях самообороны, стреляю и попадаю в его гребаную грудь, это не моя вина. Это называется самозащита.

— Вам нельзя иметь оружие, мистер Вульф. Это, безусловно, была ваша вина. — Он издал смешок.

Эти парни сошли с ума. Они понятия не имеют, что происходит в реальном мире.

— Знаете что? Эта маленькая система правосудия, перед которой вы поклоняетесь, вся испорчена. Мы живем в стране, где человек не может даже защитить себя. Парень, который пытался меня убить, теперь жертва в ваших глазах, хотя это я единственная жертва беспорядка, который он начал. Все совсем наоборот. Он получил по заслугам, и скорее ад замерзнет, чем я буду стоять в Детройте или где-нибудь еще, не имея ничего, чтобы себя защитить.

— Вы должны были быть в Сагино! Вы были на испытательном сроке.

— Мы все должны быть где-то, верно? — Хантер пожал плечами. — Вас тоже должны были повесить. — он ухмыльнулся, пытаясь задеть мужчину, и повернул голову к ублюдку за спиной.

— А вы не опаздываете на китайский шведский стол сожри-сколько-сможешь, глупый говнюк с лягушачьим лицом?

— Хантер, достаточно. Я знаю тебя уже очень давно, — Рейнольдс прищурился. — Тебе нужен план. Тебе скоро исполнится тридцать четыре. Ты выйдешь отсюда через три недели. И ты должен сделать что-то со своей жизнью. Ты слишком стар для этого дерьма, чувак. В конечном итоге ты умрешь или получишь пожизненное, что, практически, одно и то же, — Хантер откинулся на своем стуле, желая поскорее вернуться в камеру. — У тебя нет ни навыков, ни образования, ни работы. Ты осужденный преступник с историей крайней формы насилия. Что ты будешь делать, когда выйдешь отсюда?

— Возьму приличной еды, подьеду к какой-нибудь киске, которая отсосет мой член, а потом напьюсь.

Адвокат закатил глаза и повернулся в кресле.

— Вы бы предпочли, чтобы я, блять, лгал? — Хантер вскинул руки. — Я был здесь слишком долго! Вы хотите получить ответ: «Я готов начать новую жизнь, Рейнольдс. Я окончу бесплатные курсы, буду ходить в церковь каждое воскресенье и посещать занятия по управлению гневом»... К черту это дерьмо, — Он засмеялся, но в его смехе не было веселья. — Мне нужно достать немного денег, но все, что я знаю, это улицы. Чёртовы тюрьмы и исправительные учреждения не заботятся о реабилитации кого-либо, Рейнольдс.

— Хантер, указывание пальцем никогда не помогало тебе выбраться из этого беспорядка. Ты должен взять ответственность за свои действия и выяснить, почему ты находишься в том месте, где находишься.

— И вы тоже, — парень зашипел и обернулся на стуле. — Это правда! О, и пока я не забыл, почему, черт возьми, вы любите рассказывать о том, что делают некоторые мои друзья и члены семьи? Я не они, я не член банды и никогда им не был. Я не делаю ничего из этого дерьма и, поверьте, многие пытались меня вовлечь, но это не мое. Я сам по себе.

— Это только потому, что ты не любишь следовать правилам, — Рейнольдс ухмыльнулся. — Ты определенно не ведомый, Хантер, но у тебя проблема. Ты получил это прозвище «Тиран». Когда лидер известной банды белых расистов дает тебе прозвище, это что-то значит.

— Я не расист. Джо мертв уже семь лет, так что это было давным-давно, и, опять же, это не ваше чертово дело, потому что я не участвую во всем этом дерьме. И даже если бы участвовал, это не имеет никакого отношения к последним обвинениям или к этому конкретному делу. Как по мне, то у вас есть проблемы поважнее, чем это. Я — мелочь по сравнению с вашими проблемами. Иногда я удивляюсь, как вы спите ночью? Я имею в виду, вы говорите, чтобы я никого не обвинял, хотя сами...

— Ты отклоняешься от темы, Хантер. Ты должен...

— Нет-нет-нет, вы хотели, чтобы я говорил, так что поехали. Я не собирался говорить ни слова. Я собирался позволить вам с вашим маленьким дружком вести себя высокомерно, — Он ткнул пальцем в сторону парня. — Я должен был раздуть твое эго рассказами о том, насколько я хорош, насколько плох и ужасен, всем этим дерьмом, но ты разозлился, что я был «недостаточно вовлечен в разговор», — Хантер нарисовал пальцами в воздухе кавычки. — Ну, теперь я вовлечен достаточно. Вот факты, Рейнольдс.

— Мои бабушка и дедушка платят вам много денег, — Хантер начал загибать пальцы. — Денег, которых у них нет. Я ничего у них не прошу, и вы это знаете. Во-вторых, вы ни капли не беспокоитесь о парнях вроде меня, которые должны привести свою жизнь в порядок, как вы это назвали. Мы приносим вам слишком много денег. Вам не нужно, чтобы я шел по пути добродетели, потому что, как только я это сделаю, ваш доход иссякнет. Вам нужны такие парни, как я, чтобы ваши карманы оставались толстыми.

— Это полная ерунда.

— Разве? Без преступности не было бы инспекторов по надзору за условно осужденными, пенитенциарной системы, охранников, судей, присяжных, охранников, полицейских, центров реабилитации наркоманов, оперативных групп, адвокатов, агентов ФБР, управления исправительных учреждений и поручителей под залог. И это я еще не всех назвал. Миллионы долларов пропадут в один миг, если мы покинем свои клетки, и вы это

знаете. Ребята вроде вас, буквально, рассчитывают на мое падение.

Они смотрели друг на друга.

— Хантер, независимо от того, что ты думаешь, я всегда хотел для тебя лучшего. Ты умный и у тебя большой потенциал, но ты его упускаешь.

— Упущение — такое глупое слово... Звучит чертовски смешно, не правда ли? — Рейнольдс поморщился. — Вы имеете право на свое мнение, а я — на свое, но факты есть факты, и вы не можете этого отрицать. Когда преступники — это ваш хлеб с маслом, как кто-то в здравом уме может доверять свои интересы вам, судьям или прокурорам? Это все равно, что ожидать, что лев станет веганом. Мы нужны для этой экономики, мы оба это знаем, а вы хотите, чтобы я сказал вам, что я...

— О, так ты хочешь сказать, что стреляешь в людей, надираешь им задницы, грабишь магазины, угоняешь чужие роскошные автомобили, так сильно перерезаешь парню шею, что у него фактически выпадает горло, и забиваешь другого парня почти до смерти, а затем истерически смеешься, когда его увозят в реанимацию, что все это ты делаешь для нашей экономики? Ты убиваешь людей по доброте душевной, Хантер? Финансовая ответственность, я так понимаю? Как мило с твоей стороны!

— Суть в том, что я не буду лгать вам, как вы, сидя в этом кресле, лжете мне и всем заключенным, говоря, как чертовски счастлив он должен быть от того, что тюремная система специально устроена как вращающаяся дверь. Я нужен вам больше, чем вы мне, — Хантер указал на себя, когда поднялся на ноги, выпуская гнев, который накапливался в нем слишком долго. — Без болезней нет врачей. Без гнилых зубов нет стоматологов. Вы не лучше меня, чуваки... Просто дайте мне досидеть здесь свой срок и оставьте меня, блядь, в покое, хорошо? Это дурацкая, фальшивая встреча. Можете записать в своих заметках, что сегодня сделали доброе дело. Идите на хер, у меня нет времени на эту херню.

В кабинете воцарилось молчание.

— Хантер, присядь. Нам еще есть что обсудить, — Хантер просто впился в него взглядом. — Пожалуйста, — через несколько секунд он неохотно плюхнулся обратно на сиденье. — Это выше твоего понимания и твоих искаженных взглядов на реальность. Нам нужно знать, что на этот раз ты будешь вести себя по-другому. Я серьезно. Это войдет в твое новое дело. Просто пойдь мне навстречу, пожалуйста, и покончим с этим!

Прошло несколько минут, пока он обдумывал ситуацию.

— Прежде чем я соглашусь сыграть в вашу маленькую игру, я хочу, чтобы эти два обвинения за незаконный сбыт наркотиков были убраны из моего гребаного дела.

— Я не упомянул их.

— Я не тупой, чувак, я вижу их на бумаге! — он указал на открытую папку. — Я не делал этого дерьма, и вы это знаете. За всю мою жизнь у меня никогда не было проблем с наркотиками. Этот полицейский ничего не нашел. Он видел только пачку денег и немного белого порошка, который был мелом, которым я натирал свой кий для игры в пул. Ради бога, бильярд. Чертов идиот предположил, что это остатки наркоты... тупая задница. Он даже не проверял это. Сигареты, пиво, немного травки время от времени, вот и все. Никогда не продавал и не принимал наркотики за всю свою жизнь. Говорю вам, я хочу убрать это дерьмо. Как минимум, вычеркнуть. Вранье. Я хочу, чтобы это исчезло.

— Я посмотрю, что можно сделать, — Рейнольдс вздохнул. — Мне все еще нужно знать, Хантер, каковы твои планы, потому что я потянул за ниточки, чтобы тебя вытащить. Я исчерпал свою благосклонность от твоего имени. Никто не может спасти тебя от самого

себя. Доллар здесь бессилен.

Хантер причмокнул и откинулся на спинку стула. Ему смертельно надоел этот парень и его круглый, как шар для боулинга, друг. Было время, когда мужчина бы встал со стула и избил их обоих до полусмерти, заставляя их жен на это смотреть. Но он пытался контролировать себя, независимо от того, насколько приятной была эта мысль.

— Твоя бабушка умоляла меня. Это единственная причина, по которой кому-то действительно не наплевать на то, что с тобой случилось, — продолжил Рейнольдс. Хантер прищурился. Он проглотил то, что он действительно хотел сказать... Слова, сказав которые он уже никогда бы не мог вернуть. — Могу я получить хотя бы «спасибо»? — парень ухмыльнулся.

— Я готов идти... — Хантер поднялся на ноги и устоял на Рейнольдса. Каким, должно быть, заносчивым мудаком он был в старшей школе. Человеком, который никому не нравился, а теперь он адвокат по уголовным делам в великом штате Мичиган, кичащийся своим авторитетом. Мужчина посмотрел на документы и хмыкнул. Его нос был красным, его глаза блестели без всякой причины, а его кожа имела голубоватый оттенок, как будто он не видел солнечного света нескольких недель.

— Уведите его отсюда, — пробормотал он, ни на кого не глядя, и махнул рукой, как будто дал команду вынести мусор.

Хантер почувствовал знакомое дерганье и рывки своих рук, когда вокруг его запястий застегнули холодные неудобные наручники, и тяжелая дверь открылась, давая возможность выйти. Ему всегда приходилось пригибаться, чтобы не задеть головой дверной проем. Вернувшись в камеру, он лег на кровать, его темно-синяя форма была пропитана потом. В том кабинете было чертовски жарко, но никто, казалось, этого не замечал, кроме него. Он устоял на потолок, слушая храпы своего соседа. Несколько часов спустя принесли ужин, но он отказался его есть и отодвинул тарелку в сторону. День и ночь стали размытыми, сливаясь вместе, как вода и кровь в сточной канаве. В голове всплыло лицо его матери, испачканное запекшейся кровью, и ее безжизненные закатившиеся голубые глаза.

Крики в тюрьме вырвали его из воспоминаний... Он ненавидел эти крики, громкие вопли, раздававшиеся поздно вечером.

— Да ладно, чувак! Помогите, кто-нибудь! Ублюдок!

Последовал шум, битва на смерть. В этом не было ничего нового. Как правило, у кого-то случалось психическое расстройство, или возникали приступы параноидального бреда, и тогда, конечно, происходили нападения... одно за другим. Хантер слышал громкий стук, как будто тело бросили об стену, а затем серию ударов. Он остался лежать на койке, скрестив лодыжки и сложив руки на животе.

— Соси! Если укусишь, я тебя убью!

Он закрыл глаза, когда слышались булькающие звуки, и последовали новые крики. Некоторые заключенные смеялись, шутили, выкрикивали отвратительные слова ободрения.

— Сейчас он получит твою задницу! Ты должен надеяться, что он использует немного жира! — кричал кто-то, сопровождаемый взрывом хриплого смеха.

Хантер не был полностью уверен, в какой камере это происходило, но у него были подозрения. Старик по имени «Герыч» был известен тем, что подмазывался к некоторым закоренелым наркоманам. Он западал на худых с голубыми глазами, которые использовали любую возможность, чтобы заполучить дозу — настоящие наркоманы. Это были его фавориты, хотя он бы согласился и на толстых коротышек с теми же слабостями, если бы не

было выбора. Старый широкоплечий бандит с сонными глазами был известен тем, что предлагал обдолбанным новичкам всевозможное дерьмо, зная, что у них нет денег на нормальную дрянь. Они сожгли все свои мосты с семьей несколькими дозами, понюшками и уколами игл.

У них не было посетителей, и люди, кроме других закоренелых наркоманов, чурались их. Друзей у них было мало. У большинства наркоманов возникали некоторые проблемы с их наркозависимостью, связанные со степенью разделения: не употреблять, а продавать или налаживать контакты и сбыт в качестве посредника. Тем не менее, для таких хищников, как Герыч, эти наркоманы были воплощением мечты.

Хантер закусил изнутри свою щеку, когда последовали слишком знакомые звуки обуви, скользящей по полу, двойной стук в стену камеры, отчаянные вопли и последующие возбужденные проклятия.

— Эй! Что ты делаешь, чувак?! Отвали от меня! Я не гей! Отвали от меня, ублюдок Нет... НЕТ!!!! Охрана!!! ОХРАНА!!!! АААХХХХХХХХ!

И тогда все началось, душераздирающие крики от изнасилования продолжались... Это было так часто, так обычно, почти закономерно, что люди уже не обращали на них внимания. Крики становились все громче и громче, из тех, которые пронизывают тебя насквозь, хватают твое сердце и выжимают из него все дерьмо. Хантер оставался неподвижным на своей кровати, все еще глядя в потолок, все еще наполненный ядом, подпитываемым его порочной средой: серыми стенами, покрытыми болью, которые приближались к нему.

В его сердце трахались гнев и ненависть, родив ребенка за этими стенами. Каждые девяносто дней ему становилось хуже. Его душа производила на свет безнадежную кромешную темноту. Его падение в пучину безумия ухудшалось с каждым сезоном, и было словно годовщиной гибели. В тюрьме не было ни реабилитации, ни рабочих программ, ни образования, ни прихода к Иисусу или пробуждения великого Нового Века (Прим.: New Age, Нью-эйдж — религии «нового века» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера). Никто не заботился о нем, о них или о ком-либо, кто жил и дышал за этими стальными решетками. Они были простыми людьми, превратившимися в животных. Забота была слишком затратным процессом.

На самом деле, Хантеру тоже было все равно. Ему уже долгое время было на все насрать. С тех пор как его лучший друг Ной был освобожден годом ранее, Хантеру становилось все хуже и хуже. Это был парень, с которым он мог поговорить. По крайней мере, у него все еще был его сосед Леон чтобы помочь ему добраться до финишной черты, прежде чем он сойдет с ума. Крики продолжались, отвлекая его от размышлений. Все вокруг него внезапно стало острым. Резким на ощупь. Взрыв смеха проникал в каждую камеру и отражался эхом от стен. Свирепость была развлечением человека в клетке. Крики теперь были настолько пронзительными, что казалось, будто их испускал раненый зверь, парень действительно сопротивлялся. Но затем, как обычно, он был оставлен на произвол судьбы. Крики становились все менее и менее интенсивными, теперь они сменились на тяжелое кряхтение. В камеру проник влажный, лихорадочно шлепающий звук, увеличивающийся в скорости каждые несколько секунд, а затем снова раздались сильные удары о решетку. Потянувшись к своему MP3-плееру, он вставил наушники и увеличил громкость до предела.

В динамиках заиграл Чайлдиш Гамбино с песней Redbone, ритм соблазнительный и

забавный. Закрыв глаза, он покачивался, как будто танцевал далеко отсюда... Подняв два пальца в воздух и поднеся их к губам, он сделал вид, что курит сигарету. Выпуская воображаемый дым, он улыбнулся, под его закрытыми веками возникли образы крови, льющейся из свежих пулевых отверстий, плоти, разрезанной до мышц и костей, бандитские драки во дворе... Трупы накапливаются, как осенние листья, падающие на землю с умирающего дерева. Кричащие дети, оторванные от своих отцов-заключенных в день посещения... Папочка возвращается в камеру смертников, пора прощаться...

Секунды превратились в минуты, пока, наконец, он увидел двух охранников. Они бежали, скорее всего, в камеру с каким-то бедным сукиным сыном с очком, полным спермы из-за своей зависимости, и коварным маньяком с длинной историей тюремного терроризма, сексуальной девиации и психологических заболеваний. К тому времени, когда придут охранники, будет слишком поздно. Ублюдка нужно будет отправлять в больницу, где ему дадут обезболивающее и наложат швы. Никто не обратит внимания на его душевное состояние, и вскоре после этого его бросят на съедание львам: он вернется к тем же людям, которые будут смеяться и подначивать его нападавшего. Парень станет меченым, его будут передавать по кругу и сдавать в аренду, как старый школьный порно журнал. Хантер заснул где-то между молчанием осужденных и слезными молитвами грешников.

Парень в камере рядом с ним говорил на разных языках или, возможно, имел психическое расстройство. Каждый день был похож на предыдущий и Хантер должен был признать, что этот срок в тюрьме был самым худшим. Он отсчитывал свои последние сорок восемь часов, как ястреб, наблюдающий за змеей, паря высоко в небе. Осталось двадцать четыре часа до выхода...

Накануне своего освобождения Хантер обнаружил себя блюющим в унитаз из-за не прожаренного мяса. Утро началось с «революции» в животе. У него не было недостатка в сальных взглядах парней, которые подумывали проверить его, зная, что они могут испортить его освобождение, если он вступит в драку. В то утро он был ублюдком, белым куском собачьего дерьма и сукиным сыном. Тем не менее, он не купился на это. Это была приманка на крючке, но он не был голоден. Хантер так часто за свою жизнь попадал в тюрьму, что знал все эти уловки вдоль и поперек. Это было так очевидно. Тем вечером он и его сосед Леон, пожилой негр, решили вместе поужинать в камере. Они смеялись, слушали музыку и собирались попрощаться с такой маловероятной дружбой в свободном мире, но ценившейся на вес золота за решеткой.

— Хантер, я, вероятно, умру в этой тюрьме. — Леон, сделав глоток воды, перетасовал потертые карты Уно (Прим.: карточная игра, требующая специальной колоды карт).

— Ну, мы все умрем рано или поздно.

— Кто хочет умереть в тюрьме? Я бы лучше вошел в какую-нибудь двадцатипятилетнюю киску. По крайней мере, я бы умер с улыбкой на лице. — На маленьком радио пожилого мужчины играла «Give it to You» Да Брат. — Мне почти шестьдесят семь лет, чувак. С тем, как они меня прижали на этот раз, для меня все кончено, и все это знают.

— Тебе может повезти. Возможно, тебя освободят условно досрочно.

— Для этого у меня неподходящий цвет кожи, но это не имеет значения, даже если бы меня освободили досрочно, Хантер. У меня нет никого, кто бы скучал по мне. Я сжег слишком много мостов.

Сожженные мосты, похоже, были общей темой в последнее время. Хантер тоже

немного знал об этом.

— Как насчет двух твоих дочерей и сына, о которых ты иногда говорил? — он посмотрел на свои карты, которые раздал Леон.

— Я просто делился с тобой старыми историями. Все мои дети выросли, и никто из них со мной не общается. Их матери тоже со мной не общаются. У меня есть куча внуков, которых я никогда не увижу. Многие мои знакомые умерли или уехали после закрытия заводов. Ты этого хочешь для себя?

— Зачем ты мне это говоришь, Леон? — Хантер бросил карту. Иногда Леон говорил дерьмо, которое просто не имело никакого смысла... как, например, спросить ребенка, хочет ли он, чтобы его отшлепали, и удивляться, когда он не ответил: «Да, черт возьми!»

— Потому что ты беспечно себя ведешь, Хантер.

— Я думал, мы говорили о тебе.

— Мы... ты будешь мной, если не исправишься. Ты говоришь, что не пытаешься быть вторым Леоном, но твои дела говорят громче слов. Все, кого ты любишь, возненавидят тебя за то, что ты предпочитаешь улицы им — вот, что тебя ожидает.

— Я не выбирал улицы. Это все, что у меня было, и, в любом случае, я не могу быть никем, кроме себя.

— Я не говорю быть кем-то, кроме Хантера. Хантер — тот, кто ты есть... ну, Тиран, но я зову тебя Хантер. Я говорю тебе стань лучшей версией Хантера, чувак... — их взгляды сцепились. — У тебя есть второй шанс, — Леон указал темным морщинистым пальцем ему в лицо. — Не трать его на какую-то ерунду. Обменяй это дерьмо на новую жизнь, делай ноги и не оглядывайся. У тебя нет оправдания.

— Тут такое дело, Леон, — Хантер бросил карту. — Ты меня не знаешь. Ты знаешь только то, что я тебе показываю, то, что позволяю тебе видеть.

— Молодая кровь, ты держишь свои карты близко, но я вижу руку, которой ты играешь. Ты думаешь, что что-то скрываешь, и для большинства так и есть, но я живу с тобой все эти годы, и поверь мне, твоя борьба заметна, когда ты думаешь, что все спят или никто на тебя не смотрит. Я наблюдаю за тобой во время еды. Ты изолируешь себя, сидя в одиночестве. Ты смотришь вокруг, наблюдая за людьми. Люди не знают, что с тобой делать. Половина из них боится узнать — у тебя репутация, и она нехорошая. Ты пугаешь людей... Такой большой парень, как ты, ни хера не делает, не использует свои навыки запугивания, чтобы получить то, что ты хочешь от кого-то здесь. За решеткой человек человеку волк. Большинство из этих парней хотели бы быть тобой, выглядеть как ты, думать как ты, двигаться как ты. Читая твои книги по ночам, они видят тебя. Бог знает, что ты пишешь в этих письмах своим бабушке и дедушке. У тебя есть свои проблемы, но, если ты решишь их, тебе больше не придется возвращаться сюда. Ты не пристрастился к героину, как я, или крэку, ничего подобного. Ты пристрастился к боли.

Хантер никогда не слышал ничего подобного раньше.

— Пристрастился к боли? Это что-то новенькое.

— Да. Тебе нравится чувствовать это, потому что ты привык к этому. Боль для тебя ощущается как любовь. Ты нападаешь на других, но ты избирательно относишься к тому, кто принимает удар. Тебе нравятся обиженные люди, — Хантер ухмыльнулся, но промолчал. — Ты говоришь, что я тебя не знаю, но я знаю. Поверь мне, знаю.

— Ты видишь меня снаружи и делаешь предположения, как все, Леон. Я говорил с тобой несколько лет, но позвольте мне сказать тебе еще кое-что. Я отличаюсь от всех, кого

встречаю. Это намеренно. Твой ход, — он бросил карту.

— Мальчик, я пытаюсь сказать тебе кое-что, но ты слишком упрям, чтобы слушать. Смотри, это все фигня. Да, люди боятся тебя из-за того, как ты выглядишь. Ты пугающий. Ты очень высокий, большой и мускулистый. Ты не улыбаешься... твои глаза тоже мертвы, как будто ты видел слишком много в своей жизни, чтобы когда-либо быть в порядке.

— Я многое повидал, — Хантер бросил другую карту.

Старик схватил карту и бросил ее.

— Ты никому не доверяешь, Хантер?

— Почему я должен это делать? — они оба остановились и посмотрели друг на друга.

— Существуют степени доверия, Хантер. В конце концов, тебе придется кому-то доверять, так что в этот раз ты можешь сделать это. Никто не может делать все сам. Сейчас у тебя тюремный менталитет и он должен быть перепрограммирован. Тебе нужен сброс, или ты повторишь все, что делал.

— Тюремный менталитет помог мне выжить здесь.

— Возможно, это правда, но драки, в которые ты ввязывался, говорят сами за себя. Ты можешь перестать пытаться доказать всему миру то, что, как ты думаешь, он должен знать. Здесь ты хорошо себя зарекомендовал.

— Здесь они не дают тебе выбора. Этим парням дай палец, а они откусят руку.

Леон кивнул в знак согласия.

— Ты действительно наказал нескольких говнюков здесь, ты не играешь с этим. Дерьмо, ты заставил меня чувствовать себя здесь в безопасности. Я знаю, что, пока твоя большая задница Дольфа Лундгрена здесь, никто мне ничего не сделает! — старик улыбнулся, показывая темные десны и несколько отсутствующих зубов, пока смеялся, заставляя Хантера делать то же самое. — Люди здесь думают, что ты сумасшедший из-за того дерьма, которое совершил. Они говорят, что ты садист.

— А что думаешь ты?

— Я не знаю, — Леон пожал плечами. — Но что я знаю, так это то, что никогда не видел тебя с другой стороны, но знаю, что она есть.

Что было сказать на это? Нет необходимости оспаривать правду.

— Ты здесь не потому, что ты не бойскаут. Но тебе лучше быть начеку, когда ты вернешься в свободный мир, Хантер.

— Я должен оглядываться через плечо? Нет, никогда не буду так жить. Борись до конца, понимаешь? Живи с мечом, умри от меча. Я никогда не смогу жить в страхе.

— Ты не можешь жить в страхе, потому что ты и есть страх. Ты слишком боишься заглянуть глубоко в себя и узнать, что заставляет тебя так поступать и думать. Все чего-то боятся, Хантер. Ты боишься самого себя... Внутри ты бомба замедленного действия, затишье перед бурей.

Бабушка называла его «чертова бомба замедленного действия». Когда она говорила это, он игнорировал ее. Теперь эти старые слова в его голове воспринимались по-другому.

— Я могу сравнить тебя с тихим штормом, торнадо за день до того, как наступит полный пиздец. Твое прозвище должно звучать как «Тихий шторм», — они улыбнулись друг другу. — Полагаю, Тиран тоже подходит. Судя по тому, что я слышал о тебе за все эти годы, я понимаю, почему ты взял его. Я не знаю историю этого псевдонима. У всех нас есть прозвища, некоторые ироничны, как прозвище маленького чувака «Гигант», некоторые на сто процентов верны.

— Тиран, Леон, по определению жестокий и деспотичный лидер. Я прочитал это в словаре много лет назад.

— Поэтому твоя татуировка на спине такая охренительно большая? — улыбнулся Леон, кладя другую карту.

— Нет... Кто-то, с кем я вырос, прозвал меня так, когда мне было лет двенадцать или тринадцать, и это прижилось. Его звали Джо, и все его боялись. По какой-то причине я ему понравился. После того, как он начал называть меня так, все сделали то же самое. Потому что, как они сказали, я сделал то, что хотел сделать, не заботясь об общественном мнении. Но люди будут следовать за мной, копировать меня, пытаться быть мной — как ты сказал ранее. Но я всегда держал большинство людей на расстоянии вытянутой руки. Парни попытаются подобраться к тебе, чтобы тебя уничтожить, — он сдал другую карту. — Ты никому здесь не можешь доверять, Леон. Самые близкие друзья украдут у тебя, попытаются трахнуть твою женщину и сожгут твой дом...

— Ты веришь тому, что люди говорят о тебе? Ты можешь отделить человека от мифа?

— Хм, это интересный вопрос. Когда я злюсь, я иногда бываю вспыльчивым. Когда я становлюсь вспыльчивым, я могу быть жестоким. Я не просто стреляю в кого-то. Я иду и засовываю свой палец в кровавую дыру, где пуля вошла в их тело. Жму на нее, делаю боль в десять раз хуже. Если я устал от твоей задницы, я иногда продляю мучения, чтобы ты мог почувствовать это дерьмо, чтобы ты мог вернуться с края смерти и умирать снова и снова, — двое мужчин смотрели друг на друга, и казалось, что между ними сложилось взаимопонимание. — Обычно я не обсуждаю такие вещи, но, поскольку я ухожу, и ты спросил, поехали. Итак, насколько я верю в прозвище и оправдываю его? Полагаю, на основании обвинений, которые мне выдвинули, того, как я себя веду, и этого разговора, ты можешь решить это сам. Уно.

— Я уже сделал выводы на этот счет.

— И?

— Однозначного ответа все еще нет, — Хантер ухмыльнулся мужчине, когда они начали новый раунд, перетасовывая карты. — Твоя проблема в том, что ты не понимаешь, насколько ты важен.

— Я знаю, насколько я важен.

— Хорошо, тогда позвольте мне сказать это по-другому. В тебе есть что-то особенное, Хантер, но ты блокируешь свой дар всей этой потраченной впустую энергией, яростью и ненавистью в сердце. Ты никому не причиняешь вреда, кроме себя самого, выходя на эти улицы и делая то, что ты делаешь, — пожилой мужчина хмыкнул. — Все эти парни, которых ты задушил, на самом деле ты душил самого себя. Все эти парни, которых ты зарезал, ограбил, застрелил, ты все это делал с собой, и все еще делаешь. Никто не может сказать мне, что Бог ненастоящий, несмотря на мои обстоятельства.

— Бог? Забавно. Я все еще пытаюсь выяснить, где, черт возьми, был Бог, когда я... Не бери в голову, — прикусив нижнюю губу, он попытался заглушить свои эмоции.

— Бог был с тобой все время, чувак. Ты был бы мертв, если бы Его не было рядом, — они посмотрели друг на друга. — Он держит тебя живым для чего-то другого. Ты еще не выполнил свою задачу здесь. Никто из нас. Вот почему мы все еще дышим. Я не читаю тебе проповеди, просто пытаюсь поговорить с тобой, потому что это последний раз, когда мы будем так близки, если от меня будет что-то зависеть. Бог сохранил всех здесь живыми, Хантер. Это о чем-то говорит.

— Это ничего не значит. Быть живым, но оставаться в дерьме на самом деле не значит быть живым.

— Мы не должны оставаться в дерьме, чувак! Ты здесь! Я имею в виду, что до сих пор было не твое время. Тебе есть что рассказать. Если верить тебе, то у тебя нет ни женщины, ни детей, ничего.

— Ничего. Мы с моей девушкой расстались после второго года здесь. Нет детей, о которых я знаю... Есть только я. Все как мне нравится, — он бросил карту на стол.

— Ну, хорошо. С чистого листа. Ты можешь иметь все это, если захочешь — семью, работу, счастье — если передумаешь оставаться один и в этот раз поступишь правильно. Как бы ты мне ни нравился, я больше никогда не увижу твою задницу. Ты должен прекратить пытаться убить себя, чувак. Ты пытаешься покончить жизнь самоубийством и даже не знаешь об этом.

— Я не пытаюсь покончить с собой, Леон. Видишь, вот почему я сказал, что ты меня не знаешь. Ты умный человек, я не скажу по-другому, но ты, как и многие другие, видишь в людях то, что хочешь видеть. Я же принимаю всех такими, какие они есть. Большинство людей являются плохими. Что касается самоубийства, я никогда не хотел умирать. Я знаю, что иногда попадал в запутанные ситуации, но...

— Я имел в виду другое. Это наш самый обстоятельный разговор здесь, — мужчина грустно улыбнулся. — Мне это нравится. Ты хороший собеседник. Ты должен больше говорить.

— Нет. Чем больше ты говоришь, тем больше вещей люди могут использовать против тебя.

— Видишь, именно это я и имею в виду. Хантер, есть время и место для осмотрительности, но это не тот случай. Хватит страдать так глубоко внутри, — старик положил руки на живот, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. — Вкручивай этот нож все глубже и глубже в свою душу, пока ты не сможешь его вытащить. Ты молишься, чтобы истечь кровью. По большей части, этот тип психической и эмоциональной боли будет тебе мешать. Для тебя... Как тебе кажется, ты не знаешь ничего другого. Ты путаешь агонию с хорошим самочувствием, потому что это все, что ты знаешь. Для тебя это нормально. Ты никогда не говорил со мной о таких вещах, но я знаю, что что-то тебя затронуло. Что-то разорвало тебя на куски. Когда кто-то недоверчив, как ты, и делает вещи, которые делаешь ты, не моргнув глазом, это говорит о том, что ты пытаешься заполнить пустоту. Ты не знаешь, что такое настоящая любовь, Хантер. Завтра, когда ты пойдешь домой, вытащи свою задницу из него и сделай все возможное, чтобы узнать...

Леон выиграл игру, и они сыграли еще пару раз, пока пожилой человек не заснул и не начал храпел. На следующее утро Хантер все еще не спал, его адреналин хлынул. Наконец, когда он наклонился вперед на своей койке, сжимая книгу, которую дал ему Леон, «Время с Богом» Билла Дайера, подошел охранник (Прим.: полное название книги «Время с Богом истории исцеления и надежды в наших тюрьмах»). Автора ограбили и подстрелили возле банкомата. «Время с Богом» — одна из лучших книг о восстановительном правосудии). Наклонив голову, высокий темнокожий мужчина улыбнулся.

— Сегодня твой счастливый день, Вульф, — Хантер положил книгу рядом с собой и встал. Леон сделал то же самое, неуклюже, поскольку был спросонья, и широко сонно улыбнулся, как будто его тоже выпускали. Они дали друг другу краба и обнялись.

— Не облажайся, парень, иначе в конечном итоге вернешься сюда, — предупредил

Леон, его маленькие черные глаза были обрамлены гусиными лапками морщин и десятилетиями мучений.

— Попытаюсь не допустить этого.

— Не пытайся, а просто сделай.

— Можешь взять мои вещи, Леон. Я беру одежду, наушники и MP3-плеер. Еда, книги — все это твое.

— Серьезно? — Леон растянул губы в беззубой улыбке.

— Да. Забирай. Суп, лапша, крекеры, печенье, чистая тетрадь, чипсы, зубная паста и пакет с ручками — все это твое. Со мной все будет нормально. Тебе это нужно больше, чем мне.

— Спасибо, чувак, всего хорошего. Я действительно ценю это.

Он знал, что у Леона было не так много запасов, но они всегда делились друг с другом. Леон был одним из немногих наркоманов в тюрьме, которые держались без покупки дозы. Он содержал свою часть их камеры в чистоте, не употреблял презренного дерьма, и у него было отличное чувство юмора, несмотря на его обстоятельства. Леон был довольно замкнутым после того, как его приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы за участие в вооруженном ограблении и убийстве второй степени двух банковских служащих. У него была плохая героиновая зависимость, когда он совершал большинство своих преступлений. Его послужной список не был таким длинным, как у Хантера, но его преступления считались более жестокими. Ему нравилось нападать на правительственные учреждения, сражаться с полицией в длительных противостояниях, угрожать чиновникам. Однозначная игра с огнем, особенно если ты черный.

Дверь камеры открылась, и Хантер вышел. Он еще раз помахал Леону, и уже через несколько минут забирал вещи, отобранные у него много лет назад, когда его впервые арестовали по обвинению в хранении оружия. Он посмотрел в сумку, наполненную вещами, которые почти забыл.

Пара джинсов, черное пальто и рубашка с длинными рукавами, белые носки, бордовые трусы-боксеры, рабочие ботинки, ремень-цепь, серебряное кольцо с черепом, 372 доллара и 16 центов наличными, полпачки сигарет, дешевая желтая зажигалка, которая больше не работала, идентификационная карта с истекшим сроком и водительские права. Пока Хантер ждал свою машину охранник стоял рядом с ним. На этот раз за ним не приедут его бабушка и дедушка как они это обычно делали. И каждый раз их энтузиазм по поводу его возвращения уменьшался. Он не мог сказать, что винил их, поэтому он не позвонил им вообще. Его сводный брат Джастин, который был на три года младше, должен был подъехать с минуты на минуту. Эти двое никогда не были близки до прошлого года, но какой смысл ненавидеть друг друга? Никто из них не просил быть там, где они были. Их матери сделали выбор, они были побочным продуктом. Конец истории.

— Итак, что ты собираешься делать, пока мы не увидим тебя снова, Хантер? — охранник ухмыльнулся, покачиваясь на пятках.

— Просто займусь кое какими делами, — он поднял глаза на небо и был почти ослеплен. Видеть солнце снаружи, без стен или преград, блокирующих его, казалось нереальным. Это освобождение ощущалось по-другому. Он не мог указать на это пальцем, но он просто чувствовал. Прищурившись от яркого красивого вида, он боролся с улыбкой.

— Ты вернешься. Такие парни как ты всегда возвращаются. Либо так, либо они оказываются в мешке для трупов.

Он просто смотрел на небо. Интересно, действительно ли там Рай? Вероятно, нет.

Вскоре подъехал Джастин на старом голубом «кадиллаке», из динамиков которого вырывалась песня «I'm a Gee» Дейтона Фэмили. Автомобиль принадлежал его другу, и он одолжил его, чтобы стильно подобрать Хантера. Молодой человек был одет в белоснежную футболку, его темно-каштановые волосы были пострижены в технике фэйд, как у чёрного парня, с уголка его рта свисала сигарета. Расплывшись в улыбке, он потянулся вперед и охранник, закатив глаза, пожал ему руку.

— Береги себя, чувак. Удачи. — Хантер поблагодарил его, и он ушел.

Открыв пассажирскую дверь, Хантер забросил в машину свою маленькую сумку, сел и пристегнул ремень безопасности.

— Здорово, чувак? Братан вернулся!!! — Джастин рассмеялся, словно это было что-то охренительно смешное. Словно он невероятно наслаждался этим. — Что нового? Чем будешь сегодня заниматься?

Гребаный мудака... Но он моя кровь, и, по крайней мере, он приехал сюда, чтобы забрать мою задницу...

— Я только что вышел из тюрьмы, тупой придурок, — пробормотал Хантер. — Что ты имеешь в виду, спрашивая, что нового и чем я буду сегодня заниматься? Надеюсь, что эти люди не изменили свое решение и не вернут меня обратно, вот что. Поехали, — Хантер почесал подбородок, оглядываясь по сторонам, и его сердце ускорило свой ритм, когда он, наконец, увидел дороги, людей, рестораны, женщин. В воздухе пахло барбекю, гамбургерами и бензином. Джастин потянулся между ног в смятый коричневый бумажный пакет с напитками и вручил ему охлажденную бутылку воды. Хантер почувствовал облегчение, что это была не бутылка пива. Противозаконно или нет, он не был уверен, что сможет отказаться.

— Хантер, у меня есть все необходимое дерьмо в квартире. Чувак, на ближайшие несколько месяцев, пока не встанешь на ноги, ты живешь у меня, — он выбросил сигарету в окно.

— Круто. Спасибо, — Хантер смотрел в окно, откинувшись на пассажирском сиденье, и задавался вопросом, о чем думают все эти незнакомцы.

— Моя девушка пошла и купила немного пива, слабоалкоголки, набрала всего, чувак. Она сделала тако, энчиладас, спагетти, все дерьмо. Ты знаешь, Миранда — пуэрториканка и итальянка, она замутила гребаный шведский стол! — Джастин снова хихикнул, взволнованно покачиваясь взад-вперед, и ведя себя как чертов идиот. Хантер бросил на него взгляд. Они с парнем были не очень похожи друг на друга. Джастин напоминал ему Джона Б., R&B-певца (Прим.: Jon B, Джонатан Дэвид Бак — американский певец, автор песен и продюсер). Он всегда косил под «черного», хотя Хантер не был уверен, что быть «черным» могут только афроамериканцы.

Сам он слушал в основном рэп, но эти люди имели свои культурные особенности. Однако его брат был известен тем, что использовал их жаргон, носил широкие провисшие штаны и ботинки-тимберленды. Всегда. Они не росли среди чернокожих. Фактически, там, где они выросли, к западу от залива Сагино, было несколько хорошо известных сторонников расизма. Хантера никогда не беспокоило, что Джастин вел себя так. Люди могли действовать так, как им хочется. Тем не менее, это было забавно.

— Я сказал ей пригласить своих подруг. Я курьер по доставке киск, — его брат бросил на него взгляд и подмигнул. — Они придут быстро или это будет бесплатно. Многие из ее

одиноких подруг — шлюхи, чувак. Выбирай. Горячие, чувак.

Обычно шлюхи держатся друг за друга...

— Спасибо, Джастин. Мне просто нужно место, где можно ненадолго пересидеть, пока я улажу кое-какие дела. Я не задержусь у тебя надолго.

— Мы семья! А это то, что делает семья. О! Я подзатупил, чувак, придет несколько друзей. Мы оторвемся на всю катушку, чувак!

Заиграла «Real With This» Дейтона Фэмили. Хантер сделал громкость на максимум. Раньше это была его любимая группа. Банда была из Флинта, штат Мичиган.

Кивая головой в такт и расплываясь в улыбке, Джастин предложил ему косяк.

— Нет, я в порядке, чувак. — Джастин закурил сам, когда они ехали по улице под громкую музыку, заставившую его на мгновение снова почувствовать себя ребенком.

Они начали читать рэп вместе.

— ... Я по яйца в его мамаше! Реально с этим! Реально с этим! Всегда реально с этим!

Они смеялись, хлопали, пили и мчались по улице.

— Я не слышал этого годами, чувак! — Хантер рассмеялся, чувствуя себя отлично. — Ты знаешь, что мне нравится. Эй, у тебя есть сигарета? — его брат кивнул и указал на бардачок. Открыв его, Хантер увидел внутри пачку Данхилс и зеленую зажигалку. За несколько секунд он зажег эту штуку. Он не курил больше четырех лет.

Чувство спокойствия не будет длиться долго, но он будет наслаждаться им, пока оно у него есть. Хорошая музыка, место, где можно хотя бы ненадолго преклонить голову, его брат готов был немного помочь ему. Новое начало.

Я не собирался доставлять Рейнольдсу удовольствие, но он был прав. Какого черта я собираюсь делать? Я не могу вернуться в тюрьму! Я могу никогда оттуда не вернуться — слишком много обвинений. Я уже испытал удачу. Где мне взять немного денег? Кто, черт возьми, возьмет меня на работу? Я, конечно, хорош в некоторых вещах. Я могу играть на гитаре... У меня есть опыт каменщика... Я хороший боец, и у меня есть немного опыта в боксе... Я хороший игрок в пул... Стрельба из лука. Я действительно только что думал о стрельбе из лука?

Если я не получу работу Купидона на День святого Валентина, эта хрень не пригодится. Давай дальше. Я могу чинить всякое дерьмо, в том числе старые машины. Я действительно хорош в этом. Я знаю, как собирать шкафы, настраивать телевизоры и прочее дерьмо. Но мне нужна настоящая работа. Зачем мне ходить на учебу? Понятия не имею... То, в чем я действительно хорош, незаконно. Это полный пиздец. Система так устроена специально, но я должен попытаться найти выход из этого цикла. Где-то есть маленькая лазейка, и мне нужно ее найти. Леон сказал, что каждому нужен кто-то иначе он возвращается в тюрьму. Но у меня никого нет. Возвращение в тюрьму не вариант. Я сойду с ума там...

Ной не отвечал на мои звонки. Если бы он снова сел, я бы уже знал. Мои бабушка и дедушка уже старые и уставшие, моя бывшая девушка все еще злится на меня, и мне тоже на нее насрать. Я слышал, что моя девушка до нее, Марисса, сейчас замужем. Не могу ей позвонить, если это правда. Определенно не позвоню Джоди, хотя она хочет, чтобы я к ней вернулся... Она писала мне с тех пор, как стало известно, что меня освобождают, но я не могу доверять ее заднице. Она сказала мне, что тот ребенок мой, а анализ ДНК подтвердил, что его отцом был кто-то другой. Я знал это все время — малыш не был похож на меня, плюс время не совпадало. У меня нет желания видеть ее после того фокуса, который она пыталась проверить.

Сейчас я здесь, но я должен разобраться с этим дерьмом. У меня есть немного денег, но этого надолго не хватит. Я не могу жить с Джастином, его детьми и его девушкой вечно, да и не хочу. Я хочу свое собственное дерьмо. Мне нужна квартира, машина, еда... деньги на счету. Скоро зима, будет трудно обойтись без колес. Блядь. Бабушка сказала, что хочет, чтобы я ей позвонил... НЕТ. Я не буду обращаться к ним за помощью — они и так сделали достаточно. Я уже прошел через многое...

Сложно избавиться от старых привычек.

Все, что знал Хантер, это жизнь, полную насилия и преступности. Он входил и выходил из системы с четырнадцатилетнего возраста, и когда получил свой первый настоящий срок в восемнадцать, то застрял в ней.

Шестнадцать лет этого дерьма. Я был больше за решеткой, чем на свободе. Свобода. Черт... Нужно чем-то жертвовать.

Мысли о тюрьме кружились в его голове. Как ужасно и кошмарно было это место, но не все в этих стенах было так плохо. Единственным проблеском света был его сосед по камере...

Леон оставил ему пищу для размышлений накануне его освобождения, сказал несколько слов, которые он не мог забыть.

Пристрастился к боли? Это какая-то хрень... Я?

Он отбросил эту мысль и сосредоточился на еде, которую он скоро будет есть, музыке, громко играющей в машине, и ароматном воздухе, врывавшимся из потрескавшегося окна.

Я должен разобраться с этим дерьмом, но я не могу следовать чьему-то плану. Я должен сделать это ПО-СВОЕМУ...

Друзья До Конца

— Тииниша! Где ты? — Нита недовольно хмыкнула, толкнув бедром, открывая, заднюю дверь на кухню. — Я уже говорила тебе насчет этой музыки! — заперев дверь, она пошла вперед, уставшая и счастливая, наконец, оказаться дома. — Ты сделала домашнюю работу? — крикнула она, не ожидая ответа. Какая-то рэпперка громко в стерео формате подпевала: «Я реальная стерва, ниггер, мне до пи*ды». Нита покачала головой, ей уже надоело.

Послушайте только это дерьмо. Дети слушают просто тупую музыку. Слова песни ужасно глупые!

Положив свою огромную серую кожаную сумочку и два пакета с продуктами на кухонную стойку, она взяла почту, которую ее шестнадцатилетняя дочь принесла после возвращения домой из школы. Нита начала просматривать ее, боясь столкнуться с просроченным счетом. Она старалась быть в курсе всего, но время от времени денег не хватало.

— Реклама... счет... счет... купоны... — бросив почту на стол, она сняла свое длинное светло-серое пальто и набросила его на спинку одного из четырех маленьких желтых кухонных стульев. — Тиша!

Никакого ответа.

Клянусь, если бы я сказала ей, что у меня есть билеты на Карди Б. или Меган Ти Стейлион, она бы сбежала ко мне по лестнице прежде, чем я смогла бы закончить предложение!

Нита открыла пакеты с продуктами и вытащила галлон молока, масло, пакет с апельсинами и яблоками. Затем она отнесла в кладовую две коробки с хлопьями, спагетти, соус маринара и упаковку печенья с клубничной начинкой. Пока она это делала, на кухню ворвалась ее дочь, жуящая острые кранчи «Читос», покачиваясь своим худым телом взад и вперед в такт музыки. Длинные темно-коричневые косички девушки с вплетенными в них розовыми и голубыми нитями танцевали вокруг ее лица, пока она кружилась, словно танцовщица из передачи «Soul Train» (Прим.: американская музыкальная телепередача, выходившая в эфир с 1971 по 2006 года. В программе в основном выступали исполнители музыки в жанре ритм-н-блюз, соул и хип-хоп. Реже выступали артисты жанров фанк, джаз, диско и госпел).

— Привет, мама! Как давно ты дома? — спросила она, прожевав. Нита, соорудив гримаску, подключила свой мобильный телефон к зарядному устройству.

— Что? — спросила Тиша с улыбкой.

— Дамочка, я звонила в дверь больше десяти минут. Выключи это дерьмо! Если бы я хотела услышать, как какая-то маленькая девочка притворяется взрослой, говоря о фальшивых друзьях, ненавистниках, долларах, бриллиантах и мужчинах, которых она приобрела, я бы посмотрела сериал! — Тиша, цокнув языком, вышла из кухни, выключила музыку, звучащую в гостиной, и, вернувшись, оперлась на дверную раму, продолжая жевать соленые сырные кранчи.

— Ты закончила домашнюю работу?

— Почти. Через несколько дней у меня будет анализ книги, поэтому я начала с этого.

— Где Олив?

— Она наверху, читает. Что на ужин? О, мама, мы можем заказать ужин из «Тако Белл»? (Прим.: Taco Bell — международная сеть ресторанов быстрого питания адаптированной кухни текс-мекс. Принадлежит компании «Yum! Brands»).

— Тиша, я уже говорила, что не буду постоянно покупать этот мусор. Запомни мои слова: если ты будешь есть это дерьмо, то будешь как воздушный шар. Сейчас ты худая, но это только благодаря обмену веществ, который замедлится, как только ты достигнешь тридцати, — поддразнила она.

— «Тако Белл» не мусор!

Нита закатила глаза.

— Я могу приготовить домашнюю еду дешевле, и она будет намного полезнее. Вам с Олив понравится. Для тебя есть немного макарон и...

— Но, мама, «Тако Белл» не вреден! В нем есть все четыре группы продуктов. Смотри: сыр — молочный продукт, — Тиша начала загибать длинные пальцы. — Макароны — хлеб, говядина — мясо, а салат латук и помидор — овощи и фрукты! Это универсальный продовольственный магазин!

Нита рассмеялась и шутливо замахнулась на девушку рулоном бумажных полотенец. Тиша широко улыбнулась, но продолжила упрашивать.

— Пожаааалуйста, мама! — сложив руки, словно в молитве, она подпрыгивала. — Мама, я не буду просить пиццу и гамбургеры целую неделю, если ты разрешишь нам сегодня вечером «Тако Белл».

— Целую неделю? Я верю в это так же, что, как и в то, что президент заботится о чернокожих. А теперь относительно той части, где ты просишь ключи от моей машины и едешь туда с включенным на всю катушку радио, словно ты устраиваешь уличную вечеринку, и тебя зовут DJ Тиша-Вертушка!

— Ну, я знаю...

— Ну, ничего, — Нита направила свой указательный палец в сторону дочери. — Я отпущу тебя в «Тако Белл», Тиша, в том случае, если ты не будешь связываться с этим радио. Слишком много раз после тебя я садилась в машину, заводила ее и мои барабанные перепонки практически кровоточили. На самом деле, даже не включай его. Веди себя так, словно его не существует. Держись подальше от телефона, следи за дорогой и привези мне сдачу всю до копейки. Больше нигде не останавливайся, никакого лихачества, не выпендривайся перед мальчиками — ничего из того, что тебе нравится делать.

— Хорошо, мама, — фыркнув, Нита потянулась к сумочке и вытащила двадцатидолларовую купюру.

— Что тебе оттуда привезти? — спросила Тиша.

— Один нежный куриный тако и одну маленькую порцию гарнира из картофеля под сыром, ну, ты понимаешь, о чем я говорю... А я приготовлю немного супа к нему.

— Круто. Я спрошу Олив, хочет ли она поехать со мной, — Нита кивнула, наблюдая, как ее дочь, засунув деньги в передний джинсовый карман, взбегаёт по ступенькам. Вытирая кухонную стойку, она, стараясь расслабиться после долгого рабочего дня. Затем потянулась к радио, и улыбнулась, когда полились звуки мягкого джаза песни «No Rhyme No Reason» Джорджа Дюка.

О, я обожаю эту песню. Это был чертовски длинный день... Боже...

Как помощник по административным вопросам в компании U-Haul (Прим.: U-Haul — американская компания, предоставляющая услуги в области мувинга и аренды грузовиков, прицепов, складов для хранения вещей), который также оказывал помощь в обслуживании клиентов, она иногда действительно уставала. Например, когда люди звонили, чтобы пожаловаться, или когда руководство действовало ей на нервы. Мне мало платят за этот бардак. Я не могу послать их всех подальше, но мне точно нравится об этом думать!

— Олив остается дома. Я скоро вернусь.

— Хорошо, — Нита передала дочери ключи от машины и когда Тиша уже протянула руку к ручке задней двери, она дернула дочь за бледно-розовую атласную куртку Adidas и притянула ее ближе к себе. — Детка, она уже говорила с кем-то из родителей?

Тиша, на мгновение опустив голову, покачала ею.

— Нет. Я думаю, что ее отец снова попал в больницу. Так сказала ее тетя. И ее мама до сих пор не позвонила.

— В больницу? Дела идут все хуже и хуже. Это не похоже на Холли. Я имею в виду, что мы с ней не были лучшими подругами, но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы сказать, что это не в ее характере. Хотела бы я знать раньше. Бедную девочку футболят, как мяч.

— Я знаю. Она не хотела никого беспокоить. В последний раз она жила с бабушкой и дедушкой, но, как ты знаешь, чувствовала себя неловко. Олив многое хранит в себе или притворяется, что ей не страшно, так что, если честно, иногда даже я не знаю, что она на самом деле чувствует, мама, хотя мы с ней очень близки.

— Согласна. Дорогая, она сама может не знать, что на самом деле чувствует. Это может быть очень сложно.

— Спасибо, что разрешила ей остаться, мама. Я рада, что она здесь. По крайней мере, она выглядит счастливой. На данный момент.

Нита вздохнула.

— Мне... чертовски жаль. Она такая милая девушка. Вы, девочки, так долго были подругами. Никогда бы не подумала, что ее мать исчезнет вот так. Ненавижу говорить это, но я все еще в шоке. Холли много лет не пила, даже вино. По крайней мере, так сказала ее мать, — Тиша пожала плечами, и ее лицо потемнело. — Так или иначе, все мое внимание сейчас посвящено Олив. Как она ведет себя в школе? Она проявляет какие-нибудь эмоции?

— У нее бывают хорошие и плохие дни. Иногда она просто уходит в себя.

— Я бы хотела, чтобы она больше со мной говорила, но я знаю, что на это нужно время. Вам обоим скоро исполнится по семнадцать, и она сможет жить самостоятельно, если захочет. Лучше всего ей попасть в комнату общежития колледжа, поскольку ни один из ее родителей не заслуживает доверия. Вам обоим нужно образование, — Тиша поморщилась. — Я серьезно, Тиша. Я знаю, что ты думаешь, что колледж — это пустая трата времени, устаревшее понятие, но не каждый становится миллионером от загрузки видео с макияжем и сплетнями о знаменитостях на YouTube! Ты должна иметь запасной план. Видит Бог, она видела достаточно того, чего не следует делать. С ее отцом, который так долго находится в тюрьме, ей действительно не на кого рассчитывать. Ей нужна система поддержки. Сейчас у нее очень тяжелый период в жизни. Поскольку вы обе еще дети, у этого есть как свои преимущества, так и недостатки. По крайней мере, вы есть друг у друга, — Тиша кивнула в знак согласия. — Хорошо, иди и привези свой ужин.

Девушка обняла мать за шею, притянула к себе и крепко прижала.

— О, девочка... не будь такой сентиментальной, — она хлопнула свою дочь по спине,

смакуя объятия и грустно улыбаясь. В этот момент она вспоминала, каково было обнимать ее как маленького ребенка... Как быстро пролетело время.

— Я так рада, что ты у меня есть, мама. У нее была мама, теперь же нет никого. Один родитель лучше, чем ничего, — улыбка Ниты медленно рассеялась. — Я не могу представить себя на ее месте. Вы с папой в разводе, но вы оба заботитесь обо мне. У нее не было ничего из этого. Она мне как сестра... Мне все равно, что она белая. Я называю ее своей сестрой, потому что нам не нужно выглядеть одинаково, чтобы быть близкими и любить друг друга.

— Ты абсолютно права. Любовь к кому-то и настоящая дружба не имеют ничего общего с этой поверхностной ерундой. Просто еще одна схема, чтобы разделить мир. А сейчас иди, становится поздно. Мне не нравится, когда ты на улице после наступления темноты. Я хочу, чтобы ты поскорее вернулась и смогла закончить домашнее задание, а я — проверить его.

— Хорошо, мама. Я скоро вернусь.

Дверь распахнулась, заставив сетчатую дверцу с силой удариться о раму. Нита закрыла и заперла ее, вытащила iPad из кухонного ящика и села за стол. Сделав глубокий вдох, она открыла свою электронную почту и набрала групповое сообщение:

Привет всем. Просто чтобы вы знали, Олив все еще живет со мной и ЛаТишей. Полиция знает, что она здесь, и я получила необходимые юридические документы, необходимые для того, чтобы оставить ее у нас на некоторое время, так что все улажено. Некоторые из вас недавно спрашивали о ней, поэтому я сообщаю вам последние новости: Олив, как вы знаете, переезжала из дома в дом, но теперь она будет жить со мной и моей дочерью до конца учебного года. Это новая тактика. Она больше не будет перемещена, даже если обнаружится законный опекун — ее мать.

Олив заявила, что не хочет, чтобы ее снова дергали. Она достаточно взрослая, чтобы принять такое решение. Это третий месяц ее пребывания у нас. Она милая и является типичным подростком, но у нее не было никаких проблем, и она помогает, когда есть такая возможность. Иногда она уходит в себя. Полагаю, она испытывает много эмоций, с которыми многим из нас никогда не сталкивались. Молитвы помогают, но и поступки тоже.

Я не получаю никакой финансовой поддержки ни от ее родителей, ни от других членов ее семьи, и это нормально, но если кто-то из вас захочет пожертвовать еду или деньги на ее одежду, туалетные принадлежности, плату за обучение и т. д., я была бы очень признательна. Я мать-одиночка, и у меня есть собственный ребенок, которого нужно кормить. Я понимаю, что заявление о Холли как о пропавшей без вести все еще в силе, но из-за ее прошлого это может плохо закончиться.

Будем молиться, чтобы этого не случилось. Никто не видел ее, и, насколько я понимаю, у нее есть семья и друзья по всему Мичигану, а не только в Детройте и Сагино. По словам ее соседки Холли также может быть в Индиане, Огайо или Кентукки. Отец Олив не часто появлялся в ее жизни, и по последним сведениям он находится в больнице. Не знаю, правда это или нет, и если да, то по какой причине, но мне так сказали.

Я спросила Олив о ее отце, и она заявила, что поддерживала с ним связь, но в последнее время не получала о нем никаких известий. На данный момент это все, что я знаю. Большое спасибо всем за вашу заботу, молитвы и поддержку.

Нита Перси.

Она нажала «отправить» и положила iPad. Сложив руки, она успокоилась, услышав, как Олив смеется в комнате ее дочери. Возможно, она смотрела смешное видео на компьютере или разговаривала со своим парнем, с которым встречалась последние пару недель. Нита

встала, потянулась и, зевнув, решила приготовить себе чашку кофе. Вскоре звук автомобиля, который вела ее дочь, подъезжая к дому, нарушил ход ее мыслей.

Тяжело быть родителем. Это самая тяжелая работа, которая у меня была, и я начала ее в шестнадцать лет. Я была молода и глупа, забеременела, не думая о последствиях, потому что сама была еще ребенком. Я совершала ошибки по пути. Ни один родитель не идеален, но я сделала все, что могла, чтобы обеспечить своего ребенка несмотря на то, что мы с ее отцом были так молоды, когда она родилась. Господь дает направление. Мы просто должны встретиться с Ним на полпути. Я не пытаюсь судить тебя, Холли, но как я могу не судить? Это твой ребенок! Как ты могла бросить ее? Я думаю, что зависимость и депрессия делают все еще хуже для тебя. У меня никогда не было такой проблемы, поэтому было бы несправедливо судить тебя по тому, что никогда не случилось со мной. Я полагаю, легко судить других за грех, который нас не искушает, верно? И все же я не могу представить, что была бы так долго вдалеке от моего ребенка... Холли, как ты могла такое сделать? Я ненавижу, когда так думаю.

Нита, глубоко вздохнув, попыталась встряхнуться, но просто не смогла. Ее разочарование росло и росло.

Я сижу здесь и просто схожу с ума. Мне кажется, что я чувствую себя преданной и растерянной. Ты выглядела так, словно заново начала свою жизнь, вернувшись на верный путь. Кажется, внешность бывает обманчивой. Мы с тобой не теряли головы, Холли. Ты должна была сказать мне, если что-то пошло не так. Надеюсь, что ты все еще жива, потому что, поверь, мне приходило в голову, что тебя может не быть среди живых. Олив сказала, что однажды перед сном ты пожелала ей спокойной ночи, а на следующее утро тебя нигде не нашли. Забудь обо мне и о том, что я о тебе думаю. Что сейчас самое важное, так это твоя дочь. Ты разбила сердце этой девушки. Я молюсь, чтобы все хорошо кончилось, но у меня плохое предчувствие... Она заслуживает лучшего. Намного...

В потрепанной черной «Хонда-Аккорд» грянула «Slatt Season» от Дрего и Бено. Хантер приоткрыл окно, проезжая по скользким улицам Детройта. Все утро шел дождь, и потребовалось около полутора часов, чтобы прибыть из Сагино. Это было рекордное время в час пик. Его друзья и семья были разбросаны по двум городам, как и у многих других, с которыми он сидел. Теперь он вернулся в Детройт. У него были отношения любви и ненависти с этим городом...

В городе было несколько интересных мест, отличные клубы и автомобильные шоу, но он, казалось, всегда сталкивался с проблемами. Во-первых, он был как белая ворона: в нем было 190 сантиметров роста, он был белый, хорошо сложенный, носил толстовки и мешковатые штаны, и, как говорила его бабушка, был не склонен к выражению эмоций. Большая часть Детройта была черной с арабскими районами. Его знакомый Джереми, парень смешанных кровей, пытался вести себя так, будто в нем нет ни капли черного, называл их желтыми ниггерами. Хантер сбил пепел от своей сигареты в окно, но вкус ощущался не совсем правильно. На самом деле, курение не доставляло ему того удовольствия, которое было раньше, и он задумался над тем, чтобы избавиться от привычки навсегда. Достав телефон, он набрал номер Кайли.

— Привет...

— Привет, как дела, Вульф? Ты уже приехал? — ее голос звучал взволнованно, как

будто она плакала.

— Да. Я вышел из дома, как только ты мне позвонила, как я просил. Заимствовал машину моего брата, чтобы добраться сюда... Ноя еще не перевели? Я буду в больнице примерно через... — Хантер посмотрел на часы, — пятнадцать минут.

— Да, уже перевели, — ответила сестра Ноя.

— Хорошо, если он не спит, скажи ему, что я сейчас приеду, — он выпустил дым изо рта.

— Скажу. Увидимся по приезде сюда.

Хантер отключил звонок. Менее чем через двадцать минут он был на стоянке больницы Генри Форда на Вест-Гранд-бульваре. Забрав свой бумажник и телефон, он вошел в главный холл.

— Привет, — склонившись над столом он поприветствовал регистратора, чернокожую женщину с завитыми, седыми волосами, — я хороший друг Ноя Бимера и должен увидеть его сегодня. Он здесь пациент. Можете подсказать мне, как его найти?

Регистратор оглядела его с ног до головы. Он не мог понять, почему. Еще одна женщина, стоявшая рядом, тоже это сделала. Они посмотрели друг на друга особым взглядом, словно знали какую-то известную только им одним шутку. Затем та, что стояла рядом, развернулась, но не раньше, чем он заметил на ее лице широкую улыбку.

Женщина за стойкой начала печатать на своем компьютере, и вскоре он был направлен в отделение интенсивной терапии. Подойдя к двери отделения, он остановился. Хитроумные устройства и аппаратура издавали странные звуки — словно роботы чертовски тяжело дышали вопреки резиновым трубкам и металлу. Белая и светло-голубая внутренняя отделка почти ослепляла, а смесь хлорки и других странных запахов заставили его живот напрячься. Хантер сделал один шаг внутрь палаты, затем другой. На больничной койке с закрытыми глазами лежал Ной.

Темные короткие волосы, небольшая щетина и изможденное лицо. По виду можно было сказать, что Ной стоял на пороге смерти.

Черт... Он выглядит как гребаный скелет.

Ной всегда носил волосы длиннее, как минимум до плеч. Также у него была пышная борода, и он всегда был, что называется, в теле. Он никогда не был худеньким. До нынешнего момента. Теперь он выглядел изможденным, едва похожим на себя. Совершенно другим человеком. Звук смывания воды отвлек его внимание от друга. Из ванной вышла сестра Ноя, Кайли, застегивая на ходу молнию на своих узких джинсах.

— Привет, Хантер, — ее длинные русые волосы были разделены посередине пробором и убраны за уши, в которых красовались маленькие бриллиантовые серьги-гвоздики, выглядевшие, правда, немного больше, чем у нее в носу. Она грустно улыбнулась, сверкая голубыми глазами. — Ты приехал.

Обняв, она прижала его к себе. Хантер напрягся, когда его личное пространство было попрано молодой женщиной. Он посмотрел в сторону, на Ноя, не обняв ее в ответ, не зная, что делать со своими проклятыми конечностями или что сказать. Он не чувствовал себя ласковым, добрым или любящим. Он хотел, чтобы она отошла от него. Сейчас же. Жар ее тела, сладость аромата ее волос, то, как она слишком долго его обнимала, действовало ему на нервы. Это была не ее вина, но он все равно ненавидел ее. Мягким толчком он освободился от ее хватки.

— Иди сюда и присядь, — молодая женщина, казалось, не почувствовала его

отвращения. Взяв Хантера за руку, она подвела его к синему стулу. Это был тот же оттенок синего цвета, что был на его с Ноем тюремных комбинезонах...

— Итак, ты сказала, что не хочешь обсуждать это по телефону. Я проделал весь этот путь сюда, так что... — он пожал плечами, говоря тихим голосом. — Как это произошло с ним? Что случилось?

Плечи Кайли опустились, когда она села на край больничной койки возле своего спящего брата.

— Он долго болел, Хантер. Он сказал, что пару раз говорил в тюрьме, что плохо себя чувствует, но они думали, что он это придумывает, — Хантер опустил взгляд на свои ноги, а затем снова посмотрел ей в глаза. — Он отсидел почти весь свой срок, поэтому, думаю, в тот момент им было все равно, — она пожалала плечами. — У него цирроз и рак печени. Это сделала выпивка, — она опустила взгляд и начала рыдать. — Я до сих пор не могу поверить. После всех этих недель я с трудом могу сказать, что это диагноз. Это...

— Смертный приговор, — сказали они одновременно, глядя друг на друга.

Ненадолго воцарилось молчание. В палате было холодно, словно смерть уже сплела свою ледяную паутину, и на ловушке было написано «Ной». Этот крошечный паук собирался выползти и украсть его друга, утащив его в ночь...

Внезапно Ной начал кашлять. Это началось мягко, а затем стало жестоким, когда он крутился в кровати, морщил лоб и размахивал своими костлявыми руками самым странным образом. Это выглядело так, словно кто-то привязал к нему веревки, растягивая его как марионетку в разные стороны. Кайли тут же подскочила. Схватив стакан воды с торчащей из него соломинкой, она подошла к нему как медсестра. Хантер смотрел, как она вкладывает белую пластиковую соломинку в его сухие потрескавшиеся губы. В промежутке между глубокими вдохами мужчина потянул воду и медленно глотнул. Ной моргнул несколько раз своими светло-кариими глазами, затем осмотрел палату и их взгляды встретились. Глупая ухмылка сморщила лицо убудка, и они улыбнулись друг другу.

— Гребаный Тиран! Ты сделал это, чувак! — Ной сверкнул своими белыми зубами с множеством промежутков. Хантер дразнил его и говорил, что между ними достаточно пробелов, чтобы назвать своих первенцев-близнецов Джин и Деним (Прим.: с англ. сленга Jean — прореха, Denim — дыра). Они выбирали между двумя вариантами, подшучивая друг над другом, все ради развлечения. Кайли присела рядом с братом, а Хантер, поднявшись на ноги, подошел ближе к кровати, чтобы лучше разглядеть павшего солдата. Наклонившись вперед, он положил руку на плечо мужчины. Тот был похож на разбитое стекло внутри воздушного шара — острые костистые фрагменты, обернутые тонкой бумажной кожей.

— Я давно пытаюсь дозвониться до тебя, Ной. Теперь я знаю, почему ты не мог перезвонить, — они смотрели друг другу в глаза без слов некоторое время.

— Возьми стул и сядь ближе ко мне, — сказал Ной. — Кайли, можешь дать нам минутку?

Глаза его сестры расширились, и она села от удивления.

— О, да, — поднявшись с кровати, женщина схватила сумочку и направилась к двери. — Дай мне знать, если тебе что-то понадобится, Хантер, — сказала она и вышла из палаты. На лице Ноя появилась глупая улыбка.

— Прошли годы, а моя сестра все еще влюблена в тебя, чувак. Иисус Христос. Я сказал ей, что ты не в дерьме, но она не слушает, — Хантер пододвинул стул к больничной койке и, смеясь, плюхнулся на него. — Итак, как дела, чувак? У тебя все хорошо?

— Да, все в порядке, — Хантер провел ладонью по своей ноге вперед и назад. Джинсовая ткань нагрелась от его прикосновения, когда нервы взяли над ним верх. Он откинул капюшон, показав свежую стрижку, где пряди сверху были длиннее, чем по бокам.

— Ты хорошо выглядишь, но не в порядке, Тиран... ты врешь. — Ной закрыл глаза и, улыбнувшись, почесал левую щеку. — Что происходит, чувак?

— Не важно. Моя жизнь такая, какая есть. Мой лучший друг здесь умирает, так что, какое бы дерьмо не лежало на моей тарелке, это ни хрена не значит. Это меркнет в сравнении.

— Умираю? Ты всегда говорил правду. Не юлил вокруг да около, — Ной приподнялся и, ссутулив плечи, сел. — Кайли не хочет в это верить. Она все еще думает, что я могу выздороветь. Она знает, что вероятность мала, но все еще надеется, — он цыкнул. — Хантер, это конец, чувак. Это дерьмо не повторится, — Ной поднял вверх руки.

— Если бы у нас была кнопка «Повторить», многое дерьмо не случилось бы. Но, эй, что мы всегда говорим? Нет времени для сожалений.

— Ни секунды... ты прав. Что сделано, то сделано. Позволь мне сказать тебе, что ты должен был увидеть сканы, чувак, — он помахал пальцем. — Хантер, моя печень похожа на гребаную луну. Она выглядит так, словно испещрена угрями и ощущается тяжелой, как кирпич.

— Как остальные члены твоей семьи восприняли эту новость?

— Мама тоже не хочет в это верить, но я верю. Я не знаю, что говорят остальные, потому что не спрашивал, и они не говорили, потому что не притащили сюда свои задницы, — лицо парня потемнело. Было очевидно, что его друг страдает от этого. — Все хорошо, — Ной широко улыбнулся. — Должно быть, потому что я ничего не могу с этим поделать. У меня не так много времени, — Хантер, опустив голову, глубоко вздохнул, а затем выдохнул как можно тише. — Вот он я, умираю в тридцать четыре года, мужик...

— Говорят, хорошие люди умирают молодыми. Ты доказательство того, что это ложь, — они оба рассмеялись, а затем наступила тишина, словно маленькие пальцы скользили по гладкому оконному стеклу. Словно там была крошечная, призрачная рука, преследующая, странная, заметная, но легко игнорируемая, если кто-то этого хотел.

— Я даже не знал, что болен. Я имею в виду, что знал, но я думал, что это был какой-нибудь желудочный вирус или подобное дерьмо. Печень убита в хлам. Я слишком много пил, — он засмеялся, как будто это было смешно.

— Мы все делаем слишком много, верно?

— Да, думаю, ты прав. Так скажи мне, что случилось, Хантер. Мне нужно знать. Это поможет мне отвлечься от собственного дерьма для разнообразия.

Хантер посмотрел в глаза мужчине и увидел часть себя. Возможно, это было то, что ранило его больше всего.

— Я на свободе уже около месяца, — он посмотрел на свои руки, покрытые порезами и старыми синяками, неровные ногти с грязью под ногтем большого пальца от попытки починить велосипед своей маленькой племянницы, оставленный на грязном дворе. — До сих пор не могу найти работу, но это не удивительно.

— Ты участвовал в каких-нибудь боях, чтобы заработать немного денег?

Хантер покачал головой.

— Я не дрался за деньги уже очень давно. Я просто хочу найти что-то более стабильное, понимаешь? Этот заработок слишком ненадежен, но у моего брата в квартире есть

боксерская груша. Я использую ее время от времени, чтобы практиковаться и вернуться в форму.

— О, вы с Джастиним общаетесь? Это хорошо!

— Да, я живу с Джастиним, его девушкой и их детьми... Там очень тесно. Слишком много людей. Я сплю на диване. Пытаюсь помочь, например, присматриваю иногда за детьми, убираю, чиню разное дерьмо. У них много сломанных вещей, понятия не имею, почему Джастин не чинит их. Он знает как.

— Чем он занимается?

Хантер пожал плечами.

— Бл*ть, как обычно. Ной, он снова попадет в тюрьму, но я не могу сказать ему это, потому что сам не являюсь примером для подражания. Однажды, когда я попытался поговорить с ним, он напомнил мне об этом.

— Ну, черт возьми, он не прав. Я смотрю на это так: если кто-то уже был на этом пути, то он знает, что происходит. Если учитель не может тебя научить, то кто тогда может? Мы профессора этого уличного дерьма. Мы оба знаем, как заработать деньги за пятнадцать минут. Мы можем угнать машину быстрее, чем кончить, — Хантер сложил руки, не отвечая... просто слушал. — Мы — главные ублюдки, о которых нужно говорить в школах и везде. На самом деле слишком хороши в этом деле. Мы с тобой, бл*ть, профессиональные преступники! — он улыбнулся. — В своей жизни я никогда не работал в штатном режиме с девяти до пяти и имел за месяц больше денег, чем большинство людей в этой гребаной жизни. Если кто-то может поговорить с кем-то об этом дерьме, то это мы, — Хантер не мог с этим поспорить. Это было правдой. — Подожди, у тебя есть сигарета?

— Ублюдок, я не дам тебе долбаную сигарету: ты болен, мы в больнице, — голос Хантера звучал хрипло.

— Я уже умираю. Что это изменит!? Класс, хрен с ним. Тогда включи музыку. Немного хорошего дерьма. Я не хочу слышать эту сумасшедшую новую рэп-музыку, которая тебе сейчас нравится. Помнится, ты слушал все. Я хочу старое дерьмо, такое как Рахим, «Бисти Бойз» или «Нирвана». Мне надоело слушать эти машины. Это мертвые песни... Выруби их.

Хантер вытащил свой телефон из кармана и выбрал список воспроизведения и включил Метод Мен и Редман «Da Rockwilder». Ной, закрыл глаза, начал качать головой в такт.

— Это то, о чем я говорю. Хорошие воспоминания... хорошо, так, о чем мы говорили?

— Ты говорил о том, как ты быстро делал деньги, и как ты мог бы обучить некоторых людей, потому что ты был там и делал это. Я объяснял тебе, как Джастин катится по наклонной, и что я не могу ничего сделать. Потом ты имел гребаную наглость попросить меня закурить. Догнал теперь?

— Да, все верно... — Ной кашлянул перед тем, как снова заговорить. — Так что лучше скажи брату, что будешь присматривать за ним, пока не стало слишком поздно. Я выходил и принимался за старое. Раз за разом. Это было ошибкой, но я думал только о том, чтобы стричь зеленку, выйдя из тюрьмы. Я настриг, но я не могу взять ее с собой в могилу. Ты скажешь это своему брату. У него есть дети... он будет не единственным, кто страдает от неудачного выбора, — голос мужчины дрогнул. У Ноя тоже был ребенок, дочь, но он никогда не говорил о ней много. Хантер знал, что это не потому, что он не хотел, а потому что это было слишком больно. — Спасибо, что приехал сюда.

— Ты не должен благодарить меня, — тишина простиралась между ними с каждым ударом музыки, танцующая на слогах, которые только формировались в их умах.

— Нам нужно поговорить, чувак. Я не... Я не просил сестру звонить тебе, чтобы ты приехал и смотрел, как я умираю. Я заставил ее сделать это, потому что тогда был слишком взволнован, чтобы говорить тебе по телефону, что я в той форме, в которой я сейчас. Я заставил ее позвонить тебе, Хантер, потому что не доверяю слишком многим людям, но я доверяю твоей заднице почти так же сильно, как самому себе. Давай поговорим... обсудим некоторые дела.

— Ты доверяешь мне? Здорово. Даже я себе не доверяю.

Мужчина попытался рассмеяться над его словами, но зашелся приступом кашля. Прежде чем Хантер успел дать ему воды, он успокоился, отмахнулся и улыбнулся.

— Ну, нищие не выбирают, — поддразнил он. — Смотри... — Ной провел рукой по лицу. — Сейчас я на трех разных обезболивающих, и они достаточно сильны, чтобы поставить лошадь на колени. У меня осталось около месяца или двух, и моя жизнь промелькнет перед моими гребаными глазами. Я облажался, Хантер. Все веселье, которое у меня было, подошло к концу. Херовая часть заключается в том, что мы оба знаем, что, если бы этого не случилось, я все равно был бы на этих улицах, и это в конечном итоге привело бы меня обратно в тюрьму. Я не знаю другого способа жить. Никто не остановил меня, пока это дерьмо не стало привычкой.

— Иногда я был дерьмовым человеком, особенно когда был моложе, для всех, кому было на меня насрать. Я был... Я был эгоистом. Продажа наркотиков, накопление денег, бухло утром, днем и ночью. Я был неудачником всю свою жизнь, но одну вещь я сделал правильно, — он поднял палец в воздух. — Я думал, что семнадцать лет назад совершил ошибку, но теперь я знаю, что она вовсе не была ошибкой. Я говорил тебе, что у меня есть маленькая девочка... ну... — он пожал плечами. — Она уже не такая маленькая. Почти взрослая, — мужчина сделал паузу и сглотнул, словно ему нужно было время. — Я только что узнал, что ее мать пропала.

— Что ты имеешь в виду? Она в тюрьме?

— Нет. По-настоящему пропала. Как молоко из упаковки. Никто не знает, где она.

— И где же твоя дочь? Я полагал, что женщина, с которой она была, получила опеку.

— Да, получила. Я дойду до этого. Так что Олив, моя дочка, швырялась как карты и теперь живет со своей подругой, в доме мамы девочки. Я узнал об этом от друга после того, как Кайли сделала для меня несколько звонков. У Холли тоже были проблемы. Это мама Олив.

— Она была одной из немногих девушек, с которыми я когда-либо был и которую я действительно любил, но это сейчас не важно. В общем, мы с ней познакомились в восьмом классе. Подружились, начали встречаться в старшей школе, стали трахаться и бум! Вскоре после этого она забеременела. Я никогда не воспринимал это всерьез, хотя, ты знаешь, все это отцовство. У меня не было отца. Я даже не знаю, кто он, черт возьми, — он хмуро усмехнулся. — Поэтому я не знал, как быть отцом. Понятия не имел. В конце концов, мы с Холли расстались. Я полагал, что если буду отправлять деньги для своего ребенка, что я делал без участия суда, то этого будет достаточно. Вот как я думал тогда. Я отсутствовал в жизни Олив потому, что меня все время запирали, но, — Ной опустил голову от стыда, — еще одна причина, по которой я не хотел появляться — чтобы она не знала, каким гребаным неудачником является ее отец.

— Ты не неудачник.

Ной взглянул на него и отвел глаза. Сморгнув слезы, он фыркнул.

— Нет, чувак, так и есть. Я подумал, что, если проведу больше времени с ней, она поймет, что я не дерьмо. Нет никаких сомнений в ее уме. Таким образом, это все еще остается тайной. Я мог бы оправдываться тем, что был в заключении. Я бы звонил ей пару раз в месяц, поддерживал связь. Олив важна для меня, чувак, — Ной схватил салфетку с маленького столика рядом с ним и промокнул глаза. — Она очень милая, умная девушка. Не такая, как я... Я имею в виду, что она немного на меня похожа, те же самые губы, такая же форма глаз, даже остроконечные уши как у меня. В общем, вот почему меня не было рядом с ней... не хотел усложнять ей жизнь. Я посылая ей подарки, никогда не пропускал день рождения, когда не сидел в тюрьме, и даже тогда я отправлял ей открытку. Я скучаю по ней, чувак. Это мой ребенок...

— Позвони ей и скажи, чтобы она приехала в больницу, Ной. Это все, что тебе нужно сделать.

— Я не хочу, чтобы она видела меня таким, чувак. Я не хочу, чтобы это было ее последним впечатлением обо мне.

— Ной, а что с ней, мужик? Она, вероятно, хотела бы провести с тобой время. Ее последний раз с тобой.

— Я не могу этого сделать! — он махнул рукой и разочарованно отвернулся. — Я хочу, чтобы она помнила меня здоровым. Сильным. Она считала меня смешным, — он грустно улыбнулся. — В общем, я хочу, чтобы она думала обо мне... не как о слабом и больном. Итак, смотри, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал, хорошо?

— Что именно?

Ной бросил быстрый взгляд на закрытую дверь палаты и снова перевел взгляд на Хантера.

— Я сказал, что доверяю тебе. И доверяю тебе очень сильно, я дам тебе немного денег, которые хочу, чтобы ты передал моему ребенку. Я знаю, что ты один из немногих ублюдков, которые не заберут их себе и не сбегут.

— Это может показаться странным, если приду я, а не член семьи. Твой ребенок не знает меня.

— Меня она тоже не знает, настоящего меня, так в чем проблема? Короче, я храню деньги в абонентском почтовом ящике. Я отложил их для нее и продолжал добавлять с тех пор, как ей исполнилось шесть лет. Я должен был убедиться, что их не перехватят, поэтому я не положил их в банк. Я не хочу, чтобы она была на мели, боролась, продавала свою задницу или что-то в этом роде, чтобы получить деньги!

Гнев послышался в голосе мужчины, когда он потрянул своим костлявым кулаком. Закашлявшись, он вынужден был замолчать. Хантер поднялся на ноги и поднес соломинку к губам мужчины, как это делала Кайли. После того, как Ной сделал глоток, Хантер поставил стакан обратно и вернулся на свое место. Возможно, Холли прибежала к таким вещам, чтобы сводить концы с концами.

Закрыв глаза и открыв рот, Ной откинулся на подушку. Выглядев полностью измученным. Хантер смотрел на мужчину, пытаясь представить его мертвым. Он представил себе похороны, странную органную музыку и душный запах в похоронном бюро — сладкую смерть. Там будет много цветов и кучка фальшивых задниц, которые будут лицемерно оплакивать его, а затем сражаться за то, что он оставил. Хантер был на слишком многих погребениях, чтобы сосчитать. Воспоминания о них смешались в его голове. Пару раз он даже представлял свои собственные похороны. Он не был расстроен этой идеей. Она не

пугала его и не вызывала ночных кошмаров. Для него думать о своей собственной смерти было все равно, что смотреть повтор старого, посредственного комедийного сериала. Возможно, вы смеялись пару раз на каких-то сценах, но забыли обо всем этом утром.

— Я дам тебе кое-какие документы, письмо, адрес почтового отделения, в котором лежат деньги, ключ и данные о женщине, у которой она живет. Они здесь, в Детройте, — Хантер кивнул. — Второе, что я хочу, чтобы ты сделал... Я хочу, чтобы ты убил Дрю Доуэри.

Хантер, напряженно потирая шею, обдумывал слова Ноя. Дрю был мягкозадый гнилым сукиным сыном, который был с ними в тюрьме и занимался кражами со взломом. В какой-то момент он был сокамерником Ноя. Он был родом из Нэшвилла, но перебрался на север, чтобы продолжить свою преступную жизнь, которая привела его в их тюремную систему.

Дрю украл деньги из камеры Ноя и настучал на него. Это привело к тому, что приговор Ноя был продлен из-за новых обвинений, когда он сдал его по делу, о котором полицейские даже не имели понятия, что он его совершил. Ной напал на него, обнаружив, что его деньги исчезли, он пытался выбить дерьмо из этого человека, но это закончилось до того, как зашло слишком далеко. Благодаря Дрю власти узнали о причастности Ноя к другим нераскрытым делам. Этого само по себе было достаточно, чтобы убить ублюдка, но Дрю был полон решимости вызвать хаос в тюрьме. Настолько, что ублюдок даже пытался втянуть Хантера и нескольких других в кучу лжи, рассказывая другим заключенным, что они оба сидели на куче денег, замышляя напасть на определенные фракции и прочее дерьмо вроде этого.

— Итак, ты справишься с этим? — глаза Ноя стали темными и холодными.

— Дрю все еще в тюрьме.

— Как будто это что-то значит.

Ной хмыкнул, цвет его лица с каждой минутой становился все более серым. Хантер пожал плечами и зевнул.

— Думаю, ты прав. Хорошо, я позабочусь о том, чтобы твоя дочь получила деньги. Что касается Дрю, я не могу этого обещать.

— О, ты нашел свою чертову душу? — сказал его друг. — Ты молился и обрел религию? Аминь! — Ной рассмеялся и стал раскачиваться в кровати. Хантер знал, что друг его просто дразнит. Ной часто делал замечания о том, что у него нет никаких чертовых чувств, ни души, ни веры. Это был не первый раз, когда ему говорили такое, и он был уверен, что далеко не последний. Хантер понимал, что производил впечатление хладнокровного человека. Черт, да в большинстве случаев. Но он ничего не мог с этим поделать.

То дерьмо, о котором заботились другие люди, он просто не учитывал в своей жизни. Когда люди плакали после получения плохих новостей, он хотел, чтобы они просто заткнулись и страдали молча. Жизнь была несправедлива. Смирись с этим и двигайся. Он знал, что не обязательно нормально чувствовать такие вещи или вообще не чувствовать. Он злился на тех, кому нужно время и место, чтобы справиться с несчастьем, но он ничего не мог с собой поделать. Плач не возвращает мертвых. Молитвы тоже не помогут... поэтому он молчал.

— Ты теперь католик, да? — его тощий друг снова подколот его.

— Дело не в обретении религии, Ной.

— А в чем тогда? Мы договорились, что достанем его, когда ты выйдешь. Ты вышел. Я здесь, черт возьми, но ты свободен и здоров. Мы собирались сделать это вместе!

— Как мы можем сделать что-нибудь вместе, когда ты здесь? Ты хочешь, чтобы я провел гребаный сеанс после твоей смерти, чтобы ты мог победить его задницу в загробной

жизни? Что за хрень...

— Чувак, не делай этого. Ты знаешь, о чем я говорю, Хантер. Ты уже забыл, через что он нас провел? Это из-за него тебя отправили в карцер, а как насчет той драки, в которую вы с Кертисом вступили из-за него? А до этого вы двое не теряли головы. Затем вас одели в костюм из четырех частей из-за той драки, и после этого они нашли ту заточку в твоей камере и добавили еще больше времени к твоему сроку. Ты сидел по обвинению в хранении оружия, срок отсидки по которому равнялся двум годам! В итоге ты отсидел четыре, и все из-за его задницы! Ты практически оторвал нахрен голову Дрю, когда выбрался из карцера, прижал его к кормушке, и после этого твой срок также увеличился. Мы были его жертвами.

— Дрю разозлил многих людей, Ной. Не только нас.

— Я знаю. В системе правосудия нет справедливости, чувак! Ты должен совершить свою собственную справедливость. Он свел лбами слишком много чуваков, но это было для него сродни спорту. Они перевели этого гнилого сукина сына в Линкольн Парк, прежде чем я смог добраться до него (Примеч.: город в округе Уэйн в штате Мичиган). Гребаный отморозок, чертов тюремный боец, и в тот момент я даже не знал, что я в дерьме! Из-за него я не узнал об этом раньше, и теперь я покойник! Мой диагноз был отсрочен из-за дополнительного года в этой чертовой дыре из-за него! Если бы моя ушатаная в хлам печень была вовремя обследована, я бы не просил моего лучшего друга передать моей дочери ее наследство! ТЕПЕРЬ УЖЕ СЛИШКОМ ПОЗДНО!

Ной был прав. Все это дерьмо было правильным.

— Дрю допрыгался, Ной. Без сомнений. Просто...

— Неважно, ладно, забудь об этом. Даже не произноси этого вслух, — Ной махнул рукой.

— Я не впал в религию, и я не киска. Дрю находится под охраной и...

— Я знаю, что ты не киска, это даже не приходило мне в голову. Слушай, Хантер, я не хочу, чтобы у тебя были какие-то проблемы... Может, это лекарство говорит, — Ной упал на подушку, выглядя подавленным и мрачным. Он на мгновение закрыл глаза и замолчал. — Прежде чем я сделаю последний вздох, я хочу помочь тебе, Хантер, — его голос был тихим, и он начал задыхаться.

— Мне ничего от тебя не нужно.

— Почему нет? Гордость?

— Не хочу быть в долгу перед тобой. Я буду в долгу перед покойником, понимаешь? Я начинаю в это верить, — Хантер сглотнул, отводя взгляд. Хотел бы он этого не говорить. Было бы слишком сложно объяснить, что он имел в виду, и это звучало бы безумно. Может быть, ему нужно было отказаться от книг по философии. Он прочитал их кучу в тюрьме, особенно когда Леон подкидывал их, чтобы помочь ему скоротать время. Эти слова застряли у него в голове.

— Ты ни хрена мне не должен. Если что, это я твой должник. Ты прикрывал мою спину много раз. Это даже не обсуждается, Хантер. Я не собираюсь отступить и торговаться с тобой. Ты возьмешь то, что у меня есть, и это окончательно. Теперь слушай, у меня есть машина на складе. Красный Pontiac-Firebird 1967 года. Я оставляю его тебе. Над ней нужно поработать, но я уверен, что ты можешь ее починить. Это классика. Коллекционеры очень ценят ее. На этом же складе у меня хранится хорошая кожаная мебель, пара больших плазменных телевизоров, ошейники с бриллиантами, которые носили мои питбули, еще какое-то дерьмо. Когда у тебя будет свое собственное жилище, ты заберешь все это.

— Я не могу взять все это, чувак. У тебя есть семья, которая, вероятно, нуждается в этом.

— Семья!? — взревел Ной. Хантер медленно поднял голову и их взгляды встретились. — Моей семье плевать на меня, чувак! Я говорил тебе это. Кайли — единственная, кого это волнует. Ты видишь кто здесь, не так ли? — он указал на дверь. — Но я уже подготовил ее, отложил для нее кое-что. Она знает обо всем этом. Моя мать, бл*ть, отрицает. Слишком переполнена чувством вины, чтобы увидеть, как ее мальчик умирает, а мой гребаный кровный брат, Джошуа, получил пожизненное в Мэриленде. Он никогда не выйдет. Семья... смешно. Моя семья появлялась только тогда, когда им что-то было нужно от меня. Когда у меня были деньги и я летал высоко, я был им нужен. Когда удача покинула меня, можно было услышать сверчков. Никто не приходил навестить мою задницу в тюрьме, кроме Кайли и время от времени моей матери. Итак, нахрен семью. Ты моя семья! Ты, Кайли, мама и Олив... вот и все!

— Хорошо... Я понял.

— Забери это дерьмо, оно твое. На этом складе много вещей: игры, велосипеды, одежда, брендовые новые кроссовки, ликер, немного оружия и прочее дерьмо. На них нет тел, я от них избавился. Оружие, которое ты увидишь, свободно и чисто. Там также есть пули. Что тебе не нужно продай. Итак, это были три вещи, о которых я хотел тебя попросить... Забрать мои деньги из абонентской ячейки, найти мою малышку и отдать ей все. Во-вторых, ты должен убрать сам знаешь кого, но мы решили не делать этого, потому что ты внезапно стал праведным.

— Это не так.

— Ну, как бы там ни было, я буду звать тебя Монашкой, ублюдок, который боится нескольких вооруженных охранников, защищающих подлого мудака, — Хантер покачал головой и ухмыльнулся. — В-третьих, — улыбнулся Ной, — забери свой кусок пирога. Иди на склад и используй дерьмо так, как считаешь нужным. О, еще одна вещь. Когда ты приедешь на мои похороны, надень что-нибудь приличное и сядь рядом с мамой. Как бы ни были испорчены наши отношения, я люблю ее и хочу, чтобы она имела немного поддержки.

— Ты боишься, что кто-то может туда вломиться, начав какое-то дерьмо, и ты хочешь, чтобы я был рядом с ней на случай, если это случится.

Ной посмотрел на него и рассмеялся. Хантер последовал его примеру, а затем поднялся на ноги.

— Видишь, ты хорошо меня знаешь. Можешь видеть меня насквозь... но я имею в виду то, что сказал. Ей понадобится кто-то там, кто-то сильный.

Хантер посмотрел в глаза своего умирающего друга и улыбнулся. Это было все, что он мог сделать, что-то большее было бы похоже на лопату, откапывающую старые скелеты, которые он был не в настроении видеть.

— Ты дерьмово выглядишь, Ной, — мужчина казался очень удивленным его хамскими словами. — И пахнешь ты так же.

— Спасибо. Это много значит для психически больного, помешанного на «Амазоне» сукиного сына, как ты! — они рассмеялись и Хантер, взяв руку мужчины, крепко сжал ее. Его сердце сделало это — не быстрый удар, но скачок и всплеск тупой боли. — Я люблю тебя, Тиран... У меня нет никаких высокопарных мудрых слов и другой лицемерной чуши. Включи что-нибудь из гребаного Мак Миллера. Мы отрывались под него.

Хантер достал телефон и включил «Donald Trump» Мак Миллера. Они наслаждались

музыкой, улыбаясь друг другу... Он ненавидел его за то, что тот лежал там и умирал, плакал и улетал туда, куда он не мог за ним пойти, чтобы...

— Все, что я могу сказать, Хантер, это то, что ты чертовски хороший человек, ублюдок. Мы будем говорить до тех пор, пока я больше не смогу. Когда я умру помни: мне повезло, что я тебя знал. Если ад существует, бездушный ублюдок, я уверен, что увижу тебя там. Мы будем гонять с вылетающим из задниц пламенем на наших белоснежных «Кадиллаках» и сине-черных «Порше», трахать горячих сучек и жить как рок-звезды.

— Так и будет, Ной...

Чувствуя великодушие, Хантер сунул руку в карман и достал сигарету. Подкурив, он сделал пару затяжек и передал ее своему брату по тюрьме. Какой может быть ад без огня?

Детские Игры

Кожаной куртки Хантера было мало, чтобы защитить его от жестокого ветра, обрушивавшегося на него сильными, резкими порывами. В то субботнее утро он собирался надеть бомбер, но тот был слишком тесен в плечах. Хантер стоял возле почтового отделения с жестяным ящиком в одной руке и сигаретой в другой. Выйдя из больницы накануне вечером, он переночевал в машине на стоянке супермаркета «Мейер», решив утром приехать на почту пораньше.

Джастин был зол, потому что Хантер до сих пор не вернул его машину. Мужчина обещал приехать домой днем, но все изменилось. Бросив сигарету на землю, он раздавил ее и вернулся к «хонде». Весь день моросил дождь. Проведя рукой по мокрым волосам, он поставил ящик на пустое пассажирское сиденье. Заведя машину, чтобы прогреть ее, он взял телефон и вбил адрес, по которому проживала дочь Ноя, в свой навигатор.

Ганстон-стрит...

Ной утверждал, что адрес правильный, но на всякий случай дал ему номер телефона бабушки девочки по материнской линии. Хантер включил музыку во время поездки, «Godzilla» Эминема, сделав громкость на максимум. По дороге он пил «Спрайт», который купил на заправке и который теперь был теплым и безвкусным. Смотря на улицы хмурого города, он понял, что даже среди всей этой серости ему было хорошо. Это был дом.

Зазвонил телефон. Хантер закрепил его на автомобильном держателе, выключил музыку и ответил на звонок.

— Как дела?

— Когда ты вернешь мою машину?

— Черт, я же сказал тебе, что сегодня днем.

— Вот дерьмо, ты не говорил. Откуда, черт возьми, я должен знать, что происходит?

— Ты ведешь себя так, будто я здесь развлекаюсь. Какого бы хрена я забыл в Детройте? Думаешь, мне нужны проблемы? У меня их и так достаточно. Послушай, чувак, я думал, что приехал сюда, чтобы навестить больного друга, а Ной умирает, Джастин.

— Что? Ты серьезно? Что, черт возьми, случилось?

— Его печень разбита в хлам. Он хотел, чтобы я позаботился кое о чем для него, поэтому сейчас я пытаюсь это сделать, а затем вернусь обратно. Это не займет много времени, я просто отвезу кое-что. Я скоро вернусь, возьму напрокат машину и закончу это дело, хорошо?

— Да... Прости, брат. Я не знал всех подробностей. Почему ты сразу не сказал мне, когда я только спросил твою задницу, Хантер, почему ты задержался?

— У меня не было времени говорить об этом.

— Как ты? В порядке?

— Да, у меня все хорошо. А что?

— Что? Что?! Ты только что сказал мне, что твой лучший друг умирает.

— Люди умирают все время. Это дерьмо тупо происходит — вот как я на это смотрю. Мы ничего не можем сделать, чтобы остановить это. Жизни насрать на больного друга, члена семьи, да даже, блять, на тебя самого, если ты стоишь в очереди к Мрачному Жнецу. Я

имею в виду, да, это отстой... Мне это не нравится, но так это и происходит: мы рождаемся, живем, умираем. Гребанный конец.

Он пожал плечами. Джастин молчал. Его брат знал о Ное, и, хотя никогда не встречался с ним, он много раз о нем слышал. Джастин был гораздо более эмоциональным человеком, чем Хантер. Пару раз он видел, как этот ублюдок плакал из-за глупейшего дерьма, поэтому он, вероятно, решил, что Хантер должен чувствовать себя разбитым и безутешным. Но он был в порядке. По крайней мере, сейчас.

— Хантер, иногда я беспокоюсь о тебе.

— Я тоже беспокоюсь о тебе. Типа, какого хрена ты перевоплотился в Ванилла АЙСа.

— Ванилла Айс не умер, чтобы в него можно было перевоплотиться, но я серьезно, чувак. Я сейчас говорю не о себе. Произойдет что-то по-настоящему хреновое, и ты будешь как будто... как будто просто... присутствовать. Я имею в виду, что ты будешь присутствовать, но будешь словно заморожен. Случится что-то плохое и ты будешь единственным в комнате, кто не расстроится. Другие члены семьи говорили мне это о тебе, но теперь я увидел это сам.

— Те же члены семьи, которые пытались натравить нас друг на друга из-за папы? Мне насрать, что они обо мне думают.

— Да, люди долго пытались разлучить нас. Это правда. Я люблю тебя и рад, что мы наконец-то поговорили и сблизились, но, Хантер, ты так холодно себя ведешь, словно это обычный день. Теперь я понимаю, почему в свое время ты получил прозвище «Тиран». Боже.

— Холодно? Это реальность. Люди по-разному демонстрируют свой гнев, Джастин, — фыркнул Хантер. — Я могу быть недовольным, обиженным или грустным из-за чего-то и при этом не разваливаться, нахрен, на части. Ты мало проводил времени со мной, так что, я думаю, для тебя это удивительно, но люди знают, что я не эмоциональный человек. Я пережил слишком много дерьма, чтобы меня можно было легко спровоцировать, поэтому не сиди там и не осуждай меня. Все, что ты должен делать, это беспокоиться о себе... О том, что ты вернешься в тюрьму, если будешь продолжать это дерьмо, «Марки Марк и Фанки Банч» (Прим.: «Марки Марк и Фанки Банч» — популярная в начале 1990-х годов американская хип-хоп-группа. Группа просуществовала всего лишь три года, выпустив только два альбома). Давай поговорим о положительных изменениях, — вздохнул мужчина.

— Хорошо, я не буду сейчас с тобой спорить. Просто верни машину, когда сможешь. Увидимся, когда вернешься в город.

— Идет, — Хантер закончил разговор и снова включил музыку.

Пока он ехал по межштатной автомагистрали, мысли в его голове были серыми, как небо над ним. Автоматический женский голос в его навигаторе произнес: «Через полтора километра сверните с трассы 219». Свернув с дороги, он направился к Грейшет-авеню.

Очевидно, эта часть города была не местом для прогулок. На углах домов, многие из которых были полуразрушены, заколочены или снесены до основания, околачивались люди. По мере приближения к месту назначения он заметил несколько домов в хорошем состоянии, в основном, это были небольшие кирпичные одноэтажки. Хантер заметил магазинчик на углу, мерцающие огни которого привлекали внимание вместе с большим знаком «Powerball» (Прим.: «Powerball» — американская лотерея). Он миновал множество церквей, старую школу и маленькую детскую площадку. «Поверните направо на Ганстон-стрит». Повернув направо, он двинулся вверх по улице.

«Вы прибыли в пункт назначения», — раздался голос из навигатора.

Он подъехал к небольшому двухэтажному дому, выкрашенному в коричневый цвет, с выщербленными цементными ступенями. На входной двери была черная железная решетка, а окна, на одном из которых была наклейка сигнализации, были прикрыты кружевными белыми шторами. Въехав на подъездную дорожку, он немного посидел, а затем выключил машину, которая, задребезжав, затихла.

Перед ним на длинной подъездной дорожке была припаркована черная «Тойота Камри». Взяв конверт, жестяную коробку и телефон, Хантер вышел из машины и запер ее. Подойдя к дому, он увидел, что входная дверь была оборудована камерой. Прочистив горло, он позвонил в дверь и стал ждать. Никто не ответил. Хантер заглянул в окно, но шторы были так плотно задернуты, что он ничего не смог увидеть. Тогда он постучал в дверь.

Я знаю, что дома кто-то есть: там горит свет и на подъездной дорожке стоит машина. Может быть, они еще спят?

Глядя на свои ботинки, он ждал и ждал.

Я не хочу оставлять это в почтовом ящике. Что, если внутри наличные? Кто-то может наблюдать за мной из другого дома и видеть, как я ухожу. Наверное, мне придется вернуться в конце недели. Погоди... я вернусь к машине и позвоню бабушке. Возможно, я могу оставить это у нее. Но сначала я спрошу Ноя, можно ли так сделать.

Когда он развернулся, чтобы уйти, раздался женский голос: «Кто там?»

Он быстро повернулся к дверной камере.

— Привет... Я здесь, чтобы увидеть Олив. У меня для нее кое-что есть, — его встретили молчанием, поэтому он продолжил. — Я друг ее отца, Ноя... Он лежит в больнице и попросил меня кое-что ей привезти, — подняв ящик повыше, он продемонстрировал его в камеру.

— Хорошо, подождите минутку.

Он кивнул и огляделся вокруг. Улицу обрамляли зеленые насаждения, но их листва имела чахлый и пожухлый вид, тротуар был покрыт трещинами, а асфальт — выбоинами. На всем вокруг лежала печать нищеты. Он видел это много раз. Когда в Детройте шел дождь или снег, город окутывало темное очарование. Это было место, которое заставляло вас чувствовать возбуждение, опасность и удовольствие одновременно. Возможно, только местные понимали это чувство, и, хотя Хантер родился в Сагино, он также провел много времени в Детройте. Внезапно открылась дверь, вырывая его из размышлений, и в узком дверном проеме, скрепленном дверной цепочкой, возникла одна из самых красивых женщин, которых он когда-либо видел.

На ней была светло-голубая шелковая пижама, а на ногах — розовые пушистые носки. Ее волосы были густыми, черными как смоль и казались длинными. На смуглом лице без макияжа он мог видеть все родинки, пятнышки и несовершенства, а ее кожа имела оттенок очищенного ореха пекан. Она была похожа на Джанет Джексон. Ее глаза обрамляли длинные ресницы и идеально изогнутые брови, губы были полными и естественно розовыми, напоминая ему кукол, а ее высокие скулы создавали впечатление того, что она улыбается, хотя на самом деле это было не так.

— Черт возьми...

— Простите? — Спросила она с недоумением.

— О... ммм, да, Ной просил меня передать это Олив. Меня зовут Хантер Вульф.

— Олив говорит, что не знает вас.

Он заколебался.

— Ну, меня прислал ее отец. Могу я войти?

— Я не открою эту дверь. Вы можете быть кем угодно, — усмехнувшись, он закатил глаза. — Что смешного?

— Ничего. Оставайтесь здесь, — вынув телефон из кармана куртки, он набрал номер Кайли, опасаясь, что Ной не ответит на свой мобильный, что в последнее время случалось довольно часто. После третьего звонка она взяла трубку. Он включил разговор на громкую связь. — Кайли, я пытаюсь отдать твоей племяннице то, что хотел Ной, но эта женщина не дает этого сделать. Леди меня боится и...

— Я вас не боюсь. Я вас не знаю. Олив! — позвала женщина, но от двери не отошла.

— Мэм, — мягко говорит Кайли. — Я тетя Олив, Кайли. Она знает, кто я. Ной хотел, чтобы Хантер передал Олив подарок, так как здоровье моего брата ухудшается. Пожалуйста, позвольте ему отдать ей его.

Чернокожая женщина посмотрела на телефон, снова на него, затем снова на телефон.

— Знает ли Ной, что его дочь технически бездомная? Он знает, что эту бедную девушку бросили?! Забудьте о подарках. Ей нужен постоянный дом, любовь и внимание!

— Мэм, — голос Кайли немного задрожал. — Ему сказали, что Холли недавно пропала, но, поскольку пока мы с вами говорим, он умирает, то ничего не может с этим поделать. Женщина несколько раз моргнула, затем ее хмурый взгляд исчез, и она выпрямилась. Через несколько секунд к входной двери подошел еще один человек. Хантер предположил, что перед ним стоит Олив.

Она действительно похожа на Ноя. Я вижу некоторое сходство: рот, определенно уши, как он говорил...

— Привет, — сказала девушка с милой улыбкой на лице, как будто ее ничего не волновало.

— Привет. Я друг твоего отца, — Хантер выдавил из себя улыбку, надеясь, что та не выглядела слишком искусственной или глупой. — Он хотел, чтобы я кое-что тебе отдал. — Улыбка девушки погасла, и она положила голову на плечо леди, открывшей дверь, словно та понимала чувства девушки.

— Я еще нужна тебе? — спросила Кайли, вмешиваясь в разговор.

— Нет. Спасибо. Я перезвоню тебе позже, — он быстро завершил телефонный разговор и устался на симпатичную чернокожую женщину, имеющей проблемы с доверием. Через несколько секунд та сняла цепь и открыла дверь.

— Я думаю, ты тот, кем себя называешь. Входи...

Я живу здесь, в Детройте, всю свою жизнь. Меня мало что удивляет. Это суровый город, но здесь много хороших людей. Тем не менее, единственное, чего я не ожидала когда-либо увидеть — это высокого белого парня у своей двери в предрассветные часы субботнего утра. Когда я посмотрела в приложение на телефоне после того, как он позвонил, то увидела, что он был чертовски высок и едва помещался в экране. Этот мужик просто огромен!

Не буду врать, я до смерти испугалась, когда открыла дверь, чтобы получше его рассмотреть. На нем не было формы курьера, он был одет в толстовку с капюшоном и кожаную куртку, словно какой-то преступник. Я не могла понять, кем он мог быть. Я знала, как выглядит Ной, поэтому была уверена, что это не он. То, что я являюсь одинокой женщиной с двумя девушками, о которых нужно заботиться, в последнее время делает меня параноиком. Впусти в свой дом не того сукина сына, и ты будешь ограблена и изнасилована. Он не был тем человеком, с которым я могла бы справиться физически, поэтому, спускаясь

по ступенькам, я убедилась, что при мне был пистолет. Я не тот, с кем можно играть. Уверена, что потребовалась бы куча пуль, чтобы вырубить этого громилу... Словно пытаются пристрелить пятерых разъяренных буйволов.

Он очень властный. При встрече с ним ты дрожишь, но делаешь вид, что он несколько тебя не пугает. В таких ситуациях нельзя показывать страх. Его голос низкий и хриплый. У него большие руки, которые выглядят так, будто они пахали землю. Но его глаза... Они потрясающие: ярко-зеленые, такого оттенка я никогда не видела, и сверкают, словно драгоценные камни. У него загорелая кожа, что делает глаза еще более яркими, и у него есть борода и усы, которые не помешало бы немного подстричь. Среди каштановых волос на его лице встречается небольшое количество светлых. Он красив, хотя выглядит грубым и суровым. И страшным. И немного странным...

Нита протянула мужчине, сидевшему на ее диване, чашку горячего кофе.

— Спасибо, — сказал он и, сделав глоток, поставил ее на журнальный столик.

— Пожалуйста, — она села рядом с Олив напротив него, а Тиша выглядывала из кухни, словно робкая мышка.

— Я вспомнила, — сказала Олив с улыбкой. — Папа говорил о тебе, — губы здоровяка скривились в улыбке. — Он говорил, что у него есть очень хороший друг по имени Хантер, но все называют тебя Тираном, — Хантер кивнул. — Вы сидели вместе в тюрьме, верно?

— Да. Собственно, мы познакомились почти тридцать лет назад. Потом мы вместе сидели в колонии для несовершеннолетних. Он переехал в Детройт из Сагино. У меня здесь были семья и друзья, поэтому мы иногда встречались. Потом мы вновь оказались за решеткой вместе и возобновили нашу дружбу, — Олив понимающе кивнула. Мужчина, взглянув на них обеих, протянул через стол руку с конвертом. — Это тебе, — Олив осторожно взяла его.

— Извините, я сейчас вернусь, — встав, Нита быстро прошла на кухню и налила себе еще кофе. Когда она выходила, Тиша тронула ее за плечо, останавливая.

— Мама! — прошептала она, нахмурившись.

— Что?

— Черт, он высокий! И хорошо выглядит, не так ли? Он адски хорош, мама!

— Дамочка, замолчи и не болтай что попало! Говоришь о чертах и аде. Я должна заклеить тебе рот! — развернувшись, она вышла из кухни и вновь присоединилась к сидящим в комнате.

Олив достала из конверта несколько листов бумаги, когда Нита села рядом с девушкой, скрестив ноги. Она пыталась не смотреть на Хантера, но украдкой пару раз взглянула на него краешком глаза. Он смотрел прямо на Олив, слегка нахмурился густые брови. Девушка положила бумаги себе на колени, убрав конверт в сторону, а затем, взяв письмо, оглядела комнату.

— Мне прочитать это вслух?

— Это тебе решать, детка, — Нита погладила ее по колену.

— Ты читал его? — Спросила Олив мужчину, на что тот отрицательно покачал головой. Прочистив горло, Олив начала читать.

Любимая Олив,

Я знаю, что ты удивишься, получив от меня письмо, но в данных обстоятельствах я посчитал это лучшим способом справиться с этой ситуацией. Я не хотел тебе звонить,

потому что, если я услышу твой голос, я сломаюсь. Иногда я не мог позвонить тебе, когда планировал, потому что был болен. Ты должна знать, что я не игнорировал твои звонки. Я был не в себе. Тогда я не знал, что случилось. Теперь я знаю.

Я собираюсь сказать это: у меня рак и цирроз печени. Я плохо выгляжу, мои глаза желтоватые, я сильно похудел в основном из-за отсутствия аппетита и сильной рвоты. С моим телом происходят и другие вещи, но я не буду все это описывать — уверен, что суть ты уловила. Олив, папа умирает. Мне осталось жить недолго, поэтому сейчас я просто пытаюсь чувствовать себя спокойным.

Письмо дрожало в руке бедной девушки и Нита, притянув Олив к себе, поцеловала ее в макушку. Тиша вошла в комнату, подседа к ним, и они все трое крепко обнялись. Олив, смахнув слезы, продолжила читать вслух.

Я не был хорошим отцом. Этому нет оправдания. Ты любила меня несмотря ни на что, а я принимал это как должное. Хороший отец из всех сил старался бы не попадать в тюрьму. Хороший отец научил бы тебя отличать хорошее от плохого, чтобы ты знала, как делать это в жизни. Теперь я узнал, что твоя мать исчезла. Я виню себя в этом. Возможно, если бы я больше поддерживал тебя, то она позвонила бы мне и сообщила, что у нее проблемы или ей нужна помощь. Мы с Холли разговаривали, но эти разговоры всегда были тяжелыми, принцесса. Она очень злилась на меня за то, что я больше не был с тобой рядом, а я говорил ей, что она обвиняет во всем всех, кроме себя. Мы оба были правы. Несмотря на это, я ничего не могу сделать, чтобы исправить свои ошибки прошлого.

Что я могу сделать, так это сказать тебе, как сильно папа тебя любит. Я совершенно ясно помню тот день, когда ты родилась. Ты появилась на свет с темными волосами. Я думал, что ты будешь похожа на меня. Когда ты стала немного старше, твои волосы становились светлее и светлее, пока ты не превратилась в блондинку. Ты стала красавицей, как и твоя мать. Я почувствовал связь с тобой, которая не поддавалась описанию. Это был день в моей жизни, когда, могу сказать, я был искренне счастлив. Я хочу, чтобы ты знала, что без меня ты тоже можешь быть счастлива.

Без мамы иногда будет трудно, но ты справишься. Я сильный человек. Как и твоя мать. Именно поэтому мы совершили ошибки. Возможно, это не имеет для тебя смысла, но нужно много мужества, держа все в себе и не жалуясь, делать все, что в твоих силах. Еще это разрывает твою душу. Мы не созданы для такой борьбы. По моему определению мужчина никогда не должен падать духом и переставать бороться, делая все необходимое, чтобы добыть деньги и выжить. Я не вижу ничего, что бы я делал неправильно. То, что привело меня в тюрьму, было частью моей жизни.

Я бы мог сказать правильные вещи на слушаньях по условно-досрочному освобождению, но в глубине души я чувствовал, что система несправедлива и порочна, так какого черта я должен играть честно? Теперь я вижу, что на самом деле ошибался. Не потому, что меня поймали, и не потому, что я болен. У меня было время в этой больнице, чтобы обо всем подумать.

В тюрьме ты так занят, пытаясь выбраться оттуда, что не можешь по-настоящему успокоиться и расслабиться. Как только ты это сделаешь, кто-нибудь испытает тебя, попытается навредить тебе или подставит тебя, поэтому тебе всегда нужно быть начеку. Когда ты умираешь, то все, что ты можешь сделать, это проанализировать свое

прошлом. Я думал об этом снова и снова. Я думал о том, что должен был сделать по-другому, и даже если я не считал свои преступления неправильными, у меня был ребенок.

Олив отвернулась, сдерживая слезы, и Нита нежно погладила ее по спине. Всхлипнув, та продолжила читать.

У тебя должно быть достаточно мотивации, чтобы остановиться. Я был жаден. Я ошибался. Я не буду просить у тебя прощения... Нет, беру свои слова обратно — я хочу твоего прощения, Олив. Ты никогда не упрекала меня в недостаточном присутствии. В этом отношении ты напоминаешь мне меня, когда я был ребенком. Когда кто-то причинял мне боль, разбивал мне сердце, я просто держал это в себе. Выскажись, Олив. Ты должна, иначе, если будешь носить это в себе, оно станет пожирать тебя заживо, опустошая изнутри.

Что я могу сказать? Я облажался. Я хотел бы видеть, как ты заканчиваешь школу. Я хотел бы вести тебя по проходу церкви, когда ты будешь выходить замуж. Я хотел бы быть дедушкой. Ничего из этого не произойдет, потому что я пьяница. Я топил свои проблемы в алкоголе. Я мог не пить месяцами, а затем снова начинал. Я пытался завязать, но ненадолго. Мы употребляли спиртное даже в тюрьме, так что там я тоже не просыхал.

Алкоголизм убьет тебя. Это у нас семейное. В моей семье и в семье твоей матери, Олив, много алкоголиков, поэтому будь осторожна — говорят, это наследственное. Пожалуйста, не принимай никаких наркотиков. Пожалуйста, не связывайся с парнями, которые совершают ограбления, продают наркотики или совершают другие преступления, как твой отец. Если ты это сделаешь, то закончишь как твои родители. Я должен был быть с тобой каждый день, чтобы научить тебя этому. Говорить об этом в письме — отстой, но это все, что я могу сделать. Я не хочу, чтобы ты меня ненавидела, но если ты это сделаешь, я пойму.

Я передаю тебе это письмо через своего друга. Его зовут Хантер Вульф. Забавное имя, правда? Мы называем его Тираном. Я рассказывал тебе о нем, но, возможно, ты не помнишь. Тиран сделан из того же теста, что и я, Олив, но, несмотря на это, он мой хороший друг. Лучший. Он никогда не наносил мне удар в спину. Он лучше, чем брат. Я доверил ему свою семью. Я доверил ему поступить правильно и отдать моей малышке это письмо и подарок, который у меня есть для тебя. В любой день, когда ты будешь скучать по мне, достань это письмо и прочти его. Напомни себе, как сильно я тебя люблю, хотя никто не показал мне, как любить кого-то правильно. Я самоучка, поэтому так и не понял этой премудрости, но я пытался.

Я никого не виню в своих ошибках, просто говорю, что без хороших примеров для подражания иногда люди сбиваются с пути. Как я. Я мог бы быть кем-то важным. Я был сообразительным в школе, особенно в математике. Но никто не поощрял меня и не говорил, что с такими способностями я могу работать с компьютерами, или с электронными устройствами для автомобилей, или с чем-то, что может приносить законные деньги. Какое-то время я пытался найти настоящую работу, но меня никто не брал, потому что я не имел опыта и у меня был дурной характер. Думаю, когда был моложе, я считал, что мир мне что-то должен. Мир нам не должен ничего, Олив.

Но мы сами в долгу перед миром.

Я люблю тебя, принцесса.

Ной/papa

Олив, опустив голову, зарыдала. Нита вытерла свои слезы, когда ее дочь тоже заплакала. Девушка положила письмо на журнальный столик и скрестила руки, избегая зрительного контакта, пока плакала. Все молчали, даже незнакомец, сидевший напротив с каменным лицом.

— Ты можешь отвезти меня к нему, Хантер? Я хочу увидеть его, пока он не умер. Меня не волнует, как он выглядит, — Олив испытывающе смотрела на мужчину, чье выражение лица не изменилось, но он отвел взгляд и задумался, поглаживая усы.

— Он сказал мне, что не может тебя видеть. Он хочет, чтобы ты помнила его таким, каким он был. Хотел бы я отвезти тебя к нему, но он, вероятно, оставил распоряжение относительно того, чтобы ты не заходила в его палату в больнице.

— Это нечестно! Это неправильно! Я пыталась дозвониться до него, но мои звонки переадресовывались на его голосовую почту. Ты можешь позвонить ему для меня? Пожалуйста! Я имею право поговорить с отцом, прежде чем он умрет. В этом письме он сказал, что был эгоистом. Что ж, это тоже эгоистично! — Нита посмотрела на Хантера. Тому потребовалась целая вечность, чтобы ответить. Тишина была утомительной.

Наконец, он наклонился вперед и, переплетя пальцы, улыбнулся Олив.

— Я согласен с тобой. Это эгоистично, но он хочет защитить тебя. Дело не только в нем, поверь, — Олив фыркнула и отвернулась. — Я все равно спрошу его, хорошо? — она кивнула. — Это тоже тебе, — Хантер снова подался через стол, на этот раз протягивая большую металлическую коробку. Она выглядела простой и старой, словно являлась семейной реликвией. Олив в замешательстве посмотрела на коробку и, положив ее себе на колени, благоговейно провела рукой по верху, словно это была святыня. Возможно, так оно и было.

— Что здесь?

— Не знаю. Это не мое, поэтому я не открывал. Вот ключ, — Хантер, сунув руку в карман куртки, положил ключ на стол и, взяв свой кофе, сделал глоток.

На мгновение он бросил взгляд на Ниту и что-то в том, как он посмотрел на нее, заставило ее затаить дыхание. Было ли это ощущение тревоги из-за его присутствия в доме? Возможно. Олив повернула ключ в замке, и крышка коробки откинулась. Поколебавшись, она достала белый конверт и, открыв его, ахнула.

— О, Боже...

— Что там? — спросила Тиша, вытянув шею.

— Деньги. Много денег! Подожди... Здесь есть сложенная записка, — Олив развернула листок бумаги и стала читать вслух.

Олив, я не только тратил имеющиеся деньги, я кое-что сохранил. Как ты знаешь, я платил алименты твоей матери. Я говорю это не для того, чтобы похвастаться. Это меньшее, что я мог сделать. Я говорю тебе это для того, чтобы ты поняла, что на самом деле я думал о тебе, даже когда ты, возможно, думала, что это не так. Я не богат, но мне не о чем было волноваться, когда дело касалось счетов. Я вложил свои деньги и заставил их расти. Эти деньги для тебя. Следуй инструкциям в этом листке:

1. Положи деньги на банковский счет под своим именем сразу после получения.

2. Отдавай взрослому, у которого ты живешь, 300 долларов в месяц на свои нужды до тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать лет. При желании ты можешь дать больше, но я хочу, чтобы ты предложила хотя бы эту сумму.

3. У меня есть два дома. Один из них я оставляю тебе. До тех пор, пока ты будешь платить налоги, оплачивать свет и воду, тебе не нужно будет брать ипотеку. Отличный вариант для нашего захолустья. При желании позже его можно будет продать. Я приложил адрес, имя и телефон адвоката, который может помочь тебе в этом, когда придет время. Также у меня есть небольшой четырехэтажный дом, но он записан на имя моей матери. Когда тебе исполнится 21 год или она умрет раньше, он будет принадлежать тебе.

Я хочу, чтобы ты смогла чего-то добиться в жизни. Эти деньги могут помочь тебе в этом. Открой свое дело, поступи в институт или получи профессию. Просто убедись, что ты что-то делаешь, и делай это с умом. Холли говорила, что ты хочешь стать актрисой. В таком случае поступай в актерскую школу.

Сделай то, чего не сделал я. Благодаря ТЕБЕ у меня появился второй шанс в жизни.

Олив бросила записку в коробку, и ее плечи поникли, словно кто-то взял булавку и сдул ее. Нита повернулась к Хантеру, который смотрел в свой телефон, и их взгляды снова встретились.

— Я только что отправил Ною сообщение о том, что Олив хочет его видеть, — пробормотал он. — Он сейчас принимает много лекарств и вряд ли ответит мне в ближайшее время, но также я написал Кайли. Олив, ты тоже можешь ей позвонить. Вероятно, она может рассказать тебе гораздо больше, чем я.

— У меня нет ее номера.

Хантер склонил голову набок, словно обдумывая это, а затем посмотрел на свой телефон.

— Номер Кайли 313-814-4155, — он поднялся на ноги, отбрасывая огромную тень на всех.

Нита подняла на него глаза, и ее сердце часто забилося. Дело было даже не в том, что сам по себе он был большим, что-то ощущалось в его манере поведения, его ауре, энергетике. Он был похож на огромную черную дыру.

Из всего его существа исходило ощущение тайны и заполняло все пространство. Он был из тех людей, которые могут убить тебя одним взглядом. По крайней мере, у Ниты возникло такое ощущение.

— Было приятно с тобой познакомиться, Олив. Хотелось бы, чтобы это произошло при других обстоятельствах. Если от отца не будет вестей, уверен, тебе сообщат о похоронах. Я должен идти. Еще раз спасибо за кофе.

Он направился к двери, и каждый его шаг походил на гром. Нита, встав с дивана, пошла следом за ним и когда приблизилась к мужчине, то услышала, как девушки перешептываются друг с другом. Он остановился, взявшись за дверную ручку, и его взгляд проникал прямо в душу. Нита положила свою ладонь поверх его и вздрогнула, когда он отдернул руку.

— С тобой все в порядке? — она скрестила руки на груди, стараясь подавить дрожь.

— Да, все хорошо, — он сжал челюсти.

— Если ты был так близок с Ноем, как сказано в письме, то я сомневаюсь в этом.

— Если со мной не все в порядке, то что ты сделаешь? — ледяной взгляд, который он подарил ей, заставил ее сжаться. — Так я и думал. — Снова дотянувшись до дверной ручки, он повернул ее и открыл дверь, впустив поток холодного воздуха. Мужчина, переступив через порог, не спеша направился к старой черной «хонде». Каким-то образом ему удалось поместиться в машине, завести ее и сдать назад. Нита могла слышать доносившуюся из машины приглушенную музыку, не совсем понимая, что это за песня, но было похоже на рэп. Хантер не посмотрел на нее, не махнул рукой. Он просто поехал по улице, исчезнув так же неожиданно, как и появился...

Когда Жизнь Преподносит Вам Лимонную Воду...

... Несколько дней спустя

Пачка денег стала такой же тонкой, как наркоман на низкокалорийной диете. Автомобиль, белый «Форд Мустанг Купе», стоил Хантеру двадцать три доллара в день, не считая бензина, но это было одно из самых дешевых предложений, которые он мог найти. Когда он вышел из квартиры брата, на улице было еще темно. Воздух был свежим и необычайно холодным для конца сентября.

Загрузив в машину свои немногочисленные вещи, включая закуски от подруги Джастина, Миранды, он направился обратно в Детройт. Съев «Слим Джим», он запил егс теплым кофе (Прим.: Slim Jim — палочки вяленой говядины, широко доступны и популярны в Соединенных Штатах). Обогрев в машине работал на полную катушку, радио регулярно давало информацию о пробках, а на заднем фоне играла какая-то джазовая мелодия. В новостях передавались, в основном сообщения о местных перестрелках и нападениях.

После пары часов утренней езды-тянучки Хантер, наконец, доехал до больницы. Взглянув на часы, он заметил, что было чуть больше шести. Потянувшись всем телом, он пытался исправить дискомфорт, о котором кричали его мышцы. Пользуясь бесплатным пропуском в местный тренажерный зал, он сжигал немного энергии и оставался в форме. Взглянув на здание больницы, Хантер поморщился, ненавидя то, как быстро может измениться его распорядок дня.

Он вообще не должен был быть здесь. По факту, он должен был ехать на склад и разбираться с его содержимым, но Хантер не мог избавиться от навязчивого ощущения того, что ему нужен еще один разговор со своим другом. Кое-что было незавершенным.

Он вошел в холл, который выглядел так, словно его внезапно покинули: вокруг слонялась пара молчаливых человек и несколько сотрудников, телевизоры были выключены, а у тех, которые работали, звук был приглушен. Уборщик, прислонившийся к стене со шваброй в руке, попивал кофе из бумажного стаканчика. Все казалось спокойным, но это было то спокойствие, которое заставляло задуматься, не попал ли ты в фильм ужасов. Даже аппараты казались погруженными в сон. Хантер, подавив дискомфорт, направился в отделение интенсивной терапии. Добравшись до палаты, он снял свою черную вязаную шапку и положил ее на больничную койку.

— Проснись, чувак, — утренняя хрипотца слышалась в его голосе, когда он говорил.

Сон все еще цеплялся за него.

Ной не реагировал. Хантер повторил эти слова немного громче, но мужчина продолжал крепко спать, слегка похрапывая. Они были одни, и Хантер понятия не имел, когда появится Кайли.

Кайли поддерживала стремление Олив увидеть Ноя, но мужчина оставался непреклонен в своем решении относительно запрета для дочери видеть его или говорить с ним. Несмотря на разногласия по этому поводу с братом, у нее были связаны руки — Ной уже принял решение. Может, если бы она появилась, они могли бы объединиться, чтобы убедить его передумать, но теперь график ее дежурств в больнице осложнился из-за работы. Согласно ее

последнему голосовому сообщению, она навещала Ноя во время обеденных перерывов и после работы, иногда вместе с их матерью.

По крайней мере, сегодня ты будешь не одинок.

— Давай, чувак, просыпайся, блять. Мне нужно с тобой поговорить, — Хантер потряс Ноя за руку, впившись пальцами в дряблую мышцу его плеча. Веки мужчины задрожали, и он проснулся. Казавшийся шокированным и полусонным, он через плечо посмотрел на Хантера. Затем пришло осознание, а вместе с ним на лице Ноя появилась смесь замешательства и раздражения.

— Что... Что ты здесь делаешь, чувак? — он протер глаза и, сев, закашлялся мокрым кашлем.

Хантер, вручив Ною стакан с водой, поднес соломинку к его губам. Когда тот закончил пить, Хантер поставил стакан на тумбочку и засунул руки в карманы куртки. Он молча изучал этот кусок дерьма, ожидая, пока тот успокоится и сможет его выслушать.

— Ной, я говорил с тобой об этом, но не думаю, что ты меня понял, так что теперь я здесь, и мы можем поговорить лицом к лицу. Ты должен позвонить своей дочери. Она хочет поговорить с тобой, чувак. Она сама это сказала, — мужчина, закатив глаза, приложил ладонь ко лбу и снова упал на подушку. — Я серьезно.

— Я знаю, что ты серьезно, но мне нужно сделать это по-своему. Мне нужно справиться с ситуацией так, как я хочу, Хантер.

— Но ты не справляешься с этим. В этом вся проблема.

— Я знаю, что это может быть для тебя шоком, но на самом деле это не твое дело.

— Сарказм на смертном одре? Мило. Может, мне надрать твою больную сраную задницу прямо сейчас? — Хантер хрустнул костяшками пальцев, пока Ной изо всех сил пытался сесть повыше, как будто это как-то могло помочь ему в акте физической расправы. — Мне плевать на то, как ты на меня сейчас смотришь. Я сверну твою гребаную шею и уйду отсюда, как ни в чем не бывало, — Ной, нахмурившись, удивленно раскрыл глаза, словно был поражен такой вспышкой. Этот человек, знавший Хантера лучше всех, определенно не должен был удивляться этой угрозе. — Я бы отдал все, чтобы еще раз поговорить с мамой перед ее смертью. Это неправильно, чувак.

— О, теперь все понятно! — Ной ткнул в него пальцем. — Значит, теперь речь о тебе? Нет, не о тебе, мужик. Это не имеет к тебе никакого отношения!

— Речь и не о тебе, убудодок. Речь об Олив. Ты не можешь устанавливать эти правила.

— Какого хрена не могу? Я могу делать все, что считаю нужным! — Ной снова закашлялся.

Его грудь поднималась и опускалась под тонкой больничной пижамой, скрывающей его тщедушное тело. На этот раз Хантер просто наблюдал. Он не предлагал воды, похлопываний по спине или утешительных слов. Когда мужчина, наконец, успокоился, Хантер начал вправлять ему мозги. Решительно и беспощадно.

— Ты не можешь позволить себе роскошь быть мучеником или свалить отсюда, словно какой-то герой, не дав своей дочери шанса попрощаться. Все, чего ты хочешь, это исчезнуть, оставив свои последние поэтично написанные слова на сраном смятом клочке бумаги, засунутом в старую металлическую коробку. Как ты можешь быть таким говнюком? Нет, ты не останешься в памяти, словно какой-то гребаный герой. У тебя есть ребенок, чувак. Ты нужен ей. Ты не можешь повернуться к ней спиной. Кем ты себя возомнил, черт возьми?! — глаза Ноя увеличились в размерах, а затем в одно мгновение сузились, став темными и

злыми. Хантер выпускал его демонов, нависнув над ним и свирепо взирая на него сверху вниз, упершись в матрас обеими руками и давя всем своим весом на кровать. — Ты не видел лица своей дочери, — сказал он сквозь сцепленные зубы. — Я видел, ублюдок. Мне пришлось посмотреть ей в глаза и снова сказать, что ее старик выбрал легкий путь, — Ной, цыкнув, отвернулся. — Ты должен изменить планы. Позвони ей.

— Тиран, ты должен уйти. Сейчас не время для этого, — Ной, махнув рукой, повернулся на бок и печально вздохнул. — Я слишком устал для этого дерьма... постоянно спорить с тобой. Хватит. Так будет лучше, поверь мне. Я знаю, что нужно моей дочери. Ты ошибаешься.

— Я ошибаюсь? — хмыкнул Хантер, покачав головой. — Я пытаюсь поговорить с тобой как мужчина с женщиной, и все, что ты делаешь, это пытаешься впарить мне какую-то чушь, на которую, как ты знаешь, я не куплюсь. Я знаю, что происходит на самом деле.

Схватив Ноя за подбородок, он заставил мужчину посмотреть на себя. Тонкие губы Ноя сжались — вероятно, ему было больно из-за того, как Хантер вцепился в его лицо, но тому было все равно. В глазах глупца стояла обида. Вдобавок ко всему, они были желтые, старых обоссанных газет. Как иронично.

— ОТВАЛИ. ОТ. МЕНЯ. — произнес Ной, стиснув зубы.

— Ты гребаный трус, чувак. Я не могу в это поверить, — Хантер отпустил его и начал ходить взад и вперед, его гнев с каждой секундой становился все сильнее и сильнее. — Ты подводил ее всю жизнь, и единственное, о чем она просит, пока ты ходишь под себя в этой постели с гребаной трубкой в члене, ты ей не даешь. Она просит об одной вещи, прежде чем ты дашь прощальный банкет, а ты даже не можешь этого сделать.

— На это у меня есть причины.

— Да? Что ж, никому нет дела до твоих причин. У тебя хватило наглости в прошлый раз намекнуть, что я был киской. На себя посмотри! Чувак, в следующий раз я привезу тебе «Котекс» — ты истекаешь кровью, как сука.

— Не беспокойся! Ты, у кого нет собственных детей, рассказываешь мне, что мне делать с моими! — крикнул Ной и закашлялся.

Хантер схватил свою шапку и, натянув ее, выскочил из палаты.

Сорок минут спустя он обнаружил себя стоящим перед открытым складским помещением с ключами в нервно сжатой руке. Из его рта вырывался пар. Большое пространство было забито всякой всячиной, коробками и Бог знает, чем еще. Включив свет, он сразу заметил машину, которую Ной хотел ему подарить, частично накрытую парой простыней. С другой стороны склада стояла мебель, обернутая пленкой.

Обходя тесное помещение, он приподнимал края полиэтилена, обнаруживая под ними прекрасный мебельный гарнитур, состоящий из кожаного дивана и соответствующих ему кресел, мраморные столы и нефритовые лампы. Не было сомнений, что Ной вел роскошную жизнь, пока занимался подпольными видами деятельности, получая доход с улиц, которые, как истинные дочери дьявола, были соблазнительными и коварными, и которые позаботились о том, чтобы Ной загребал деньги лопатой. Чувак развернулся на полную, получая прибыль из всевозможных источников и вкладывая ее снова. Он занимался многим: огнестрельное оружие, разборка на запчасти угнанных машин, сутенерство, азартные игры, собачьи бои, продажа легких наркотиков и многое другое...

Просмотрев электронику, упакованную в коробки, и взяв коллекцию монет, чтобы «толкнуть» ее и получить немного денег, Хантер обнаружил в темных пластиковых ящиках

склад оружия. Стволы были завернуты в черные мусорные мешки и старые газеты, что сделало их осмотр довольно утомительным делом. Хантер улыбнулся от удовольствия, проведя рукой по автомату Калашникова «АК-47». Он мысленно записал все, что там было: пистолет «Вальтер PPS», финский пистолет-пулемет «М44», пистолет-пулемет «Стерлинг L34A1», винтовка «Норинко МАК-90», винтовка с глушителем «FN PS90», чешский пистолет-пулемет «Скорпион EVO 3 в 1», полуавтоматический пистолет «Интратек Тес-22», два пистолета с глушителями «Глок 18», револьвер «Смит и Вессон 637-2», винтовка с глушителем «FN PS90».

Черт, это охренительная коллекция.

Взяв один из пистолетов с пачкой соответствующих патронов, мужчина сунул их в карман куртки и закрыл ящики. Затем он обнаружил пару прозрачных пластиковых коробок, заполненных одеждой и аккуратно ношенными кроссовками — в основном, «Джордан» и тому подобное. У них с Ноем был примерно одинаковый размер обуви. Прихватив пару кроссовок и спортивный костюм «Найк», он бросил их в багажник арендованной машины и запер склад. Сев в машину, он сделал несколько глубоких вдохов. Уровень его адреналина взлетел до небес, но не от страха, а от волнения. Взяв себя в руки, Хантер запустил двигатель автомобиля.

Он понятия не имел, где жить, но он бы с этим разобрался. Как вариант можно было бы переночевать в машине, но как насчет следующего дня? И следующего? Ему нужно было еще немного задержаться в Детройте для того, чтобы изучить содержимое склада и все уладить. Там было гораздо больше вещей, чем он ожидал, поэтому Хантер решил, что для начала ему необходимо составить их перечень. Сдав назад, он отъехал от склада, направившись к вафельной, чтобы перекусить, и на подъезде к ней его живот уже рычал от голода. Когда он въехал на стоянку «Вафельного домика», у него зазвонил телефон.

Вызов шел с незнакомого номера, но так рано утром ему не звонили даже телемаркетологи. Хантер вспомнил, что подал заявку в интернете на пару вакансий по работе, одну — в строительную компанию, вторую — в агентство по трудоустройству на должность уборщика. Может, это звонок от одной из них?

— Да, это Хантер, — ответил он, маневрируя, чтобы припарковаться.

— Хантер, это Нита. Нита Перси. Я женщина, с которой вы виделись на днях, у которой живет Олив.

— Да, я помню тебя — Джанет Джексон.

— Джанет Джексон?

— Неважно, — он ухмыльнулся. — Откуда у тебя мой номер?

— Кайли дала. Я звоню, потому что Олив хочет с тобой поговорить. Сейчас она чувствует себя... Как бы это сказать... Думаю, разочарованной, грустной и потерянной. Я подумала, раз ты так много времени проводил с ее отцом, может, на этой неделе сможешь зайти к нам на ужин и поговорить с ней о нем.

Хантер провел рукой по подбородку, чувствуя длину своей бороды. Ему определенно пора ее подстричь.

— Почему она просто не спросит Кайли о ее брате? В смысле, черт, все, что я знаю о нем, касается проведенного нами времени в тюрьме, чего ребенок, вероятно, не должен слышать. Он мой друг, но, наверное, она захочет узнать, каким он был в детстве, и тому подобное.

Женщина заколебалась.

— Кайли показалось, что ты много знаешь о нем как о человеке...

— Ладно, — вздохнул он. — Да, я могу зайти сегодня вечером. Я сейчас в городе, только что приехал из Сагино.

— Правда? Я думала, что ты все еще в Сагино. Хорошо, думаю, время подходит для всех нас и не понадобилось специально приезжать. Так что, да, мы можем встретиться сегодня вечером. Отлично.

— Круто. В какое время мне приехать?

— В шесть будет нормально?

— Да, отлично.

— Ну, тогда ладно... — между ними воцарилась тишина. — Я полагаю, мы договорились. О, прежде чем ты повесишь трубку, что тебе нравится из еды? Я собираюсь заскочить в продуктовый магазин.

— Черт, я не привередливый. Меня устроит все, что ты приготовишь.

— Отлично. Тогда до встречи.

— Будь уверена, я приеду, — он закончил разговор и улыбнулся.

Пожалуй, я сохраню номер Джанет Джексон... на всякий случай. После этого он направился в «Вафельный домик», собираясь заказать обильный завтрак, состоящий из кофе, апельсинового сока, блинчиков, хрустящего бекона и яичницы с черным перцем так, как он любил. Пока он стоял, ожидая официантку, его мысли блуждали. Он решил, что может провести здесь несколько часов, позвонить паре своих парней, бабушке и еще в несколько агентств по трудоустройству. У него был соблазн позвонить в одну из автомастерских, которые раньше делали для него разборку ворованных машин, и узнать, смогут ли они восстановить и отремонтировать тачку Ноя, но отказался от этого.

Говоря о деньгах, нужно не забыть заскочить в ломбард и сдать монеты. Надеюсь, я выручу как минимум баксов триста. Нужно проверить их в интернете, чтобы понять, сколько они могут стоить. Деньги будут нужны ему в Детройте, возможно, он даже сможет внести задаток за ремонт куса дерьма, именуемого машиной Ноя. Также он хотел бы обновить салон и навести внешний лоск. Это тоже стоит денег. У всего была чертова цена, даже у душевного спокойствия.

— Сколько с вами человек, сэр? — спросила наконец-то появившаяся женщина.

Это место похоже на город-призрак, на заднем фоне которого играет мягкая музыка.

— Я один. Всегда один...

Нита заметила массивного мужчину из маленького окна столовой. Хантер сидел в своей машине, припаркованной на подъездной дорожке, и разговаривал по телефону. Его губы шевелились, и он казался оживленным, даже взволнованным. Окно со стороны водителя было опущено, и он свесил в него руку, держа в длинных пальцах сигарету. Тем временем Олив и Тиша закончили накрывать на стол.

— Куда это поставить, мама? — спросила Тиша, держа в руках тарелку с салатом.

— Поставь здесь, на середину стола. Я принесу соус Ранч и итальянскую заправку, — она развернулась, прекращая свою слежку, и направилась на кухню за приправами. Вернувшись, она увидела на лице Олив широкую довольную улыбку.

— Спасибо, мисс Нита, что позвонили ему, — девушка разливала воду из кувшина по стаканам.

— Олив, ты же знаешь, что я бы это сделала. Не могу представить, что ты чувствуешь. Ты через многое прошла, но я с тобой. Ладно, девочки, несите салфетки и булочки.

— Мы уже это сделали, — сказала Тиша и все трое вытянули шеи, словно страусы, в направлении окна, услышав, как хлопнула дверь машины.

Замерев, они наблюдали, как он подходил к двери, смотря вниз на экран своего телефона. Можно было услышать, как упала булавка. Раздавшийся звонок в дверь вывел всех из транса. Нита моргнула и, проведя руками по своей рубашке в мандариновую и кремовую полоску, направилась к входной двери. Открыв ее, она посмотрела вверх. На пороге стоял такой высокий, как птица... нет, как самолет... нет, как гигантский бородатый Супермен. Супермен? Нет, скорее, уголовник. Может ли он выпрыгнуть из тюремной камеры в один прыжок? Выбросив глупые мысли из головы, она окинула взглядом его черный бомбер и черную шапку, натянутую до самых бровей.

— Привет, — сказал он с немного нервной улыбкой.

— Привет. Заходи, — открыв дверь, она впустила его, и спустя несколько мгновений его куртка и шапка уже висели в шкафу. Он провел большой рукой по своим темно-каштановым волосам. Его бачки были аккуратно подстрижены, а волосы на верхушке головы были немного длиннее, чем по бокам.

— Вкусно пахнет.

— Спасибо. Заходи и присаживайся, — она провела его в столовую и указала на стул в противоположном конце стола. — Я приготовила лазанью, чесночный хлеб и салат. Ты любишь лазанью? — девушки, сидевшие рядом друг с другом, нервно помахали ему, приветственно улыбаясь и сверкая глазами.

— Сойдет.

Вот засранец... Он ел тюремную еду, которая, вероятно, на вкус была как жареное дерьмо, и имеет наглость говорить такое. Она сжала губы, чтобы не сказать ему в ответ что-нибудь резкое. В конце концов, она два часа стояла на кухне, готовя домашнее итальянское блюдо. Кто-то должен был поставить его на место, напомнить этому сукину сыну, что она даже спросила его по гребаному телефону чего бы он хотел, но потом взяла себя в руки.

— Как дела? — спросила Олив, кладя салфетку себе на колени.

— Нормально. А у тебя? — он потянулся за стаканом воды и сделал глоток.

— Не знаю. Думаю, я в порядке, — она пожала плечами. — Ну, я подожду с вопросами до конца ужина, — с кривой улыбкой она покрутила вилку между пальцами. — Наверное, я не должна много спрашивать об отце или о личном.

— Ты можешь спрашивать меня обо всем, что хочешь, а я дам тебе знать, могу я ответить или нет, — улыбнулся он ей.

В первый раз Нита поймала мужчину на том, что он выдал что-то еще помимо ухмылок или хмурого лица. Это была одна из самых приятных улыбок, которые она когда-либо видела. Олив, покраснев, улыбнулась ему в ответ.

— Хорошо, спасибо.

Нита, склонив голову, начала читать молитву. Она понятия не имела, произнесет ли Хантер слова вместе с ней, но надеялась, что он это сделает.

— Благодарим тебя, Отец, за этот ужин перед нами для пропитания наших тел. Благодарим за исцеление нашего разума, тела и души. Даруй нам сегодня благословенное общение. Аминь.

Когда она открыла глаза, Олив и Тиша произнесли: «Аминь» в ответ на ее молитву, Хантер же оставался тихим и неподвижным. Тиша передала булочки, и вскоре все наполнили свои тарелки едой.

— Не желаешь взять немного масла для булочки? — предложила Нита, держа маленькую белую тарелку с кусочками сливочного масла.

— Да, спасибо.

Олив взяла тарелку и передала ее Тише, которая в свою очередь передала ему. Он ел довольно спокойно, и для человека, который сказал, что лазанья «сойдет», он уничтожил все на своей тарелке. Он даже промокнул еще одной булочкой густой красный соус и запил все стаканом воды. Доев, он взял вторую порцию.

— Утром по телефону ты сказал: «Джанет Джексон». Что ты имел в виду?

Держа вилку в руке, он откинулся на спинку стула, и на его лице появилась легкая улыбка.

— Ты типа похожа на Джанет Джексон. Вообще-то, даже очень похожа. На ту, какой она была в 2000 году, — сделав еще один глоток воды, он поставил стакан на стол, не глядя на нее.

— Люди все время говорят это маме, — сказала Тиша с полным ртом хлеба. «Контроооо-оль!» — поддразнила девушка, и они с Олив, толкнув друг друга локтями, рассмеялись (Прим.: «Control» — третий студийный альбом американской певицы Джанет Джексон).

Нита впилась взглядом в девочек, но ни одна из них не поняла намек прекратить. Посмотрев на Хантера через стол, она увидела, что тот ухмылялся. Следующие несколько минут прошли в молчании. Он был не лучшим собеседником.

— Хантер, как бы ты описал моего отца? — спросила Олив.

Он обдумывал ее вопрос.

— Ной... хммм... имеет много качеств. Смотри, — хрустнув костяшками пальцев, он наклонился вперед. — Упертый. Определенно упрямый. Умный. Забавный. Еще он тебя любит.

Девушка широко улыбнулась.

— Откуда ты знаешь, что он меня любит? Он много обо мне говорил?

— Нет.

Ее улыбка исчезла.

— Тогда... тогда как ты можешь знать, что он обо мне думает?

— То, что Ноя волновало больше всего, он обсуждал лишь несколько раз. Держал это близко к сердцу, как сокровище, — Нита улыбнулась, скрестив ноги, и, посмотрев вниз, покачала головой. Слова Хантера были такими глубокими. Даже мощными.

— Итак, у меня есть вопрос о тебе, — продолжила Олив.

— Ладно. Какой?

— Почему ты дружил с моим отцом?

— Потому что я давно был с ним знаком и знал, что у него на уме.

— На уме?

— Я имею в виду, я знал, каким он был. Как бы это сказать... Твой отец позволил мне увидеть, каким он был на самом деле, не пытаясь ничего приукрасить или быть кем-то другим, поэтому он заслуживал доверия. По крайней мере, моего, — Хантер указал на себя.

— Это то, что делало его хорошим другом?

— Да. Для меня друг — это тот, у кого я могу чему-то научиться и кому я могу доверять. Он прикрывает мою спину, а я — его. Ты должен соответствовать этим двум критериям.

Олив понимающе кивнула. Хантер, взяв свой стакан, допил остатки воды.

— Хочешь еще?

— «Хочешь еще» чего?

— Воды, — уточнила Нита, указывая на пустой кувшин на столе.

— О, да, спасибо.

Поднявшись, она взяла пустой кувшин и направилась на кухню. Стоя там и собираясь с мыслями, она не могла объяснить странное ощущение. Было такое чувство, что он ей знаком. Не физически, но по духу, по его энергии. Она не знала, как это понимать.

— Тебе помочь? — она практически подпрыгнула, когда всего в нескольких сантиметрах от ее уха раздался глубокий рокочущий голос. — Прости, — он усмехнулся. — Я напугал тебя.

— Да, ты это сделал, — она улыбнулась. — Но все в порядке, все под контролем. Это просто вода. — Открыв дверцу холодильника и наклонившись, чтобы достать галлон воды, она почувствовала, как его взгляд прожигает ей спину (Прим.: 1 галлон США = 3,7854 литра).

— Почему ты просто не поставишь галлон воды на стол? — спросил он.

Сейчас она могла слышать, как девушки перешептываются между собой.

— Потому что это не так привлекательно. К тому же я добавляю в нее немного лимонного сока.

— Тебе не нужно все это делать для меня. Подойдет обычная вода.

— Что ж, в таком случае возьми свой стакан и наполни его из этого крана, — она указала на водопроводный кран. Он легко рассмеялся, и она сама боролась с улыбкой, удивленная тем, что он так спокойно принял ее удар. — Ты можешь вернуться за стол. Я скоро буду.

— Что, если я не хочу? Что, если я пришел сюда, используя воду как предлог, чтобы поговорить с тобой наедине? — она сглотнула. Посмотрела на него. Встала чуть прямее. — Хорошо?

Пожав плечами, она схватила два лимона и начала нарезать их дольками.

— О чем ты хотел поговорить?

Он подошел к ней ближе.

— Ты боишься меня?

— С чего ты взял? Ты об этом хотел со мной поговорить? — щелк, щелк, щелк... Когда она выковыривала несколько семечек, то брызнувший сок намочил ее пальцы и Нита подавила желание слизать его.

— Это было не утверждение. Это был вопрос, — он придвинулся еще ближе, так близко, что, если она передвинется на пару шагов, то врежется в него.

— Я не боюсь тебя.

— Я бы так не сказал. Почему-то я тебя пугаю... Я не стараюсь этого делать, но тебя немного трясёт.

— Просто устала. Такое происходит, когда я устаю. Это просто мои нервы. У меня на работе сплошной бардак. Но разве это новость? — она покачала головой.

— Хотелось бы мне иметь бардак на работе. В данный момент я пытаюсь ее найти, — он оперся на стойку, и она почувствовала запах сигарет от его одежды. — Но это непросто — никто не хочет нанимать неудачников, — он пожал плечами. — Я надеюсь устроиться на работу в ближайшее время.

— Так и будет, я в этом уверена.

— Возможно, тогда я смогу пригласить тебя на свидание. И, возможно, твоя сексуальная попка скажет мне «да», — он похлопал ее по заднице, проходя мимо. Прежде, чем она смогла выругать его за то, что он прикоснулся к ней сзади, засранец вышел из кухни и вернулся на свое место в столовой, как ни в чем не бывало, и они с Олив почти сразу же стали болтать. Девушку интересовало все, от того, какие драки устраивал ее отец в тюрьме, до того, какая у него любимая еда.

— Когда его впервые посадили, Ной дрался часто, но потом он научился не увлекаться такими вещами. Я имею в виду, он дрался время от времени, мы все это делали, потому что иногда драки просто невозможно избежать, но, если можно так сказать, он научился выбирать свои сражения. Что касается еды, черт, ой, блин, — он усмехнулся, и девушки рассмеялись. — Смотри, он очень любит тако: говядина, хрустящая лепешка.

— Я тоже! Я обожаю «Тако Белл» — это мой любимый ресторан, — завизжала от восторга Олив, как будто это был какой-то связующий момент.

— Да? «Тако Белл» — здорово, но Ной больше видеть не может лапшу быстрого приготовления, — все трое рассмеялись.

Через некоторое время Нита присоединилась к ним и, прежде чем занять свое место, наполнила всем стаканы. Все трое, казалось, активно участвовали в разговоре, и временами, когда говорили только Олив с Хантером, Тиша слушала, смеясь и задавая свои вопросы. Ной действительно выглядел интересным человеком... хотя и сложным, это факт. Возможно, большинство мужчин, выбравших преступный образ жизни или чувствовавших, что у них нет другого выбора, кроме как идти в этом направлении, по сути своей было трудно понять. У Ниты были родственники и друзья в тюрьме, но ее всегда удивляло, когда за решеткой оказывались белые. Большинство людей, которых она знала, находились в заключении либо из-за наркотиков, либо из-за того, что просто пытались выжить в расистской стране. Но чтобы белые переростки ходили в тюрьму туда и обратно, словно через вращающуюся дверь? Учитывая все их привилегии, ей казалось это совершенно неоправданным.

— ... И тогда Ной решил сделать татуировку в виде лягушки, — в комнате разразился смех, и Хантер смеялся вместе с девушками. В этот момент зазвонил его мобильный телефон. Вытащив его из кармана и посмотрев на экран, он ответил прямо за столом.

— Да, в чем дело? Угу, хорошо... Не совсем... А ты спросила его, почему я это сказал? ... Если он так сказал, то он лжец... Да... Он ведет себя как ребенок, как я посмотрю... Нет все было не так... Угу... Он знает, что не прав, вот почему... Да мне плевать. Он не делает мне больно, это его выбор... Нет... Угу... Ну и что?... Он не может поступать, как ему хочется, он должен играть по тем же правилам, что и все мы... Послушай, мне пох... — запнувшись, он посмотрел на девочек и встал. — Я договорю в другом месте, — пробормотал он.

Все смотрели, как он, направившись к входной двери, вышел на улицу, и за ним захлопнулась сетчатая дверь. Снаружи он продолжал говорить, хотя его было гораздо труднее понять. Все трое молчали, пытаясь что-то услышать. Зачем? Возможно, они хотели услышать что-то интересное, что-то важное. Сетчатая дверь хлопнула еще раз, и все они быстро задвигались на своих местах, притворившись, будто болтают.

Мужчина вошел в столовую, открыл шкаф и взял свою куртку. Нита в замешательстве поднялась на ноги.

— О, ты уже уходишь?

— Нет, просто перекур, — она вздохнула с облегчением. — Три... два... один, —

пробормотал он.

Внезапно зазвонил телефон Олив. Повернувшись к ней, Нита увидела, как та достала его из кармана джинсов.

— Алло! Боже мой, папа! — вскрикнула она. — Да, это я!.. Ага... Папа, твой друг здесь и он... Да!

Нита повернулась к Хантеру, который уже шел к входной двери. Выглянув в окно, она увидела, что он курит, облокотившись на перила, стоя к ней спиной. Олив, поднявшись со своего места, пошла на кухню, разговаривая со скоростью сто слов в минуту.

Этот парень — нечто. В нем есть что-то особенное. У него проблемы, большие проблемы. Почему меня это вообще волнует? Я просто пытаюсь помочь Олив.

В его глазах горел огонь, в улыбке была злость, а в нем самом — мудрость не по годам. Когда она смотрела на него, думая обо всем этом, ее дочь нарушила ход ее мыслей.

— Мама, похоже, он не только порядочный, но и влиятельный. Он заставил Ню позвонить.

— Да, похоже, что так и есть.

— Еще он считает, что ты похожа на Джанет Джексон... Мисс Перси, как вам не стыдно!

— Дамочка! Скройся с моих глаз! — засмеялась Нита. Рассмеявшаяся ее дочь встала из-за стола и присоединилась к Олив на кухне. Снова взглянув в окно, Нита увидела, что Хантер смотрел прямо на нее. Бросив сигарету на ступеньку, он наступил на нее и зашел в дом. С его губ сорвался завиток дыма.

— Ужин был прекрасен, спасибо.

— Пожалуйста.

Он посмотрел в сторону кухни.

— Пока она разговаривает с Ноем по телефону, я воспользуюсь этим временем, чтобы выполнить небольшое поручение. Ты не возражаешь?

— О. Да, без проблем.

— Скажи Олив, что я скоро вернусь, — она кивнула. — Возможно, она еще захочет поговорить., — он пожал плечами. — Не знаю.

— Хорошо, я уверена, что захочет — вы только начали общаться. Кстати, я приготовила десерт, — произнесла эти слова, она почувствовала себя немного глупо, потому что казалось, будто она тянула время, задерживая его. Это для меня или для Олив?

— Я ненадолго, — через несколько секунд он был в машине и отъезжал от дома.

Улыбаясь, Нита размышляла, что только что произошло. В воздухе витал его запах, смешавшийся с ароматом еды, от которой, благодаря Хантеру, почти ничего не осталось. Это принесло ей удовольствие, хотя она не хотела себе в этом признаваться. Ощущалось какое-то... умиротворение. Как будто он должен был быть здесь...

Орел Или Решка

Ломбард выглядел как миниатюрный Лас-Вегас с его мигающими разноцветными неоновыми огнями и китчевой статуей индейского вождя, расположенной прямо у входной двери. Когда Хантер вошел туда, раздался мелодичный перезвон колокольчиков. Он внимательно изучил все гитары, висящие на стене, блестящие коньки, подписанные альбомы и даже витрину с заложенными бриллиантами и золотом. Когда он проходил мимо нескольких больших стереосистем, его внимание привлекла пара мигающих неоновых табличек, надпись на одной из которых гласила: «Дворец Кисок». Подойдя ближе к задней части магазина, он заметил за стойкой невысокого парня, протирающего свои очки.

Чувак долго протирал линзы маленькой фиолетовой тряпочкой, затем, отложив ее, продолжил это делать подолом своей собственной белой футболкой с длинными рукавами и растянутой горловиной. Вырвавшийся на свободу огромный живот придавал ему вид беременного на девятом месяце. Под свисающим животом низко висели широкие джинсы. Парень с редящими длинными светлыми волосами повернулся к нему, надевая очки, и окинул его взглядом с головы до ног, словно Хантер закладывал сам себя.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Я хочу выручить немного денег от этой коллекции монет.

Мужчина кивнул, и Хантер положил свой альбом на стеклянную стойку. Из динамиков магазина напевал Хэнк Уильямс-младший «Если небеса не похожи на Дикси». Поправив очки на переносице, чувак открыл первую страницу альбома. На странице был хороший выбор монет, все они уютно разместились в своих отдельных слотах. Продолжая рассматривать их, он хмыкнул, бросил быстрый взгляд на Хантера, а затем перелистнул на другую страницу. (Прим.: Дикси — общее название южных штатов США).

— Некоторые из них окислены, но этого следовало ожидать, — грубо заявил он, задумчиво водя большим пальцем по нижней губе.

— Сколько они стоят на ваш взгляд?

— Некоторые из них стоят немного, но я вижу парочку, которая меня заинтересовала...

Подождите здесь.

Хантер кивнул и мужчина, взяв альбом, направился в заднюю комнату.

— Подождите минуту. Куда вы идете?

— Взглянуть на них при лучшем освещении, — парень пожал плечами так, как будто это было очевидно.

— Нет, чувак. Альбом оставь здесь, — Хантер указал на прилавок. — Все свои лампы и прибабасы тащи сюда. Ты можешь их переместить. Я уверен, что они не прибиты к полу.

Когда мужчина посмотрел на него, у Хантера возникло странное чувство, что его интуиция не подвела его. Наклонив голову вбок, он выжидательно смотрел на парня. Вздохнув, убудок вернул альбом на стойку.

— Я скоро вернусь и принесу увеличительное оборудование, — мужчина скрылся за плотными ярко-красными занавесками.

Пока играло кантри и шло время, Хантер во всей этой ситуации почувствовал неладное. Взглянув на свой телефон, он проверил время, желая поскорее вернуться в дом Джанет

Джексон, чтобы закончить разговор с Олив и отправиться в обратный путь, и медленно подошел к занавескам, намереваясь выяснить, что же так долго задерживало парня. Между занавесками был небольшой просвет, достаточный для того, чтобы слышать. Парень говорил приглушенным голосом. У Хантера был чертовски хороший слух, поэтому он, затаив дыхание, внимательно прислушался.

— Нет, он не похож на наркомана. Здоровяк... Да, в его коллекции как минимум девять таких монет. Они должны стоить не менее девятисот баксов за штуку, не считая двух десятицентовиков 1965 года с браком чеканки — эти стоят по тысяче. — Сердце Хантера бешено забилося. — У него есть коллекционная Сьюзен Б. Энтони, почти без износа. Я никогда не видел такого идеального состояния. Ее продажа подходящему покупателю принесет около трех тысяч, если не больше... Так что да... да... Я предложу ему две тысячи за всю коллекцию, а затем принесу ее вам... Верно... да... хорошо....

Хантер вернулся к стойке и приготовился к шоу, которое вот-вот должно было начаться. Пока ждал, он задавался вопросом, как, черт возьми, задница Ноя вообще заполучила такую коллекцию? Конечно, Ной коллекционировал монеты с детства. Хотя он и скрывал эту страсть, Хантер много лет знал об этой занудной стороне друга. Но чтобы коллекция стоила таких больших денег? Он даже не подозревал об этом.

Чувак, наконец, появился из-за занавески с широкой улыбкой на лице и каким-то причудливым фонариком, на стекле которого было нарисовано что-то вроде прицела. Хантер скривил губы и, скрестив на груди руки, стал наблюдать, как жулик, устроив танцы с бубном, неторопливо изучает монеты вооруженным, так сказать, глазом.

— Итак, меня интересуют только шестнадцать из них.

— Но в альбоме их более семидесяти.

— Да, я возьму их все, но, видите ли, только шестнадцать из них чего-то стоят. Остальные — карманная мелочь, — сказал он со смешком. Хантер кивнул, подыгрывая. — Могу я спросить, откуда они у вас?

— От моего друга, который коллекционирует их с детства. Он попросил меня продать их.

— Хорошо, понятно, — мужчина положил фонарик, оперся на стойку обеими руками и скрестил лодыжки, словно действительно пытаюсь вызвать божество сделки. — Хорошо, я могу предложить вам девятьсот баксов за весь альбом.

— Девятьсот? За все эти монеты? С таким же успехом вы могли предложить девятьсот песо. Ваше предложение оскорбительно, — рассмеялся Хантер, закрывая альбом и убирая его со стола.

— Хорошо, подождите! Как насчет тысячи двухсот? Это чертовски щедрое предложение.

— Хорошего вам дня, — Хантер сунул альбом под мышку и повернулся, чтобы уйти.

— Тысяча четыреста! Ты припер меня к стенке, чувак!

Хантер продолжал идти.

— Две тысячи! Дерьмо! Я не могу больше дать ни цента!

— Ты тоже не получишь ни одного из этих центов, — хмыкнул Хантер, возвращаясь к взятой напрокат машине.

Парень бросился за ним, продолжая говорить, но Хантер завел машину и выехал с небольшой стоянки. Посмотрев в зеркало заднего вида, он увидел, что чувак кричит, подпрыгивает и дико размахивает руками, прося его вернуться обратно, но Хантер, включив

радио, перестал его слышать. Снова вливаясь в поток машин, он открыл на телефоне список местных оценщиков и скупщиков монет. Сузив круг до пары человек, он сделал несколько звонков и поехал к одному, который находился всего в десяти минутах езды. Припарковавшись, он отправил Олив сообщение:

Олив, это Хантер. Я сейчас улажу кое-что и вернусь.

Засунув телефон обратно в карман, он почувствовал, как тот через некоторое время загудел. Наверное, она ответила.

Вскоре после этого он представился хорошо одетому мужчине средних лет с черными как смоль волосами. Было очевидно, что мужчина, увидев коллекцию, понял ее ценность. Позволив парню изучать альбом, Хантер огляделся вокруг. Это было маленькое, стильное местечко. На заднем плане тихо играла классическая музыка, создавая соответствующее настроение. Было немного странно видеть такое место в этой части города, но он предположил, что бизнес процветал, иначе бы оно закрылось.

Он также вспомнил о припаркованной поблизости полицейской машине. На тот момент он не видел копа, но офицер должен был находиться в помещении. Мужчина, надев элегантные золотые очки, сел за стол и продолжил сосредоточенно изучать коллекцию. Казалось, это тянулось бесконечно.

— У вас довольно неплохая коллекция, мистер Вульф. Могу я взглянуть на ваши документы?

— Документы?

— Да, те, которые дают вам право законно владеть этой коллекцией.

Хантер вспомнил, как они с Ноем обменивались сообщениями о некоторых вещах, которые он нашел на складе. Достав телефон и увидев улыбающийся смайлик от Олив, он пролистал свою переписку. Обнаружив то, что искал, Хантер передал телефон мужчине, который, прочитав сообщение, поднялся на ноги.

— Вы не возражаете, если я свяжусь с этим Ноем Бимером, с которым вы говорили?

— Ну, он может не ответить. Как вы видели из нашего разговора, он находится в больнице и не в добром здравии. Хотя он в здравом уме. Думаю, вы можете попытаться.

Через несколько мгновений, к большому удивлению Хантера, Кайли, ответившая на звонок, передала трубку брату, и пока мужчина задавал Ною ряд вопросов, он расхаживал взад и вперед. Похоже, удовлетворенный, мужчина вернул телефон, еще раз взглянул на коллекцию и улыбнулся, покачав головой.

— У вашего друга был очень хороший нюх на подобные вещи. Эта коллекция — одна из лучших, которые я видел за долгое время, и, похоже, он ее очень хорошо сохранил. Я хочу, чтобы вы кое-что взглянули, — парень повернулся к столу, взял потрепанную книгу и вручил ему в руки. — В этом каталоге вы найдете практически все монеты, которые у вас есть. В нем указан текущий диапазон стоимости монет в зависимости от того, в каком состоянии они находятся: в плохом, удовлетворительном, хорошем или новом. На аукционе я смогу выручить за них хорошую сумму денег. Однако, это не бесплатно. Я хочу, чтобы вы сели, просмотрели каталог, а затем, я надеюсь, мы сможем заключить сделку.

— Хорошо.

— У меня есть покупатели, вам нужны деньги. Итак, после того как вы ознакомитесь с каталогом, мы вернемся к нашему разговору.

Хантер, усевшись в удобное, дорогое на вид кресло, начал листать старую книгу. На некоторых страницах виднелись чернильные пометки, некоторые были надорваны. Изучая

фотографии монет, он узнавал некоторые из своей коллекции. Гребанные монеты стоили даже больше, чем тот парень из ломбарда говорил своему другу по телефону... Это было и ему понятно. Только из-за них Ной сидел на золотой жиле. К черту все остальное на том складе.

Вернувшись, мужчина встал перед ним с приятной улыбкой на лице, скрестив руки.

— Большинство монет в вашей коллекции находятся в хорошем состоянии. Некоторые из них, а конкретно две, вызвавшие мой интерес, являются новыми, некоторые — в плохом состоянии, но я считаю, что ваш друг, вероятно, получил их такими. Я готов выписать вам чек.

— Я предпочитаю наличные.

— Мистер Вульф, я мог бы предложить вам наличные, но для того предложения, которое я хочу вам сделать, это не будет идеальным вариантом. Не стесняйтесь просмотреть отзывы о моей компании в Интернете, если они помогут вам лучше понять нашу этику здесь, в «Оценка и продажа монет Коэна», мы не относимся легкомысленно к сделкам, особенно в отношении таких коллекций, как эта. Мне не нужны все монеты, потому что некоторые из них много не стоят, но я, все же, готов купить их все по подходящей цене. Теперь, когда у вас было время взглянуть на их стоимость, и, учитывая, что я должен буду сделать остальную работу, чтобы продать их, вы считаете, что двадцать семь с половиной тысяч долларов будет достаточно справедливой ценой?

— Вы сказали двадцать семь с половиной тысяч? — потрясенно воскликнул он. Если бы Хантер пил сейчас пиво, то обрызгал бы им парня, словно жидкими патронами из пейнтбольного ружья.

— Да. Я понимаю, что, если бы у вас были опыт, время и терпение, вы могли бы приблизиться к тридцати шести тысячам долларов, возможно, даже к сорока тысячам за всю коллекцию, но, опять же, существуют налоги, реклама, страховка и тому подобное. Это целая процедура.

Хантер понимающе кивнул.

— Как насчет двадцати восьми тысячи долларов?

Губы мужчины изогнулись в улыбке, обнажая ровные белые зубы — несомненно, все они были винирами — и он протянул руку.

— Итак, двадцать восемь тысяч долларов. Я даже добавлю бесплатную ручку, — усмехнулся он. — Мне понадобится ваше удостоверение личности, мистер Вульф.

Хантер, вскочив на ноги, вытащил свой бумажник и процесс начался. Двадцать минут спустя, с чеком в руке и шикарной серебряной ручкой, он покинул это место и поехал обратно к дому Ниты. Его адреналин взлетел до небес. Он едва сдерживался.

Я могу снять квартиру, и если заплачу за полгода вперед, то, вероятно, они посмотрят сквозь пальцы на отсутствие у меня работы и не будут проверять мое прошлое. Они получат деньги вперед. Я могу уехать из дома брата... Я могу купить дешевую машину и починить «Файрберд», купив все необходимые для нее детали... Я могу дать брату небольшой кусок для моих племянниц и племянников — им нужна квартира побольше... Я могу дать им денег на первоначальный взнос.

— Да! Черт возьми! — закричал он, возбужденно ударив кулаком по рулю. Он набрал номер Ноя, но звонок перешел на голосовую почту.

— Сукин сын! — хмыкнул он, оставляя сообщение парню, чтобы тот прослушал его позже. — Ты знал, что эта коллекция монет стоит гребаную кучу денег, и даже не сказал мне

об этом. К счастью для тебя я не был в таком отчаянии, чтобы отдать ее первому же покупателю. Я хотел их продать по хорошей цене, но, думаю, это то, что ты имел в виду, когда говорил, что доверяешь мне. Ты знал, что я не буду настолько глуп. К тому же, я уже посмотрел пару монет в Интернете, поэтому знал, какую сумму можно за них получить, но я понятия не имел, что некоторые из других стоят так дорого. Спасибо, Ной... Надеюсь, ты уже не сердишься из-за того, что я трахнул тебя в задницу из-за Олив, но я не отказываюсь от своих слов. Я уверен, что, разговаривая с ней, ты сделал не только ее день, но и всю ее жизнь. В любом случае, большое спасибо за монеты, чувак. Не могу поверить, что ты дал их мне, но я все равно ценю это. Я сфотографировал их, прежде чем продать, на тот случай, если ты захочешь время от времени на них посмотреть. Я выручил за них хорошие деньги. Это даст мне немного времени, пока я не найду работу. Что-то с более лучшей оплатой, чем то, что я был готов принять пару часов назад. Ладно... поговорим позже.

Подъезжая ближе к дому Ниты, он позвонил ей. Она взяла трубку на третьем гудке.

— Привет, это Хантер.

— Я знаю.

Если бы он делал ставки, он бы поставил на то, что она улыбается.

— Я примерно в двадцати минутах езды от вас, и я отправил Олив сообщение.

— Я знаю.

— Да... так что я возвращаюсь за десертом, — усмехнулся он. — Что ты приготовила?

— Яблочный пирог с ванильным мороженым.

— Ты знала, что это мое любимое блюдо? Потому что это так.

И это было правдой.

— Я этого не знала. Похоже, тебе повезло.

— Точно... ну, я почти на месте. Я поговорю с Олив... Я собираюсь остаться в городе на несколько дней, думаю, сниму номер в отеле, — он ждал, что она, возможно, попросит его остаться у нее, пригласит. Вместо этого он услышал молчание. — Ну, да... В общем, я скоро буду у вас.

— Хорошо.

Раньше она была Болтливой Кэти. Теперь она мало говорит. (Прим.: Болтливая Кэти — Chatty Cathy — «говорящая» кукла. На сленге обозначает человека, который говорит без умолку).

— Просто чтобы ты знала, Нита, я не сумасшедший или что-то в этом роде. Да, я был в тюрьме, но ты не должна беспокоиться о том, что я сделаю что-то сумасшедшее с тобой или этими детьми. Я не сторонник подобных вечеринок, я не опускаюсь настолько.

— О, я знаю. Ты прав в одном, детка, потому что ты был бы сумасшедшим, если бы хоть на секунду поверил в то, что я впущу тебе к моим девочкам, предварительно не проверив. Только что из тюрьмы?! Ты бы ни за что не зашел в дом до того, как я проведу проверку. Парень, я тебя умоляю! — усмехнулась она. Он должен был знать.

— Как только Олив сказала мне, что хочет поговорить с тобой, я потратила девятнадцать долларов и девяносто девять центов на то, чтобы быстро проверить твою задницу. Тебе предъявлены всевозможные обвинения, Хантер, которые меня определенно беспокоят, но, похоже, эти вопросы касались угонов автомобилей, а насильственные преступления были направлены против конкретных людей. Тем не менее, я прочитала весь отчет — а он был большим — и не увидела домашнего насилия, изнасилований, нападений на женщин и тому подобного. Я также держу при себе нож в комплекте с пистолетом и поверь мне,

я знаю, как им пользоваться, поэтому, пожалуйста, не позволяй улыбке, дружелюбию Олив и лазанье, которую ты не любишь, но съел, одурачить себя.

При этих словах он рассмеялся. Женщина была веселой и произвела на него впечатление.

— Во-первых, тебе не нужно так кричать в телефон. Я тебя услышал. Во-вторых, я не причиняю вреда женщинам, Нита. Я вырос, видя, как избивают мою мать, поэтому поклялся, что никогда этого не сделаю, как бы моя девушка или кто-то другой ни испытывали мое терпение. Я знаю свою силу. Я умею драться. Мои руки — это смертельное оружие, поэтому их нельзя использовать на женщине. Кроме того, я знаю, что у тебя есть пистолет.

— Как ты это узнал?

— Он оттопыривал карман твоих штанов. Зная, где ты живешь, я бы в любом случае посоветовал тебе его купить. Там, где ты находишься, небезопасно, особенно когда некоторые могут захотеть воспользоваться домом, полным женщин. Еще там куча наркоманов. Я не говорю, что ты слабая. Я просто знаю, как думают люди. Они пойдут на все, чтобы заполучить легкую добычу. Что касается этих девятнадцати долларов и девяносто девяти центов, я верну тебе их. Эти деньги потрачены не зря. Я рад, что ты бдительная мать. Я не могу винить тебя за это. Лучше себя обезопасить, чем потом сожалеть.

Закурив, он открыл окно и выпустил дым.

— Было бы неправильно брать твои деньги, Хантер. Тебя только что освободили, и ты сам сказал, что сейчас у тебя проблемы с финансами.

— Я только что получил от Ноя более двадцати штук за несколько монет. И да, это была законная сделка.

— Что?! Ну, в таком случае я могу вернуть свои девятнадцать долларов и девяносто девять центов, включая двести процентов!

— Ты сухопутная акула, — со смехом сказал он. — Хорошо, теперь серьезный вопрос. Что насчет того свидания? Ты позволишь мне пригласить тебя?

— Не стоит.

— Я могу пригласить тебя в хорошее место. Лучшее, чем «Олив Гарден» или «Ред Лобстер». Пойдем в какое-нибудь модное место, куда нужно будет надеть пиджак и красивое платье, — его слова встретили молчанием. Она тяжело дышала на другом конце провода, пытаясь так, словно была раздражена. — Я знаю, что ты все еще на связи, детка. Я слышу тебя.

— Ты же знаешь, Хантер, что я не могу встречаться с тобой.

— Нет, иначе я бы не просил.

— Что ж, ответ — «нет». В любом случае, подъезжай. Я разогрею десерт, и вы с Олив сможете мило поболтать перед тем, как ты отправишься в свой отель.

Было очевидно, что она пыталась побыстрее закончить этот разговор и не тянуть с этим ни секунды. Она собиралась оттолкнуть его, потому что он положил на нее глаз, но никто из тех, кого выбирал Хантер, не мог просто так уйти, если только он сам не чувствовал желания позволить им это сделать.

— Я продолжу работать над тобой. В конце концов, ты пойдешь со мной на свидание.

— Этого не произойдет. Я в отношениях.

— Ложь! — Он покачал головой. — У тебя нет мужчины, Джанет. Я с уверенностью могу сказать это. У тебя в глазах оценивающий взгляд... ты голодна. Я могу накормить тебя, детка... — его голос затих, когда он подумал о том, какая она чертовски красивая, и как

сильно он хотел ее поцеловать. Трахнуть ее. — Дай мне шанс попытаться. Что? Ты не связываешься с белыми парнями? Если нет, то стоит попробовать. Почувствуешь вкус гребаной радуги. Я знаю, что грубоват, но держу пари, ты с этим справишься. (Примеч.: «почувствовать вкус радуги» — выражение, означающее получение невероятного сексуального опыта).

— Я не в отношениях. Я действительно солгала, но мы все еще не собираемся встречаться, и это не имеет ничего общего с тем, что ты белый. Забудь об этом. Увидимся позже.

Она быстро завершила звонок, не дав ему возможности ответить. Потянувшись к радио, он стал искать что-нибудь по своему вкусу, пока не наткнулся на «Radioactive» от «Имеджин Дрэгонс». Он кивал под музыку, и ему не терпелось поскорее умять свой горячий сладкий яблочный пирог...

Мир, Радость и Счастье

— Почему именно Детройт? — спросил Джастин, наблюдая, как Хантер складывает свою одежду в пару спортивных сумок.

В его словах сквозило беспокойство. Вынимая свою одежду из мешков для мусора, которые использовал в качестве ящиков комода, Хантер аккуратно складывал вещи, сидя на диване в гостиной. Нахмурившись, парень придвинулся к нему ближе.

— Потому что я не знаю, каков будет мой следующий шаг, Джастин, и здесь у меня были плохие предложения по работе. Они хотят, чтобы я вкалывал как проклятый, а взамен ни хрена не платить. В Детройте шансов найти хорошую работу будет больше. У меня даже появилось несколько зацепок.

— А как насчет жилья? Трудно найти приличное место, если у тебя низкий кредитный рейтинг. Твой, вероятно, составляет 400, — усмехнулся Джастин, как будто это было забавным. (Прим: кредитный рейтинг — число, которое представляет кредитоспособность человека, классический кредитный рейтинг составляет от 300 до 850 баллов).

Хантер, подавив раздражение, продолжал запикивать свои вещи в сумки.

— Так уж получилось, что у меня уже есть место, — улыбка на лице его брата быстро исчезла. — Договор аренды уже подписан. И мой кредитный рейтинг, ублюдок, не 400. Он не самый лучший, но и не самый плохой. Мне нравится квартира, которую я выбрал, и домовладелец сказал, что я могу въехать сразу же. Это отличная однокомнатная квартира с балконом. Я уже внес залог и арендную плату за несколько месяцев, — Джастин выпустил дым из уголка рта, явно раздраженный, судя по подергиваниям его тела.

— Но ты только что вышел из тюрьмы, чувак. Я имею в виду, что ты на свободе всего пару месяцев. Я знаю, что ты подписал договор аренды и все такое, но я хотел бы, чтобы ты сказал мне, почему покидаешь Сагино.

— Зачем?

У Джастина отвисла челюсть, как будто он не мог поверить в те слова, которые услышал.

— Зачем? Потому что ты мой гребаный брат, и мы сейчас действительно проводим много времени вместе! Я имею в виду, черт, Детройт не в миллионе световых лет, но и не в нескольких кварталах отсюда. Хантер, я просто иногда не понимаю, как работает твой разум. Боже! — он бросил сигарету в пепельницу, его глаза были полны гнева. Хантер бросил на него быстрый взгляд.

— Джастин, я должен позволить твоей семье вернуться к своим обычным делам.

— Ты тоже моя семья...

— Ты понимаешь, о чем я говорю. Я занимаю место. Кроме того, это недалеко, ты можешь приехать в любое время.

Его брат, хмыкнув, нахмурился.

— Нам нравилось, что ты здесь, Хантер. К тому же ты хорошо ладишь с детьми.

Ты просто злишься из-за того, что уезжает ваша няня.

— Я ценю это и все, что ты для меня сделал, но взрослый здоровый мужик не должен месяц за месяцем жить на твоём диване, Джастин. Пора съезжать. Время пришло, — Хантер

встал, схватил еще один мешок с одеждой и, сев на край дивана, стал застегивать молнию на сумке. Он улыбнулся, услышав, как одна из его племянниц смеется, бегая и играя. — Перед тем, как уехать, я хочу дать кое-что тебе.

— Что?

Поднявшись на ноги, Хантер полез в карман и, вытащив пачку денег, увидел, как удивленно расширились глаза его брата.

— Откуда, черт возьми, ты все это взял, чувак? Кого, нахрен, ты ограбил?

Хантер, лизнув большой палец, начал отсчитывать пятидесятидолларовые купюры.

— Я чист, это все, что тебе нужно знать, — он точно не собирался рассказывать Джастину о коллекции монет и прочих вещах, которые он нашел на складе.

Кроме того, деньги, которые он сейчас вытащил, составляли лишь небольшую часть того, что у него было. Джастин был хорошим парнем, но Хантер знал, что у этого ублюдка был длинный язык. Он слишком много говорил и к тому же был хвастуном. Джастин, несомненно, пропил или промотал бы все деньги. Пройдет совсем немного времени, прежде чем мудаки начнут его преследовать из-за того, что Джастин всем разболтал о том, что его старший брат сорвал куш.

Его старые враги были готовы разорвать его на куски, чтобы заполучить то, что у него было. Кроме того, Хантер разозлил кучу народа, и, хотя чаще всего сукины дети сами навлекали на себя его гнев, это не меняло того факта, что их жажда мести может дорого ему обойтись. Последнее, что ему было нужно, это разбить чье-то лицо, даже в целях самообороны. Без сомнения, обвинили бы в этом именно его.

В уме Хантер разыгрывал различные сценарии, решив, что Джастин не должен знать абсолютно ничего.

— Итак, это тебе.

— Черт, мужик! Сколько здесь?

— Достаточно, — он вложил деньги в ладонь Джастина. — Я хочу, чтобы ты нашел квартиру побольше для себя, своей девушки и детей, хорошо? — Джастин кивнул, но казался слишком взволнованным, чтобы по-настоящему слушать. — Вам нужно пространство. Здесь слишком тесно, и ты сказал, что Миранда недавно узнала, что снова беременна. Еще я добавил немного денег на продукты.

— Спасибо, чувак! — Джастин улыбался, считая деньги, а затем сжал его в крепких медвежьих объятиях, источая благодарность. Хантер принял объятие, чувствуя себя немного неловко. Джастин временами был чертовски тупым. Парень был печально известен своей сентиментальностью, когда был пьян, склонностью к философии, когда был под кайфом и любвеобильностью, когда был счастлив. Наконец, Джастин отпустил его и запихнул деньги в карман своих штанов.

— Может, я смогу убедить Миранду переехать в Детройт, а? — ухмыльнулся он, качаясь на пятках. Хантер засунул свои ботинки во вторую спортивную сумку.

— Это ваше дело.

— Что? — его брат развел руками. — Ты не хочешь, чтобы я был там?

Хантер пожал плечами.

— Я этого не говорил. Все, что я хочу сказать, это то, что ты можешь быть там, где, черт возьми, хочешь быть, чувак. Просто делай то, что будет лучше для тебя и ребят.

Он позвал детей и дал им всем пять.

— Ведите себя хорошо, ладно? — все трое кивнули, и младшая его племянница

заплакала. Хантер посмотрел на маленькую девочку с копной шоколадных кудряшек, розовыми щечками и раскрасневшейся персиковой кожей. Взяв ее на руки, он поцеловал ее в висок.

— Я буду рядом. Дядя Хантер скоро вернется, хорошо? Обещаю.

Кивнув, она обхватила его своими теплыми ручонками и крепко обняла. Хантер поставил ее на пухлые босые ножки и взглянул на Джастина, который казался грустным и раздосадованным одновременно.

— Проводи меня до машины.

Джастин выглядел так, будто его чувства были задеты, и он хотел выразить свой протест. Хантер не знал, что сказать, поэтому продолжал идти. Шаг за шагом. Когда они дошли до серебристого «Хюндай», который он купил на распродаже подержанных автомобилей, они ударили по рукам и обнялись.

— Эмм, Хантер... еще раз спасибо за деньги. Я на мели, поэтому они мне пригодятся.

— Ты приютил меня. Ты мой брат. Это меньшее, что я мог сделать.

Джастин засунул обе руки в карманы, выглядя взволнованным.

— Джастин, я знаю, что у тебя неприятности.

— О чем ты говоришь? — его брат выглядел искренне удивленным.

— Чувак, я знаю тех пидоров, которые ходили вокруг дома. В ту ночь они колотили в дверь, а ты выглядывал в окно, как параноик... Ты связался не с теми людьми.

Джастин цокнул языком, закатив глаза.

— Не отмахивайся от того, что я тебе говорю, — выпалил Хантер ему в лицо. — Я каждую гребаную ночь держал пистолет наготове. Если бы кто-нибудь из этих ублюдков вломился в эту дверь и попытался причинить вред тебе, Миранде или моим племянникам, я бы продырявил их нах*р и заставил захлебнуться собственной кровью.

Схватив Джастина за шею, Хантер притянул его к себе и, прижавшись к его лбу своим, посмотрел ему в глаза. Адреналин возрос и его охватил гнев, когда в голове Хантера проносились эти видения.

— Ты должен защитить свою женщину и детей, чувак. Больше никто этого не сделает. Ты все, что у них есть! Ты хочешь, чтобы они остались без тебя? Ты этого хочешь?! Перестань продавать это дерьмо! — стиснув зубы, он отпустил брата и отвернулся.

— Эмм, Хантер... Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Что? — открыв дверцу машины, он забросил свои сумки внутрь.

— Я не хотел говорить, но на прошлой неделе я получил письмо от отца. Думаю, теперь он тоже знает о твоём освобождении. Он сказал, что...

— Мне плевать, что сказал этот червяк, — Хантер плюхнулся на изношенное водительское сиденье машины и запустил двигатель. Джастин спокойно вытащил сигарету из куртки и закурил. Склонив голову набок, он неторопливо курил с задумчивым видом, затем, прищурившись, посмотрел на небо, словно наблюдая за восходом солнца, и нахмурился.

— Хантер, он хочет, чтобы мы навестили его. Думаю, тебе стоит об этом подумать.

— Ты можешь делать все, что хочешь, но я, нахрен, не собираюсь отказываться от тех слов, что сказал ему много лет назад. Я сказал, что, если ему будет нужна хоть одна капля воды, чтобы жить, я опустошу все кувшины с водой по всему миру, отравлю океаны, остановлю дождь и осушу все бассейны, озера, реки, ручьи и лужи. Я бы даже не дал ему свою чертову рвоту или плевков слюны. И когда бы он умирал, я бы смеялась ему в его

гребаное лицо, а потом танцевал бы на его мертвом теле. К черту его. К черту то, что он хочет. Я позвоню тебе завтра, — Хантер захлопнул дверцу машины и, сдав задним ходом, выехав с парковочного места.

Он не осмелился взглянуть в зеркало заднего вида, но знал, что Джастин все еще стоит там, грустный, подавленный и, вероятно, убежденный, что он хладнокровный кусок дерьма. Это не имело значения, но свои отношения с отцом он отказывался пересматривать. Для него их отец был мертв. Хантер включил проигрыватель компакт-дисков — пережиток старины, который все еще работал — и вставил один из дисков, которые хранил в солнцезащитном козырьке. Сквозь дрянные заводские динамики зазвучал «Ain't no Future In Yo' Frontin» MC Брида, когда он, выехав из города, направился в Мотор-сити... (Прим.: в XX веке Детройт был крупным автопромышленным центром, получив славу «автомобильной столицы мира» и «города моторов»).

— Прошла пара недель, но он держится, — сказал Хантер, стоя на пороге дома Ниты. Капюшон его толстого черного пальто небрежно лежал, словно он откинул его в спешке.

— Олив передала слова Кайли о том, что Ноя перевели в хоспис.

— Да.

— С ним все в порядке? — если бы она моргнула, то пропустила бы выражение страдания, промелькнувшее на его лице. Казалось, ее слова потрясли его, открыли дверь, которую он обычно держал закрытой, а затем, спохватившись, он захлопнул ее, пока не стало слишком поздно.

— Да.

Мужчина выглядел немного взволнованным. Сегодня было намного холоднее, чем накануне. Короткие волосы Хантера трепал ветер, а его глаза сияли. Когда он посмотрел на нее, она крепко стиснула свой халат.

— Заходи. Нет смысла стоять там вот так.

Подавив свою гордость, она открыла дверь пошире и впустила мужчину внутрь. Пройдя мимо нее, он направился напрямик к дивану, не дожидаясь приглашения чувствовать себя как дома. Она не видела его с того дня, как приготовила ему лазанью и яблочный пирог. Он съел практически половину каждого блюда. Кормежка такого гиганта, как он, влетала в копейчку. Этот человек был тот еще проглот.

Ее раздражало то, как ее дочь и Олив продолжали болтать о нем после того, как он ушел, говоря, какой Хантер милый, какие забавные истории и шутки он рассказывал, и все такое прочее, из-за чего стало ясно, что он произвел хорошее впечатление. Но прямо сейчас он выглядел довольно жалко.

— Прости, что пришел без звонка, но я был неподалеку и решил заглянуть, — он потер свои большие руки.

— Хочешь кофе или чая?

— Кофе было бы здорово.

Нита пошла на кухню, подпевая звучащему по радио: «Я все еще люблю тебя» Эла Грина. Взяв черную кружку, она аккуратно налила в нее кофе, наслаждаясь ароматом, витающим в воздухе.

— Ты не слишком молода, чтобы это слушать? — сказал он из гостиной.

— О нет, я люблю классику! Моя мать была без ума от Эла Грина. Моему отцу он тоже нравился, но мама была влюблена в него. Она бы, наверное, оставила моего отца ради этого человека, если бы он попросил, — пошутила она. — Хочешь сливок или сахара? Или и того

и другого?

— Просто черный. Спасибо.

Спустя несколько мгновений вернувшись в гостиную, она обнаружила, что мужчина, сидя там слегка сторбившись, медленно раскачивался в такт музыке, и по какой-то странной причине ее сердце затрепетало в груди.

— Держи, — вручив ему кружку, она обошла вокруг дивана и встала перед ним. Хантер, тут же сделав глоток, поставил ее на журнальный столик.

— Как я понимаю, Олив и Тиша в школе?

Она кивнула и села напротив него, скрестив ноги.

— Да. Сегодня я наслаждаюсь тишиной. По вторникам у меня выходной.

— Да, ты говорила мне, то есть, ты упомянула об этом в разговоре, и я вспомнил, — подмигнул он ей. Фыркнув, Нита обдумывала его слова, несколько обескураженная. — Сейчас я живу здесь, в Детройте.

— О, — ее брови удивленно приподнялись. — Из-за Ноя?

— Частично. Это облегчает его посещение, но еще здесь больше возможностей для трудоустройства. Я нашел подработку в одной компании. У них есть команда парней, которые ремонтируют дома, квартиры и прочее.

— Хорошо, что ты все еще пытаешься найти работу, Хантер. Несмотря на то, что у тебя недавно появились деньги, они быстро закончатся, — она пожала плечами. — Такова жизнь. Всегда нужно планировать будущее.

Мужчина, сделав еще один глоток кофе, прикрыл глаза. Он гладил свою бороду, запуская в нее пальцы, словно распутывая невидимые узелки.

— Послушай, я не собираюсь ходить вокруг да около, — он наклонился вперед и кисти его рук безвольно упали между его разведенных коленей. — Я был неподалеку, но я также приехал, чтобы узнать, не захочешь ли ты перекусить со мной в эти выходные... Может быть, сходить в кино.

Взяв с тарелки на кофейном столике ириску, она развернула ее и сунула в рот.

— Ты думаешь, я в отчаянии? — наконец спросила она, громко и сильно посасывая конфету, аромат которой, обволакивая ее язык, закружился в воздухе.

— Нет.

— Должно быть. Потому что ты заключенный и...

— Бывший заключенный. Заключенный — это тот, кто в настоящее время находится в тюрьме, а я не там, — поправил он и сделал глоток кофе. Вздохнув, она покачала головой.

— Почему ты так одержим свиданием со мной, Хантер? Я имею в виду, ты красивый мужчина. Большинство женщин, мне кажется, согласились бы провести с тобой время. У тебя есть машина и...

— Меня не волнует, что думают другие. Что думаешь ты? Ты находишь меня привлекательным? — склонив голову набок, он выглядел серьезным, как сердечный приступ. Нита хотела солгать и сказать «нет», но решила не делать этого.

— Да, наверное, я среди тех, кто считает тебя привлекательным, но на самом деле это не имеет никакого значения. Я хочу сказать, что у тебя сейчас отложено немного денег, благодаря которым ты можешь немного продержаться. Этого достаточно, чтобы покорить кого-то другого. Сейчас в своей жизни я осторожна в том, с кем встречаюсь.

Мужчина ненадолго замолчал. Может быть, сейчас он сменит тему или уйдет.

— Ты мне кого-то напоминаешь. И нет, я сейчас говорю не о Джанет Джексон. —

Ухмыльнулся он. Она улыбнулась ему в ответ, покачивая ногой взад и вперед, аромат конфеты становился еле слышным, когда она таяла у нее во рту.

— Что ж, кем бы она ни была, Хантер, я не она, и я не могу ее заменить.

— Это не она. Это он. Я.

Она долго и пристально смотрела на Хантера, не уверенная, что правильно его поняла. Они были разными как небо и земля.

— Эмм... — засмеявшись, она покачала головой. — Не думаю, что у нас много общего, Хантер. Мы два разных человека.

— Я все же думаю, что мы похожи, — он откинулся на белые подушки, выглядя при этом чертовски дерзким. — Например, тогда, во время ужина, ты говорила, что каталась на роликах на катке «Нортленд».

— Да, и что?

— Ну, я тоже был там, когда сюда приехал. Мало того, что мы оба любим кататься на роликах, мы еще, к тому же, были на одном катке и даже не подозревали об этом. Я был там со своими друзьями. Еще одна общая черта — мы оба любим яблочный пирог. Когда я вернулся к десерту, ты сказала, что это твое любимое блюдо. Однажды Олив спросила, чего мне не хватало в тюрьме, и я ответил: бильярда, гитары и просто свежего воздуха. Затем ты призналась, что тоже умеешь играть в пул, но не играла годами. Еще мы любим хорошую музыку.

— Ты сказал, что я слишком молода, чтобы слушать Эла Грина.

— Я не говорил, что ты слишком молода. Я спросил, не слишком ли ты молода. Я имею в виду... — он пожал плечами. — Я понял, что тебе нравится Эл Грин, потому что ты подпевала ему. Честно говоря, я не фанат такой музыки, но я ее уважаю, понимаешь? Посмотри, где мы оба выросли? — он развел руками. Она не могла с этим поспорить. Мотаун. — К тому же эта музыка вызывает много воспоминаний. (Прим.: Мотаун — Motown — название Детройта).

— Каких воспоминаний?

— Счастливых. Меня воспитывали бабушка и дедушка. Моя бабушка была немного религиозной, — Нита понимающе кивнула. — «Эл Грин тоже был религиозным человеком», — сказала она, и однажды принесла домой его госпел-альбом, купив его у какого-то парня, продававшего пластинки возле ее церкви. Она постоянно крутила его песню под названием «Все будет хорошо».

Мужчина опустил взгляд и улыбнулся. Она не могла не сделать то же самое.

— Я знаю эту песню, Хантер. Мои родители часто слушали ее.

— Да? Это было не так уж плохо. Моей бабушке она нравилось. Она не особо увлекалась госпелом, в основном христианской музыкой, гимнами, музыкой 1950-х и 60-х годов, но ей очень нравилась эта песня. Думаю, от нее ей было хорошо, — в его глазах повился счастливый блеск. — Я помню, как она танцевала под эту песню, качая бедрами, в своем любимом небесно-голубом платье в мелкий желто-белый цветочек. Оно было большим, мешковатым, кажется, это называется «балахон», — он пожал плечами. — Она запускала ту штуку, ставила пластинку и включала эту песню, пока убирала или готовила. Я никогда не видел, чтобы она много танцевала, но под эту песню она это делала, — его улыбка медленно исчезла, когда он провел рукой по своему подбородку.

— У нее был хороший вкус.

— Да, так и есть, а еще она хорошая женщина. Из тех, кто не судит о книге по

обложке, — Нита сердито посмотрела на мужчину, зная, что это был камень в ее огород, но промолчала. — Я не хочу, чтобы ты фокусировалась на моем прошлом, Нита, и на том, что я делал, чтобы попасть в тюрьму. Сейчас я не там. Это лишь малая часть меня. Хотелось бы, чтобы меня судили по тому, как я разговариваю с тобой, отношусь к Олив и все такое прочее. Ты знаешь, мы с ней переписываемся практически каждый день.

Ей пришлось признаться себе, что он был прав. Мужчина держал ее в курсе ухудшающегося состояния отца.

— Хантер, ты должен кое-что понять. Находить тебя привлекательным и восхищаться тем, как ты справился с деликатной ситуацией с Олив недостаточно. Я беспокоюсь не только о себе. У меня есть дочь. Я должна быть для нее примером. Она может пойти по моим стопам, и я не хочу, чтобы она сделала те же ошибки, что и я. Честно? Я бы не хотела, чтобы она встречалась с кем-то вроде тебя.

— А она и не будет, это будешь ты.

— Ты понимаешь, о чем я. Если бы ты использовал ту же настойчивость и целеустремленность, чтобы идти по прямому пути, то, возможно, не столкнулся бы с теми неприятностями, которые, в конечном счете, привели тебя в тюрьму, забрали твою свободу и сделали тебя еще одним винтиком в системе. Быстрые деньги того не стоили, по крайней мере, я надеюсь на это.

— У тебя бывают носовые кровотечения?

Она бросила на него озадаченный взгляд.

— Нет. Почему ты спросил? Что-то капает?

Слегка улыгнувшись, он медленно встал и застегнул куртку.

— Я спросил потому, что там, на той высокой лошади, должно быть, очень ветрено, Нита. (Прим.: имеется в виду, что пребывание на большой высоте среди других симптомов часто вызывает носовые кровотечения). Наверное, тяжело быть образцом совершенства... смотреть оттуда, сверху вниз на всех нас, неудачников.

Она, закатив глаза, встала.

— Я не это имела в виду, Хантер, но ты можешь верить во что угодно.

Нита проводила его до двери, и когда он открыл ее, порыв ветра обдал ее холодом. Зима собиралась вступить в свои права, выпустив лютые морозы и стужу. Хантер, выйдя из дома, больше ничего не сказал. Сетчатая дверь ударила о раму позади него. Когда он открыл дверцу машины, Нита вышла на маленькое крыльцо. Ее сердце колотилось, и небольшая паника овладела ею. Она сделала это прежде, чем подумать.

— Хантер, подожди!

Повернувшись, он уставился на нее. Вытащив из кармана сигарету, он зажег ее, а затем затянулся. Выпущенный им дым, попав в холодный воздух, образовал дымный шар, который затем улетел.

— Пойдем на каток, — она широко улыбнулась, ощущая холодный воздух на своих зубах. Его глаза засияли.

— Я позвоню тебе позже.

Сев в машину, он завел двигатель и уехал, а она продолжала стоять, убеждая себя в том, что согласилась на его приглашение только потому, что ей было его жаль, потому что он продолжал настаивать, потому что он был таким милым с Олив, потому что он развлекал Тишу и даже дал ей несколько разумных советов относительно разногласий, которые были у них с девочкой. Но это была неправда — ничего из этого не было движущей силой, которая

ее подтолкнула. Факты оставались фактами.

Она согласилась потому, что он ей нравился.

Она согласилась потому, что когда он говорил, его слова звучали правдиво.

Она согласилась потому, что он был уверен в себе, и его поведение было настоящим, он не пытался устроить шоу или произвести впечатление. Хантер не пытался вести себя иначе, чем был на самом деле. Она видела выражение его лица, когда он с такой нежностью рассказывал ей о своей бабушке. Нита больше не думала о его проблемах с законом, когда он прямолинейно осадил ее. Он не обругал ее. Он просто высказал свое мнение, а затем уехал. Хантер был Хантером. В конце концов, он был просто... мужчиной.

Мужчиной, который хочет тепла как она и многие другие. И кто мог обвинить его в этом? Многие пытаются сделать это и даже больше.

— «Миииир! Радость и счастье!.. Он возвращается!» — пропела она слова из песни Эла Грина, которую обожала его бабушка, а затем, вернувшись в дом, заперла дверь. — «Как и обещал...»

Слежка, Сигареты и Роликовые Коньки

— Приближается твой день рождения, поэтому мы подумали, что отведем твою задницу в казино, как в старые добрые времена, — заявил Итан на другом конце провода. — Раньше ты любил казино. Помнишь, чувак?

Итан был одним из друзей детства Хантера, с которыми он поддерживал связь. Тот даже несколько раз навещал его в тюрьме. Запах свежего ковра в новой квартире Хантера был почти опьяняющим. Прислонившись к светло-бежевой стене, он выглянул в окно. Снаружи был пасмурный день с неприятной прохладой в воздухе, но Хантеру он все равно нравился.

— Ну? Что ты думаешь? Помнишь, как мы там веселились?

— Да, помню. Звучит хорошо, чувак. Я с нетерпением жду этого. Итак, вы все готовитесь приехать сюда? Круто.

— Да. Мы зажжем, чувак.

— Не позволяй мне пить слишком много, — улыбнулся Хантер, вспоминая пьяную ночь, которая была у них много лет назад. — Это было безумием.

По улице ехал старый микроавтобус, время от времени притормаживая, словно искал дорогу.

— Не позволять пить тебе? Блин, тогда нам нужно будет присматривать друг за другом, — усмехнулся Итан. — Я просто хочу хорошо провести время со своим братаном. Мне не удалось устроить тебе вечеринку по поводу твоего выхода, поэтому я определенно хочу, чтобы у тебя был классный день рождения. Никаких глупостей, чувак. Я не собираюсь возвращаться в тюрьму в ближайшее время.

— Я услышал тебя.

— Одного раза было достаточно. Так что да, мы с Майком и Брюсом приедем и обеспечим тебе хорошее настроение. Рад, что тебя выпустили. Мы узнали об этом только через неделю. Ты должен был мне позвонить.

— Да, это произошло быстрее, чем ожидалось. Якобы адвокат потянул за ниточки, но на самом деле тюрьма была переполнена, поэтому они выпускали людей, в основном тех, кто сидел за ненасильственные преступления, — Хантер пожал плечами. — К тому же помочь его просили мои бабушка и дедушка. Это был единственный раз, когда я был там не за то, что надрал кому-то задницу, так что, я думаю, это было удачное стечение обстоятельств.

— Или застрелил кого-то.

Он фыркнул от слов своего друга. Это было правдой.

— Это было обвинение в хранении оружия, которое поимело меня, Итан. Меня поймали с этим «Глоком».

— Да, ты облажался, братан. Ладно, я позвоню тебе перед тем, как мы будем выезжать. Только не забудь!

— Не забуду. Созвонимся позже, — Хантер завершил разговор и, надев пальто, вышел на парковку дома к арендованному им грузовику.

Следующие несколько часов он перетаскивал мебель, вывезенную со склада Ноя, на второй этаж многоквартирного дома. Расставив все по своим местам, Хантер, покрытый

потом, запрыгнул в душ, его мышцы горели. Стоя под горячей водой, как никогда нуждаясь в очищении, он был доволен, что о некоторых вопросах подумал заранее.

Ниже по улице, в магазине «Семейный Доллар» он приобрел дешевую занавеску для душа, а также пару кусков мыла, дезодорант, расческу, зубную пасту, зубную щетку, жидкость для полоскания рта, два дешевых, но мягких банных полотенца и соответствующие им полотенца для рук и лица и бутылку шампуня. Также он купил несколько пачек сухих закусок, ингредиенты для приготовления бутербродов и пиво на пару дней. Пока Хантер стоял в душе под горячей водой, стекающей по его телу, его мысли возвращались к тому, как мало зависела температура воды в тюрьме от его предпочтений.

Иногда она была очень горячей, почти обжигающей. В других случаях холодной, словно лед. Ему нравилось нечто среднее. Было приятно, наконец, получить больше контроля над своей гребаной жизнью. Не выполнять ничьих приказов. Не носить комбинезон с номером. Не терпеть обращение к себе как к животному.

Выйдя из ванной, Хантер направился в свою спальню, даже не потрудившись вытереться. Возможно, он надеялся, что холодный воздух, окутав его влажное тело, заставит его почувствовать себя живым, обновленным? Его новое ощущение свободы приходило к нему урывками — он делал то, чего обычно не делал просто потому, что теперь мог. Он стоял там, мокрый, забыв, что не купил ни одной гребаной занавески. К счастью, имеющиеся у него жалюзи были закрыты. Хантер заглянул в свой шкаф, куда повесил несколько имеющихся у него вещей и, сняв с вешалки пару джинсов, направился к большому продуктовому пакету, стоявшему в углу комнаты. Порывшись в нем пару минут и найдя пару чистых боксеров, он надел их, а затем джинсы. К ним он добавил белую майку, носки и черную толстовку с капюшоном. Вернувшись в ванную с телефоном, он открыл свой плейлист и поставил «I Got 5 On It» Луниза. Запустив пальцы в волосы, он приподнял пряди на макушке, отмечая ее длину.

— Черт... волосы растут слишком быстро.

Хантер, покрутив головой, рассмотрел себя с разных сторон, решив оставить имеющуюся длину на макушке, а сзади через пару дней укоротить. Взяв гребешок для бороды, он прочесал мелкими зубцами слегка волнистые темно-коричневые волосы, среди которых было несколько золотисто-коричневых и одна серебряная, которая продолжала вырастать независимо от того, сколько бы раз он ни выдирал эту засранку. Проголодавшись, он съел пакет чипсов, запив их пивом, и схватил ключи от машины. Он собирался заехать в магазин автозапчастей, а затем на автосвалку, чтобы найти детали, необходимые для ремонта классической тачки Ноя. Как только Хантер сел в машину, раздался телефонный звонок. Миранда...

— Что случилось, невестка?

Он подумал, что она позвонила по поводу плохого поведения детей или просто выговориться о Джастине, как иногда делала.

— Хантер, на Джастина напали и отобрали все деньги!

— Что?! Он в порядке?

— Нет, да... Я имею в виду, он может говорить и все такое, но он очень сильно избит! Фингал под глазом, разбитые губы. Мы только что вышли из больницы. Он едва может идти.

— Кто это сделал? Он знает? — в голове Хантера началась пульсация.

— Джастин сказал, что это были парни, с которыми он раньше дружил... или думал, что это было так. Не знаю, что случилось, но все они были на какой-то вечеринке в баре и те

парни забрали у него деньги, которые ты ему дал.

Откинувшись на спинку кресла, Хантер закрыл глаза.

— Что именно, черт возьми, произошло, Миранда?

— Ну, Джастин положил немного денег в банк, но больше половины оставил при себе, потому что собирался оплатить некоторые просроченные счета. У него были деньги, и я думаю, что один из парней в баре видел, как он их доставал. Он сказал, что не показывал их, но они, должно быть, увидели деньги, когда он полез в бумажник, чтобы заплатить за свою и их выпивку. Он сказал им, что ему помог его брат... Он хвастался, но не собой. Джастин был так счастлив от того, что ты сделал, и мы уже стали присматривать новые квартиры и даже несколько домов, которые сдаются в аренду... Он ужасно себя чувствует, Хантер!

Хантер вздохнул и покачал головой.

— Черт! Уезжая от вас на днях, я сказал Джастину, чтобы он никому ни хрена не говорил. Я звонил ему два дня назад и сказал: «Положи это дерьмо в банк, пока оно тебе не понадобится», — Хантер раздраженно стукнул кулаком по рулю, его сердце стало болезненно биться, когда тело до краев наполнилось яростью. Его младший брат был таким чертовски предсказуемым, что он мог бы сверять по нему часы. — Просто для ясности, Миранда, ты уверена, что это никак не связано с продажей наркоты? Потому что Джастин...

— Нет, я очень сомневаюсь в этом, Хантер. Все дело в деньгах. На самом деле, Джастин сказал, что на часть денег он собирался выучиться на сварщика в техучилище. Он сказал, что ты заставил его серьезно задуматься об этом. Те парни думали, что у него больше денег, чем было в кармане, поэтому они подвезли его к банкомату, но испугались, когда банковский работник посмотрел на них через окно машины, а затем рядом оказался полицейский. Тогда его завели за какое-то здание и сильно избили. Они оставили его там, забрав его телефон.

— Его телефон можно отследить.

— Они выключили его.

Хантер, сдав назад, выехал с парковки и взглянул на часы — было почти шесть вечера.

— Он дал им пароль?

— Нет. Они просто забрали его и уехали.

— Тогда они не думали об этом. В конце концов, говнюки снова его включат. Вероятно, они попытаются взломать его. Телефон Джастина почти новый. Проверь каждые пять-десять минут, не появится ли сигнал на твоём ноутбуке.

— Хорошо, — Миранда все поняла.

Она слишком много прожила со своим мужчиной, чтобы понимать такие вещи. Все было ясно как белый день.

— Где сейчас мой брат? В постели?

— Да. Лежит. Врач в больнице выписал ему рецепт, по которому по дороге домой мы купили лекарства в «Уоллгринс». Сегодня за детьми присматривает моя мама, — прошло несколько минут тишины. — Хантер, я думаю, они могли продать телефон.

— Они не смогут его продать, пока не взломают. Ну, смогут, но тогда они получат за него гораздо меньше. Они знают, что как только они включат телефон, его можно будет отследить. На телефоне Джастина установлено скрытое приложение. Даже если они вычислят пароль и отключат функцию поиска телефона, они не смогут увидеть это приложение, и оно все равно будет отслеживать телефон, но эти парни тупые как пробки.

— С чего ты взял?

— Потому что они украли телефон и не спросили пароль от него. Но что более важно,

они отвезли Джастина в банк среди бела дня. В банк с камерами, полицейскими и свидетелями, в рабочее время. Вдобавок Джастин знает, кто они такие, и они оставили его в живых. Просто охренительно тупо. За это им светит обвинение в особо тяжком преступлении, а не какая-то воспитательная беседа. Они даже не могли сделать это дерьмо правильно, хотя у них было преимущество, так что поверьте мне, они облажаются и с этой последней частью. Пока они неуклюже пытаются что-то сделать с телефоном, у нас достаточно времени, чтобы его отследить. Загруженность дорог сейчас не очень большая, так что я буду у вас меньше, чем через полтора часа.

Хантер доехал до светофора и, повернул направо, выехал на скоростную автомагистраль. Он слышал, как женщина шмыгает носом, как будто плачет.

— Как тебе новая квартира, Хантер? Джастин хотел приехать и посмотреть... Похоже, некоторое время он не сможет этого сделать.

— Все здорово. Слушай, позвони или напиши мне, как только отследишь телефон, хорошо? Я имею в виду, сразу же.

— Хорошо.

Хантер завершил звонок и стал думать. Он ехал без радио, без музыки в тишине, которую нарушал лишь шум ветра и машин, проезжающих мимо. Когда он был примерно в двадцати минутах от квартиры Джастина, зазвонил его телефон. Хантер поднял трубку с первого звонка.

— Да, Миранда. Есть новости?

— Да, ты был прав. Они включили его! У меня есть адрес!

— Не пиши мне его в сообщении, а скажи устно.

После легкого замешательства она дала ему информацию и Хантер, развернувшись, поехал в обратном направлении...

— Я понимаю это, сэр, но грузовик был у вас дополнительный день, поэтому ваш окончательный счет имеет дополнительное начисление в размере тридцати трех долларов пятнадцати центов.

— Я звонил вам, и мне сказали, что я могу его оставить. Это должно было стоить только пять лишних долларов! Вам всем нужно навести порядок в голове! — мужчина бушевал, и все, что Нита могла сделать, это стиснуть зубы, закрыть глаза и произнести короткую молитву, в то время как он называл ее любыми словами, далеких от слова Божьего.

Заказчик не всегда был прав. На самом деле, в большинстве случаев они пытались торговаться, чтобы сбить оплату. Большую часть своей взрослой жизни она проработала в службе поддержки клиентов и в приемной. Она завидовала тем, кто сохранял хладнокровие во время неприятных ситуаций. Поэтому Нита умоляла Бога помочь ей не прибегать к старинным методам своей юности, когда ей удавалось выбить деньги из тех, кто пытался наглеть, после яростного спора.

Ей нравилась ее новая, более зрелая личность.

Но иногда дьявол все еще пытается использовать меня... И я позволяю ему это.

Она улыбнулась, когда мужчина продолжил:

— ...И поэтому у вас такие плохие отзывы! Ваши люди — отстой!

— Хммм, жаль, что вы так считаете...

— Вы слышите меня?

— Да... — ... и все сидящие рядом тоже.

— Так вы вернете мне деньги или нет?!

— У меня нет на это полномочий. Я могу сказать вам, что это не наша политика — предлагать дополнительный день аренды всего за пять долларов. Вы помните, с кем разговаривали?

— Спроси об этом свою задницу! Я уверен, что она вытянет губы трубочкой и ответит тебе, сука! — мужчина резко повесил трубку. Взглянув налево, Нита увидела свою коллегу и подругу хихикающей, а затем они обе рассмеялись.

— Я слишком стара для этого дерьма, дамочка! — Нита встала, сняв наушники. — Вернусь, когда уберу это в папку. Я так рада, что больше не занимаюсь этим постоянно. Такие люди могут кого угодно довести до самоубийства.

— Я знаю. Я отсюда слышала, как он кричит, — Кения, покачав головой, ответила на другой звонок, а Нита, схватив свою сумочку, вышла из зоны обслуживания клиентов и направилась к передней части офиса, где Дженни, стажер, отвечала на телефонные звонки и принимала сообщения, пока Нита помогала прикрывать тыл.

— Спасибо, Дженни. Я закончила.

Молодая безвкусно одетая девушка встала, схватив сумочку.

— Пожалуйста. Думаю, теперь я могу пойти пообедать?

— Да, конечно. Тирелл сказал, сколько будет длиться твой обед? Сорок пять минут или час?

Девушка недоуменно пожала плечами.

— Возьми час. Если я ошибаюсь, уверена, это позже выяснится, но, по крайней мере, ты вернешься сытой и отдохнувшей.

Дженни, казалось, была за это благодарна и быстро убежала. Нита уселась в кресло и начала просматривать все сообщения, сортируя те, которые были размещены неправильно. Стажер работала всего два дня и должна была помогать отвечать на звонки в другом месте, поэтому Нита пока контролировала ее. Открыв сумочку, чтобы достать жевательную резинку, Нита увидела, что ее телефон мигает, уведомляя о сообщении или пропущенном звонке.

Наверняка это жопка Тиша чего-то хочет... Вытащив телефон, Нита увидела сообщение от Хантера, отправленное этим утром.

Спасибо за скидку на грузовик. Я ценю это. Верну завтра, как и обещал. Увидимся в субботу вечером.

Нита, убрав телефон, села поудобнее и приступила к непростой задаче по регистрации старых счетов, оплаченных в предыдущем месяце. Они до сих пор не полностью ушли от бумажной системы. Хотя для выполнения таких задач она предпочитала компьютер, ее начальник был человеком старой закалки и с трудом уходил от методов прошлого. От некоторых привычек было слишком сложно избавиться...

Хантер припарковался через дорогу от небольшого дома. Солнце село и темнота окружила его, когда он курил сигарету и отдыхал в машине. Согнув одну ногу, а другую вытянув, его мысли метались, а мышцы дрожали от нетерпения. После, казалось, целой вечности ожидания из дома вышли четверо парней. Смеясь и громко разговаривая, они направились к черной «Акура».

А вот и они...

Через некоторое время убудки выехали. Подождав секунд десять и не сводя с них глаз,

Хантер отъехал от обочины. Это была его прекрасная возможность нанести внезапный удар. Через несколько минут водитель, крупный парень в оранжевой куртке, заехал на заправку. Хантер, решив быть поблизости на безопасном расстоянии, заехал на площадку обслуживания автомобилей ресторана «Макдональдс», расположенного рядом, и стал ждать.

Здесь повсюду камеры...

Выбросив сигарету из окна машины, он наблюдал, как водитель, смеясь, заливает бензин, болтая с пассажирами. Когда они снова вошли в поток машин, он следовал за ними на несколько машин позади. Вскоре они свернули в переулок, который он знал слишком хорошо. Тупик. Этого опознавательного знака не было, но он вырос здесь и знал, что выезд только один.

Машина заехала на подъездную дорожку, ведущую к маленькому кирпичному дому. Хантер припарковался за несколько домов позади них и выключил фары. Накинув капюшон толстовки, он вытащил из бардачка пистолет, который взял из коллекции Ноя, сунул его в карман куртки и тихо приоткрыл дверцу машины.

Парни вышли из машины, продолжая смеяться и, взрываясь от хохота, они висли друг на друге. Один из них держал пивную бутылку. Оставив дверь приоткрытой, Хантер выскользнул из машины, как змея, и, пригибаясь к земле, начал перемещаться, выбирая хорошую позицию. Из машины вышел последний чувак. Хантер словно в полусне оттолкнулся от земли и помчался к ним, словно ракета. Чуваки повернулись в наносекунду, услышав его стремительное приближение, на их лицах была смесь замешательства и тревоги.

БАМ! БАМ! БАМ! БАМ!

Хантер выстрелил в пивную бутылку, от чего та разлетелась вдребезги, и в ноги двум мужчинам, заставив их упасть на землю. Третий побежал по улице, а водитель попытался пробраться к дому, возле которого они припарковались. БАМ! Хантер выстрелил ему в задницу, и тот упал, как подкошенный. К этому времени стоны и крики раздавались вокруг эхом. Хантер подошел к водителю, который, несомненно, был лидером, и дернул его за воротник оранжевой куртки.

— Где, блять, мои деньги и мой гребаный телефон?

Глаза парня расширились, и он замотал головой.

— Я... Я не понимаю, о чем ты говоришь, чувак!

Хантер нацелил пистолет ему в голову.

— Ладно! Ладно! Телефон у меня в кармане, чувак! Блять!

Хантер сунул руку в карман ублюдка и, вытащив телефон, увидел, что это был телефон Джастина. В этот момент дверь в доме открылась. Увидев поток света, Хантер выстрелил в проем и дверь захлопнулась.

— Кевин!!! — Закричал здоровяк в сторону закрытой двери, истекая кровью из задницы на асфальт.

Двое других, лежа рядом с машиной, стонали и корчились от боли.

— Где мои гребаные деньги?

— Мы потратили их!

Хантер ударил ублюдка в голову носком своего кроссовка.

— АААААА!

Быстро порывшись в карманах парня, он нашел только смятую пятидесятидолларовую купюру. Бросившись к другим, он нашел у одного двести долларов и около трехсот у другого.

— Где остальные? — спросил он, наставляя пистолет на одного из них.

— У нас их нет! Я говорю правду! Не стреляй в меня снова, чувак!

Хантер засунул пистолет за пояс джинсов и, взяв за грудки водителя, зная, что копы будут здесь в любую секунду, посмотрел ему прямо в глаза.

— Я хочу свои гребаные деньги. У тебя есть двадцать четыре часа, чтобы найти их. Все.

— Чувааак, перестань! Мы их потратили!!! Мы купили телевизоры, компьютеры, телефоны и прочее дерьмо!

— Не связывайся со мной. Я знаю, где ты живешь, ублюдок. Еще я знаю, где живет мать твоих детей. Я знаю, где живет твоя собственная мать, ты, тупой кусок дерьма, и адреса всех людей, которые тебе небезразличны. Ты находишь мои деньги, кладешь их в конверт и засовываешь в почтовый ящик Джастина. И добавляешь еще тысячу. У тебя есть двадцать четыре часа. Каждый час, когда ты будешь опаздывать, я буду забирать кого-то из твоих друзей или членов семьи. По одному. Если ты еще что-нибудь сделаешь с Джестином или его семьей, я выслежу каждого из вас и вышибу вам ваши гребаные мозги. Судя по всему, брызг будет не очень много.

— Какого хрена! Ты не Джастин! Кто ты, нахрен, такой?!

— Забавно, ты меня не знаешь, но я точно знаю тебя. Ты мальчик, который кричал: «Волк!», поэтому я, нахрен, здесь. Лучше спроси, что я не делаю... В отличие от тебя и твоих тупых друзей, я не играю на этой улице. Я — эта улица. Ты свернул не туда и связался со мной, а моя улица — определено смерть. (Прим.: игра слов, dead end — тупик, смерть).

Отшвырнув мужчину на землю, он прострелил все четыре колеса их машины и умчался под рев полицейских сирен...

... Спустя пару дней

Куда бы я ни пошел, несмотря на все мои усилия, всегда возникают проблемы. Но сегодня эту проблему зовут Нита. Мне нравятся такие проблемы... На ней узкие джинсы, подчеркивающие форму ее красивой округлой задницы, а спереди я вижу очертания ее киски. Это не совсем «верблюжья лапка», но видно достаточно хорошо... Она выглядит заманчиво. Словно взывает о моем языке. На ней симпатичная малиновая блузка с низким вырезом, которое немного демонстрирует ее декольте. Не так сильно, как хотелось бы, но сойдет. Еще мне нравятся ее украшения. На ней золотые серьги-кольца, в которых я могу видеть свое отражение. Ловлю себя на том, что улыбаюсь ей. Ее длинные волосы, собранные в хвост, качаются из стороны в сторону, пока мы катаемся на коньках и беззаботно смеемся... Сегодняшний вечер мне нравится.

Хантеру нравилась каждая гребаная минута. Он не мог вспомнить, когда в последний раз так смеялся. Нита, так же, как и он, давно не каталась на коньках, поэтому они оба были довольно неуклюжими, выглядя глупо на катке. Мигающие разноцветные огни соответствовали темпу музыки, и они немного потренировались, пытаясь заставить свои тела вспомнить о том, как передвигаться на колесах.

— Остановись, парень! Ты заставишь меня упасть! — Нита захихикала, когда Хантер, придвинувшись к ней вплотную, притянул ее к себе за бедра, захватил в плен своих ног. Развернувшись, он поехал в обратном направлении.

— Я понял, как это делается!

— О, ты просто выпендриваешься!

Хлопая руками под музыку, он сделал разворот, затем другой. Не прошло много времени, как он пронесся мимо, рисуясь перед ней, пока она с трудом держалась на роликах. Внезапно, потеряв равновесие, она резко упала на задницу.

Дерьмо.

Подъехав к ней, он помог ей подняться.

— Ты в порядке?

Нита отряхнула штаны с выражением страдания на лице, как будто ее задница действительно болела, а затем разразилась смехом. Ее щеки, вспыхнув, приобрели темно-румяный оттенок. Хантер улыбнулся, радуясь, что она не пострадала, и, обняв ее, поцеловал в губы. Когда он отпустил ее, она, по-видимому, была ошеломлена. Хантер посмотрел на нее, не зная наверняка, как расценивать ее реакцию.

— Что?

— Ничего.

Снова отряхнув задницу, она поехала, на этот раз двигаясь немного увереннее, чем раньше. Догнав ее, он схватил ее за талию, и они, держась за руки, стали синхронно кататься под музыку, наслаждаясь процессом. Пару песен спустя они продолжали веселиться, словно дети, впервые оказавшиеся на улице. Внезапно в кармане Хантера зазвонил телефон. Он остановился, и Нита последовала его примеру.

Джастин.

— Нита, звонит мой брат. Дай мне пару минут, — кивнув, она продолжила кататься, а он направился к стульям, стоящим рядом с автоматом, продающим попкорн и газировку.

— Да? — сказал он, пытаясь перекричать музыку.

— Пр...Хант...

— А? Что? Тебя плохо слышно. Подожди, я выйду наружу. — Как только он открыл входную дверь, на него тут же обрушился поток прохладного воздуха. Засунув руку в карман джинсов, слыша теперь лишь отголосок музыки, он продолжил разговор. — Готово, в чем дело? Ты в порядке?

— Да, я выздоравливаю, но все еще болит, чувак. Миранда сказала, что сегодня в нашем почтовом ящике она нашла конверт с деньгами, датированный вчерашним числом. Должно быть, его оставили вчера вечером.

— Да.

Джастин помолчал, вероятно, сбитый с толку таким лаконичным ответом, а затем продолжил:

— Ты знаешь, откуда он взялся? — Хантер ничего не ответил. — Хорошо... Думаю, молчание — знак согласия. Эмм, телефон сломан, но я могу его починить. Еще раз спасибо, что занес его пару дней назад. Миранда сказала, что было уже поздно и я спал, поэтому ты надолго не задержался.

— Пожалуйста. Отдыхай, ладно? Миранда сказала, что твое лицо сильно повреждено.

— Так и есть... Спасибо, Хантер... — его младший брат был готов зарыдать и распаться на гребаные части. — Ты действительно заботишься обо мне...

Конечно, глупый ты сукин сын. Иначе зачем бы мне это было делать?

— У меня свидание. Давай я тебе перезвоню?

— О, черт, да, чувак! Я не хотел тебе мешать! — его брат хрипло рассмеялся.

Джастин, казалось, собирался сказать еще что-то, но Хантер завершил звонок. Он стоял

там, ощущая неловкость. Достав сигарету, он подкурил ее и глубоко затянулся. Дело в том, что до тех пор, пока он не переехал к Джастину он не осознавал, насколько парень был одинок. Многие годы Хантер думал, что у его брата было все отлично, когда на самом деле тот молча страдал. Хантер глубоко ошибался.

Мать Джастина в принципе была неплохой мамой, но не особо внимательной. Фактически, Джастин рос сам по себе, жаждая ее внимания. Все свое время она тратила на дрянную работу, плохих мужчин и мечту стать актрисой в Калифорнии. В конце концов, она родила его младшую сестру от какого-то мужика, с которым провела одну ночь и больше никогда его не видела. Кажется, последние пять лет она пыталась больше участвовать в его жизни, чаще звонить, навещать его. Но дистанция — эмоциональный разрыв — все же, оставалась. Джастин провел всю свою жизнь, пытаясь обрести спокойствие и найти самого себя... Смысл своей жизни. Хантер очень хорошо знал это чувство, когда спрашивал Бога о том, зачем он здесь и почему должен страдать беспричинно. Затем обычно следовал вопрос: «Какова моя цель в жизни?»

Наблюдая за Джестином, Хантеру было совершенно ясно, что этот человек не создан для того, чтобы быть на улице. В глубине души он был хорошим парнем, который просто сбился с пути. Если бы он вырос в более традиционной семье, возможно, он бы работал в сфере недвижимости или чего-то в этом роде. Он был бы законопослушным обывателем с хорошеньким домиком, идеально подстриженным газоном и накопительным пенсионным счетом. Для Джастина было еще не поздно все это обрести.

Таким образом, когда Хантер пошел за ублюдками, напавшими на его брата, это было не только для Джастина, но и для его семьи и всего хорошего, что потенциально могло с ним произойти. Для меня же все кончено... Я останусь таким, какой я есть.

Но у Джастина все еще могло наладиться.

Хантер взглянул на часы и, бросив сигарету на землю, потушил ее ботинком. Вернувшись на каток, он стал искать Ниту и вскоре заметил ее с пакетом сахарной ваты в руке, отрывающую ртом пушистую розовую массу сахарной пряжи. Она раскачивалась в такт музыке, все еще в коньках, выглядя красивой, сексуальной, трахабельной. Капельки пота, выступившие у нее на лбу, сверкали, как маленькие бриллианты. Казалось, она его не видела.

— Можно мне немного?

Подпрыгнув от неожиданности, она легко рассмеялась.

— Почему ты продолжаешь это делать? — ухмыльнулась она. — Держи, — она протянула ему пакет.

— Нет, — он закусил нижнюю губу. — Покорми меня.

Веки Ниты томно опустились, а затем она, закатив глаза, сунула пальцы в пакет и, оторвав кусочек ваты, положила ему на язык. Сладкий кусочек мгновенно растаял. Обняв ее и с легкостью оторвав от пола, Хантер поцеловал Ниту еще раз. На этот раз... она ответила на поцелуй. Закрыв глаза и тяжело дыша, он кружил языком у нее во рту, ощущая сладость, которую так жаждал, когда медленно толкался языком внутрь и наружу, а затем вокруг. Обхватив ее затылок, Хантер наклонил ее голову для более глубокого поцелуя. Музыка посылала вибрации по всему его разгоряченному телу. Прижав Ниту к стене, он целовал ее шею, чувствуя, как его член утолщается и дергается от желания. Легкий стон сорвался с ее губ, когда он прижался к ней своим телом.

— Снимите номер! — крикнул кто-то, а затем последовал взрыв смеха, в том числе и их

собственный. Хантер нерешительно отступил, отпуская ее. Посмотрев ему в глаза, Нита обняла его за шею и притянула к себе. Они снова начали целоваться, и он страстно желал, чтобы они сделали следующий шаг... Желательно голыми в постель.

Наконец, Нита оторвалась от его губ, словно ей потребовались все силы, чтобы закончить поцелуй и, смущенная, продолжила есть сладкую вату. Игриво отобрав у нее пакет и засунув горсть ваты в свой рот, он вернул его, после чего она нахмурилась.

— Там ничего не осталось, кроме крошек! Черт, ты жадина! — смеясь, она выбросила пакет в мусорное ведро.

Взяв ее за руку, Хантер повел ее обратно на танцпол. Начала играть «Freak-A-Zoid» группы «Миднайт Стар».

— Аaaa, черт! Моя любимая песня! — Нита, покачиваясь, начала щелкать пальцами. Они танцевали вместе и, хотя Хантер не был хорошим танцором, он старался. Должно быть, у него получалось, потому что женщина улыбалась и не жаловалась. Вечер близился к завершению и был объявлен последний танец. Когда все закончилось, они оба улыбались, тяжело дыша.

— Я зайду в уборную, — объявил он, когда один за другим стали выключаться яркие прожекторы.

— Я тоже.

— Встретимся у машины, когда закончишь.

Кивнув, она исчезла в дамской комнате.

Через несколько минут Хантер уже курил возле машины. Он ждал ее на улице, представляя, что она, вероятно, красит губы и поправляет волосы — это то, что делают женщины. Вскоре Нита вышла. Хантер бросил сигарету на землю и, обогнув машину, открыл для нее пассажирскую дверь. Включив стереосистему, из которой послышались звуки «How Does it Feel» Д'Анджело, он приоткрыл окно, впуская ветерок, и закурил еще одну сигарету.

— Ты думаешь разогреть меня, готовя к чему-то позже, — она усмехнулась. — Можешь забыть об этом.

— Я ничего не пытаюсь сделать... Кроме попытки бросить курить.

— А так и не скажешь, — пошутила она. — Ты куришь, как паровоз. Бросить тяжело. Я знаю, я тоже курила.

— Правда? — он удивленно приподнял бровь. — Когда ты бросила?

— Семь лет назад или около того.

— Что было твоей мотивацией?

— Мой ребенок, — на ее губах появилась гордая улыбка. — Тиша все время жаловалась на это... Потом она стала приносить из школы брошюры о раке легких. После этого я предприняла несколько попыток бросить и потерпела неудачу. Затем, наконец, я окончательно с этим завязала. Признаться, запах сигарет иногда вызывает у меня желание закурить, но я успешно с этим справляюсь.

Он понимающе кивнул. На некоторое время, пока он ехал в направлении ее дома, в машине воцарилась тишина.

— Хантер.

— Да?

— Когда у тебя были последние отношения?

— Ммм, примерно три года назад. Мы расстались перед моей последней отсидкой.

Она пробежалась рукой по своему колену.

— Почему вы расстались?

— Потому что она не хотела меня ждать, а потом рассердилась, когда я сказал: «Ну и ладно». — Хантер пожал плечами.

— Ты любил ее?

Некоторое время он думал об этом.

— Да, думаю, что любил.

— Ты думаешь?

— Я имею в виду, мне кажется, что есть степени любви, понимаешь? — он пожал плечами. — Например, иногда ты очень близок с кем-то. В других случаях ты любишь кого-то, но не сильно... Не знаю. Я не задумываюсь об этом.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Как по мне, то ты либо любишь кого-то, либо нет.

— Согласен, но, как я уже сказал, это своего рода шкала... Как шкала оттенков серого цвета. Чем темнее оттенок, тем сильнее любовь.

— Мне нравится, как это звучит. Я могу это понять.

— Хорошо. Итак, ты говорила, что твои родители все еще женаты и живы?

— Да, — она улыбнулась. — Они живут всего в двадцати минутах езды. У них обоих все хорошо. Моя мама настоящая заноза в заднице, — она снова улыбнулась. — Она такая забавная. У меня есть сводная сестра, которая живет в Алабаме — моя мама была замужем раньше.

— О, здорово. Вы видите с ней?

— По случаю. Я не видела Наоми четыре года, но мы разговариваем с ней по телефону каждую неделю. Она на девять лет старше меня. — Тиша пожала плечами. — Так что, когда мы росли, у нас с ней было мало общего.

— Понимаю. Здорово, что вы общаетесь друг с другом.

Хантер, подавшись вперед, немного прибавил громкость, когда заиграла «The Sweetest Taboo» Шаде.

— Ты говорил, что у тебя есть младший брат, верно? Который звонил тебе сегодня вечером.

— Да, Джастин. Он немного моложе меня, но... До последних полутора лет или около того мы не были с ним близки.

— В самом деле? Почему?

— У нас разные матери. Мой отец спал с его матерью, будучи в то время женатым на моей. Как говорится, Джастин — плод измены.

Боковым зрением Хантер мог видеть, какими большими стали глаза Ниты. Он выбросил окурок в окно и закрыл его.

— Черт... эмм... даже не знаю, что сказать, — она нервно засмеялась. — Это неприятно. Скелеты всегда вылезают из шкафа, не так ли? Я рада, что вы двое сейчас общаетесь, потому что это не было вашей виной. Вам не нужно страдать от того, чего вы не делали.

— Да, верно. Мы росли порознь.

— Твои родители все еще вместе?

— Нет. Мой отец в тюрьме. Моя мать умерла. После смерти матери меня растили бабушка и дедушка.

Нита больше ничего не сказала. Фактически, она, скрестив руки, смотрела на свои

колени. Хантер не знал, о чем она думала, и не осмеливался спросить. Меньше всего ему хотелось продолжать разговор об этом. Музыка в салоне продолжала играть и минут через пять она взяла его за руку. Заколебавшись на секунду, он сжал ее пальцы. Гладкая кожа Ниты чувствовалась так приятно в его ладони. Ее ладонь была маленькой и теплой, успокаивающей. Она излучала женственность, умиротворение. Вещи, которых у него никогда раньше не было.

Подъехав к подъездной дорожке женщины, он остановил машину и заглушил двигатель. Они молча сидели, держась за руки. Свободной рукой Хантер перебирал волоски своей бороды, глядя на освещенные окна ее дома.

— Спасибо за сегодняшний вечер, Хантер. Мне было чертовски весело... Давно я не получала такого удовольствия. Я словно почувствовала себя вновь подростком. С тобой было весело и легко разговаривать. Спасибо.

Осторожно выпустив ее руку, Хантер повернулся к ней лицом.

— Я рад, что ты хорошо провела время, — он смотрел на нее, сдерживая слова, которые хотел ей сказать.

Вздыхнув, Хантер открыл дверь и, обойдя машину, подошел к пассажирской стороне. Взяв Ниту за руку, он помог ей выйти из машины и провел к входной двери. Нита вставила ключ в замок и остановилась. Повернувшись к нему, она крепко его обняла, а затем страстно поцеловала. Хантер обнял и поцеловал ее в ответ, чувствуя себя окутанным теплом от головы до ног.

— Еще раз спасибо, Хантер, — повернувшись к двери, она открыла ее, демонстрируя свою гостиную.

Хантер почувствовал... пустоту. Прощаться было так тяжело.

— Могу я зайти?

Нита уперла руку в бок.

— На данный момент это будет выглядеть нехорошо.

— Почему? Я уже бывал в твоём доме.

— Потому что ты знаешь, к чему это приведет.

— Я просто хочу немного воды, детка, — произнес он, смеясь. — Ты не дашь мне попить?

— Ты лжешь, Хантер! — хихикнула она. — Между нами происходит какая-то... химия. Я не готова к тому, чтобы мы двигались так быстро, и если я приглашу тебя войти, то не уверена в том, что ты уйдешь до того, как все не... накалится. Моя дочь и Олив спят или, по крайней мере, им лучше бы это делать, — Нита, склонив голову набок, выглядела сияющей и захватывающей дух. — Ты нравишься мне, Хантер... Больше, чем я думала, — на мгновение она отвела взгляд, словно тщательно подбирая слова. — Мне бы хотелось бы увидеться с тобой снова, проводить с тобой больше времени, но...

— Ты не хочешь торопиться.

— Да, — она грустно улыбнулась. — Надеюсь, ты понимаешь.

Подойдя ближе, он чмокнул ее в губы.

— Я думаю, что люди должны делать то, что считают правильным, не закликаясь на мнении окружающих, но да, я могу это понять.

— Спасибо. Я тебе позвоню.

Развернувшись, Хантер пошел к машине.

— Я не смогу ответить сразу... Буду слишком занят, передергивая, — он усмехнулся,

услышав смех Ниты. Сунув руку в карман, он достал ключи, его член был таким твердым, что мог разбить стекло. — Поэтому позвони мне завтра, Джанет Джексон. — Хантер остановившись, снова посмотрел на нее. — Но если серьезно, то у меня был потрясающий вечер... Спасибо за него. Спасибо за все.

После этих слов он сел в машину и уехал...

Шкафчик Пуст

Комната наполнилась мрачными вибрациями и охладилась от отчаяния. Цвет лица Олив стал еще более бледным, а в ее голубых глазах блестели невыплаканные слезы. Вскоре на ее щеках появились влажные блестящие дорожки. Словно в замедленной съемке Тиша подняла свои длинные тонкие руки как балерина, собирающаяся начать вращение. Однако вместо этого она накинула их на свою лучшую подругу, как толстое одеяло, а затем, притянув ее к себе, крепко обняла. Хантер, одетый в серую толстовку с капюшоном и соответствующие спортивные штаны, напоминал лишь тень человека, выражение его лица было нечитаемым, как газета, попавшая под проливной дождь.

— Итак, это все, что у меня есть, — его низкий голос рассек тишину, словно кнут. — Это скоро случится... Он едва может говорить, — грубо заявил он и резко отвернулся. Его большое черное пальто произвело шум, когда он вышел из дома Ниты, закрыв за собой дверь. Нита предположила, что там, в прохладном воздухе, он закуривал сигарету, возможно, стоя возле кривобокой хэллоуинской тыквы с хмурым взглядом, которую вырезали Олив и Тиша, но это было не более чем просто предлогом не смотреть в глаза Олив. Она едва могла сосредоточиться на девушке. Сердце Ниты разбилось на миллион кусочков, когда она медленно вошла на кухню. Воздух выходил из ее легких, но внутри было туго и тесно, что указывало на потребность в кислороде, чтобы дышать, горевать... Она сожалела, что оставила девочек одних в гостиной, но что-то скрутилось в ее животе, и она боялась, что выражение лица выдаст ее. Все подходило к концу.

Протянув руку, она взяла пару стаканов, чтобы налить девушкам воды.

— Гребаный шкаф! Черт! — вскрикнула она, когда дверца шкафа ударила ее по пальцу. Тряся пульсирующим пальцем, она сунула его в рот и слизала сочившуюся кровь. Слишком знакомый аромат меди и железа заполнил ее вкусовые рецепторы. Подобное происходило уже в третий раз меньше чем за неделю. Схватившись за край кухонной стойки, Нита закрыла глаза и попыталась заставить свое проклятое сердце и разум перестать скакать.

— Что случилось, Нита? — она вздрогнула от голоса великана.

И снова он подкрался к ней, как волк на охоте.

— Ничего, — она проглотила свою гордость, так как слышала издалека плач Олив.

Живот Ниты скрутило от беспокойства, от чего она почувствовала себя чертовски больной. Правда спасла ее от падения.

— Ты кричала. Что-то определенно случилось. Что, черт возьми, произошло с твоим пальцем? — он подошел ближе, указывая на покрасневший палец, пульсирующий от боли, на кончике которого появилась новая струйка крови.

— Весь этот дом разваливается, вот что случилось! — крутанув кран, она сунула палец под сильную струю воды. — У меня нет денег, чтобы оплатить этот ремонт. Месяц за месяцем в постоянно растущий список добавляется что-то новое. У меня течет крыша. — Она указала вверх. — Вся кухня нуждается в ремонте, а главная ванна в беспорядке. Я купила этот дом на свои деньги для себя и своего ребенка девять лет назад. Деньги закончились совсем недавно, но это было все, что я могла тогда себе позволить. Я отремонтировала заднее крыльцо, подготовила окна к зиме, заменила входную дверь и

перекрасила стены. Я была полна решимости поселить ее в чистый дом недалеко от школы. Сейчас я плачу много денег за хорошую частную среднюю школу. Тиша проучилась там чуть больше года... и сейчас туда ходит Олив. Тише нужна была пломба, я позаботилась об этом. Олив должна была пойти к дерматологу, так что я заплатила и за это. Еще ей нужно было сделать портфолио, потому что она хочет быть актрисой. Эти фотографии стоят денег.

Она ненавидела то, как дрожал ее голос.

— Я надрываюсь на работе, но когда получаю свой чек, Хантер, дядя Сэм проглатывает большую часть заработанного и я ненавижу это! А теперь мой ребенок, потому что да, Олив — мой ребенок тоже, испытывает ужасную боль, и я не знаю, что с этим делать! Я не могу ей помочь. Я не могу найти ее маму, я не могу заставить ее папу перестать умирать... Прямо на ее глазах угасает ее отец, а я сижу здесь, совершенно бесполезная.

— Насколько это справедливо?! Почему многим гнилым людям везет, а таких детей, как Олив, бросают. Матери вроде меня еле сводят концы с концами от зарплаты до зарплаты, и этому не видно конца... Мир продолжает вращаться. Я сыта по горло этой неделей, этим месяцем, всем этим гребаным годом! — проведя рукой по волосам, она стала ходить взад и вперед, не зная, что с собой делать.

Ее душа была в огне, потому что она взорвалась, как фейерверк. Нервы были напряжены, глаза широко раскрыты, само ее существо вырывалось наружу.

Хантер, не сводя с нее взгляда, стал подходить к ней все ближе и ближе, пока не смог протянуть руку и погладить ее лицо. Своими глазами он говорил о многом, убеждая ее очиститься, выпустить наружу ту боль, которую она так долго сдерживала внутри.

— Мой босс на этой неделе вел себя как мудака, нервничая и срываясь на всех подряд, потому что арендная плата снижается третий месяц подряд. Два человека были уволены, и я не могу вспомнить, когда в последний раз я хорошо высыпалась. Я устала, Хантер... Так. Чертовски. Устала.

Глаза Ниты наполнились слезами, когда она поняла, что у нее появилась целая аудитория. Она отошла от него. В дверях кухни стояли обнимающие друг друга Тиша и Олив, и на их лицах явно было видно беспокойство.

— Я... Мне очень жаль, девочки. Это на меня не похоже...

— Мама, перестань. Все в порядке. — Тиша, выпустив Олив из своих объятий, обняла ее. Тепло и любовь девушки приятно ощущались на ее теле. Ее ребенок прямо у нее на глазах превращался в женщину, и в этот момент она снова оплакивала ту девочку, которую знала раньше.

Хантер, глубоко задумавшись, двинулся к выходу. Это было почти так, как если бы он наблюдал за следующим актом унылого шоу с ней в качестве главной актрисы, возможно, надеясь, что положение улучшится. Сунув руку в карман, он стал возиться с ключами.

— Я скоро вернусь, — он надел пальто и ушел без объяснения причин: ни «Мне жаль, что твоя жизнь — отстой», ничего.

— Этот человек... неважно, — Нита покачала головой.

На губах Олив появилась улыбка.

— Моему отцу нравится Хантер, мисс Нита, больше всех его друзей. Моя мама говорила, что мой отец никого не любит, — она пожала плечами. — Но я думаю, она ошибалась. Сначала я не знала, что о нем думать, но он мне понравился. Рядом с ним вы тоже чаще улыбаетесь.

Обе девушки рассмеялись, как будто знали какую-то шутку, в которую Нита не была

посвящена. Возможно, это было правдой — она не в первый раз подозревала, что ее девочки хранят секреты, завернутые в лоскутное одеяло хихиканья.

Чаще ли я улыбаюсь, когда он рядом? Может быть.

— Он уже твой парень? — Тиша, уперев руку в бок, раскачивалась взад и вперед, словно требуя ответа.

— Не суй свой нос в дела взрослых, — Нита, открыв холодильник, заглянула внутрь. Не потому, что была голодна или хотела пить, а потому, что хотела разорвать зрительный контакт со своей дочерью.

— Мама! — Тиша рассмеялась. — Перестань, мы знаем, что вы двое снова вместе гуляли. Я слышала твой телефонный разговор.

Нита обернулась и посмотрела на девушку прищуренными глазами. Маленькая негодница снова подслушивала ее разговоры. Такова была жизнь.

— И что именно ты слышала?

— Я слышала, как ты сказала, что на днях он пришел к тебе на работу и пригласил тебя на обед, а накануне вечером, когда мы с Олив были в боулинге, вы двое ходили в кино. Ты выскользнула и вернулась домой до того, как мы вернулись. Ты считаешь себя хитрой, мама! Мы знаем, что Тиран тебе нравится! — девушки снова рассмеялись, бросая друг на друга всезнающие, секретно-дешифровальные взгляды.

— Тиран? С каких это пор вы двое называете этого человека Тираном?

Олив пожала плечами.

— Довольно давно. Он сказал, что мы можем называть его Хантером или Тираном. Хоть так, хоть так.

— Никому из вас не следует так называть этого человека. Это неуместно. — Схватив банку виноградной газировки, Нита закрыла дверцу холодильника и взяла со стойки стакан. — Вы хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — ответили они одновременно.

— Я могу сказать, что ты ему очень нравишься. А он тебе нравится, мама?

Напиток шипел и пузырился, пока она медленно наливала в стакан пурпурную газировку. Поднеся стакан ко рту, она стала пить маленькими глотками, ощущая, как жидкость щекочет ее вкусовые рецепторы. Должна ли она быть честной или скрыть правду? Они дети... не глупые. Некоторые вещи были просто не их делом, но Олив, в частности, теперь очень любила этого человека, их ежедневные текстовые сообщения приносили проблеск радости и облегчения в это запутанное время ее жизни.

— Да... — она улыбнулась, сделав еще один глоток. — Мне он нравится.

— Мне он тоже нравится, — щебетала Тиша. Затем, в мгновение ока, две молодые женщины переключились на совершенно новый разговор о каком-то парне из своей школы, который однажды принес в своем рюкзаке экзотическую змею. Его звали Дуби. (Прим.: Doobie — на амер. сленге означает «косяк»). Все, что Нита могла сделать, это покачать головой, слушая, как девушки обсуждают это, думая, что это круто. В конце концов, они поднялись наверх, оставив ее одну. Однако ей не хотелось оставаться в одиночестве, стоять вот так и слушать биение своего сердца. Беспокойство стало ее новым лекарственным препаратом. Она ненавидела рецепт, но все равно получила его снова.

Решив вымыть посуду, Нита наполнила раковину горячей мыльной водой и наложила на палец повязку. Войдя в гостиную, она включила телевизор на случайный канал и начала мыть тарелки и столовое серебро. Домывая последнюю ложку, она услышала, как кто-то

постучал в дверь.

Она быстро вытерла руки, выглянула в глазок и увидела Хантера, держащего ярко-красный ящик для инструментов. Его немного отросшие волосы трепал ветер. Он уставился в глазок, словно зная, что она была там. Его зеленые глаза потемнели, уголки губ были слегка опущены, и он выглядел сердитым... Но, конечно, это было его естественное выражение.

Когда она распахнула дверь, он вошел внутрь, прошествовав мимо нее на кухню. Бум-бум-бум его ботинок звучал, как маршевый оркестр одного человека. Сняв с петель дверцы шкафа, он снова прикрутил их, на этот раз прямо. Когда Нита спросила, что он делает, Хантер не ответил. Она почти привыкала к тому, что он делал такие вещи. Грубость игнорирования была его первым языком.

— Здесь жарко, — пробормотал он, вытирая пот со лба рукой. Прежде чем она осознала это, мерзавец сбросил на пол свое пальто, серую толстовку и футболку, в конечном итоге обнажившись до пояса. Она чувствовала, насколько он крепок и хорошо сложен, но никогда не представляла, что все это лежит под его одеждой. У Ниты потекли слюнки и она тяжело задышала, словно сучка в течку. Одну большую загорелую и мускулистую руку покрывал татуированный рукав, состоящий в основном из черных орнаментов и произведений искусства. На плече другой руке была татуировка большого волка с красными глазами. Его спина также была покрыта чернилами, но в центре красовалась главная достопримечательность — слово «ТИРАН» большими черными буквами.

— Откуда у тебя это имя?

Он вытащил болт из ящика с инструментами и продолжил работу, его лицо было покрыто потом.

— Какое имя?

— Тиран.

— Давным-давно так меня назвал парень из моего района. Он сказал, что я прирожденный лидер, который может делать все, что захочет. У него было влияние, поэтому имя прижилось. Теперь все меня так называют.

— Влияние? — она ухмыльнулась. — Он был в банде? — поддразнила она.

Хантер бросил на нее быстрый взгляд через плечо.

— Типа того, — она выпрямилась, удивленная его ответом. Теперь он полностью завладел ее вниманием. — Он был членом радио «Белый Кролик» и «Альянса висельного дерева Вотана».

— Что?

Мужчина цокнул языком и вздохнул, остановившись всего на мгновение.

— Он был тем, кого, я думаю, некоторые люди называли бы сторонником превосходства белых.

Нита, сделав шаг назад, прислонилась задницей к стойке, скрестив на груди руки.

— Ты был частью...

— Нет. Я никогда не был членом «Альянса висельного дерева Вотана» или какой-либо другой подобной группы.

— Но ты дружил с тем, кто был. Почему?

— Ты можешь знать кого-то, Нита, даже зависать время от времени, но не соглашаться со всем, что они делают, говорят и думают, верно? — он работал, нагибаясь и поворачиваясь, его мышцы напрягались и расслаблялись. — Ты когда-нибудь дружила со шлюхой? Дружба с ней сделала тебя шлюхой?

— Нет.

— Точно. Если только ты не придерживаешься правила виновности по признаку наличия связей... У тебя когда-нибудь был друг, который лгал все гребаное время? Придумывал истории, чтобы казаться важным. У меня такой был. У тебя, наверное, тоже. Была ли ты тогда патологической лгуньей только потому, что кто-то из твоих знакомых лгал так, будто ему за это платили?

— Я ни в чем тебя не обвиняла. Это был просто вопрос. Логичный, если ты меня спросишь. Обычно птицы одного оперения собираются вместе. Мы не склонны тусоваться с людьми, с которыми у нас нет ничего общего.

— Как ты и я? — в его глазах была сталь, когда он повернулся к ней, медленно и жутко вытягивая шею.

Тьма, казалось, обитавшая в нем, просачивалась как черные капли дождя, падающие из густых серых облаков. Тиран был человеком со смертельным ядом внутри. Она почти могла почувствовать его запах в воздухе и ощутить его вкус на своем языке подобно медному привкусу крови ушибленного пальца.

— Большинству из нас приходилось иметь дело с людьми, у которых не было таких же убеждений, как у нас... в той или иной степени. Если нет, возможно, мы шлюхи или лжецы. По крайней мере, в каждом кругу есть хотя бы один такой человек.

Все, что она могла сделать, это улыбнуться этому ублюдку.

— Если ты хочешь назвать конкретно мое имя, Хантер, сделай это, чтобы я могла обругать и выгнать тебя. Но не раньше, чем ты закончишь ремонтировать шкафы, — она засмеялась, не обращая внимания на ситуацию, которая слишком быстро стала тяжелой. — Тиран — интересное прозвище. В отличие от тех, которые я слышала, когда росла: Сиськи, Сучка, Жиртрест, и тому подобное.

Он пожал плечами.

— Все это дела давно минувших дней. Кроме того, тогда я был ребенком. Можешь передать мне этот болт? — он указал на маленький металлический предмет, который откатился от него и грозился упасть на пол.

Она схватила его и положила в его большую ладонь. Следующие несколько минут он продолжал трудиться, почти не издавая ни звука. Большинству потребовался бы хотя бы стремянка, но Хантер просто стоял, как гора, его руки двигались, а выражение лица было сосредоточенным.

Черт... он такой сексуальный...

Сердце Ниты бешено заколотилось, когда она услышала, как по лестнице спускается ее дочь. Ее охватила паника с оттенком смущения. Будут ли видны на лице ее пошлые мысли? Между ее бедер ощущалось тепло в том месте, где на ней была пара промокших трусиков...

Сексуальная засуха, длившаяся два года, пять месяцев и три дня, принесла свои плоды. Ее последний раз, который она могла вспомнить, был с мужчиной, с которым она встречалась всего пару месяцев. Какой пустой тратой времени и разочарованием он был.

— Мама! — потрясенная своими мыслями, как солонка, которую держал в руках заядлый любитель натрия, она сосредоточилась на Тише, которая надела всезнающую ухмылку. — Ты в порядке? — девушка усмехнулась, затем посмотрела на Хантера, который, судя по всему, не обращал внимания на происходящее.

— Да, да, я в порядке. У тебя, эмм... есть домашнее задание?

— Нет, — девушка качалась на пятках с широкой самодовольной ухмылкой. — Но я

вижу, что вы раскрыли книгу на пятой главе «Хантер Вулф, ни хрена себе!»

Нита прогнала Тишу, посоветовав ей пойти подготовиться к ужину и передать то же самое Олив. Юная леди, рассмеявшись, запрыгала по ступеням, без сомнения, желая поскорее разболтать о том, как поймала свою мать, уставившуюся на человека, который следил за тем, чтобы проклятому шкафу больше не предъявляли обвинения в нападении. Хантер ничего не сказал во время всей этой суматохи, хотя она была уверена, что он слышал все, что было сказано. Несколько мгновений спустя он взял свой ящик с инструментами и аккуратно положил все обратно внутрь.

— Дверцы закреплены. Пока все будет в порядке. Когда-нибудь я смогу починить их все, если захочешь, но пока это даст тебе время, — он схватил ящик с инструментами и небрежно прошел мимо нее в гостиную, по пути собирая свою одежду.

— Спасибо, Хантер. Это было ужасно мило с твоей стороны.

Он оделся и взъерошил волосы.

— Ты сказала, что у тебя проблема. Я пытаюсь помочь тебе тем, чем могу, — он направился к двери.

— Подожди, Хантер, — мужчина остановился и повернулся, слегка нахмурившись.

— Да?

— Я пытаюсь узнать тебя поближе... Поэтому задаю вопросы. Ты мне нравишься, — она улыбнулась, пытаясь контролировать ширину улыбки. — Если ты говоришь что-то, что мне интересно, я спрашиваю тебя об этом.

— Я знаю, — он потянулся к дверной ручке.

— Подожди минутку. Подожди. Я хочу уладить это до твоего ухода.

— Нечего улаживать, Нита. У нас все в порядке.

— Ты злишься на то, что я спрашиваю о тебе и о парне, который назвал тебя Тираном? Надеюсь, что нет, Хантер. Вот почему я пытаюсь... Пытаюсь объяснить, что ты казался немного взволнованным, а я не хочу, чтобы ты уходил отсюда сердитым.

— Ты задала вопрос, и я ответил, — он пожал плечами. — Я не был взволнован или зол. Ты бы знала, если бы это произошло. Без сомнений. Увидимся.

— Еще кое-что. Твой день рождения третьего ноября?

— Да, — на этот раз он улыбнулся. — Откуда ты знаешь?

— Проверка биографических данных, — сказали они в унисон.

— Итак, у тебя есть планы? Чем бы ты хотел заняться? — Нита прислонилась к стене, скрестив лодыжки и руки.

— Мои друзья зовут меня в казино.

— О...

— Но, возможно, на следующий день мы с тобой смогли бы провести время вместе, — он повернулся к ней.

— Да, мы можем это сделать, — ее сердце забилось быстрее. — Итак, чего бы ты хотел на день рождения? Не позволяй моей вспышке ранее напугать тебя. Я могу сделать пару подарков в пределах разумного, конечно, — она улыбнулась ему, чувствуя себя хорошо. С нетерпением ожидая возможности провести с ним больше времени.

Подняв ее подбородок, он посмотрел ей в глаза.

— То, чего я хочу, тебе ничего не будет стоить. Но также это будет стоить всего, что у тебя есть.

— Звучит как загадка.

— Это не сложно. Я хочу что-то бесплатное, но ты считаешь это бесценным. Если ты отдашь это мне, я увижу это своими глазами, — он прикусил нижнюю губу, и она перестала дышать. Надвинувшись на нее, он прижал ее к стене. Их взгляды встретились. — Ты, наконец, собираешься накормить меня десертом, детка? Именинный пирог? — он засмеялся этим вибрирующим, глубоким, хриплым смехом. — Кусочек твоего пирога для именинника? — его глаза заблестели и потемнели, как у акулы. Она легонько рассмеялась, почувствовав, как теплый румянец охватывает ее от головы и до пальцев ног, затем опустила взгляд, дрожа от его хватки. — Хम्म? Ты спросила, чего я хочу на день рождения...

— Спросила, — он провел губами по ее шее, затем поставил ящик с инструментами на пол.

— Черт, Нита, ты уже знаешь, чего я хочу. Я хочу тебя, детка. Оберни себя в бант, — улыбнувшись, она опустила взгляд, смутившись на мгновение, прежде чем снова на него взглянуть. — Я хочу трахнуть тебя не на жизнь, а на смерть, детка. Я хочу так глубоко войти в тебя, что когда я закончу с тобой, когда все будет сказано и сделано... Я заберу с собой частичку твоей души, — она вздрогнула, когда он просунул свою большую твердую руку между ее ног и обнял ее кистку, проводя пальцами взад и вперед по промежности ее леггинсов. — Тепло... Только что из духовки. Ты намочла, детка... Все это для меня? Реки, озера и океаны не сравнятся с тобой...

Ее веки дрожали, когда он массировал ее зону, его прикосновения были требовательными и ритмичными. Он снова и снова прижимал большой палец к ее клитору, как будто у него была карта ее обнаженного тела, которую он запомнил и пришел подготовленным.

— Я знаю, что тебе нравилось смотреть на меня без футболки. Это только верхушка айсберга. Ты должна увидеть меня ниже пояса. А еще лучше почувствовать меня ниже пояса... — взяв ее руку, он медленно и легко провел ею по своему члену через спортивные штаны.

— Черт... — она моргнула, прислонившись головой к стене.

Она вздрогнула, когда он заставил ее ласкать свое естество. Толстое. Длинное. Твердое.

— Представь этот большой член внутри тебя... Входящий... И выходящий... Входящий... И выходящий... Трахающий тебя сильнее... Быстрее... Ощущающийся тааак хорошо, детка... Скажи мне, что тебе это нравится...

— Мне это нравится, — захныкала она, закрыв глаза, и потерлась о его руку, попадая под чары его непристойных слов.

— Хорошая девочка... Знаешь что, Нита? Ты так мне нравишься, что я больше никого не трахал с тех пор, как мы пошли на каток, — прошептал он ей на ухо, его теплое дыхание щекотало ей шею. Он поцеловал ее, затем пососал мочку уха. — Все, чего я хочу — ты. Я сосредоточил на тебе все свое внимание. Я не собираюсь сдаваться, пока не получу тебя. Мне нравится, как ты выглядишь, как ты пахнешь, как ощущаются твои губы. Мне нравится, как ты со мной разговариваешь, заставляешь меня чувствовать. Мне нравится, как сильно ты любишь, насколько ты заботлива и надежна. Я наблюдал за тобой, и как только я увидел, что ты за человек, ну, я должен был получить тебя... Ты мой прекрасный сладкий кусок пирога. Я хочу большой кусок тебя, детка. И ты дашь мне его. Вот чего я хочу на свой день рождения. И я покрою тебя глазурью...

Внезапно он убрал ее руку от своего естества, как иглу от пластинки, и она вырвалась из гедонистического транса. Посмотрев в его зеленые глаза, она увидела чудовище... и ангела.

Приподняв ее подбородок, он запечатлел на ее губах поцелуй, а затем взял свой ящик с инструментами и исчез за дверью...

Поставить Все На Карту

Итан был в хлам. Этот человек едва держался на ногах, утверждая, что он не пьян в стельку к третьему часу их пребывания в «Моторсити Казино Хотэл». Празднование дня рождения началось шумно. Его друзья подарили ему деньги, а еще расщедрились и открыли ему счет в баре. Хантер наслаждался отдыхом. Попивая пиво, иногда уходя в одиночестве, заново знакомиться с роскошной обстановкой, наблюдая за азартными игроками, делающими большие ставки, и транжирами.

— Армагеддон! — внезапно закричал Итан, вызвав бурю смеха в кругу пьяных братьев. Пьяный мужчина плюхнулся на стул, затем выпрямился, как будто его запустили из ракетницы. Его серые глаза периодически скашивались к переносице, и он продолжал подвывать на проходящих мимо женщин — большинство из них были замужем, гуляя со своими мужьями, которые, в свою очередь, бросали на него гневные взгляды в сочетании с нецензурными словами.

Хантер повернул друга к себе лицом, когда они стояли рядом с какими-то яркими игровыми автоматами.

— Урезай.

— Урезать? Обрезать ствол и стрелять? — закричал Итан, вслед за словами последовал взрыв глупого пронзительного смеха.

— Шшшш! Здесь нельзя такое говорить! — Хантер посмотрел вокруг — службы безопасности нигде не было видно.

Он сел, потянув Итана на стул рядом с собой, остальные друзья растворилась в дыму и игровых автоматах. У них были забронированы на ночь гостиничные номера на двенадцатом этаже, и они планировали веселиться всю ночь напролет. Он должен был признать, что хорошо проводил время. Хантер попивал пиво, пока его друг хихикал, затем ссутулился и замолчал. Через некоторое время Итан зарычал и снова захихикал.

— Чувак, ты действительно в стельку. «Лонг-Айленд айс ти» каждый раз делает это с тобой.

Хантер усмехнулся, закуривая праздничную сигару. Выпустив плотное кольцо дыма, он повернулся к людям, наблюдавшим за ними.

— Привет, — затем взглянул на часы. — Нам нужно что-нибудь перехватить в буфете, Итан. Тебе нужно что-нибудь, что впитает весь этот алкоголь. — он похлопал Итана по спине и они двинулись через казино.

Осматриваясь вокруг, пока они шли, Хантер обратил внимание на живописную экспозицию вращающихся винных бутылок с мерло и шардоне. Они миновали пиццерию «Маленький Цезарь» и бургерную.

— Ну, вот. Наш конвейерный шведский стол, — Итан кивнул и сглотнул, выглядя немного раздраженным. Хантер затушил сигару, вытащил телефон из кармана и быстро отправил групповое сообщение своим друзьям:

Мы на конвейерной линии. Подходите.

Они нашли стол, достаточно большой, чтобы вместить всех, и встали в очередь. Через несколько минут к ним присоединились Майк и Брюс, и они хорошо провели время, поев и

выпив. Разложив стейки и гамбургеры на большом круглом столе, Брюс, уже четыре года как трезвенник, поднял свой стакан с водой, украшенный долькой лайма, и провозгласил тост.

— С днем рождения моего лучшего друга, Хантера. Рад, что ты вернулся домой и встал на ноги. Ты отличный парень, Тиран! Пусть это будет лучший гребаный день рождения, чувак! — они соединили свои стаканы и выпили до дна. Пока ребята весело болтали, его мысли блуждали. Вытащив телефон из кармана, он перечитал поздравительное сообщение от Ниты, полученное этим утром.

Джанет Джексон: С днем рождения, Хантер. Желаю хорошо провести время с друзьями. Увидимся утром.

Ему потребовалось время, чтобы придумать правильный ответ...

Привет, Джанет Джексон. Я хорошо провожу время, но не могу перестать думать о тебе. Буду утром.

Он колебался насчет того, чтобы послать сообщение, но затем все-таки сделал это. Ребята болтали, вспоминая былые дни. Хантер рассмеялся, когда к нему подошла официантка с большим праздничным тортом, украшенным тремя зажженными золотыми свечами.

— Оооо, блин! Вам не нужно было этого делать, — женщина поставила торт на стол с милой улыбкой на лице.

— С Днем Рождения, тебяяя! С Днем рожденья тебяяя! С Днем Рождения, дорогой Тирааан! С Днем Рождения, тебяяя! И еще много пива и шлюююх! Даааааа! — пели они как ненормальные.

Хантер задул свечи, после чего последовали бурные аплодисменты. Майк разрезал торт на всех, а затем пошел в буфет, чтобы принести мороженое для команды. Они все спланировали, и ему это понравилось. Хантер откинулся на спинку стула, расслабившись и радуясь, что все хорошо проводят время. Супер сладкий, влажный ванильный шоколадный торт, который Хантер запивал водой, был невероятно вкусным.

Он провел рукой по голове, ощущая свою новую стрижку, сделанную чернокожим барбером в стиле прически Цезаря, бакенбарды были немного длиннее и красиво переходили в бороду. Это действительно выглядело стильно.

— Хантер, у тебя есть деньги, подаренные тебе на день рождения, ты немного выпил, много съел, так что теперь все, что тебе нужно — это немного киски. — Брюс сунул в рот кусок торта. Его реплика вызвала череду кивков и смеха ребят.

— Майк, как твои дела? Мы никогда не говорили о твоей новой работе? — спросил Хантер.

— Все идет хорошо, но не меняй тему. Мы должны подарить тебе сегодня вечером женщину, чувак. Обычно к этому времени ты бы уже оценил обстановку и имел какие-то виды, — мужчина всезнающе усмехнулся и потер руки. — Я знаю это на сто процентов, и это даже не мой чертов день рождения.

— Я видел много красивых женщин сегодня, — невнятно произнес Итан с озорством в глазах. — Я могу привести парочку.

— Ты женат, — резко сказал Брюс.

— Женат... не значит мертв. Черт, — Итан цыкнул. — По моему мнению, каждые пару лет парень, женат он или нет, должен переспать с кем-то.

Брюс фыркнул и покачал головой, словно от отвращения. Парень сильно изменился за эти годы. Раньше он употреблял тяжелые наркотики и практически жил на улице, теперь он

стал добропорядочным и практически не ругался. Хантеру это показалось любопытным.

— Я серьезно, чувак. Это хорошо для моего брака.

— Как, черт возьми, это может быть хорошо для твоего брака? Если ты не хочешь больше быть с Кларой, просто скажи ей, — темные брови Брюса нахмурились.

— Я люблю Клару. Дело не в этом... Это просто приправляет все. Слушай, чувак, когда женишься, тогда и поговоришь со мной об этом дерьме. Я женат с тех пор, как мне, блин, исполнилось восемнадцать. Мы были детьми. Секс и любовь — это разные вещи. Я могу трахнуть цыпочку и никогда больше о ней не вспомнить. — в этот момент взгляд Итана скользнул по другой официантке, симпатичной брюнетке с длинными прямыми волосами, доходившими ей до пояса.

Он встал и побрел за ней. Хантер потянулся за стаканом воды, сделал глоток, а затем допил оставшееся пиво.

— Я сейчас вернусь, — сказал Майк, встав с места и глядя на свой телефон. — Мне нужно быстро позвонить.

После того, как он ушел, Брюс посмотрел на Хантера. Что-то очевидно вертелось на кончике его языка, и ему просто необходимо было это озвучить.

— Что ты думаешь? — спросил Брюс, в его темно-карих глазах было видно осуждение.

— Думаю о чем? — Хантер постукивал зажигалкой по столу в такт звучащей музыки.

— Об изменах Итана? Я имею в виду, блин, чувак, мы должны повзрослеть, — Брюс наклонился вперед, его глаза блестели от эмоций. — Нам больше не по двадцать лет. У нас есть ответственность. Нет, я еще не женат, но у меня есть мои мальчики. У меня есть дети. У меня есть работа, понимаешь? Люди зависят от меня, и если я решу жениться, неважно в каком возрасте я дам клятву, то, черт возьми, самое меньшее, что я могу сделать, это попытаться остаться верным. Он ведет себя так, словно это почетно — гулять от жены. Что, если он принесет Кларе домой болезнь или еще что-нибудь?

Хантер положил зажигалку и крутанул ее, словно волчок. Чем больше времени проходило, тем больше ему хотелось вернуться в дом Ниты, но он не мог так разочаровать своих друзей. В конце концов, они запланировали для него эту особенную ночь.

— Знаешь что, Хантер? Я думал, что он трепался по пьяни, но, судя по всему, — сказал он с гримасой, указывая на Итана, который все еще преследовал женщину, — он очень серьезен. Тебе следует вразумить его.

— Итан — взрослый человек, Брюс.

— Я знаю это, Тиран, но я спрашиваю тебя, что ты об этом думаешь? Думаешь, это правильно? Ты думаешь, что мы должны вести себя так же, как десять лет назад? Мы его друзья. Мы все должны поговорить с ним. У него проблемы!

— Ты когда-нибудь изменял своей девушке, Брюс?

Лицо мужчины потемнело.

— Да, но это было много лет назад. Я бы не стал этого делать сейчас.

— Верно, и я тоже. Я не заинтересован этим сейчас в своей жизни, но я понимаю, что у всех нас есть свои кнопки, и мы движемся каждый со своей скоростью. Не все на этом пути оказываются в одном и том же месте. Не все растут и двигаются с одинаковой скоростью. Ты должен спросить себя: «Могу ли я остановить Итана от желания секса с другими женщинами?» Ответ — нет, — Хантер пожал плечами. — Но это не значит, что он не является треплом. Он... Меня не волнуют его выдумки. Этот парень вешает гребаную лапшу на уши.

— Значит, ты думаешь, что он просто лжет? Думаешь, он выдумал все это дерьмо?

— Да, чувак, я так думаю. Я знаю его слишком долго, чтобы в это поверить. И ты тоже. Я знаю, как работает его разум. Он выдумывает это, потому что чувствует себя неуверенно. Это дерьмо гораздо глубже, чем то, что ты сейчас видишь, — Хантер посмотрел через плечо на Итана, который теперь разговаривал с другой женщиной, и снова повернулся к Брюсу. — Мы все знаем друг друга с детства. Ты знаешь, что Итан иногда лжет и это по большей части ради показухи. Он хороший парень, но иногда чувствует себя посредственностью.

— Черт, я не знаю почему. Он зарабатывает денег больше, чем я и Майк вместе взятые, — лицо Брюса исказилось, словно какая-то его часть не считала это справедливым.

— Деньги не решают таких проблем. Видишь ли, Итан хочет быть значимым. Он не привлекает столько внимания, сколько мы с тобой. Мне даже не нравится много внимания, но я все равно его получаю. Итан хотел бы это иметь. Однако вернемся к первоначальной теме нашей беседы, — Хантер взял свою воду и сделал глоток. — Я не думаю, что он трахает кого-нибудь еще, Брюс. По крайней мере, не так часто, как говорит. Я думаю, это все это спектакль для того, чтобы попытаться произвести впечатление на меня, тебя, Майка. Итан думает, что мы будем думать, что он мужик. Он увидел, что в отношении тебя это привело к обратному результату и теперь он полон решимости как-то выкрутиться из этой ситуации.

Брюс вздохнул и согласно кивнул.

— Ты думаешь, он несчастен в браке?

— Итан несчастлив и точка, чувак. Несчастливые люди делают грустные вещи. Они притворяются. — Мне ли этого не знать...

Хантер взял стакан воды и запил свой кусок праздничного торта. Он знал, что в прошлом Брюса была неприятная и тяжелая ситуация. Его бывшая невеста много лет назад изменила ему с их товарищем, парнем, с которым они учились в школе — это стало спусковым крючком для мужчины. Он так и не смог этого забыть.

— Мне насрать! — Хантер был еще под впечатлением разговора с Брюсом, когда услышал вдалеке крик Майка. Поднявшись с Брюсом на ноги, они увидели своего друга на пороге драки с другим мужчиной.

— Черт! — выплюнул Брюс, и они бросились к Майку, мгновенно вмешиваясь и пытаясь их разнять. То, что начиналось с малого, превратилось в шар из человеческой плоти и мускулов, который вырос и пульсировал как минимум в десять тел, который переместился в игровую зону казино, вызвав бурю негодования. Последовали крики и ругательства, полетели кулаки, некоторые из которых промахивались, а некоторые удачно приземлялись.

Хантеру удалось вырваться из толпы, отступить и оценить ситуацию. Он выкрикивал имена Майка и Брюса, а затем и Итана, когда увидел, что пьяный ублюдок понял, что происходит, и присоединился к хаосу.

Раздался звук разбившегося стекла, и он увидел, как по щеке Брюса потекла кровь. В мгновение ока тело Хантера наполнилось яростью, и он начал размахивать руками, один удар следовал за другим, правый хук, правый хук, левый, пока ублюдок, разбивший бутылку о голову его друга, не отключился. Хантер замахнулся на другого парня, попав ему в глаз, от чего тот отлетел на несколько метров. Так много рук хватало и тянуло его... но этого было мало. Он брыкался и извивался, избивая ублюдка, пока охрана, пытающаяся сдержать его, в конце концов его одолела. Тем временем к ним присоединился четвертый человек и помог тащить его. Сердце Хантера колотилось, как молоток по гвоздю. Адреналин зашкаливал... Он ухмыльнулся, не в силах сдержаться, чувствуя себя живым. Его желание оказаться

посреди чего-то уродливого и извращенного, наконец, осуществилось.

Ему нужно было избивать, разрушать, рвать на куски... Он жаждал опьяняющего прикосновения насилия и жестокости как глотка чистого воздуха.

— Отпустите меня! — проревел он, переходя из приятного момента в наступившую реальность.

— Копы идут по твою задницу, гребаный Андре Гигант! Ты большой сумасшедший ублюдок! Ты вырубил того парня и подбил другому глаз! (Примеч.: Андре Гигант — Андре Рене Русимов, французский рестлер и актёр болгарско-польского происхождения).

— Они ударили моего друга бутылкой! Задерживай их! Ты не полицейский, так что отвали от меня!

— Мы не будем с тобой препираться. Можешь просто сидеть и ждать полицию, — кричал один из сотрудников службы безопасности, когда они тащили его через казино, словно какого-то циркового уroda. Люди пялились на него, когда его толкали вперед, а его руки теперь были скованы за спиной. Может, ему удастся найти выход из этой ситуации. В конце концов, не он нанес первый удар, и он не был пьян. Но Хантер знал, что его руки смертоносны, и он переступил черту. Он боксировал ради развлечения, будучи самоучкой и участвуя только в любительских боксерских матчах. Некоторые из его наград и поясов упакованными лежали в его квартире.

— Ты слышал, что я сказал? Они напали на моего друга. Я не собирался стоять там и позволять им его избивать.

Парни в костюмах охранников не ответили. Как только они подошли к закрытой двери, несомненно, чтобы затолкать его внутрь, словно какого-то отброса в каталажку, новый мужской голос прорвался сквозь толпу.

— Подождите минуту, — все обернулись и увидели высокого стройного пожилого мужчину с темно-оливковой кожей, седыми волосами, зачесанными наверх от его широкого лба, густыми бровями и темно-кариими глазами, обрамленными гусиными лапками.

На каждом его пальце были массивные бриллиантовые и золотые кольца, он был одет в отличный серебряно-черный костюм и держал в руке блестящую белую трость. Из динамиков казино звучала песня «I Like What You're Doing To Me» группы «Янг & Компани». Музыка казалась здесь более громкой, чем в зале. Мужчина смотрел на Хантера так, словно знал его, но пытался вспомнить имя. Хантер понятия не имел, кем был этот человек, но он подыграл бы ему, если бы это означало избавиться от этих ублюдков и отправиться домой без поездки в автозаке.

— Ведите его в мой кабинет.

Пожилой мужчина ушел, делая длинные медленные шаги. Через несколько минут Хантер был в лифте с тремя из четырех охранников. То, как они стояли чертовски близко и смотрели на него, пытаясь сломать его глазами, напомнило ему тюрьму. Его провели по коридору отеля к двойным дверям, в которых он увидел свое отражение. Один из охранников вытащил ключ-карту и открыл двери. Войдя внутрь, Хантер оказался в тщательно обставленном кабинете с огромными окнами от пола до потолка, обрамленными кремовыми шторами. В дальнем углу стоял большой круглый стол, отделанный золотом, за которым сидел человек с белой тростью, куря сигарету и держа в руках стакан, наполненный чем-то темным, возможно, бурбоном.

Вокруг него были камеры, передававшие изображения из казино, целая стена компьютеров, демонстрирующих разные картинки, на которых люди пили, ели, играли в

азартные игры и смотрели выступление танцоров. Одна камера показывала то, что было похоже на порно, но, возможно, это шло в прямом эфире.

— Присаживайся, — охранники отпустили его, сняли с его запястий фиксаторы, а один указал на металлический стул, стоявший перед большим столом. Затушив окурок в стеклянной пепельнице, мужчина откинулся на спинку своего алого кожаного кресла и улыбнулся, затем рассмеялся. Хантер оглянулся на охранников, все еще присутствующих в комнате, затем снова на пожилого мужчину.

— Что-то смешное? — возмущенно спросил Хантер.

— Не особенно. Как тебя зовут? — мужчина затянулся сигаретой.

— Хантер.

— Мне нужно твое полное публичное имя.

— Зачем?

— Потому что я начальник службы безопасности всего этого места. Я являюсь бывшим шерифом Феникса и был нанят непосредственно владельцами этого казино мистером и миссис Илитч для того, чтобы обеспечивать безопасность посетителей уже более восьми лет. А теперь скажи мне, черт возьми, кто ты, — пожилой мужчина раздраженно нахмурился.

— Хантер Вульф.

— Вау... какое имя, — мужчина подался вперед и покачал головой, словно в изумлении. — Хантер. — старик стал медленно раскачиваться взад и вперед в своем кресле, глядя на него. — У тебя чертовски крутой правый хук, парень. Чистая мощь. — он усмехнулся, а затем указал на одну из камер. — Я видел тебя в действии. Боже... ты боксируешь, я так понимаю? — мужчина вопрошающе выгнул бровь.

Хантер пожал плечами, когда мужчина, взяв небольшой пульт, перемотал запись на тот момент, когда он бьет двух парней в замедленной съемке. Хантер отвернулся от монитора, прежде чем его выключили.

— Вы меня отпускаете или нет?

— Это будет зависеть исключительно от тебя. Во-первых, нам нужно обсудить несколько вещей, — мужчина откашлялся и наклонился вперед. — Позвольте мне рассказать тебе то, что я знаю. Ты пришел сюда с друзьями... Похоже, вы празднуете день рождения. С днем рождения, — улыбнулся он. Хантер молчал. — Как бы то ни было, дела пошли наперекосяк... Разгорелась драка, верно? С одним из твоих друзей, который разговаривал по телефону на входе в ресторан, столкнулся парень. Твой друг сказал ему что-то, и это стало началом драки. Ты со своим приятелем вмешались в нее и все, что я мог видеть, это большой двухметровый парень, то есть ты, размахивающий руками и нокаутирующий парней, — теперь он засмеялся громче. — Ты делал это с такой легкостью! Еще ты выглядел таким спокойным, как будто это был просто еще один день в твоей жизни. Это нормально для тебя? Такое поведение?

— Чувак, чего ты хочешь? — фыркнул Хантер, скрестив руки на груди.

— Вульф... интересная фамилия. — он задумчиво постучал по своему подбородку пальцем. — Я считаю, что она немецкая, но эта фамилия встречается и у многих индийцев. Ты часть чиппева, оттава, потаватоми? Может быть, виандот, ирокез, фокс, майами или саук? (Примеч.: перечислены названия коренных народностей, населяющих Северную Америку).

— Индеец? Я? Нет, я белый.

Пожилой мужчина энергично покачал головой.

— Нет. Тебе нужно посмотреть в зеркало, сынок. Строение твоего лица говорит мне о другом. Я хорошо разбираюсь в лицах. Еще я работал в отделе по расследованию убийств и много узнал от криминалистов о строении лица, типе волос и вещах, которые определяют расовую принадлежность человека. Негроиды, европеоиды, монголоиды... Я вижу, что в тебе много от белого, ты, вероятно, в основном белый, но в тебе определенно есть немного местной крови, даже больше, чем немного. Кстати, меня зовут Джонни Уильямс, — он протянул руку. Хантер заколебался, затем пожал ее. — Я из индейского племени форта Мохаве. (Примеч.: форт Мохаве — одна из двух индейских резерваций мохаве). Я также подрабатывал в казино, когда был копом. Знаешь, тебе следует сделать один из тех тестов ДНК, которые сейчас так популярны. Уверен, что это подтвердит мои подозрения насчет тебя.

— Мне это не интересно... Что вам на самом деле нужно? Сомневаюсь, что вы привели меня сюда для того, чтобы поговорить о том, что у меня, возможно, есть индейская прапрабабушка, — Хантер потянулся за сигаретами и зажигалкой и зашипел, когда вспомнил, что оставил ее на столе в ресторане. Словно читая его мысли, старик предложил ему свою. Хантер воспользовался предложенной зажигалкой, после чего вернул ее.

— У вас есть работа на полный рабочий день, мистер Вульф? — мужчина посмотрел на него прозорливым взглядом.

— Нет.

— У тебя ведь есть тюремное досье, не так ли?

Хантер склонил голову набок и выпустил дым.

— Вот мой ответ. Я вижу его в твоих глазах, — рот мужчины превратился в черную щель, приподнятую в уголках. — Видишь ли, мне нравятся такие грубые, дерзкие таланты, как ты. Такие парни, как ты, отлично защищают такие места, как это. У нас есть все: от проституции до секс-торговли, от торговли наркотиками до жульничества в игре в Блэкджек и снятия барменом несчастных двадцати долларов с каждого счета. За блестящим светом, гламуром, радостью, смехом и деньгами в этом месте скрывается преступный мир, который отравляет уважаемый внешний вид. Мне нужно остановить это, — он сложил руки и наклонился вперед. — Этот плохой бизнес портит репутацию заведения. Есть опыт работы в сфере безопасности, Хантер?

— Однажды летом я был вышибалой в клубе...

— Отлично! Как насчет той драки?

— Что насчет нее?

— У нас здесь иногда бывают профессиональные боксерские матчи. У нас был Флойд Мэйвезер, а недавно Тайсон Фьюри. Держу пари, ты фанат Фьюри, — он широко улыбнулся. — Нам нужна безопасность на всех этих мероприятиях, и я был бы не против иметь кого-нибудь в команде, кто тоже обладает некоторыми боевыми знаниями.

— Формально я не обучен... Я самоучка. Смотрел бои и фильмы. Вот и все. Иногда дрался на местном уровне, чтобы получить немного денег... Выиграл несколько наград... Ничего особенного. Не более того. Платные бои.

— Каков твой послужной список?

— Семнадцать побед, ноль поражений, девять досрочных побед, нокаут в третьем раунде с одним парнем, нокаут в четвертом раунде с другим.

— Боксерский псевдоним?

— Тиран.

Мужчина вытащил свой мобильный телефон и начал что-то искать в нем.

— Тебя можно найти в Google, ты знал об этом? — Хантер пожал плечами. — Мистер Вульф, вы либо скромны, либо забывчивы. Вы ошиблись. По данным любительской лиги бокса Сагино, ваш рекорд восемнадцать побед, — мужчина улыбнулся еще шире. — Ты, должно быть, забыл об одном из своих боев... Ты хорош. Очень хорош. Судя по тому, что я видел у тебя хороший контроль над своим телом. Ты не тратишь зря время и силы. Я видел это, пока ты работал над этими парнями, чтобы избавиться от них своего друга.

— Перейдите к той части, где вы меня о чем-то просите, а я говорю вам «нет».

— Смотри, Хантер, я могу позвонить в полицию, и они арестуют тебя, или я могу нанять тебя. Все просто.

— Вы мне угрожаете?

— Все нет, — мужчина, сделав глоток своего напитка, поставил его обратно на стол. — Однако факт остается фактом: ты действительно нарушил правила казино. У нас есть полное право передать тебя полиции. Это было нападением, и мы оба это знаем. Непосредственно ты не подвергался какой-либо опасности, и ты не можешь здесь избивать наших клиентов. К твоему сведению некоторых из них уже забрали за их участие во всей ерунде.

— Где Майк? Это он говорил по телефону. А что насчет Брюса? Моего друга, которого ударили бутылкой.

— Они в порядке. Я просил Майка не задерживать, потому что не он нанес первый удар. Брюса забинтовали, и он может остаться. Что касается тебя, то здесь другая ситуация.

— Я не на условно-досрочном, так что, если вы арестуете меня, я, вероятно, скоро выйду. Это незначительное обвинение, и это была самооборона. Моего друга избивали, — блефовал Хантер. Он чертовски хорошо знал, что это может пойти в обратном направлении, его послужной список был слишком обширен, чтобы так рисковать, но он хотел узнать чего хотел этот ублюдок.

— Я в курсе. Это будет рискованно для тебя, и, хотя это могло звучать так, я не пытаюсь тебя шантажировать. Я предлагаю тебе возможность, Хантер. Это так просто. Тебе нужна работа, а у меня она есть, — мужчина развел руками. — Позволь мне нанять тебя, немного потренировать — и ты в деле.

— Почему вы хотите меня? Есть много других парней, которые...

— Я хочу тебя, потому что ты голоден... ты зол. Ты такой же, каким был я в двадцать лет, — его глаза вспыхнули от восторга. — Я был диким и неукротимым. Меня переполняла ярость из-за того, что детство было, мягко говоря, неблагоприятным. Что-то мне подсказывает, что ты можете меня понять. Моя ранняя взрослая жизнь была не лучше. У меня есть три бывших жены, которые могут подтвердить, как работал мой мозг, какой гнев я испытывал глубоко внутри. Я был отдален от своих детей в течение многих лет. Сейчас дела обстоят лучше, намного лучше, но мне потребовалось много времени, чтобы достичь этого. Мне нужно было куда-то вложить свою энергию, поэтому я пошел в полицию, — Хантер закатил глаза, ему было наплевать. — Я знаю, что полицейские, вероятно, не самые твои любимые люди, но не все из нас плохие. На самом деле, Хантер, большинство из нас хорошие люди и стараются служить обществу. Не для того, чтобы причинить вред населению, а чтобы помочь им, особенно коренному населению, которое было и до сих пор находится в отчаянной нужде.

— Тогда возвращайтесь и помогите им.

Мужчина открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого улыбнулся и высоко поднял подбородок.

— Хантер, я вижу почти всех, кто приходит сюда, — он указал на один из мониторов. — Эдвард был привлечен так же, как я предлагаю тебе. — мужчина указал на одного из охранников, высокого мускулистого черного парня. — Он принимал участие в незаконной деятельности. У него это тоже хорошо получалось, он умный парень... очень смысленный. Но все это было бесполезной тратой его времени и таланта. Он пришел сюда два года назад и попытался покончить с этим. Я нанял его, и теперь он один из лучших сотрудников службы безопасности. Он знает менталитет, образ мышления, отчаяние сводить концы с концами некоторых людей, которые приходят сюда и уходят. Он знает, что значит быть зависимым от неприятностей... — сердце Хантера забилося немного быстрее. — Эта быстрая жизнь... быстрые деньги... быстрые женщины... мы все с этим знакомы. То, что делаю я, ново, некоторые не одобряют этого, но, черт возьми, это работает. Ты был бы третьим... Что скажешь?

— Это звучит неправильно. Я — пас, — Хантер затушил сигарету в пепельнице мужчины и встал. — Давайте, позвоните в полицию. Я буду бороться с обвинениями. Никто здесь ничего не делает бесплатно. Всегда есть какой-то подвох.

— Да, есть подвох, Хантер, без сомнения. — мужчина посмотрел на него мечтательным взглядом. — Мы модернизируем всю команду безопасности и то, как мы работаем. Произошло слишком много вещей, которые мы не смогли вовремя вычислить и поймать виновников. Как полицейский, я обладаю хорошим зрением и слухом, но я не могу дублировать себя двадцать раз. Как преступник, ты можешь распознать своих еще до того, как они начнут действовать, — его глаза сузились. — Подвох в том, что я хочу тебя за то, что ты сделал неправильно, а не за то, что ты сделал правильно. Криминальный ум сложен. Это радикальная идея, но я закладываю для нее фундамент уже в течение более трех лет. Ты — эксперимент. Но тебе будут хорошо платить. Медицинское страхование, выходные в праздничные дни, отгулы, скидки на напитки и еду в нерабочее время, сниженные цены на номера в отелях, всевозможные льготы. У меня поддерживается железная дисциплина. Я строг, но справедлив, — затем мужчина вынул блокнот и, что-то нацарапав в нем, показал Хантеру. — Тебе это нравится?

— Зарплата в тридцать девять тысяч долларов? — брови Хантера приподнялись.

— И она может расти каждый год. Добавим сюда твой накопительный пенсионный счет, страховку и все такое прочее, — мужчина провел рукой по подбородку, чувствуя себя более оптимистично. Кто еще будет платить уголовнику такие деньги, да еще и за нефизический труд? — Все, о чем я прошу, это уделять работе не менее сорока часов в неделю и быть доступным для назначенных боксерских поединков. Обычно у нас они проходят три-четыре раза в год, и мы их планируем заранее. Ты можешь сделать это?

Хантер снова посмотрел на листок бумаги.

Мои поиски работы были чертовски беспорядочными. Максимум, что мне попадается — временная работа. Предложений мало или вообще никто не перезванивает. С такой зарплатой я мог бы закончить ремонт тачки Ноя, потому что выяснилось, что некоторые из необходимых мне запчастей стоят дороже, чем предполагалось. Теперь я мог бы купить их. Также я мог бы помочь Ните отремонтировать ей крышу. Она получает алименты, но это немного — парень женат, ему нужно растить четырех приемных детей. Она бы

чувствовала себя более уверенной в завтрашнем дне, если бы я мог предложить ей такие деньги, внести свой вклад... Нита никогда этого не говорила, но я знаю, что она чувствует, что может бороться в одиночку. Я мог бы помочь дочери Ноя, Олив, и Тише...

Я действительно хочу, чтобы они переехали из этого района. Он небезопасен. Это не огромные деньги, я имел намного больше, проворачивая нелегальные дела, но этого определенно достаточно, чтобы жить. В любом случае это хорошее начало, а с льготами я мог бы иметь даже больше. Раньше у меня никогда не было пенсионного счета или медицинской страховки. Это может изменить порядок вещей. Это может даже помочь мне найти другую работу в будущем, потому что у меня будет больше опыта. Мне не обязательно оставаться здесь навсегда... можно просто поработать год или два и потом попытаться использовать это в своих интересах, чтобы найти что-то другое, если я захочу...

Хантер взял со стола лист бумаги и медленно выпрямился на стуле.

— Можете ли вы сделать это предложение немного лучше?

Мужчина оперся локтем о стол и подпер подбородок кулаком.

— Ты считаешь его несправедливым? — спросил он оскорбленным тоном.

— Справедливость — понятие относительное. Для покупателя справедливо заплатить один доллар за недорогое меню в кафе быстрого питания... Но это не значит, что оно не должно стоить больше, учитывая зарплату рабочих, фермеров и все такое прочее. У меня не было желания работать в казино. Я приезжаю сюда ради развлечения. Периодически. Как вы и сказали, в таких местах может происходить много безумного дерьма. Я могу подвергнуть свою жизнь опасности. Я даже не люблю копов и не верю, что большинство из вас хорошие. О, и еще я не дурак. Можете записать это, — его глаза сузились, глядя на мужчину.

— Я не имел в виду, что ты им являешься. Почему ты это сказал?

— Очевидно, вы все-таки принимаете меня за дурака. Потому что каждый квартал у вас здесь проводятся вечера любительского бокса, и вы хотите, чтобы я в них участвовал. Вам плевать на охрану боксерских матчей. Вы зарабатываете кучу денег на любительских боях.

Лицо мужчины потемнело.

— И как, черт возьми, ты...

— Чувак, просто остановись, — Хантер поднял руку и улыбнулся. — Не трать мое время, пытаясь закончить. Мои бабушка с дедушкой вырастили не марионетку. Ты пытаешься умаслить меня, а когда придет время, заставишь меня почувствовать, что я тебе должен. Ты берешь уличных ублюдков, таких как я, которые, как ты знаешь, могут получить только работу с минимальной зарплатой, и срабатываешь нас друг с другом, как животных, за деньги на ринге, и людям это нравится. Мы разорены и в отчаянии. Тебе нужны большие, сильные парни, которым нечего терять. Я знаю, что ты получаешь большую часть прибыли от боя. Как Дон Кинг зарабатывал на Тайсоне. Может, ты и был офицером полиции в прошлом, но теперь ты кто-то другой, или, черт, возможно, ты остался таким же.

— Для меня это не имеет значения, потому что ты можешь быть ловким, но я ловчее. Ты прав, мы похожи, Джонни, но ты не думал, что я буду достаточно умен, чтобы понять, насколько, — Хантер усмехнулся. Мужчина не улыбнулся в ответ. — Я никогда не учился в гребаном колледже, но я умен и знаю это. — он постучал по своему виску, посмотрел на лист бумаги и скомкал его. — Начав как офицер полиции, теперь ты бизнесмен. Я тоже. Мой кабинет был сделан из бетона, крови и пота, твой — из красного дерева, снятия ренты и расторгнутых браков из-за игровой зависимости. Ты не лучше меня... Сидишь тут в своих

кольцах, выглядя как Тонто — версия сутенера. Ты думал, что зацепишь меня. — он усмехнулся. — Вызывай копов. Мне плевать. Пошел ты.

— Извините нас, — мужчина, в глазах которого ясно читалась ненависть, покачал головой, выставляя за дверь троих мужчин, которые находились в комнате вместе с ними. Спустя минуту дверь кабинета закрылась и раздался щелчок замка.

Джонни усмехнулся и указал на него пальцем.

— Не зарывайся! Ты понятия не имеешь, с кем имеешь дело... Наглец, — мужчина цыкнул, источая яд всем своим существом. — Но я все равно уважаю то, как ты думаешь, — он ухмыльнулся, и в его глазах блеснула дьявольская вспышка. — Отлично. — он скрестил руки. — Если я дам тебе более высокую зарплату, я ожидаю возврата своих денег.

— Я ожидаю возврата своего времени и энергии, — они посмотрели друг на друга. — А поскольку у вас есть связи в пенитенциарной системе и правоохранительных органах, в моем послужном списке есть несколько притянутых за уши обвинений, от которых мой старый адвокат и пальцем не пошевелит, чтобы избавиться. Я хочу, чтобы это дерьмо исчезло.

— Ты торгуешься... идешь на риск... и все же я не видел, чтобы ты сегодня играл хоть в какую-то игру. Какая ирония, — мужчина вздохнул. — Отлично. Новая сделка. Пройдешь обучение по вопросам безопасности, и, если все пойдет хорошо, я найму тебе юриста, который изучит твое уголовное дело и посмотрит, что можно сделать. Скажи мне, что ты считаешь более разумным предложением в отношении своей зарплаты. Я договорюсь.

— Дайте мне ручку, — старик протянул ее ему. Хантер развернул листок бумаги, зачеркнул первое предложение, написал цифру в сорок восемь тысяч долларов и кинул его перед собой. — В общем-то, это ненамного больше, но для меня это будет иметь значение. Что касается получения хорошей отдачи, вы сами все видели. Я не проигрываю бои. Я слишком яростен и хладнокровен, чтобы легко проиграть.

— В конце концов, все проигрывают, Хантер.

— Вы не знаете меня. Вы не знаете моей жизни, — выплюнул он. — Я уже все потерял. Ничего не осталось. — поднявшись на ноги, он направился к двери.

— Предложение принято, Хантер. Начинаешь в следующий вторник. Будь здесь ровно в девять утра. О, и еще кое-что: какое у тебя будет боксерское имя? Я собираюсь в скором времени тебя представить.

Хантер открыл дверь и посмотрел на него через плечо.

— Тиран.

— Тиран... — мужчина задумчиво покачивался взад и вперед в своем красном кожаном кресле. — Как и в твоих любительских боях. Мне нравится. Да, оставим его, — он сложил пальцы рук домиком. — Что насчет «Тиран-волк»? Игра на твоей фамилии. Да, звучит неплохо.

— «Тиран-волк» будет нормально... Но помни — я альфа-пес. Я ни за кем не иду. Я всегда возглавляю стаю...

Буфера на День Рождения

Перекинув полотенце для душа через плечо, Хантер оглядел роскошный гостиничный номер в казино и поймал себя на том, что улыбается. Было три часа ночи, и он только что закончил мыться. Душевая насадка была исключительной, настолько, что он изучил ее и сделал мысленную пометку сходить позже на этой неделе в хозяйственный магазин и попытаться купить аналогичную. Он стоял в темно-синих боксерах в темной комнате, единственным светом в которой был свет, исходящий от экрана телевизора, и размышлял о своей ситуации. За несколько часов до этого ему удалось покинуть кабинет Джонни, не получив тюремных браслетов.

Это было одно из самых странных деловых предложений, которые он когда-либо получал за всю свою жизнь. Этот человек был чертовски странным, но он был способным мыслить и умел работать с пользой. Копы и преступники заключали сделки с момента появления закона и наказания. Этот человек понимал эту важную динамику — зависимость друг от друга. Хантер не мог не оценить это. У него был преступный склад ума, это было заложено в нем. Именно так он пережил некоторые обстоятельства, когда большинство на его месте сломалось бы, попало в какую-нибудь психиатрическую больницу или погибло. После того, как он вышел из кабинета этого человека, полностью готовый к тому, чтобы отправиться домой и отвезти своего избитого друга в укромное место, он обнаружил, что все они ждут его в баре казино. У Брюса была забинтованная голова и глупая улыбка.

Они провели остаток вечера с большим количеством алкоголя и сигарами — маленьким подарком на день рождения от его нового начальника. Он даже поиграл в некоторые игровые автоматы, болтая о разной ерунде и избегая вопросов о том, почему он не цепляет кисок. Когда их банда уже собиралась уходить, раньше он частенько отделялся, покупал какой-нибудь цыпочке выпить и очаровывал ее для того, чтобы забрать ее домой, трахнуть и, чаще всего, забыть о ней. Этого не было на повестке дня и даже близко не было в его мыслях. Он жаждал чего-то настоящего. Чего-то такого, за что он мог бы держаться. Сегодня он хотел настоящую женщину... кого-то, кто был бы всегда рядом с ним, кто был бы больше, чем объект для траха.

По мере того, как они продолжали свои грязные шуточки и подколы, пытаясь спровоцировать его на то, что он делал в прошлом, ему удавалось эффективно уклоняться от дискуссии, просто переводя разговор на другие темы, над которыми они могли спорить, смеяться и вообще забыть о первоначальном вопросе. К тому же в этом не было чего-то нового.

Хантер довольно скрытно относился к своей личной жизни. Он всегда был таким, хотя это никогда не мешало его друзьям копаться в его делах, как будто их рты были лопатами. Кроме того, то, что у него было с Нитой, все еще развивалось. У него не было названия для этого, но они пришли к соглашению. Его мысли метнулись, вернувшись к встрече с Джонни.

Хантеру показалось несколько странным, что он не побоялся вернуться в тюрьму, когда угроза этого нависла над его головой. Он никогда не колебался, когда его друзьям требовалась помощь. Да, это место было гребаным кошмаром, и Леон был бы разочарован, если бы он вернулся, но в основном его волновало то, насколько его не пугала такая

возможность.

Но теперь он подумал о Ное, Олив, Тише и Ните. Эта драка быстро изменила бы его удачу, но в жизни случались и более странные вещи. Кто он такой, чтобы смотреть дареному коню в рот, каким бы раненым он ни был?

Такова была жизнь. Но затем... Нита.

Все всегда возвращается к тебе, не так ли, детка?

Факты оставались фактами. Он был чертовски возбужден и скучал по ней до чертиков. Они встречались несколько раз, часто разговаривали по телефону, каждый день писали друг другу сообщения... Он хотел свой праздничный торт. СЕЙЧАС. Взяв свой мобильный, он позвонил ей. Хантер несколько раз огладил свою бороду, пока в трубке раздавались гудки, а затем вызов перешел на голосовую почту.

— Черт, — он потер глаза. — Я знал, что она не ответит. Посмотри, который час... Хотя я надеялся, что она это сделает, — пробормотал он.

— «Привет, это Нита, оставьте сообщение. Спасибо...»

— Привет, это я... Я знаю, что уже поздно, но формально сейчас уже утро, — он начал ходить взад и вперед. — Мы должны встретиться позже, но я хотел узнать, могу ли я подъехать к тебе совсем ненадолго сегодня вечером, то есть сегодня утром... ну, ты понимаешь, о чем я. Я думал о тебе, — он смотрел на мерцающие огни Детройта. — Когда ты прочитаешь это, Джей-Джей, звякни мне, — Хантер закончил разговор и лег в кровать, глядя в потолок и раскинув ноги. С каждой минутой его глаза становились все тяжелее и тяжелее.

Я, кажется, голоден... Наверное, можно было бы заказать еду в номер...

Он посмотрел на бутылку шампанского, стоящую в ведре на столике, а затем его взгляд снова обратился к потолку. Когда Хантер медленно засыпал, его телефон внезапно зазвонил, и он, схватив его с ближайшей тумбочки, сел.

— Привет. Ты проснулась?

— Теперь уже да, — сказала она сонным голосом, а затем зевнула. — Ты не звучишь как пьяный. Ну и что же это было у тебя за веселье, если ты не говоришь заплетающимся языком? — усмехнулась она. — Я думала, что ты уже в отключке.

— Не этой ночью. — проведя рукой по лицу, он запустил пальцы в волосы. — Это был сумасшедший день, Нита. — он засмеялся, покачав головой. — Ты не поверишь в то, что произошло сегодня вечером, но я лучше расскажу тебе это при встрече... Могу я приехать?

— Ну, во-первых, ты в порядке? Случилось что-то плохое?

— Плохое? Нет, не совсем... я бы сказал, просто другое. Мне кажется, из этого вышло что-то хорошее. Только время покажет, но да, давай поговорим об этом подробнее, когда я приеду. Могу я приехать, детка?

Она молчала дольше, чем ему бы хотелось.

— Но уже так поздно, Хантер. Девочки спят, и у меня глаза закрываются. Может, тебе стоит приехать около девяти? Сегодня я работаю, как я говорила, но...

— Я обещаю, что не задержусь надолго, Джей-Джей.

— Ты убиваешь меня этим дерьмом с Джей-Джей... Аббревиатурой имени Джанет Джексон, — она лениво засмеялась, и он засмеялся вместе с ней.

— Слушай, я уйду и вернусь позже в тот же день, как мы и планировали... Я просто, эмм, хочу поцеловать тебя и поговорить с тобой, вот и все. Ты можешь снова заснуть, словно меня и не было. Давай, детка, не отказывай мне в мой день рождения. — он ухмыльнулся,

подталкивая ее, манипулируя ею, когда произносил все это своим лучшим грустным голосом.

— Погоди, как ты сегодня попал в казино, Хантер? Мне казалось, ты говорил, что тебя подвезут друзья?

— Они так и сделали. Я могу вызвать такси. Не фиг делать, — он пожал плечами.

— Хм-м-м... хорошо, но только ненадолго.

— Круто, я только зайду и выйду, — он усмехнулся, буквально имея в виду то, что он сказал. — Я выезжаю прямо сейчас. Скоро увидимся.

Хантер завершил разговор до того, как она могла бы передумать и попытаться включить красный свет. Покопавшись в своей сумке, он вытащил футболку и джинсы, которые взял с собой, чтобы надеть на следующий день. Бросившись в ванную, он зачесал мокрые волосы наверх и оправил бороду ладонью. Почувствовав себя уверенным и довольным, он вышел из номера с сумкой в руке и позвонил из вестибюля в службу заказа такси. Менее чем через десять минут он сидел на переднем сиденье маленькой красной «Тойоты», за рулем которой был невысокий темнокожий парень средних лет, любивший слушать госпел. Они немного поговорили, и вскоре его высадили перед домом Ниты.

— Спасибо, чувак. Доброй ночи.

— Без проблем. Да хранит тебя Господь и хорошей тебе недели, — кивнул парень, помахав ему рукой, когда он выходил из машины.

Хантер не забыл оставить ему хорошие чаевые на его счете через приложение на телефоне, а затем направился к входной двери Ниты. Вместо того чтобы постучать или позвонить в звонок, который мог разбудить Олив и Тишу, он отправил ей текстовое сообщение.

Я на месте. Открывай.

Он нетерпеливо ждал, стоя в прохладном ночном воздухе, прохладном до такой степени, что он пронизывал вас и замораживал всю кровь в ваших жилах. Наконец Нита, одетая в длинный пушистый лавандовый халат, с распущенными волосами, открыла дверь. На ее лице не было макияжа, за исключением прозрачного блеска для губ. Настолько прекрасна, насколько это было только возможно. Улыбаясь ему, она тихонько впустила его и закрыла за ним дверь. В доме было тепло и темно, если не считать включенного на кухне света.

— Хочешь кофе? — прошептала она, такая чертовски красивая.

— Нет, я не хочу никакого гребаного кофе.

— Вот дерьмо, Хантер. Хватит играть! — сказала она приглушенным голосом, когда он, отказавшись от ее предложения, обнял ее, приподнял и, обернув ее ноги вокруг своей талии, понес к лестнице. — Что ты делаешь?! — спросила она, широко раскрыв глаза, когда он стал подниматься по лестнице.

— Я пришел только чтобы получить свой поцелуй на день рождения, и все... Я не задержусь надолго, — солгал он.

— Хантер, я думала, ты хочешь поговорить о своем вечере? Видишь, не стоило разрешать тебе приезжать. — она скривила рожицу и поджала губы, держась за него, чертовски хорошо зная, что у него были скрытые мотивы. Он полагал, что она с первого взгляда знала, каков его план, но решила сыграть в эту игру, как будто совершенно не обращая внимания на его грязные намерения. Его член пульсировал от желания.

— Где твоя спальня?

— Я не скажу тебе, — прошептала она.

— Тогда я просто начну открывать случайные двери. — он потянулся к ближайшей ручке.

— Нет! Хорошо, хорошо! Но мы только поговорим! — предупредила она.

Твоя киска тоже похожа на рот... так что да, я поговорю с ней...

Она указала на дверь в дальнем конце коридора. Подойдя к ней, он поставил ее на ноги, и она открыла дверь в небольшую, но хорошо оформленную и приятно пахнущую комнату в оттенках бледно-желтого цвета. На кровати лежали блестящие золотые декоративные подушки с белой отделкой и темно-синие простыни и одеяло. Цветовая гамма комнаты напомнила ему место, которое могло быть во Флориде, тем более что в углу стояла небольшая искусственная пальма с мерцающими белыми огоньками. Пока он закрывал дверь, Нита зажгла небольшую желтую лампу, стоящую на туалетном столике.

— Садись, — она указала на край своей красивой женственной кровати с горой мягких симпатичных подушек, отделанных бахромой и толстым стеганым одеялом.

Хантер сел и сразу же стал проверять упругость матраса. Он несколько раз подпрыгнул на нем, тестируя... Матрас чувствовался комфортным, как и она.

Сев напротив него в кресло, стоящее рядом с туалетным столиком, она заправила волосы за уши и наклонилась вперед. Ее великолепная улыбка стала еще ярче.

— Что ж, еще раз с днем рождения, сэр. Надеюсь, вы хорошо провели время. — она весело рассмеялась, скрестив свои длинные блестящие ноги, выглядевшие так, словно их намазали маслом. Ногти на ногах были выкрашены в белый цвет, выделяясь на безупречной коричневой коже.

— Спасибо... Я так и сделал.

— Ну и что дальше? — она села прямо, скрестив руки. — Расскажи мне о том, что случилось сегодня вечером.

Он встал и снял пальто. Она наблюдала за ним, не моргая, ничего не говоря, когда он, прикусив нижнюю губу, провел рукой по своей эрекции. Стянув футболку, он бросил ее на пол, а затем потянулся к ремню на своих джинсах.

— Хорошо, — поджав губы, она посмотрела в пол, словно учитель, собирающийся сказать своему ученику, начинающему наркоману, чтобы он не нюхал клей. — Хантер... — ее голос дрожал, когда она вытянула руку вперед, как бы говоря «стоп». — Ты знаешь, что я хочу тебя, ты знаешь, что ты мне очень нравишься, но мы не можем сделать это прямо сейчас. Мои дети находятся в соседней комнате. — она указала на закрытую дверь.

— Они не дети. Когда наступит подходящее время, Джей-Джей? Ты любишь оправдания. Мне нравится действие, — она отвернулась. — Они знают, что мы встречаемся. Они знают, кто я. Ты тоже имеешь право жить. Кроме того, я могу быть тихим. Уверен, что ты тоже можешь... Я могу зажать тебе рот, если ты станешь слишком громкой.

Она закатила глаза и ухмыльнулась.

— Значит, ты думаешь, что получишь то, что хочешь? Такой упрямый, — она покачала головой и засмеялась. — И снова я думаю, что не стоило тебе перезванивать — ты плохой. — поддразнила она.

— Когда я закончу с тобой, ты будешь думать, что это твой день рождения, а не мой, — он снял обувь и носки. Нита нахмурилась, когда он вытащил ремень из петель и бросил его на пол, от чего пряжка лязгнула. Она заметно сглотнула, и было очевидно, что она борется с улыбкой. — Я пришел сюда за своим пирогом, — спустив джинсы, он продемонстрировал

свой стояк. Ее глаза округлились и она, отпрянув назад, перевела взгляд на гребаную стену, когда он закончил раздеваться. Хантер услышал ее легкий смешок, который перерос в хихиканье. Он ухмыльнулся ее реакции, у него такое случалось раньше, много раз.

— Буду честной с тобой, Хантер, у меня никогда раньше не было секса с белым мужчиной. Я, эмм, ожидала чего-то другого... Господи, благослови тебя! Боже мой! — она соединила свои ладони вместе и захихикала, качая головой. Ее щеки стали румяными, но она все еще отказывалась смотреть в его сторону.

Дотянувшись до джинсов и вытащив бумажник, Хантер вынул из него презерватив «Троян Магнум XL» и небрежно швырнул его на ее туалетный столик, словно тарелку фрисби, а затем сел на ее кровать, широко расставив ноги. Нита, широко улыбаясь, медленно перевела на него свой взгляд. Он поманил ее пальцем.

— Иди сюда.

Обняв себя, она подошла к нему. Потянув ее к себе, он заставил ее оседлать себя. Шорох ее одежды, скрип кровати, поддерживающей их вес, и их прижатые друг к другу тела заполнили собой всю комнату. Ее халат постепенно распахнулся, и под ним обнаружилась длинная футболка и пара полупрозрачных светло-лиловых трусиков. Он посмотрел ей в глаза, а затем поцеловал ее мягкий восхитительный рот, отчего она замурлыкала, как котенок. Проведя пальцами по ее волосам, он прижал ее ближе, скользнув внутрь языком.

Она крепче обняла его за плечи в то время, как его бедра медленно двигались вверх и вниз от желания. Ее халат соскользнул с одного плеча, и он, не теряя времени, поцеловал обнаженную мягкую плоть. Хантер чувствовал, как сильно она его хотела, но была еще немного напряжена. Ее мышцы были скованы, а пальцы теперь впивались в его плоть, словно она боялась расслабиться.

— Прямо сейчас здесь только ты и я. Я хочу, чтобы ты расслабилась. Нам это нужно, — Хантер откинул несколько прядей, упавших ей на лицо, чтобы совершенно беспрепятственно смотреть в ее глаза.

Он поцеловал ее ключицу, одарив ее сладкой нежностью, затем, проведя рукой, снял халат с другого плеча, позволив ему соскользнуть вниз и обвиться вокруг ее бедер. Сорвав с ее тела, он отшвырнул его на покрытый ковром пол, полностью избавившись от него.

— Подними руки, детка, — она медленно сделала, как он просил, и Хантер, взявшись за ткань ее ночной футболки, стянул ее и отбросил в сторону. Она пробежалась пальцами сквозь его волосы, снова напрягаясь, когда он посмотрел ей в глаза.

— Ты такая чертовски сексуальная, детка, — он смотрел на ее обнаженную грудь, быстро наполняясь похотью.

Она была действительно хорошего размера и к тому же натуральной. Ее ареолы были большими и темными, напоминая ему некоторых чернокожих женщин, которых он видел во французском порно-фильме несколько лет назад. В прошлом он спал с несколькими чернокожими женщинами, все они были с разным оттенком кожи, телосложением и размерами. Не теряя времени зря, он взял темный шоколадный сосок губами и нежно потянул его. Она застонала, откинув голову назад, поглаживая его шею, пока он ласкал ртом ее мягкий, естественный бутон.

Посасывая медленно и мягко, а затем с чуть большим давлением, попутно покрывая грудь легкими поцелуями, Хантер, прижав руку к ее пояснице, притянул Ниту ближе к себе, заставляя ее почувствовать силу его желания. Она вздрогнула, когда он переключился на другую грудь и начал целовать и посасывать ее до тех пор, пока сосок не стал жестким

комочком на его языке. Хантер скользил вверх и вниз по ее груди, покрывая ее легкими поцелуями. Задев головкой своего члена ее трусики, он почувствовал небольшое трение. Ее киска была невероятно влажной, Хантер чувствовал опьяняющий запах ее женского возбуждения, а ведь он еще даже не начал.

— Расслабься... — он поцеловал ее. — Не заставляй меня повторять это снова.

— Хантер, обещай мне... — она вздрогнула, когда он, протянув руку между их горячими телами, ловкими пальцами погладил ее киску через трусики. — Обещай мне, что уйдешь из дома до семи. Девочки... девочки... начнут просыпаться в школу.

Приподняв ее повыше и делая вид, что трахает ее, он стал еще сильнее поглаживать ее зону, заставляя ее киску скользить по головке своего члена. Сливочная влага, пропитавшая прозрачную лавандовую ткань, оставалась на его разгоряченной плоти. Потянувшись одной рукой вниз, а другой прижимая ее к себе, чтобы не дать ей упасть, он приблизился к ее влажным лепесткам. Зацепив пальцем резинку ее нижнего белья, Хантер отодвинул трусики и одобрительно посмотрел на бритую киску с небольшим количеством темных волос на лобке. Сунув руку внутрь, словно в банку с печеньем, и смотря ей в глаза, он провел длинным указательным пальцем вверх и вниз по влажным губкам ее гладкой киски.

— Ты чертовски мокрая, Джей-Джей... Это так прекрасно...

— Обещай мне... черт... — она стиснула зубы, когда он вошел в нее пальцем, и ее стенки немедленно стиснулись вокруг него.

— Сегодня я везучий ублюдок... О-о-о, мой... такая тугая... — он медленно трахал ее пальцем. — Эти твои плотные стенки ждут посетителя. Ты не только мокрая, как шторм, твоя киска тугая, как гребаная перчатка. Я так голоден, детка, что готов тебя съесть...

Вытащив из нее палец и швырнув ее на кровать, он быстро стянул ее трусики и бросил их на пол. Нита тяжело дышала, ее глаза полыхали страстью, но при этом в них оставалась капля беспокойства. Поднявшись на ноги, Хантер схватил презерватив с туалетного столика, открыл его зубами и положил резинку на ее тумбочку в пределах досягаемости.

— Ты принимаешь какие-либо противозачаточные средства? — спросил он.

— Да... таблетки. Это не сексуально, но я должна спросить... Когда в последний раз ты проверялся на ЗППП?

— Я сдаю анализы каждые три месяца. Это было частью требований к моему испытательному сроку, включая тестирование на наркотики, поэтому я продолжаю делать это по привычке. — он пожал плечами. — Сдавал анализы в тюрьме, сдавал их, когда вышел. У меня ничего нет, и я годами не занимался незащищенным сексом. В прошлом я обычно регулярно пользовался презервативами, если только это не был кто-то, с кем я состоял в отношениях. Ты?

— У меня давно не было секса, но когда он был, я сдавала анализы каждые полгода или около того... Я чиста.

Скользнув обратно на кровать, он притянул ее к себе за лодыжки, закинув ее ноги себе на плечи. Когда он нырнул, чтобы поцеловать улыбку между ее бедер, она, извиваясь, попыталась уклониться.

— Эм-м, Хантер... — слегка нахмурившись, она покачала головой. — Я не люблю, когда меня едят.

Обхватив ее задницу, он посмотрел на нее прищуренными глазами.

— Просто твою киску никогда раньше не ел я...

— Это не имеет значения. Я пробовала несколько раз с разными мужчинами. Все время

одно и то же... Мне это просто не нравится.

— Ты еще не знаешь, что тебе это нравится, потому что этого с тобой не делал я. Говорю тебе, на этот раз все будет по-другому.

— Сомневаюсь. Однажды... неважно. Давай просто не будем этого делать.

Он встал на колени и посмотрел на нее.

— Но мне нравится это. Я знаю, что делаю. Мне это нужно, Нита... Я хочу попробовать тебя, — он понял, что у леди был какой-то негативный опыт, который навсегда изменил ее взгляд на это.

Хантер гордился своими навыками поедания киски. Он не только был исключительным в этом, но это так его возбуждало, что секс не казался бы законченным, если бы она не дала ему шанс. — Я тебе вот что скажу: просто позволь мне сделать это минутку и, если тебе не понравится, я остановлюсь.

Она колебалась мгновение, а затем кивнула в знак согласия. Он опустил на живот и поднес к себе ее киску так, как если бы она была на блюде, заставляя Ниту выгнуть. Ее широкие мягкие бедра раскрылись вокруг его головы, словно лепестки.

— Первое, что я хочу, чтобы ты сделала, это смотрела, как я тебя ем. Не отводи от меня глаз, пока я тебе не скажу, — ее мышцы напряглись, когда она посмотрела на него сверху вниз. Встретившись с ней взглядом, он нежно подул на ее киску и, положив ее на кровать, одной рукой взял ее за руку и переплел их пальцы, а двумя пальцами свободной руки раскрыл ее влажные лепестки.

Он дразнил языком ее клитор, прежде чем провести им по ее нежной розовой плоти. Ее лоб наморщился, а брови нахмурились, когда она сжимала простыни в кулаке. Он облизывал ее снова и снова, набирая скорость и задевая ее набухший от желания, выступающий из-под капюшона клитор. Ее киска начала изливаться прямо у него на глазах, превращаясь в мокрый красивый беспорядок. Нита застонала, ее стон был пронзительным и сексуальным.

— Ты чертовски хороша на вкус, детка. Очевидно, кто-то не знал, как правильно есть твою киску, оставив тебе неприятные воспоминания, — он улыбнулся ей блестящими от ее соков губами, его борода насквозь промокла. Крепко схватив ее за бедра, он начал водить языком вверх и вниз по ее киске быстрыми, давящими движениями, заставляя ее оставаться неподвижной, пока вылизывал ее досуха.

— Вот черт! Черт! — она начала раскачиваться и тереться о его лицо, ее бедра вращались. Она явно хотела большего от этих оральных ласк.

— Тебе нравится то, что ты сейчас чувствуешь, не так ли, детка?

— Черт! Да! — она раскачивалась взад и вперед все сильнее, ее тело требовало, чтобы он продолжал. Ее влага стекала вниз между ее ягодицами, оставляя блестящий след.

— Я собираюсь есть эту киску, как гребаное животное. Ты права. Ты не должна была перезванивать мне... Потому что я, нахрен, кусаюсь.

— О-о-о, че-е-ерт! — простонала она.

Впившись пальцами в плоть ее внутренней стороны бедер, он прижал ее ноги вниз, наслаждаясь ее сладостью и стопами удовольствия, занимаясь с ней любовью. Его сердце заколотилось как безумное, когда она, вздрогнув, еще сильнее вцепилась в простыни. Его стоны смешались с ее стонами, потому что он наслаждался всем в этой соблазнительной женщине...

— Ты потрясающая... естественная... женственная... солоноватая... и такая невероятно сладкая... — обхватив ее за талию, он стал жестко втягивать ее клитор в свой рот, а затем

отпускать снова и снова. Пальцы на ее ногах поджались, затем в какой-то момент, потянувшись вперед, он сжал ее грудь, а затем снова схватил ее за талию, удерживая на месте, пока пировал. Слюна соединилась с соком киски, и его член задергался в предвкушении, пока он наслаждался ее реакцией. Ему нравилось делать ей приятно...

— М-м-м! О, Боже! Не останавливайся, Хантер... пожалуйста, не останавливайся! — простонала она, извиваясь всем телом. Смочив два пальца, он начал вводить их в нее внутрь и наружу, вызывая хлюпающий звук, продолжая при этом быстро кружить языком по ее клитору. — Черт! Я... О, Боже!

Он не сводил с нее глаз, наслаждаясь тем, как закатываются ее глаза, и она вскрикивает от удовольствия. Он толкался в нее пальцами все сильнее, влажный хлюпающий звук наполнил комнату. Покачивая головой из стороны в сторону, когда сосал ее клитор, Хантер, член которого теперь пульсировал, застонал. Кровать начала ходить ходуном под их извивающимися телами.

Бедра Ниты приподнялись над кроватью, она сильно затряслась и кончила судорожными, спазматическими движениями. Когда ее крики становились все громче, он, продолжая держать пальцы внутри нее, пополз вверх по ее телу и нежно прижал ладонь к ее рту, подавляя ее громкие стоны, которые могли разбудить девочек. Соскользнув с нее в сторону, он обхватил ладонью ее киску, позволяя Ните тереться и давить на нее, выдаивая свой оргазм до остатка. Когда она лежала, тяжело дыша, с раскинутыми ногами и блестящей киской, Хантер потянулся за презервативом и натянул его на свой ноющий член. Легкий пот выступил у нее на лбу, словно диадема из прозрачных драгоценных камней. Закрыв глаза, Нита тяжело дышала и качала головой, словно в бреду. На ее губах играла улыбка, и он тихо рассмеялся, заняв положение между ее мягкими длинными ногами, одну из которых он положил себе на плечо.

— Хорошо, я беру свои слова назад. Я беру все... назад. Ты... ты делаешь это хорошо. Блин, ты умеешь поедать киску! — Нита тяжело дышала, с трудом выговаривая слова. — Боже мой.

Поглаживая ее ногу, он поцеловал ее в губы, затем в щеку, подбородок и шею.

— Твое тело чертовски красиво. Спасибо, что позволила мне его уничтожить. Я собираюсь разорвать твою киску, детка... — сладко прошептал он. Протянув руку между их телами, он схватил свой член, и она лениво улыбнулась ему, словно у нее не было сил отвечать. — Ты должна серьезно отнестись к тому, что я только что сказал. Это не шутка.

— Черт! — она крепко обняла его за шею, когда он глубоко вошел в нее. Никакого предупреждения, никакого медленного скольжения. Он хотел ее всю... прямо сейчас, без вопросов. Его челюсть сжалась, и он крепко зажмурил глаза, не двигаясь... просто оставаясь на месте, наслаждаясь тем, как она чувствовалась.

— Так туго, Нита... так влажно... черт... — положив руку ей на макушку он, удерживая ее на месте, стал подаваться бедрами вперед и назад, проникая в нее резкими мощными толчками. Она вскрикнула, уткнувшись головой ему в плечо. И он трахнул ее со всей душой. Нита так сильно вцепилась в край кровати, что простыня на резинке слезла и скатилась к их телам. Изголовье ударилось о стену, когда его ворчание и ее крики экстаза слились воедино.

— О, Боже! — она быстро моргнула, а затем закрыла глаза, когда кровать под ними стала ходить ходуном. Потянувшись рукой между ними, он погладил большим пальцем ее набухший клитор.

— Этого ты хочешь, Джей-Джей?

— Да! — ответила она, и ее голос дрожал от его сильных толчков, сотрясающих ее тело.

— Тебе нужен этот большой грубый член, не так ли?! Тебе нужно, чтобы я трахал тебя еще сильнее, не так ли?!

— Да! — он вышел из нее и в мгновение ока поставил ее на колени. — О, нет... черт! ЧЕРТ! Детка!

Теперь, стоя позади нее, Хантер впился взглядом в ее пышную, мягкую, великолепную задницу, врезаясь в нее снова и снова, его яйца хлопали по ее мокрой киске. Он трахал ее так сильно и быстро, что ее тело под ним потеряло четкие очертания. Пот стекал с него ручьями. Он таранил ее, держась за бедра и глубоко погружаясь так глубоко, что касался ее матки. Она кричала и стонала, и Хантер, быстро протянув руку вперед, зажал ей рот, когда Нита распалась на части. Ее стоны угрожали просочиться сквозь стены, когда она внезапно кончила, и влага потекла по внутренней стороне ее бедер, словно струйки дождя по стеклу.

— Моя киска... моя киска такая мокрая для тебя, малыш!

Он немного замедлил свои толчки, покрывая ее спину нежными поцелуями.

— Это мое, ты это знаешь, да? Эта киска теперь принадлежит мне.

— Да!

— Ты моя, Нита. Детка, я позабочусь о тебе, сниму с твоих плеч немного забот... Я позабочусь о тебе, твоей дочери, обо всем! Ты больше не будешь одна... Ты слышишь меня? Ты только что нашла своего нового лучшего друга, — подавшись назад, он резко вошел в нее. Она закричала, потянувшись к подушкам трясущейся рукой, и застонала, когда снова кончила.

— Хантер! Черт!!! — все еще дрожа, она продолжала кончать, пока он ускорял темп, тяжело дыша, пытаясь сдержаться, его член грозил взорваться. Словно зная, что он на пределе, она, протянув руку между ног, начала гладить свою киску, открывая его взгляду розовый оазис, и бросила на него взгляд через плечо, ее волосы были растрепаны. Она была невероятно прекрасной, отдаваясь ему...

— Я кончаю! БЛ*ТЬ! — он яростно кончил, его член взорвался в презервативе, наполняя его своей горячей спермой. Хантер чувствовал себя невероятно, двигаясь в Ните и изливаясь до последней капли. Он немного осел на ее спину, его голова была словно в тумане, а тело расслабилось. Выйдя из нее и упав на кровать, он взглянул на свой член, заметив, что презерватив наполнен до краев. Когда нежные пальчики погладили волосы на его груди, Хантер закрыл глаза. Нита прижалась к нему, положив ногу ему на ногу, и поцеловала в плечо. Они немного помолчали, их замедляющееся дыхание, звучащее в унисон, было единственным звуком в комнате.

— Должна отдать тебе должное, — нарушила она тишину с улыбкой. — Ты умеешь трахаться. Блин, парень. — она хихикнула.

— Я знаю, — ухмыльнулся он.

— Скромность — это не для тебя, я вижу.

— Если ты знаешь, что хорош в чем-то, тебе не нужно принижать себя, чтобы другие чувствовали себя более комфортно. Я хорош во многих вещах. Секс просто оказался одной из них, — Хантер схватил ее руку и сжал в своей ладони, соблазненный перспективой заснуть. Его веки отяжелели, и он закрыл глаза.

— О, нет, сэр... просыпайтесь. Ты сказал, что у тебя была интересная ночь, о которой ты хочешь мне рассказать.

Он провел рукой по своей бороде.

— Ах, да, — сказал он. — Итак, позволь мне рассказать тебе, что произошло... — и Хантер пересказал ей всю историю от начала до конца. Когда он закончил, Нита уже сидела, прислонившись к изголовью кровати, с открытым ртом. — Поэтому, это был не просто треп в пылу страсти. Я на самом деле имел в виду то, что сказал. Я позабочусь о тебе.

— Я могу о себе позаботиться, Хантер, но я ценю это. Я действительно это ценю.

— Я не говорил, что ты не можешь о себе позаботиться, но ты борешься. Это все закончится. Скоро я приступлю к новой работе. — он встал, поднял с пола джинсы и вытащил сигарету. Подкурился, он вернулся в кровать. — Я твой мужчина.

— О, правда? — она улыбнулась, подняв бровь, и он нежно провел пальцами по ее правой груди.

— Да. Так что любым другим ублюдкам, с которыми ты, возможно, столкнешься, дай знать, что случилось. Тиран здесь, поэтому им нужно уйти с дороги.

— Стой, парень! — усмехнувшись, она покачала головой.

— Я ни хрена не остановлюсь. Это полный ход. Ты знаешь, кто я такой, черт возьми, — ее улыбка исчезла. Он был серьезен, не в настроении для игр. Затянувшись сигаретой, он посмотрел в потолок. — Я должен дать больше, чем просто член. Это хороший член, но этого недостаточно. Я умен, у меня есть некоторые навыки, некоторые таланты, которые я могу использовать, чтобы заработать законные деньги, так что это то, что я собираюсь сделать. Больше никаких махинаций с угнанными машинами, снятием номеров и прочего дерьма. Это было прибыльно, но это не даст мне того, что я пытаюсь достичь в жизни. Я сказал тебе, что не хочу, чтобы ты сосредотачивалась на моем прошлом, поэтому я строю планы на будущее. Наше будущее, — потянувшись к ее подбородку, он заставил ее повернуться к нему лицом. — На этот раз я должен сделать все по-другому. — она согласно кивнула. Положив руку ей на колено, он погладил его. — Я позабочусь о тебе, Нита... Не думал, что у меня так быстро могут появиться подобные чувства к кому-то... кто совсем не похож на меня, но это случилось, — он уставился на изголовье кровати.

— Я тоже позабочусь о тебе. Я рада, что встретила тебя... Ты до сих пор для меня загадка, но со временем все прояснится, — придвинувшись к нему ближе, она прижалась губами к его губам.

Вскоре он, широко раздвинув ее ноги, снова погрузился в нее, наполняя ее до краев. Они кончили примерно в одно время, их вспотевшие тела бились друг о друга, как океанские волны. Прижав ее колени к голове, он вызвал ее протест. Она утверждала, что не была гимнасткой, но он проигнорировал ее, глубже в нее вбиваясь. На этот раз он не заглушал ее оргазмические крики и мольбы о пощаде. Он продолжал трахать ее жестко... безжалостно... неумолимо. К тому времени, когда они закончили, простыни наполовину свисали с кровати, большая часть подушек лежала на полу, а на тумбочке валялись три пустых упаковки от презервативов. Он использовал свой последний к тому времени, когда она набралась сил, чтобы посмотреть на часы и потребовать, чтобы он ушел.

— Хантер, пожалуйста. Уходи. Девочки скоро встанут!

— Мисс Скромность, — он снял презерватив и выбросил его в мусорное ведро. — Ты бы сошла с ума, если бы Тиша увидела, что я ночевал.

— Уходи. Устроишь со мной разборку в другой раз! — прошептала она с тревогой в глазах, посмотрев на часы.

— Могу я хотя бы принять душ, прежде чем ты вытолкаешь меня на улицу?

Она рассмеялась и покачала головой.

— Нет! Ты слишком задержался. Тебе не следовало затевать третий раунд, если ты хотел принять душ. А теперь одевайся и возвращайся через несколько часов. Я сделаю тебе праздничный бранч. В любом случае я это планировала.

— Я не хочу никаких гребаных вареных яиц, маленьких бутербродов с ветчиной или что ты там, черт возьми, задумала. Я просто хочу еще немного киски.

— Хантер!

— Ладно, — он засмеялся, потянувшись за своей одеждой, затем остановился и понюхал себя. — О, черт подери! Просто быстрый душ, Нита. Я не могу выйти вот так, — он вскинул руки. — Я весь в поту с головы до ног и пахну сексом! Я собирался зайти в хоспис и навестить Ноя! Я не могу появиться там в таком виде.

Она скрестила руки на груди и вздохнула.

— Хорошо. Пятиминутный душ и все! Я серьезно! Ты принимаешь душ, и у тебя есть пять минут, чтобы вымыться и уйти. Под раковиной ты найдешь чистое полотенце и мочалку.

Хантер поспешил в ее главную ванную комнату и положил желтое полотенце и подходящую мочалку на край ванны. Ванная комната была маленькой, вся в розовом цвете. Повсюду валялись женские причиндалы. Коробка с прокладками здесь, тюбик губной помады там, пачка накладных ресниц, которые выглядели так, будто их никогда не использовали. Для него они были похожи на тощих пауков... Он помочился, затем включил душ и вошел. Намыливаясь, он услышал музыку. «Inside Out», «Одиссея». Он улыбался, покачиваясь под музыку под струей воды.

Она любит это старье. У нее, должно быть, старая душа... Мне это нравится. Наверное поэтому меня к ней так тянет.

Под конец купания его мысли плыли в миллионах направлений. Выйдя, он открыл дверь спальни и увидел, что она сидит у туалетного столика и заплетает волосы. На ней были красные леггинсы и большая черная футболка с маленькими красными сердечками. Когда она повернулась к нему, ее лицо просияло.

— Я быстро приняла душ в ванной в коридоре, — заявила она, наблюдая, как он вытирается полотенцем. — Девочки встали, но все еще в своей комнате, так что поторопись... и ты был там пятнадцать минут, а теперь все шестнадцать! — она зашипела, притворившись злее, чем была на самом деле. — Хочешь, я вызову тебя такси, малыш?

— Нет, я сам, — подойдя к ней сзади, он положил свой вялый член ей на плечо. Он стоял так, выглядя сонным и влюбленным идиотом. Нита стиснула зубы, словно была раздражена, но на самом деле не знала, смеяться ей или ударить его. Глядя на него в зеркало, она, наконец, покачала головой.

— Ты сумасшедший. Убери это и уходи!

Рассмеявшись, он начал танцевать под музыку, оставив свой член лежать на ее плече, и тот немного сдвигался то влево, то вправо.

— Ты не говорила убрать это час назад.

— Хантер! — взяв его член двумя пальцами, словно опасную чешуйчатую змею, она сбросила его со своего плеча. Это рассмешило его еще сильнее.

— Поцелуй его, и я уйду, — ее глаза расширились от ужаса. — Да ладно тебе, я же не прошу тебя отсосать его... пока, — он подмигнул. Встав перед ней, он схватил свой член и поднес к ее рту. Она поколебалась немного, а затем обхватила его одной рукой. Ее взгляд был голоден, грудь вздымалась и опускалась так же, как это было перед тем, как он показал

ей, на что способен настоящий пожиратель кисок. Затем она слегка прижалась губами к головке, даря ей легкий поцелуй, — а что насчет яиц? Ты просто проигнорируешь их? У моего члена есть друзья. Это комплексная сделка.

— УБИРАЙСЯ!

— Мама, ты в порядке? — ее глаза расширились, когда она осознала свою ошибку. Все, что он мог делать, это хихикать.

— Ты облажалась. Прими мои аплодисменты.

Проигнорировав его, она посмотрела на дверь спальни.

— Да, я просто пою, детка! Ты собираешься в школу?

— Да, я собираюсь принять душ.

— Хорошо! — она, словно змея, повернулась в его сторону. — Если ты не уйдешь из моего дома прямо сейчас, будут проблемы! — улыбаясь, он оделся и схватил свое пальто. Прежде чем выйти из спальни, он наклонился и горячо поцеловал ее. Затем она встала из-за своего туалетного столика и осторожно открыла дверь спальни, проверяя, чисто ли на горизонте. — Хорошо, поспеши. Вызовешь такси на улице. Слишком поздно дожидаться его здесь.

— Хорошо, детка.

— Позвони мне после, — она обняла его и поцеловала.

Поцеловав ее в макушку и шлепнув по заднице, он тихо спустился по лестнице...

Гореть в молчании

Солнце только начало всходить. Застоявшаяся тьма, широко раздвинув ноги, окрасила облака космическим оргазмом. Хантер, посмотрев в кухонное окно, налил себе стакан апельсинового сока из холодильника. Нита была наверху в своей спальне, из которой гремел старомодный ритм-н-блюз. Также он мог слышать, как в ванной комнате наверху шумит душ, а Тиша поет какую-то песню о любви, звук которой частично заглушала вода. А на него сейчас смотрела пара хорошеньких голубых глаз, напомнивших ему о его друге Ное.

Он повернулся к подростку с тонкими чертами лица, ярко-розовыми щеками и бледной кожей, ставшей сейчас на пару оттенков темнее. Откинув светлые пряди волос от лица, она помешивала ложкой овсяные хлопья в своей миске. В этот момент кто-то стал спускаться по лестнице. Наверняка, Нита. Дерьмо вот-вот должно было попасть в вентилятор. Он поднес палец к губам.

— Тсс-с...

— Я ничего не скажу. Обещаю, — широко улыбнувшись, девушка сосредоточилась на своих хлопьях.

— Привет, Олив! — бодро сказала Нита, входя в столовую. — Я вижу, ты рано встала и... — она остановилась как вкопанная, увидев, как он берет из нижнего шкафа сковороду и ставит ее на одну из конфорок печи. — Эмм... привет, Хантер, — запинаясь, сказала она. Стоя к ней спиной, он мог только представить ее лицо прямо сейчас, когда она пыталась вести себя как ни в чем не бывало. Хантер достал из холодильника коробку яиц и пачку сливочного масла.

— Привет, Нита. У тебя есть тесто для блинчиков? — спросил он, повернувшись к ней. У нее был такой вид, словно она увидела привидение. Он подмигнул ей, надеясь, что она просто подыграет. — Я зашел сегодня утром, чтобы увидеть вас, и Олив уже была внизу. Я объяснил ей, что ты дала мне ключ, так как я буду чинить тут кое-что. Собственно, я решил приготовить ей завтрак, который будет немного лучше этого сухого завтрака, прежде чем она отправится в школу.

Нита, несколько раз моргнув, выпрямила спину и приняла суровое деловое выражение, которое он нашел чертовски забавным.

— Да, есть немного. Сейчас достану. — подойдя к нему, она приподнялась на цыпочках и, схватив коробку с изображением пышных блинов, пропитанных сиропом, протянула ему. — Она уже была здесь? — прошептала она.

— Ага.

— Спасибо, что справился с этим, — сказала она и, открыв другой шкафчик, тот самый, который любил бить ее по пальцам до того, как он его починил, достала стакан для сока.

— Да, все в порядке. Будешь завтракать? — спросил он.

Она покачала головой. На самом деле Олив застучала его, когда он уже был на полпути к входной двери. Он понял, что она догадалась о том, что произошло, без его объяснений. На его фразу о том, что он провел некоторое время с Нитой потому, что хотел поговорить с кем-нибудь на свой день рождения, Олив расхохоталась, совершенно не веря ни одному его слову.

Так что он попросил ее молчать об этом, иначе если она проговорится и об этом узнает Тиша, Нита сойдет с ума. Хантер продолжил готовить в неловком молчании, а затем, когда он почти закончил, к ним присоединилась Тиша. Девушка еще даже не успела усесться, как Нита, заикаясь, начала ей рассказывать историю о том, как он зашел, чтобы починить кое-что и поздороваться. Тиша и Олив, переговариваясь между собой, время от времени поглядывали на них и заливались смехом.

— Ну, и что такого смешного? Неважно! — пренебрежительно махнула рукой Нита. — Вы должны поторопиться, — сказала женщина, посмотрев на часы, пока Хантер ставил перед каждой из них тарелку, на которой лежал блинчик, порция яичницы-болтуньи, пара кусочков бекона и клубника для украшения.

— Вот это да! Это выглядит великолепно, — воскликнула Олив, хватая вилку. — Спасибо, Хантер, — одновременно сказали девушки.

— Не стоит благодарности.

— Мама готовит нам так только по воскресеньям, — сказала Тиша с набитым яичницей ртом. — Ты готовишь что-нибудь еще? Это выглядит невероятно!

— Я не умею хорошо готовить, но знаю, что приготовить на завтрак. Вы обе едите с аппетитом.

— Поторопитесь, пожалуйста, потому что через десять минут нам нужно выходить, — вмешалась Нита. — Я беру свою сумочку, пью кофе, чищу зубы, и мы выходим.

Она отвозила их, как и всегда с тех пор, как они начали посещать новую школу, в которую она их записала. Обрато их обычно подвозил друг. Нита выскочила из столовой, явно взволнованная. Как только горизонт был чист, Хантер прислонился к кухонной стойке, скрестив лодыжки и руки, и стал потягивать свой кофе, наблюдая за двумя хихикающими девушками.

— Ладно, расскажите мне, что происходит, — сказал Хантер, войдя в столовую и прислонившись к арочному проему. Он смутно догадывался, о чем они могли перешептываться, но хотел быть полностью в этом уверенным. Дело в том, что Нита была чертовски громкой во время их занятий любовью, и под конец он отказался от попыток ее успокоить... Этот дом явно не был особняком, и каждый шорох, вероятно, был слышен в его стенах.

— Мы вас слышали! — сказала Тиша, и ее лицо стало таким красным, что напомнило ему помидор.

Олив теперь беззвучно смеялась, похлопывая по столу и раскачиваясь на стуле.

— Мы слышали, что вы делаете это! Сначала мы испугались, решив, что кто-то ворвался в дом и напал на маму, но потом мы услышали ваши стоны... и эти странные звуки. Кровать скрипела очень громко, мама повторяла: «О боже, о боже!» снова и снова! — посмотрев друг на друга, они снова расхохотались, на этот раз едва не падая со своих мест.

Не в силах сопротивляться, он расхохотался так, что у него заболел живот, затем покачал головой и заставил себя остановиться.

— Мама такая плохая лгунья, Хантер!

— Согласен.

Успокоившись на пару секунд, они снова начали смеяться, не в силах остановиться. Хантер сходил на кухню, чтобы снова наполнить свою кружку.

— Я так и понял, что вы в курсе произошедшего, — сказал он, сделав глоток кофе. — Но твоя мама была бы очень смущена этим. Ты знаешь, какая она. — Тиша согласно кивнула,

ее лицо все еще было красным, а в глазах стояли слезы от смеха. — Просто держи это при себе, пожалуйста. Притворись, что ничего не знаешь. Если ты не подыграешь, она может не позволить мне вернуться, а это расстроит Тирана. Тиран этого не хочет. Тиран не любит расстраиваться. Тиран хочет вернуться. Тирану нравится Нита, Ните нравится Тиран, — закончил он свою речь в лучших традициях Тарзана, снова заставив их хохотать.

Вскоре вернулась Нита с волосами, заплетенными в две боксерские косы и, пройдя мимо него, наполнила свою чашку кофе. В перерывах между едой время от времени одна из девушек хихикала. Хантер, поставив свою чашку в раковину, провел рукой по ее талии, наклонился и поцеловал ее в щеку, желая большего, но решив, что пока не время.

— Я направляюсь в хоспис. Увидимся позже, хорошо? — тихо сказал он и, подарив ей еще один поцелуй, повернулся к девушкам.

— Хорошего дня, Олив и Тиша.

— И тебе! — ответила Тиша.

Выйдя через парадную дверь, он сразу же вытащил свой телефон, чтобы вызвать такси, решив вначале заехать в свою квартиру, затем забрать свою машину, навестить Ноя, выполнить еще несколько поручений, а затем провести остаток дня с Нитой. Заказав такси, он заметил на экране телефона кучу пропущенных текстовых сообщений.

Итан с парнями искал его ранним утром, недоумевая, куда, черт возьми, он делся. Очевидно, не найдя его они разозлились и направились в стриптиз-клуб. Он засмеялся, покачивая головой, и, идя по улице, написал им в ответ:

Вы, ребята, сделали мою ночь. Все вы. Спасибо. Извините, что покинул вас. В поисковой группе нет необходимости — я решил провести время со своей девушкой. Не спрашивайте меня о том, как она выглядит, насколько у нее большие сиськи и задница и прочее дерьмо. Я вам все расскажу тогда, когда буду готов. Я собираюсь навестить Ноя. Предлагаю вам всем сделать то же самое. Знаю, что Брюс не слишком хорошо его знал, но, Итан, тебе определенно нужно прийти. Пока он жив, и не хочу звучать по-проповеднически, но завтрашний день для него может не насупить, поэтому на счету каждая минута.

Засунув телефон обратно в карман, он увидел, что его такси подъехало, и услышал, как девушки и Нита залезают в свою машину. Сев на пассажирское сиденье белой «Хонды», он поздоровался с молодым азиатским парнем за рулем, пристегнул ремень безопасности и откинулся на спинку кресла, чтобы насладиться поездкой. Он должен был признать, что последние двадцать четыре часа были одними из лучших в его жизни...

Неделю спустя

Нита положила ноги ему на колени, пока они лежали на ее диване, смотря какой-то фильм с Томом Хэнксом, но его мысли явно витали где-то в стороне. Поставив банку «Пепси» на кофейный столик, она начала гладить мужчину по затылку.

— Не хочешь поговорить? — спросила она Хантера, который сидел, скрестив руки на широкой груди с полуприкрытыми глазами.

— Неа, мне нечего сказать.

Поднявшись, она схватила пустую тарелку из-под попкорна и направилась на кухню. Когда она вернулась, он снимал свою толстовку и, сняв, бросил ее на кресло. Сев рядом с ним, она стала размышлять, как пробиться сквозь его стены, разрушая их, кирпичик за кирпичиком. Она влюблялась в него, и этого нельзя было отрицать. Хантер был сложным существом, она знала это с самого начала. В некотором смысле, так было и с ней. Он не пытался скрыть тот факт, что временами его было трудно читать. Он принимал свои недостатки, и это делало его еще более красивым в ее глазах.

— Хантер, — сказала Нита, подогнув ногу под себя, опершись локтем о спинку дивана и подперев голову рукой. — Мне нужно, чтобы ты поговорил со мной. Когда с тобой что-то происходит, ты должен быть в состоянии это обсудить. Я не могу быть в отношениях с кем-то, кто держит все в себе, а потом взрывается, когда что-то идет не так. Это старый способ, к которому ты привык. Со мной он не сработает. А теперь послушай, я открылась тебе, признавшись в вещах, которыми не горжусь, например, какой вспыльчивой была раньше, и я хочу, чтобы ты сделал то же самое.

Подавшись вперед, он преувеличенно сосредоточенно стал почесывать нос.

— Можем ли мы подняться наверх? Я устал, — ответил он, зевнув.

— Можем, Хантер, но я задам тебе те же самые вопросы и там, наверху. Неважно, где мы будем находиться в доме, — хмыкнув, он сгорбился на своем месте, глядя прямо перед собой в телевизор. — Я не позволю тебе затащить меня в постель, заняться со мной любовью, и заснуть, как прошлой ночью. Тебе нравится использовать некоторые хитрые уловки, чтобы выйти из неприятного для тебя разговора. Иногда я не понимаю, что произошло, пока все не заканчивается, но теперь я не позволю этому произойти, — вздохнув, он хлопнул себя по бедру, затем потянулся за пультом и выключил телевизор. — Это из-за работы? Новая работа не такая, как ты ожидал?

— С работой все в порядке. Я имею в виду, что был там несколько дней на стажировке. Все замечательно... Они действуют профессионально, так что нет, это не из-за работы. Сегодня я получил свою рабочую форму, прошелся по территории, познакомился с другими ребятами. Мне дали профессионального тренера по боксу, Уэсли, с которым я должен заниматься тогда, когда не дежурю. Все работают по графику. Пока что все идет хорошо... Я получу свой первый чек на следующей неделе.

— Замечательно, детка. Но все же, что случилось? Почему ты пришел вчера как в воду опущенный, и до сих пор все еще такой? Это из-за Ноя?

Хантер подкурил сигарету и затянулся.

— Это из-за пары вещей, — ответил он, постукивая ногой, словно пытаюсь расслабиться. Мужчина ненавидел быть уязвимым. Хантер не был тем, кто рассказывает о своих чувствах, если только он не занимался с ней любовью. В постели он чувствовал себя свободным. Но это были его признания о его чувствах к ней, о том, что она заставляет его ощущать. Ей нужно было копнуть глубже. Мне нужно знать больше.

— Что случилось, когда ты навестил Ноя в больнице?

— Это полный пи*дец, — мрачно рассмеялся он. — Ной, кажется, больше не узнает меня. Он принимает так много обезболивающих, что либо спит, когда я прихожу к нему, либо полностью погружен в себя. У меня... у меня с этим проблемы, — мужчина снова глубоко затянулся и выдохнул дым.

— Какого рода проблемы?

— Я не люблю терять близких мне людей. Думаю, никто не любит. Но, видишь ли, я не

так часто сближаюсь с людьми, и кажется, когда я это делаю... они... не бери в голову. Детка, я знаю, что ты хочешь как лучше, но это просто не для меня.

— Как могут разговоры быть не для тебя, Хантер? Это не имеет смысла.

— Это тупо, прямо детский сад какой-то. Просто дай мне немного времени, и я буду в порядке. Мы можем сейчас подняться наверх? — сердито спросил он. Но когда он посмотрел на нее, его глаза были наполнены печалью.

Он думает, что сможет прогнать боль. Не сможет. Даже после того, как он кончит, боль все еще будет в нем.

— Хорошо, детка, давай попробуем. Я хочу узнать больше о тебе как о человеке, хорошо? Ты сказал, что устал терять людей. Это подводит меня к чему-то важному. Расскажи мне о своих родителях. Я знаю, что тебя воспитывали бабушка и дедушка, но ты так и не сказал мне, почему. Где были твои мать и отец? Почему они не занимались твоим воспитанием?

Ему потребовалась минута, чтобы начать говорить. Сначала он просто смотрел в пустоту перед собой, затем, откинувшись назад, закинул голову на спинку дивана. Сигарета болталась между его пальцами, а брюки-карго с камуфляжным принтом шуршали при каждом движении. Его мускулы играли под загорелой кожей, покрытой красивыми татуировками.

— Если я расскажу, ты позволишь отвести тебя наверх?

— Хантер, — закатила она глаза. — Перестань.

— Черт, я серьезно. Я не говорю, что мы должны трахаться, я просто хочу лечь и помолчать. Неужели я прошу так много? Драгоценной тишины... Послушай, Нита, я не хочу вступать в долгие дискуссии на эту тему. Я могу поговорить с тобой, но я не хочу, чтобы это было похоже на сеанс терапии.

— Что в этом плохого?! Многие люди обсуждают вещи, даже то, что, по их мнению, неловко или никогда не изменится

— Я не такой, как многие — мне не помогает это дерьмо, твяканье о прошлом. В этом нет никакого смысла. Мы не можем ничего изменить. На самом деле, разговоры об этом просто сводят меня с ума, — закончил он ядовитым тоном.

— Если мы не будем разговаривать, то никогда не узнаем друг друга. Точка.

— Я понимаю это, но мы разговариваем. Просто это тупиковый разговор.

— Но, видишь ли, Хантер, ты не имеешь права решать это самостоятельно. Ты не можешь диктовать мне, что важно знать, а что не важно, когда я спрашиваю тебя, что случилось. Ты хоть представляешь, как я к тебе отношусь? — он смотрел на нее, словно пытаясь прочитать ее мысли. — Позволь мне помочь тебе с этим. Я привязываюсь к тебе, — она ненавидела то, как дрожал ее голос. — Жду твоих звонков. Мне нравится то, как светится Олив, когда ты пицешь ей и присылаешь фотографии Ноя, чтобы держать ее в курсе. Мне нравится то, как ты меня целуешь... как заставляешь меня смеяться. Я жила в таком напряжении, детка, и ты вошел в эту дверь и буквально изменил мой мир. Как будто у тебя был невидимый топор, которым ты начал размахивать, отрубая некоторые из моих проблем, даже те, о которых я и не подозревала. Ты — человек действия. Я понимаю это. Ты думаешь, что разговоры бессмысленны. Но они не всегда бессмысленны, Хантер. Они могут иметь очень большой смысл, особенно когда речь идет о том дерьме, которое живет глубоко внутри, рая нас и не давая нам жить полноценной жизнью. — он опустил голову, и Нита положила руку на его запястье. — Если хочешь быть со мной, ты должен научиться говорить

о том, что тебя беспокоит.

Он долго молчал...

— Хорошо. Я сделаю это. Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

— Спасибо.

— Нита, я не люблю много говорить об этом дерьме, потому что, что случилось, то случилось... но я понимаю твое любопытство. Ты заботишься обо мне. Ты не понимаешь, почему я не обсуждаю это. Чего не понимаю я, так это того, зачем это делать, но неважно... — сглотнув, он потер рукой шею. — Я знаю, почему расстроен. Такое чувство, будто круг все время замыкается...

— Что ты имеешь в виду?

— То, что происходит, в некотором смысле напоминает мне о том, что уже происходило. — наклонившись вперед, он тяжело вздохнул, и после недолгого молчания заговорил снова. — Джей-Джей, когда я был маленьким, мои родители много ссорились. Они оба были наркоманами, отец был немного хуже, чем мать, по словам бабушки. — сделав еще одну затяжку сигаретой, он тупо уставился на экран телевизора. — Насколько я знаю, они оба были чисты, когда впервые встретились. Потом, через некоторое время, отец увлекся наркотиками и посадил на них маму. Он изменился. Наркотики сделали это, или, возможно, он был таким все время... Я не знаю. — он пожал плечами. — Иногда люди говорят что-то вроде: «Меня заставили сделать это наркотики». Но в действительности мы не можем быть в этом уверены, не так ли? В любом случае, я видел, как мой отец выбивал своим кулаком гребаные зубы моей матери. И это было не единожды. Моя мать имела все виды стоматологического лечения в результате борьбы с ним. Он ставил ей синяки под глаза, бил в живот. Однажды у нее случился выкидыш. Я смутно помню это... Она сказала мне, что беременна, и я был взволнован, потому что собирался стать старшим братом. — он грустно улыбнулся. — Но потом после одной из их ссор ее срочно увезли в больницу, и на этом все закончилось.

Боль наполнила грудь Ниты. Она попыталась скрыть свою реакцию, но мужчине было невозможно обмануть. Хантер был настолько проницателен, что знал, что она что-то почувствовала — что-то ужасное, что выбило ее из колеи.

— Это длилось годами, — продолжил он. — В конце концов, я стал старшим братом. Как ты знаешь, у меня есть брат по имени Джастин, но он появился благодаря тому, что мой отец гулял от моей мамы, изменяя ей. Но это другая история для другого раза. Так вот, бабушка рассказывала, что служба опеки трижды забирала меня из их дома, но я этого не помню. Мои родители были как два магнита. Они не могли оставить друг друга в покое. Они расходились, сходились, снова расходились, и это происходило снова и снова. Любовь к боксу пришла ко мне от отца. Он боксировал, когда еще не был наркоманом. Мы сидели вместе с ним в гостиной и смотрели фильмы о Рокки или бои в прямом эфире на платных каналах. Это единственное счастливое время, которое я помню с ним... когда он не кричал, не спорил и не дрался с моей матерью, не был пьян или под наркотой. Это было время нашего единения, можно сказать. Мой отец — большой человек, не имеющий сердца...

Хантер покачал головой, сделав паузу, но ненадолго.

— Он высокий, как и я, сильный. Рост моей матери был всего метр шестьдесят, худенькая, а он бил ее так, будто она была гребаной чемпионкой в супертяжелом весе.

Внезапно он сел, еще раз затянулся сигаретой, затем затушил ее в пепельницу и снова откинулся на спинку дивана.

— Несмотря на все это, на наркотики, на всю эту сумасшедшую херню, я очень любил свою мать. Мы были с ней очень близки. Она говорила, что идет на реабилитацию, и была честна со мной. Она говорила: «Хантер, мама делает с собой плохие вещи, но в этом нет твоей вины. Мама больна. Маме нужна помощь». Она была такой чертовски самосознательной, и знаешь что? Она могла это сделать... На некоторое время она завязывала, но потом, когда возвращалась к моему отцу, дерьмо начиналось снова. Он словно не мог выносить, что она не употребляет. Думаю, это происходило потому, что тогда он понимал, что она может оставить его навсегда. Она сможет ясно мыслить и увидит, каким ядовитым, гнилым, испорченным неудачником он был. Он говорил ей, что она пытается отобрать у него сына. Однажды ночью все достигло критической точки. Моя мать устроилась на работу в какой-то магазин, и мне кажется, она зарабатывала достаточно денег, чтобы немного откладывать. Мой отец ничего не имел против этой работы, пока не узнал, что она кладет часть своей зарплаты на счет, о котором он не знал. Затем он нашел какие-то бумаги — думаю, она подыскивала дом, который можно было бы арендовать, и ей нужно было заполнить документы, позволяющие мне пойти в детский сад, а также расходы на переезд, записанные в каком-то блокноте. Она собиралась уйти от него, наконец. Начать новую жизнь. Она снова завязала и, по словам бабушки, не употребляла наркотики около года, так что все было хорошо. — Хантер провел руками по штанам, его глаза были пустыми. — Той ночью мой отец накурился. Впав в гребаную ярость, он схватил пистолет и пять раз выстрелил ей в голову, прямо на моих гребаных глазах.

— Боже мой... — ахнула Нита и прикрыла рот рукой.

— Ты знаешь, каково это, когда тебя забрызгивает кровь твоей матери, Джей-Джей? — сморгнув слезы, она покачала головой. — Чувствовать и видеть, как осколки мозга ударяются о стены, а твое тело обрызгивает, словно из водяного пистолета? И упав на пол, она смотрит прямо на тебя... Смотрит на тебя мертвыми глазами. Она падает на пол, и ее голова пару раз отскакивает от него, как в замедленной съемке. Вероятно, она мертва уже после первого выстрела, но все еще выглядит живой, как будто собирается заговорить в любую секунду. Но она просто лежит, взгляд ее глаз прикован к тебе... Ее мертвых голубых, как океан, глаз, и из них скатывается слеза. В ее глазах ты видишь слезы и свое отражение...

И ты стоишь там, семилетний, кричишь и плачешь, обмочившийся от ужаса. Ты кричишь: «Папа, нет!», бежишь к матери, трясешь ее, надеясь на то, что она очнется и скажет, что с ней все в порядке... Твой отец звонит в полицию и очень спокойно говорит им, что убил свою жену. Повесив трубку, он засовывает пистолет себе в рот... прямо на твоих глазах. Потому что, знаешь ли, того, что он застрелил твою маму, недостаточно. Итак, он нажимает на курок... но тот заедает. Он падает на пол, рыдая, а потом ты слышишь звук полицейских сирен и сирен скорой помощи... и... с этого дня ты официально становишься ненормальным. Ты больше не Хантер, ты Тиран. Да... ты официально сходишь с ума. Если не недостаток родительского внимания или жестокое обращение, то крышу тебе сносит именно это... А потом ты оказываешься с бабушкой и дедушкой, и они проявляют к тебе любовь, но ты не знаешь, как ее принять, поэтому ты оказываешься на улице. Тебя посылают к миллиону терапевтов. У всех разные диагнозы, и все они ошибочны. «О, он социопат...», «Нет, у него просто СДВГ...», «Нет, у него высокий коэффициент интеллекта, но имеет место антисоциальное расстройство...», «Нет же, у него биполярное расстройство...» Затем ты идешь к лучшему из лучших, всемирно известному специалисту в сфере психического здоровья подростков. Твои бабушка и дедушка, выложив кучу денег, в отчаянии везут тебя к

нему в Калифорнию, и, наконец, этот парень добирается до истины. Он понимает тебя до глубины души. Он проводит с тобой несколько дней и после серии тестов, бесед и наблюдений открывает правду. Он говорит: «Этот ребенок страдает острым посттравматическим стрессовым расстройством. Также у него есть нарциссические наклонности, но он не был таким до того, как его мать была убита, и он до сих пор помнит, как приятно было видеть ее улыбку, когда она увидела картинку, которую он нарисовал в школе и принес домой, и как она была мила с ним, и как она сдерживала большинство своих обещаний... несмотря на то, что была зависима от кокаина, метамфетамина и таблеток. Он все еще помнит любовь, но больше не знает, как доверять кому-либо или как вернуть ее назад. Два человека, давшие ему жизнь, так или иначе умерли у него на глазах. Таким образом, Нита, как ты можешь видеть, травма продолжается. Ты вырастаешь, и полиция плевать, почему ты делаешь то, что делаешь, думаешь так, как думаешь. Судье тоже. Поэтому ты попадаешь в тюрьму снова и снова, потому что все еще хочешь любить, но не помнишь, как это делать. Женщина, которая научила меня этому, умерла слишком рано. Я не могу попросить ее помочь мне вспомнить. Она ушла... Ушла навсегда. Теперь уйдет и Ной. Все, кого я люблю, умирают. Я перестал говорить об этом. Мне пришлось это сделать.

Хантер монотонно постукивал ногой по полу, как чертов кролик. Его лоб был наморщен, а ноздри раздувались. Он выглядел напряженным и взволнованным до предела. Возможно, мысленно он даже не был там, с ней. Затем неожиданно он встал и пошел к лестнице.

— Я собираюсь лечь. Знаю, ты все еще не хочешь, чтобы я оставался на ночь, поэтому я поставлю будильник, чтобы встать и уйти через несколько часов.

— Останься, — сказала она, тоже встав и обхватив себя руками, пытаюсь не развалиться. — Я хочу, чтобы ты остался... пожалуйста.

Держась за перила, он слегка кивнул и направился вверх по ступенькам. Нита вздрогнула, услышав, как хлопнула дверь ее спальни. Каждый день на этой неделе Хантер приходил к ней домой, чинил вещи, смеялся с девочками и рассказывал истории о своих приключениях с Ноем. Она знала, что он слишком широко улыбается, слишком громко смеется, слишком много работает, пытаюсь все забыть. Но об этом нельзя было забыть, и болезнь Ноя, казалось, вынесла прошлое снова на поверхность. Хантер открыл коробку, которую запечатал очень-очень давно...

Сделав глубокий вдох, она поднялась по ступенькам и вошла в спальню. Внутри было темно. Направившись в ванную комнату, она включила там свет и оставила дверь чуть приоткрытой. Ровно настолько, чтобы видеть его, лежащего голым на кровати. Его глаза были открыты, руки под головой. Нита, медленно сняв с себя одежду, забралась к нему в постель. Целуя его лицо, она чувствовала, как напряжены его мышцы. Он пульсировал от ярости, которой было несколько десятков лет... Опустившись ниже, затем еще ниже, она потянулась к его члену. Держа толстый и длинный мускул двумя руками, она направила его в рот.

Языком любви Хантера было действие. Своими действиями он говорил, что думает о тебе... Чинил вещи. Заставлял людей смеяться. Трахался. Он молчал, пока она усердно сосала, желая помочь своему мужчине почувствовать себя лучше, убрать немного его боли. Хотя бы на одну ночь. Тихонько застонав, он зарылся руками в ее волосы, давая ей еще больше себя. Она медленно сосала, ритмично скользя руками вверх и вниз по стволу. Выпустив его изо рта и держа руками, она лизнула его яйца, а затем поцеловала их. Он

застонал, его низкий голос загрохотал по комнате.

Отпустив его, Нита потянулась к тумбочке, чтобы взять из ящика один из его презервативов. Раскатав презерватив по его эрекции, она оседлала его и направила его член внутрь себя. Хантер схватил ее за бедра, когда она двигалась, а она, положив руки на его твердую грудь, скакала на его большом члене, рыдая внутренне вместо него...

Он стал двигаться ей навстречу резкими толчками, крепче схватившись за нее. Она задрожала, когда он, сомкнув руки вокруг ее талии, заставил ее увеличить темп. Он массировал ее груди, целовал их, так глубоко проникая в ее киску, что, казалось, доставал до самой ее души. Оргазм охватил ее, и она, вскрикнув, неконтролируемо задрожала. Раздался его гортанный стон, пропитанный болью, его тело свело, и он кончил, двигаясь быстрыми рывками. Нита почувствовала тепло его семени внутри себя, когда оно наполняло презерватив до краев. Положив голову ему на грудь, она услышала частое биение его сердца.

Потянувшись к его рукам, она переплела их пальцы, и он крепко стиснул их. Не было нужды в словах, только тихий звук их танцующих на цыпочках душ. Обняв ее, он прижал ее голову к своей груди и целовал ее плечи до тех пор, пока она не почувствовала, как он расслабился.

— Спи... — прошептала она, вставая с кровати.

Осторожно сняв презерватив с его полувозбужденного члена, она выбросила его и приняла душ. Когда она вернулась, он лежал под накинутой на себя простынею и слегка похрапывал. Надев шелковую черную ночную сорочку, она забралась в кровать рядом с ним. Прошли минуты, и когда она уже чувствовала сонную тяжесть, он перевернулся на бок к ней лицом и стал ласкать ее. В его больших руках она чувствовала себя в такой безопасности, как будто находилась рядом с человеком, который прошел сквозь огонь и не только выжил, но и был полон решимости доказать всем, что владеет пламенем...

В конце дня...

Хантер щурился на солнце, по его лицу стекал пот. На улице было холодно, но он так много двигался, что чувствовал себя словно в огне.

— Положите лезвия для кровельных ножей вон там, — приказал он человеку, закутанному в несколько слоев одежды и неловко передвигающемуся вместе с другими рабочими, указывая на груды старой черепицы.

Бригада рабочих меняла изношенные части крыши Ниты, и он был там, чтобы наблюдать за работой. Он знал, как все должно было происходить, благодаря некоторому опыту строительных работ, который он приобрел за время предыдущих испытательных сроков. Зарплата была отстойной — ничего похожего на те деньги, которые он зарабатывал, угоняя автомобили по заказу денежных клиентов, на турнирах по боксу или бильярду, но он делал то, что должен был делать в то время.

— Хантер, — позвала его Нита, подойдя к входной двери, ее длинные волосы были разделены пробором посередине, а маленькие серьги-кольца с бриллиантами сверкали на солнце. — Можешь сделать музыку потише?

Из динамиков его машины ревел «All Good» группы «Бонс Тагс-н-Хармони». Выключив эту чертову штуковину, он вернулся во двор, чтобы проверить, как ведутся работы на крыше.

— Оставь этих парней на секунду в покое и иди обедать.

Он затянулся сигаретой.

Она действует мне на нервы...

— Дай мне закончить то, что я делаю, Нита. Я скоро найду.

Отворачиваясь, он услышал ее фырканье, но, к сожалению, за ним не последовало хлопанье двери. Вместо этого она осталась стоять снаружи.

— Что? — спросил он, больше не заботясь о том, чтобы скрыть раздражение.

— Их не нужно контролировать на микроуровне, Хантер. Их босс уже там, с ними.

— Это ничего не значит. Сам Иисус мог бы стоять здесь с видеокамерой, а они бы все равно сачковали. Эй! Мужик, йоу! — он щелкнул пальцами и по-собачьи свистнул парню, слонявшемуся по крыше, словно Годзилле. — Какого черта, мужик? Это крыша, а не твой враг, Кинг-Конг! Почему ты пытаешься растоптать ее как Токио? — парень растерянно смотрел на него. — Ты не можешь стоять на крыше. Ты искривляешь ее.

Нита закатила глаза и закрыла, наконец, входную дверь. В этот момент в кармане его джинсов завибрировал телефон.

— Привет, Кайли...

Тут его грудь сдавило. На долю секунды он пожалел, что ответил на ее звонок — он мог почувствовать энергетический сдвиг прямо перед тем, как ответить.

— Привет, Тиран... Ной сегодня особенно плох. Я знаю, ты проводывал его только вчера, но ты же знаешь, как это работает. Медсестра здесь, в доме нашей матери, и говорит, что ему осталось недолго. Это может произойти даже сегодня вечером. Ты мог бы... ты мог бы прийти и сказать... — она расплакалась в трубку.

Он повесил голову. Сунув руку в карман, он начал нарезать круги, круг за кругом, круг за кругом, позволив ей развалиться на другом конце провода. Казалось, что это заняло целую

вечность, но, похоже, даже этого было недостаточно, чтобы залечить разбитое сердце.

— ...Ты мог бы прийти попроситься? Он был моим лучшим другом, моим защитником, моим старшим братом... Он помог мне, когда я в этом нуждалась... Тиран, я не могу этого сделать!

— Я уже в пути.

Отключив телефон, он уставился на людей, работающих на крыше. Старая черепица, которую они снимали, была в очень плохом состоянии, некоторая изношена настолько, что было удивительно, как предыдущие дожди не вызвали коллапса. Жизнь была похожа на эту черепицу — когда человек полностью выполнял свою задачу, и коэффициент его полезного действия заканчивался, он умирал.

Ной выполнил свою задачу, да? Я читал в одной из старых книг Леона, что мы умираем потому, что либо сделали то, зачем пришли сюда, либо настолько облажались, что другого выхода просто нет. Мы просто должны начать все сначала, вернувшись в другом теле.

Хантер почесал челюсть, когда его грудь вспыхнула, словно внутри разгорелся лесной пожар. Одной ногой он был готов ехать к дому матери Ноя, а другой — бежать к входной двери Ниты. Он чувствовал себя разорванным, не на две, а на миллион частей. Внезапно его грудь пронзила острая боль. На мгновение он подумал, что это может быть инсульт, даже сердечный приступ, но потом понял, что это было то же чувство, что и тогда, когда он стоял над гробом своей матери.

Упав на колени, он начал бить себя в грудь. Кровь бросилась ему в лицо, а в глазах выступили обжигающие слезы. Он разрушался, расклеивался, разваливался, ошущая боль, распространяющуюся по нему подобно лесному пожару и обжигающую его душу, как ничто другое.

— Ааааааа!!! — закричал он, его голос, лившийся из него подобно темной энергии, резко и не настроено, казался ему чужим.

Конечно, это должен был быть кто-то другой.

— Вы в порядке, шеф? — крикнул один из парней на крыше.

Дверь открылась, затем захлопнулась. Раздался топот ног, бежавших к нему по траве. Маленькие, но сильные руки начали поднимать его, и нежный, мягкий, воздушный голос ворвался в его голову, когда он окончательно потерял рассудок.

— Хантер... давай, детка... вставай.

Ему было трудно встать, но она заставила его это сделать. Словно маленький рабочий муравей, она положила его руку себе на плечо и, обняв за талию, помогла выпрямиться, словно он был ржавым игрушечным роботом, брошенным под детской кроваткой. Медленно повернув голову, он посмотрел на нее. По ее щекам текли слезы.

— Олив тоже только что звонили. Пойдем. Я отвезу вас обоих...

Дом матери Ноя был красивым, со стоящими тут и там статуэтками в классическом стиле, массивной мебелью темного цвета и огромной головой оленя, висевшей на стене над камином из белого кирпича. Бардовые и белые шторы, висевшие на окнах, пропускали достаточно солнечного света, когда были открыты. Стены были украшены фотографиями членов семьи, семейных собак и вдохновляющими цитатами в деревянных рамках. Нита, в одиночестве расхаживая по гостиной, с интересом все рассматривала, стараясь больше узнать о лучшем друге своего мужчины.

В последнее время Хантер мало говорил о нем, но она знала, почему. Чем ближе подходило время, тем меньше он говорит об этом. Такова была его природа. Чем больше он заботился, тем меньше делился. Это была некая стадия. Он словно затаил дыхание.

Тикали часы, в доме пахло ванилью, сигаретным дымом и корицей, а вдали слышались тихие рыдания Олив. За медицинской занавеской, отделявшей кабинет от гостиной и отдернутой в данный момент в сторону, стояла больничная койка, на которой лежал умирающий. Ной был окружен толпой людей, но она могла видеть его немного.

Аппараты тихонько работали, наполняя воздух тихим гулом. Нита потеряла руки, не в силах оставаться на месте. Она была рада, что семья и друзья Ноя сплотились вокруг него. Это был личный момент, а она была просто водителем.

Нита взглянула на часы, радуясь тому, что ее дочери не было дома, когда все это случилось. Олив пришла из школы с подругой, а у Тиши была тренировка по баскетболу. Из-за занавески вышла женщина с ярко-голубыми глазами, впалыми щеками и тонкими седыми волосами, собранными в хвост. Ее глаза тут же встретились с глазами Ниты.

— Здравствуйте, вы, должно быть, мать Ноя. Меня зовут Нита, — она протянула руку.

Женщина сначала колебалась, но затем пожала ее.

— Я подруга Хантера.

— Хантера? — женщина недоуменно склонила голову набок, словно понятия не имела, о ком ей говорят.

— Тиран, друга Ноя... большой, высокий парень, — Нита указала на стоявшего возле постели Ноя Хантера.

Губы женщины изогнулись в улыбке, когда она понимающе кивнула.

— Тиран... да... я совсем забыла, что его зовут Хантер. Ной никогда не называл его так, когда говорил о нем, даже когда они были детьми. Нита, мой сын умирает. Он молод, ему нет и сорока, и скоро он испустит последний вздох.

Покрасневшие от слез глаза женщины сказали Ните все.

— Я знаю, мэм. Мне очень жаль.

— Ты когда-нибудь теряла ребенка?

Сердце Ниты забило немного быстрее. Этот вопрос обещал стать началом нервного срыва у женщины. Он вернул ужасные воспоминания о том, как она тоже развалилась на части, когда жизнь стала чертовски тяжелой.

— Нет, мэм, — ответила Нита и взяла дрожащие бледные руки женщины с ярко-розовыми ногтями в свои.

На белой водолазке матери Ноя были темные пятна: слезы, смешанные с тушью. Ее голова немного тряслась, словно у нее был приступ болезни Паркинсона. Нита сжала руки.

— Ной никогда не упоминал о тебе.

— Я не знала Ноя. Мы с Хантером знакомы всего несколько месяцев.

— Ты ужасно хорошенькая, — улыбнулась женщина, и ее глаза наполнились свежими слезами.

— Спасибо, — улыбнулась Нита, просто следуя странному течению их разговора, беседы вроде тех, которые ведут люди тогда, когда происходит что-то ужасное, и они ни черта не могут сделать, чтобы остановить это.

Слова, выскакивающие изо рта, словно лягушки, едва ли имели смысл.

— Мне очень, очень жаль. Уверена, что это не поможет, но я знаю, как сильно Хантер и Олив переживали за Ноя.

— Ной не был хорошим отцом. Я не была хорошей матерью. Я редко вижу с Олив, потому что не нравлюсь ее матери. — Нита задалась вопросом, знала ли женщина вообще, что мать Олив пропала, но решила, что сейчас не время поднимать эту тему. — Рада, что могу увидеть ее хотя бы сейчас... Она такая милая девушка. Ной был трудным ребенком, — женщина грустно усмехнулась. — Он доставил мне много проблем. Но я люблю его. Он умный. Очень умный ребенок. Чересчур умный. Раньше он называл меня сукой. — Нита сглотнула, воздух стал гуще. — Разве это не ужасно? Разве сын называет так свою мать? Он сказал: «Мама, тебя не было рядом со мной. Ты эгоистичная сука!» Он так и сказал.

Эти лягушки продолжали выпрыгивать, смешивая в одну кучу странные мысли и слова... создавая неприятный беспорядок.

— Иногда люди говорят что-то в гневе, на самом деле не имея это в виду.

— О, он имел это в виду, — глаза женщины потемнели, а дрожь ее рук немного уменьшилась. — Он всегда имел в виду то, что говорил, потому что ненавидел меня. Теперь я должна умереть, зная это, так как уже слишком поздно что-то исправлять.

Нита не знала эту женщину, понятия не имела, почему та говорит ей такие вещи, но ей, черт подери, было известно, какие причудливые виды иной раз принимает горе. Нита обняла мать Ноя, ощущая, как та ссугулилась, и, прежде чем осознала, ее седая голова уткнулась ей в плечо. Возможно, именно это имели в виду люди, когда говорили, что с ней легко общаться? Практически незнакомые люди подходили к Ните и выворачивали перед ней свою душу, даже когда она надевала на себя маску стервы в надежде на то, что ее не станут беспокоить.

Спустя несколько мгновений из-за занавески вышла Олив с лицом, покрытым красными пятнами и покрасневшими, опухшими глазами. Бедный ребенок. Обнимая пожилую леди одной рукой, второй она смахнула слезинку, выкатившуюся у нее из глаз, когда она увидела девочку. Скатилась еще одна слезинка, затем еще и еще. Олив была похожа на человека, чьи надежды рухнули, молитвы остались без ответа, а весь его мир погрузился в печаль. Девушка, зарыдав, подбежала к ней, одной рукой обняв бабушку, а другой ее. Нита чувствовала, как ее рубашка намокает, колени слабеют, а слезы текут без остановки. Мать Ноя, отпустив ее, обняла Олив и они заплакали вместе, а Нита подошла к одному из кресел, на которое положила свое пальто.

Сев рядом, она скрестила ноги и закрыла глаза, чтобы вознести безмолвную молитву. Когда она снова открыла глаза, двух женщин уже не было, а вместо них стоял Хантер и, скрестив руки, смотрел на нее. Он выглядел неплохо, но она знала, как он на самом деле чувствовал себя.

— Мы можем идти, — загремел его голос, разрывая тишину. — Кайли привезет Олив домой вечером.

Кивнув, Нита начала натягивать пальто. Подойдя к ней сзади, Хантер взял пальто из ее рук и, придерживая, помог ей просунуть руки в рукава. Взяв свою сумочку, она повесила ее на руку. Выйдя через переднюю дверь, они направились к ее машине. Усевшись на место водителя, Нита тут же включила обогрев салона. Хантер, протянув руку, включил радио. В эфире звучала песня «No Promises» группы «Чит Кодс» в исполнении Деми Ловато. Боковым зрением она видела, как он ерзает на кресле, а затем откидывается на его спинку — вытянув ноги, прикрыв глаза, сцепив пальцы вместе, — словно готовясь вздремнуть.

Пока они ехали, зазвонил ее мобильный телефон. Чтобы освободить руки, Нита ответила на звонок по громкой связи.

— Привет, Лэнс, — поприветствовала она отца Тиши, своего школьного возлюбленного, повернув руль.

— Как дела? — спросил он. — Тиша все еще придет на эти выходные?

— О, точно, ты хотел ее забрать на выходные. Не знаю. Отец Олив... — она взглянула на Хантера, глаза которого теперь были закрыты. — Отец Олив вот-вот скончается, Лэнс, он очень болен, как я тебе рассказывала, поэтому мне кажется, что они, вероятно, на этих выходных должны остаться вместе. Прости, я только что об этом узнала.

— О, черт, это очень плохо. Эй, ты не занята?

— Нет, я просто еду домой. Все нормально?

— Да, все в порядке. Лони получила предложение о работе в Аризоне, так что мы обсуждали переезд туда.

— О, действительно? Где она будет работать?

— В какой-то компании по производству коробок. Оплата хорошая. Из-за того, что они урезали мои рабочие часы я задумался над возможностью переезда, но большая часть моей семьи все еще здесь. Если честно, у нас с Лони были некоторые проблемы, Нита.

Лони была женой Лэнса, мачехой Тиши. Нита не могла сказать ничего плохого об этой женщине, за исключением того, что она вела себя несколько высокомерно, словно была более утонченной, чем другие, имела более высокий класс, когда не имела для этого никаких оснований. У четверых детей этой женщины было три разных отца, и она до сих пор рассказывала о своем прошлом футбольной черлидерши так, словно это было до сих пор актуально. Впрочем, она была красивой женщиной, которая полностью осознавала этот факт.

— Мне очень жаль это слышать. Вы двое были вместе так долго. Может, вам сходить на консультацию по вопросам брака?

— Мы уже ходили, — он вздохнул. — Возможно, я не поеду в Аризону. К тому же я не хочу расставаться с Тишей.

— Но, Лэнс, Тиша скоро пойдет в колледж, так что, пожалуйста, пусть это тебя не останавливает. Я бы беспокоилась, если бы она была еще ребенком, но через год или два все равно все изменится. Дело не в том, что ты ей больше не будешь нужен, но ты понимаешь, о чем я говорю.

Хантер снова поерзал на своем месте, а затем, приоткрыв окно, закурил сигарету.

— Да, да. Это правда... Она, э-эм... — Лэнс нервно усмехнулся. — Эй, зацени это. Лони думает, что у меня все еще есть к тебе чувства.

Нита сглотнула и заметила, что Хантер продолжает курить, глядя прямо в окно.

— Скажи ей, что это глупо и она ошибается. То, что было у нас с тобой, было много лет назад. Мы были детьми. Она должна быть счастлива, что мы хорошо ладим, особенно за нашу дочь. Лони создает проблемы там, где их нет. У тебя все получится, Лэнс. Тебе только нужно найти с Лони общий язык.

— ...Но, возможно, я больше не хочу этого делать, Нита. Происходит какое-то дерьмо, и меня от этого просто тошнит. Я пытался. Когда мы с тобой были вместе, никогда не было так тяжело. Блин, Нита... Сейчас я словно прохожу сквозь ад. Знаю, что, когда мы были молоды, я был безответственным и глупым, но я любил тебя... и люблю до сих пор.

«Дерьмо! Лэнс, заткнись!» — мысленно крикнула она.

Она моргнула несколько раз. Хантер не шевельнул ни единым мускулом. По правде говоря, они с Лэнсом были хорошими друзьями и часто делились проблемами. За эти годы

они выросли и сильно изменились, но всегда были рады видеть друг друга и оба желали для своей дочери самого лучшего.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы снова быть вместе?

— Нет, ублюдок, она не думала, — рявкнул, нахмурившись, Хантер и ударил пальцем по кнопке завершения звонка на ее телефоне, лежавшем в подстаканнике.

— Хантер, это было совершенно лишним. Я справилась бы с этим сама! — телефон снова зазвонил, и, прежде чем она успела дотянуться до него, Хантер схватил его и выключил. — Держи себя в руках! Оставь в покое мой телефон. Я знаю, что ты расстроен из-за Ноя, но...

— Не пытайся втянуть в это Ноя! Это не имеет с ним ничего общего. Все это время я был слишком учтив с этой твоей надоедливой киской бывшим.

— Не говори так. Он хороший человек и отец. Ты ведешь себя ужасно и действуешь как сумасшедший! У него просто тяжелый день.

— Тяжелый день? Это у меня был гребаный тяжелый день! — он указал на себя. — Он женился на этой цыпочке, это был его выбор. Это не твоя проблема! Теперь он решил позвонить тебе и отправиться в путешествие по закоулкам памяти, потому что у него синдром сожаления. Он звонит и пишет тебе поздно ночью уже долгое время, и что я делаю? Я не возмущаюсь и пытаюсь вести себя уважительно, потому что это отец Тиши, но мне надоело быть милым. Простой ночью пока мы трахались он тоже несколько раз звонил. Я видел его имя на дисплее! У него есть жена, но в полночь он звонит моей девушке!

— Но разве я ответила?!

Словно издеваясь над ней, по радио начала играть «Humprin'» группы «Гэп Бэнд».

— Меня это не волнует! Дело в том, что он думает, что ты всегда доступна. Он должен общаться с тобой по поводу Тиши и только Тиши, а не звонить с этим своим не-забывай-меня дерьмом... Я сижу рядом с тобой, и ты думаешь, что я просто промолчу и позволю этому случиться? Ни хрена подобного!

Нита фыркнула и закатила глаза. Учитывая тот ужасный день, который выпал на долю Хантера, она решила просто прикусить язык... пока.

— Он знает о нас, Нита? Он знает, что мы вместе?

— Нет, но... — хмыкнув, он опустил стекло ниже, чтобы выпустить дым, затем потянулся к промежности, поправляя яйца. — Ты слишком остро реагируешь, Хантер. Я собиралась сказать ему. Я имею в виду, он знает, что я с кем-то встречаюсь, но ты ведешь себя так, будто я должна повесить рекламный щит прямо перед его домом. Он никогда раньше не говорил мне ничего подобного. Должно быть, это связано со стрессом, — он продолжал смотреть в окно, не обращая на нее внимания. — Лэнс сейчас расстроен, поэтому ищет утешения. На самом деле он не пытается вернуться ко мне. Я знаю его, я знаю, как он думает. Понятия не имела, что ты такой ревнивый!

— Ну, теперь ты знаешь, — отрезал он. — И как бы, черт возьми, тебе понравилось, если бы моя бывшая звонила мне по сто раз на дню, а затем произнесла бы подобную хрень?

— У тебя нет от нее детей. Это не то же самое.

— Нет, ответь на вопрос, — он размахивал сигаретой, а его голос становился все громче и громче. — Как бы тебе понравилось, если бы моя бывшая пыталась меня вернуть и все время звонила бы мне? Тебе бы понравилось это? Ты бы пригласила ее на чай с долбаными плюшками? — его глаза яростно сверкали, голова склонилась набок, а брови опустились так низко, что Нита удивилась, как они не упали на его подбородок.

— ...Мне бы это не понравилось.

— Я тоже так думаю. И для протокола: у меня было несколько бывших, которые пытались заставить меня трахнуть их снова, как только они узнали, что я вышел. Ты же знаешь, как я хорош в постели. У меня отличный член, я не кончаю слишком быстро, я открыт почти ко всему и знаю, как обращаться с киской. Может, они и не хотят вернуть мою задницу, но они уж точно хотят мой член.

Вот же ублюдок...

— Женщины зависимы от меня сексуально.

Она рассмеялась.

— Хантер, клянусь Богом, если бы сегодня не был такой депрессивный день, я бы прямо сейчас вышвырнула тебя из машины!

— Нита, ты знаешь, что это правда. Ты не можешь насытиться им прямо сейчас. По всему Мичигану у меня есть женщины, которые по той или иной причине ненавидят меня, — о, да неужели?... — Но они все равно позволили бы мне трахнуть их, даже не раздумывая. Как я уже говорил тебе, с момента нашего первого свидания я перестал встречаться с другими женщинами, потому что ты была моей главной целью, и я знал, что ты бы подумала, что я несерьезно отношусь к тебе, если бы узнала, что я трахаюсь с кем-то еще. Это было тяжело для меня. В течение четырех лет у меня не было киски, и вот, наконец, я получил ее. Выйдя из тюрьмы, я наверстывал упущенное, но я завязал со случайными связями, потому что решил, что ты, вероятно, того стоила. И так и было.

— Как мило с твоей стороны.

Старая Нита не думая дважды уже послала бы ублюдка на три буквы, но новая не могла этого сделать.

Я знаю, что у него была ужасная жизнь, его лучший друг умирает. Просто закончи разговор, Нита.

— Давай помолчим минутку, прежде чем оба скажем что-то, о чем можем пожалеть, Хантер.

— И последнее, что я должен сказать, — бросив на него взгляд, она увидела, что его суженные глаза стали практически черными. — Если он снова позвонит тебе, Джей-Джей, со всей этой своей херней о воссоединении и нам-было-так-хорошо-вместе, то пожалеет. Серьезно. Это гребаное обещание.

Закончив, он так резко крутанул ручку радио, прибавляя громкость, что она была удивлена, как та не сломалась. «Фед Ворлд» пели «Now That We Found Love», снова насмехаясь над ее днем. Сердце Ниты едва не выпрыгивало из ее гребаной груди.

Я сошла с ума. Везу эту сумасшедшую задницу обратно к себе домой, и меня почему-то безумно возбуждает то, что он такой чертов собственник! Он никогда так раньше не выходил из себя. Я не помню, чтобы он хотя бы повышал голос. Он действительно сумасшедший! Он хочет меня всю для себя, это очевидно... Но я ничего не могу с этим поделать.

Возбуждение Ниты росло с каждой секундой. Она подавила улыбку. Через несколько минут, выехав на подъездную дорожку, она увидела, что кровельщики ушли. Нита заглушила мотор и посмотрела на Хантера, имевшего такой вид, словно он был зол на весь гребаный мир. Она хотела поговорить с ним о Ное, узнать, что он чувствует, но в данный момент он был так взволнован несвоевременными признаниями Лэнса, что, казалось, все ее попытки успокоить его ни к чему не приведут. Хантер схватил спортивную сумку со своими инструментами, которая была у него в ногах.

— Мне пора домой.

— В твою квартиру или обратно в Сагино?

— В мою квартиру.

Ей не понравилось, как он выглядел. Он напоминал сжатую пружину, готовую распрямиться в любой момент.

— Давай я тебя подвезу.

— Я справлюсь, — отрывисто ответил он и потянулся к ручке двери.

Схватившись за его сумку, Нита дернула ее, заставив его сердито взглянуть на нее.

— Что?

В его глазах было столько боли, что ей захотелось расплакаться.

— Ты не справишься. Я опасаясь, что ты можешь попасть в аварию, потому что не мыслишь ясно. Я отвезу тебя. Тиши до сих пор нет дома. Я отправлю ей сообщение, чтобы она не волновалась, когда придет домой.

Молча открыв дверь, он вышел из машины, словно все, что она сказала, ничего не значило. Выйдя вслед за ним, захлопнув дверь и заперев машину, Нита увидела, что он сел в свой автомобиль. Стремительно направившись к его машине, она постучала в окно водителя, чтобы он открыл его.

— Чем могу быть полезен? — спросил он с ухмылкой.

— Парень, я не собираюсь играть с тобой в игры. Ты только что видел своего лучшего друга живым, вероятно, в последний раз. Ты даже не смог долго находиться там! Ты уже был зол, а потом какой-то пустяк заставил тебя сорваться. Ты отлично знаешь, что между моим бывшим и мной ничего не происходит, но психуешь, злишься на весь мир, хватаешь свою сумку, словно какой-то обиженный ребенок, и убегаешь. Я боюсь, что ты попадешь в аварию или еще что-нибудь в этом роде.

Выражение его лица оставалось пустым, затем он стал задумчивым, закусив нижнюю губу.

— Я вернусь к Ною вечером. Я хотел, чтобы Олив провела с ним больше времени — у нее не было такой возможности раньше, — он говорил так спокойно, что это напугало ее. — Я в порядке. Теперь, что касается поездки со мной, нет проблем, но ты не нужна мне на водительском месте.

Она промолчала, вдохнув двойной смысл его слов, словно выхлопные газы.

Не теряя ни секунды, Нита распахнула дверь со стороны пассажира и скользнула внутрь. Он потянулся к своей стереосистеме, и «Real With This» группы «Дейтон Фемили» практически заставили ее уши кровоточить. Хантер любил рэп-группу, родившуюся и выросшую в Мичигане, часто слушая их музыку и почти на целый день включая стереосистему в машине, усиливающую его любимые песни. Он, должно быть, слушал эту песню миллион раз.

Нита не сводила глаз с дороги, пока он, качая головой в такт песни, плавно ехал по улицам, откинувшись на спинку сиденья. Он не курил, не газовал, не лихачил. Она практически ощущала его ненависть, ярость и печаль, но в данный момент он держал все это под замком. Затем зазвучала «Flint Town» той же группы. Она узнавала песни, потому что часто слышала их, будучи молодой бунтаркой.

Когда они прибыли в его многоквартирный дом, солнце уже село. Идя к дому позади него, Нита достала телефон и позвонила дочери.

— Привет, мама...

По голосу Тиши она поняла, что девочка плакала.

— Привет, детка. Я так понимаю, что ты получила мое сообщение?

— Да... — всхлипывает она.

— У меня для тебя есть кое-что в холодильнике. Олив приедет чуть позже, но в любом случае ты должна остаться дома, поесть и сделать уроки.

— Да, мэм.

— Я знаю, что ты переживаешь за нее. Все будет хорошо. Я позвоню тебе, когда буду возвращаться домой, хорошо?

— Хорошо.

— Тебя кто-нибудь подбросит домой с баскетбольной тренировки или мне приехать за тобой?

— Нет, не нужно. Меня подбросит Рашида. Я люблю тебя, мам.

— Я тоже люблю тебя, детка.

Она завершила звонок, и когда они вошли в здание, сразу же почувствовала запах травки и услышала приглушенные звуки телевизора из соседней квартиры. Звон ключей Хантера вернул Ниту к реальности, и она вошла в квартиру позади него. Он включил свет в гостиной.

— Знаешь, я никогда не была в твоей квартире, — усмехнулась она. — До сегодняшнего дня я даже не задумывалась об этом. В последнее время ты либо на работе, либо у меня дома, — она пожала плечами.

Заперев дверь на замок, он накинул дверную цепочку.

— Я говорил тебе, что у меня в квартире беспорядок из-за кучи коробок Ноя, — бросив ключи на черный обеденный гарнитур, он снял пальто. — Я не хотел, чтобы тебе приходилось спотыкаться обо все это, но мы занялись твоей крышей, поэтому на прошлой неделе у меня не было возможности привести тебя сюда, когда я, наконец, навел здесь порядок. Я буду через минуту. Устраивайся поудобнее, — он указал на черный кожаный диван.

Квартира была небольшая, но полная хорошей, качественной мебели. Некоторая из них казалась не совсем в его стиле, но затем она вспомнила слова Хантера о том, что большую часть из них он взял из хранилища Ноя. Сев на диван, она слышала, как он ходит по своей спальне.

Она вздрогнула, когда он включил какую-то оглушительную музыку: «Thuggish Ruggish Bone» группы «Бон Тагс'н Хармони». Улыбнувшись, она покачала головой в такт музыке.

Нита не слышала эту песню целую вечность. Она встала и начала пританцовывать, щелкая пальцами, возвращаясь мысленно в юность. Хантер вошел в комнату в одних боксерах.

— Я собираюсь запрыгнуть в душ, — сказал он, указав в сторону короткого коридора, который вел в его спальню.

— Хорошо, — ответила она, продолжая танцевать, кружиться, покачивать бедрами и подпевать. Когда она снова повернулась, он все еще стоял в дверном проеме, на этот раз без боксеров, сжимая их в руке.

— Я сказал, что собираюсь запрыгнуть в душ, — крикнул он сквозь громкую музыку.

— Я знаю, я слышала тебя.

Он подошел к ней, выглядя раздраженным, схватил ее за запястье и практически потащил за собой по коридору. Оказавшись в его спальне, Нита увидела красивую кровать с черным стеганым изголовьем, занимавшим большую часть пространства. На боковой стене

висела огромная картина, на которой был изображен бильярдный стол, вокруг которого разместились игроки-собаки. Она рассмеялась. Хантер возился со своей стереосистемой, пока из динамиков не заиграла песня «ЛавРенса» «UP!» в исполнении Фифти Сента.

— Ты что-то там говорил обо мне и моей старой музыке, — улыбаясь, сказала она. — А сам любишь песни десяти-двадцатилетней давности.

Регулируя звук, он взглянул на нее из-за плеча. Ее киска запульсировала при виде напрягающихся мышц его задницы. Ямочки на его ягодицах заставили ее задрожать, когда он покачивался взад-вперед в ритме песни. Песня резко оборвалась, и из больших динамиков в углах его спальни зазвучала «Swimming Pools» Кендрика Ламара. Он повернулся к ней, покачиваясь в такт музыке. Сукин сын имел чувство ритма. Но, конечно, учитывая виртуозность, с которой он занимался любовью, в этом не было ничего удивительного.

— Почему ты все еще одета? — спросил он.

— Потому что, мне казалось, ты хочешь притормозить.

— Нет. Я просто хочу почувствовать себя лучше.

Подойдя к ней ближе, он обнял ее за талию и притянул к себе для поцелуя. Его поцелуй был мягким, нежным, любящим... но недолгим. Сердце Ниты заколотилось, когда она почувствовала, как он с грубой потребностью дергает ее брюки, в его движениях чувствовалась ярость. Она вздрогнула, когда он отпустил их, словно расстроившись, а затем засунул свою большую руку ей под рубашку и накрыл ладонью ее грудь.

— Что ты делаешь?

Он так стремительно прижал ее к стене, словно вел бой не на жизнь, а на смерть. Она вскрикнула, ощутив спиной холодную твердую стену.

— Хантер!

— Я нуждаюсь в тебе, детка...

Она понятия не имела, как ему это удалось, но, прежде чем поняла, ее слаксы свалились кучкой вокруг лодыжек. Дернув ее трусики, он практически сорвал их с ее тела, а затем, подхватив Ниту под попу, приподнял ее, заставив обхватить ногами его талию, и погрузил язык ей в рот. Тепло и твердость его тела были такими божественными.

— Я болен, детка. У меня есть рецепт на киску. Дай мне это влажное лекарство между твоих ног...

Его свежее мятное дыхание, глубокий голос и похоть в нем щекотали ее шею, когда он терся о ее киску. Целуя ее всю дорогу, он понес ее в ванную, открыв дверь плечом. Осторожно опустив ее, он отдернул занавеску для душа и включил воду, проверяя ее температуру. Снова с невероятной легкостью подхватив ее, он зашел вместе с ней в душевую кабинку под воду. Шок от воды, внезапно омывшей ее тело, приятно пощекотал ее чувства. Из его спальни играла «Flex» «Мэд Лайон». Подняв ее руки над головой, Хантер переплел вместе их пальцы и прижался губами к ее губам.

От интенсивности того, как он целовал ее, Нита едва не кончила. Помассировав ее левую грудь, он наклонился и взял ее сосок в рот. Его глаза закрылись, когда он сосал медленно и сильно, поглаживая и сжимая ее попку. Когда он отпустил ее сосок, холодный воздух, ощутившийся на нем, заставил ее вздрогнуть. Поставив ее на ноги, он стал опускаться поцелуями все ниже и ниже, вода хлестала по его спине, когда он раздвинул ее колени. Брызги воды попадали ему на лицо, когда он сосал ее киску так, словно это был леденец.

— Черт!

Через несколько секунд колени Ниты подогнулись, а ноги задрожали, когда ее охватил оргазм. Она закричала, но едва могла слышать собственный голос из-за музыки и воды, заглушавшей все, кроме ее дьявольского сердцебиения. Он продолжал сосать, гладить и лизать, словно у него все еще была работа, словно она вообще не кончала. Он не останавливался, и вскоре она снова кончила, на этот раз сильнее, чем раньше.

Встав на ноги, он подхватил ее под попу и, заставив обернуть ногами свою талию, крепко прижал ее к себе. Переместив ее из потока воды к стене, он потянулся между их телами. Его сила, сосредоточенность и страсть в этот момент одновременно и пугали ее, и заводили.

— Ох... — застонала она, стиснув зубы, когда он рванул вверх внутри нее, словно ракета. Ширина его большого, длинного члена растянула ее, приятная боль была чем-то, чего она теперь жаждала самым ужасным образом. Посмотрев между их двигающимися телами, Нита увидела, как его скользкий член входит и выходит из ее киски все быстрее и быстрее. Он скользнул языком в ее рот, имитируя им толкающие движения своего члена, и она превратилась в пластилин в его руках. Каждый раз, когда он входил в нее, она скользила спиной о стену душа в такт песне.

Его стоны и ворчание эхом вторили ее стонам и крикам экстаза. Ее киска обнимала и сжимала его яростно толкающийся в нее член. Приподняв Ниту за ягодицы, он медленно вышел из нее почти до конца, а затем быстро опустил ее вниз, до упора вонзаясь в нее. Она закричала от удовольствия, когда он сделал это еще несколько раз, издеваясь над ее киской и мучая ее, заставляя чувствовать себя дьявольски охренительно. Прижав ее к своей груди, он стал толкаться в нее медленно и нежно, а затем быстро и грубо.

— Джей-Джей... Черт!

Он продолжал яростно толкаться в нее, ни на секунду не замедляясь, пока она не начала неудержимо трястись, кончая так интенсивно, что потеряла счет ритмичным сокращениям киски. Открыв занавеску душа, Хантер вышел вместе с ней, продолжая трахать ее. Ее киска истекала ее собственными соками, когда он, покачнувшись, остановился в коридоре как вкопанный. Взглянув на него, Нита увидела, что его глаза закатились, когда он боролся с желанием кончить... Овладев собой, он направился в свою спальню, где сейчас играла «Wanna Get To Know You» «Джей-Юнит». Приподняв ее под попу немного вверх, он качнул бедрами вперед и назад, а затем стал опускать ее навстречу своим движениям, заставляя скользить вверх и вниз по его вбивающемуся в нее члену.

— Давай, Нита! Езди на моем члене сильнее, детка! Скачи на этом ублюдке!

Они двигались друг навстречу другу, все быстрее и быстрее.

Продолжая удерживать и направлять ее на себя одной рукой, второй он потянулся вниз и стал массировать ее клитор. Затем ее тело взорвалось последовательно повторяющимися оргазмами. Она так сильно затряслась, что ему пришлось прижать ее к себе крепче.

— Вау... Я держу тебя... Ты в порядке, детка? — мягко спросил он.

Она слышала его вопрос, но едва могла дышать, не говоря уже об ответе. Все ее тело казалось сплошным праздником — каждая гребаная клеточка пульсировала от удовольствия. Ее киска была набухшей, полной, счастливой, ее клитор был чувствителен к малейшему прикосновению от их почти ежедневных занятий любовью. Нита закрыла глаза и едва не сошла с ума от счастья, когда Хантер осыпал ее лицо, шею и грудь самыми сладкими, любящими поцелуями. Вскоре мускулистое тело Хантера напряглось, он снова начал толкаться бедрами, тяжело дыша, словно дикое животное, и сексуальность издаваемых им

звуков сводила ее с ума.

Аромат его кожи, то, как он двигался — всего этого было слишком много, и все же никогда не было достаточно. Крепко удерживая ее, он направился к своей стереосистеме, трахая ее на ходу. Слегка трясущейся рукой он выключил музыку, и тогда в тишине отчетливо стало слышно его хриплое дыхание. Закрыв глаза, Нита ощутила каждую частичку его тела стократно... Изгибы и выпуклости его тела, то, как его руки впивались в ее плоть, когда он испытывал потребность в ней. Выносливость мужчины была невероятной. Они занимались любовью достаточно раз, чтобы она знала, когда он вот-вот кончит, и, тем не менее, ему всегда удавалось немного повысить собственную планку. Не спеша он вышел из спальни и зашел обратно в ванную. В душевой кабинке все еще работал душ.

Снова прислонив ее к стене кабинки, он неожиданно резко и сильнее, чем раньше стал вбиваться в нее. Звук шлепков его мокрого тела о ее соперничал со звуком их взаимных стонов. Впившись зубами в ее шею и посасывая ее, он, наконец, позволил себе кончить, дрожа всем телом. Ее киска внезапно наполнилась жидким теплом, но он продолжал двигаться, истощая себя быстрыми, сильными толчками.

Она ощущала пульсацию его члена, когда он, наконец, остановился. Его сперма вытекала из ее киски. Обхватив рукой ее шею, он скользнул языком ей в рот. Он переживал сильно. Он трахался сильно. Он любил сильно. Она держала его изо всех сил, пока он яростно дрожал напротив нее. Только что он не просто кончал, он снимал напряжение, отпускал, ломался.

Когда он поднял на нее взгляд, в его глазах не было слез, но внутри он определенно плакал. Лаская его лицо, она улыбнулась ему, и он улыбнулся ей в ответ. Поцеловав ее шею и плечи, он выскользнул из нее и поставил на ноги, прежде чем ополоснуть свое тело.

Нежно потянув ее под воду, он намылил мочалку и вымыл ей спину, по пути целуя ее шею. Минут примерно через десять они закончили мыться и вернулись в спальню, чтобы одеться. Он мало что сказал. Выражение его лица было холодным, отстраненным, и все же она знала лучше. Он переживал сильно, до глубины души. Ните удалось ощутить его страдания в том душе, но она знала, что он никогда не расскажет ей о них. Выйдя из его квартиры, они сели в машину и он, включив свою стереосистему, нашел «Boom Bye Bye» Буджу Бэнтон. От слов песни на лице Ниты появился стыдливый румянец, и вскоре они оба засмеялись.

— О чем-то напоминает? — спросил он, ведя машину.

— Определенно, — ответила она и он, потянувшись к ее руке, переплел их пальцы вместе.

— Джей-Джей, я люблю тебя.

Слова Хантера были еле слышны сквозь громкую музыку, словно он надеялся, что она не услышит его признание. Он выглядел таким неуверенным прямо сейчас... но она восхищалась тем, что он был достаточно храбр, чтобы сказать это.

— Я...

— Не отвечай. Я не хочу, чтобы ты отвечала... просто хочу, чтобы ты знала, что я чувствую такую связь с тобой. Я даже не могу этого объяснить. Мы с тобой просто чувствуем правильно. Связь между нами чувствуется совершенно естественно, непринужденно. Ты значишь для меня все.

А затем он снова замолчал, и молчал всю оставшуюся дорогу до ее дома. Заглушив мотор, он уже собрался было выйти, чтобы открыть ей дверь, но она положила руку ему на

плечо.

— Я справлюсь, — сказала она. — Оставайся в машине. Не хочешь, чтобы я поехала с тобой? — предложила она.

Он покачал головой.

— Хорошо, езжай к Ною, — поцеловав его, она вышла из машины. — Позвони мне, если я тебе понадобится... Позвони мне в любом случае, даже если ты будешь думать, что с тобой все в порядке.

Хотя она не имела возможности видеть его, когда уходила, Нита знала, что Хантер наблюдает за ней. Открыв входную дверь своего дома, она услышала, как он сдал назад. Войдя внутрь, Нита увидела в окно, что он поехал по улице. Ее дом был ужасно тихим. Ей не терпелось крепко обнять свою дочь. Что-то в том, как бабушка Олив спросила: «Ты когда-нибудь теряла ребенка?», преследовало ее.

Она поняла, что слова женщины имели двойной смысл. Хантер немного рассказывал ей о натянутых отношениях Ною и его матери. Она потеряла своего сына за много лет до того, как он заболел. Теперь, когда ее сын умирал, она теряла его во второй раз. Материнская любовь была прекрасной вещью, иногда тяжелым бременем, и Бог свидетель, эта важная информация была написана мелким шрифтом, который даже собственное сердце иной раз не могло прочитать...

Смерть и Новое Начало

Когда просыпается ад...

Это время суток, когда демоны, вышедшие из своего обиталища, проскальзывают в сон ничего не подозревающего человека, превращая его в жуткий кошмар. Они играют с сознанием людей в часы их бодрствования, становясь тенями, танцующими вдоль стены, которые можно заметить лишь краем глаза. Они оставляют зловоние в воздухе, спят в затянутых паутиной вентиляционных шахтах и издают детский смех из закрытого годами подвала. Но где демоны, там и ангелы...

Так говорил Леон. Мертвые стоят посередине.

Они выбирают сторону той жизнью, которую прожили. Грешники становятся частью сонмища демонов, праведники поют песни и воспаряют на Небеса. Полагаю, нам с Ноем Небеса не светят, так как всю свою жизнь мы с ним были не на той стороне...

Взглянув на свой телефон, Хантер отметил время: три утра. Свет, исходящий от экрана, осветил темную комнату всего на несколько секунд, но он уже привык к темноте. Еще здесь было немного прохладно, но он не удосужился надевать пальто. Запах смерти был настолько слабым, что его можно было не заметить, но ноздри Хантера уловили его пару раз. А может быть, это произошло только в его сознании, как предчувствие грядущего?

Сидя наедине с Ноем в темноте, он время от времени поглаживая его по руке. Это казалось правильным. Олив легла спать в гостевой спальне своей бабушки около двух часов назад. Ему с Кайли пришлось буквально оттащить ее от постели отца — она отказалась покидать его и возвращаться к Ните.

Кайли тоже осталась. Она легла спать в гостиной с включенным телевизором, укрывшись старым клетчатый одеялом. Мать Ноя была в своей спальне, возможно, плакала или даже проклинала Бога. Ной рассказывал, какой странной та была. Хиппи большую часть своей жизни, она обратилась лицом к религии только в пятьдесят. Однажды она рассказывала ему о том, как ее сын ненавидит ее за то, что она до сих пор не знала, кто является его отцом, а потом как ни в чем не бывало занялась своими обычными делами.

Хантер зевнул и скрестил руки на груди, его разум играл с ним странные шутки.

Осталось совсем недолго...

Он сидел возле Ноя уже несколько часов и не собирался уходить. Медсестра была на кухне, читала свою электронную книгу, потягивая горячий чай. Услышав шум, он вытянул шею, чтобы увидеть, проснулась ли Кайли. Насколько он мог судить, та все еще спала. Хантер ненадолго закрыл глаза и провел рукой по голове туда-сюда, прикосновение было приятным. Это был такой эмоционально утомительный день. Этим утром Кайли позвонила ему, и он потерял рассудок во дворе Ниты. Как это было неловко... Крик, поднявшийся из глубин его нутра, вырвался наружу.

Возможно, это было накопленное месяцами душевное страдание, дерьмо, о котором он отказывался задумываться? Это звучало достаточно логично. В этот день он сильно поссорился со своей женщиной из-за чего-то, что она не могла контролировать, но это все равно беспокоило его. У Ниты от этого мужчины был ребенок, так что полностью исключить общение было невозможно. Хотя Хантер был совершенно уверен, что она

абсолютно не заинтересована в своем бывшем, одна лишь мысль о том, что тот собирается вернуться к этому вопросу, отправила его за чертову грань. Да, он ревновал, проявлял собственнические замашки, но он это делал только в отношении к тем, кого любил. Одна бывшая описывала его как агрессивного в подобных ситуациях.

Хантер знал, что это неправильно, но он видел Ниту своей в извращенном чувстве собственности. Но она была личностью, независимой женщиной, а не чем-то, что можно держать в бутылке. Тем не менее, было трудно обуздать его инстинкты. Он всегда замечал, как люди смотрят на них, когда они вместе. Возможно, потому что они были межрасовой парой? А может, дело было в его росте и ее необыкновенном сходстве с Джанет Джексон? Должно быть, так и есть. Однажды кто-то подошел к ним в «Таргет» и попросил автограф. Это заставило Ниту смутиться, но он был в восторге.

Джанет Джексон в «Таргет» в Детройте? Ага, конечно, почему бы и нет. Но то, как мужчины смотрели на нее, когда они были на улице, заставляло его сердце колотиться, виски пульсировать, а кулаки сжиматься. Люди поворачивали головы, смотря ей вслед. Нита была красивой женщиной, внутри и снаружи. И он ни хрена не мог поделаться с тем, что другие тоже это замечали.

Хантер был вырван из своих размышлений еще одним тихим шумом, раздавшимся из гостиной, словно что-то упало. Снова вытянув шею, он увидел, что Кайли, крутившись на диване, уронила что-то на пол.

Кайли сказала, что пока его не было, Ной несколько раз моргнул, когда она упомянула его имя. Хантер уставился на худые пальцы мужчины, лежащие на белой простыне. Зрелище напомнило ему эпизод из «Закона и порядка», в котором на столе лежал покойник с простыней, натянутой до бедер, и свисающими по сторонам руками. Глаза Ноя были закрыты, на его бледном, как снег, лице не было ни единого пятна цвета. Он был похож на гребаного ангела.

— Эй, помнишь Леона? — спросил Хантер, глядя на своего друга. — Я рассказывал тебе, что он был моим соседом по камере, когда ты вышел. Он говорил, что иногда люди выглядят прекрасными, прежде чем уйти от нас. Это как заключительный этап. Что-то подобное я читал в его книге. Я никогда в жизни так много не читал, пока не появился Леон. Дошло до того, что мне это начало нравиться. — он грустно улыбнулся. — Ну, просто хочу, чтобы ты знал, что несмотря на то, что ты чертовски худ и похож на наркомана, твое лицо прекрасно... Оно светится.

Усмехнувшись, он потер руки и уставился в пол.

— Помнишь тот раз, когда те парни пригнали мне канареечно-желтый «Форд Тандерберд» пятьдесят шестого года? — воспоминание развернулось в его сознании. — Я перекрасил его в золотой, а салон обшил черной матовой кожей... Работал над этим дерьмом неделями! Ты так хотел купить у меня эту машину, но мне все время приходилось объяснять тебе, что она уже была обещана кому-то другому. Вот что бывает, когда ты работаешь на местном черном рынке угнанных автомобилей. К тебе приходят богатые парни, заключают незаконные сделки. У тебя есть команда автомобильных угонщиков, которые находят то, что тебе нужно, и к тому времени, когда ты заканчиваешь работу над этим, автомобиль становится неузнаваемым, не отслеживаемым, безупречным. Я был хорош в этом... На самом деле, мне нравились все аспекты этого. Моя бабушка спрашивала меня: «Хантер, почему тебе нравится быть плохим?» Я никогда не мог ей ответить на этот вопрос. Только делал это. Это ужасно, не так ли? Правильный путь законопослушного гражданина

мне был неинтересен. Таким образом я мог сочетать свою любовь к автомобилям со своей потребностью быть на улицах. Но это не излечило моего желания бороться с людьми. Драться с ними на деньги. В любом случае, — вздохнул он, — я много думал о машинах, чувак. Представлял, что получу, когда встану на ноги. Я работаю над твоей тачкой, Ной... Она начинает выглядеть довольно мило. Еще раз спасибо тебе за нее. Интересно, что бы ты сказал, когда увидел ее после окончания ремонта?

Хантер поднялся на ноги. Когда он сжал руку Ноя, вспышки их жизни взорвали его разум.

— Ты хороший друг... на самом деле хороший друг. Знаю, что ты смирился с этим. Когда мы с тобой разговаривали в прошлом месяце, в одном из наших последних разговоров ты сказал, что особо не переживаешь по этому поводу. Должно быть потому, что это должно было произойти в любом случае. Но я зол, Ной. Чертовски зол... У меня было слишком много времени, чтобы подумать об этом, и я уверен, что, если бы некоторые вещи не произошли, например, то дерьмо в тюрьме из-за ублюдка Доуэри, из-за которого твой приговор был продлен, ты бы не оказался в этой лодке прямо сейчас. Да, я знаю, что ты слишком много пил. Знаю, что ты поставил себя в такое положение сам. Но ты все еще не заслуживаешь этого дерьма.

Вытащив свой телефон, он порылся в своей музыкальной библиотеке.

— Вот! Помнишь, как мы часто слушали это? Послушай, — он включил «Rockstar» «Никелбэк». — Вот это было время, чувак... Вот это было время... Мы знали слова этой песни наизусть. Сидели, пили пиво, смеялись, курили, говорили о наших планах, о том, что хотим сделать... Пару раз мы даже обсуждали возможность создания совместного бизнеса. Это то, что мне нравилось в тебе. Ты был беден, как и я. Мы поднимали свои задницы и делали дела. Мы многого добились. Мы отказывались быть без гроша в кармане слишком долго, и мы не оправдывались. Мы просто делали то, что должны были делать. Угадай, что? Я работаю охранником в казино. Забавно, не правда ли? Еще я готовлюсь снова начать боксировать... у тех же людей. Почему бы и не надрать кому-нибудь задницу за деньги, верно? Работа мечты. Это то, что ты всегда говорил... — Хантер сморгнул свои эмоции. — Жизнь слишком коротка, и мы можем не успеть сделать все, что мы хотим.

Он посмотрел на своего друга, его рука теперь лежала на плече Ноя.

Это не может закончиться вот так... Я должен что-то сделать... Должен дать ему понять, что сделаю все правильно...

Хантер наклонился к Ною, зная, что это будет последний раз, когда он разговаривает с ним живым. Он лишь надеялся, что его лучший друг все еще слышит и понимает его.

— Брат, — зашептал он ему на ухо, — продержись еще немного. Я чувствую... чувствую, что ты все еще здесь ради нас. Нита, это моя девушка, сегодня сказала мне кое-что, что я не был в настроении слушать, но я надеюсь, что это правда. Она сказала: «Там, куда направляется Ной, нет ни тюрем, ни болезней, ни страданий, ни боли». Я надеюсь, что там, куда ты идешь, будут только канареечно-желтые «Тандерберды» и темно-синие «Мустанги». Я присмотрю за Олив, хорошо? Я обещаю присматривать за ней, Ной. Я присмотрю также за твоей мамой и Кайли. Это то, что делают братья... и я не подведу тебя.

Хантер снова выпрямился на стуле, минуты летели незаметно. Песня за песней играла на его телефоне — он потерял им счет. Он хотел курить, но отказывался двигаться. Он стоял на посту. Примерно через час из сонного оцепенения его вывел яркий свет и приглушенные голоса. Медсестра суетилась возле Ноя, и один из аппаратов издавал странный шум. Она

что-то прошептала ему, но он не расслышал ее слов.

— Он умер? — спросил он дрожащим голосом, в котором слышалась паника.

Выражение лица медсестры было доброжелательным и сочувствующим.

— Его сердце остановилось около тридцати семи секунд назад.

Хантер рванулся вверх по лестнице и начал стучать в двери спален.

— Спускайтесь! Давайте, просыпайтесь! Вставайте! Спускайтесь вниз! — вернувшись обратно в гостиную, он увидел, что Кайли уже проснулась, ее волосы были растрепаны, а на лице отразилось замешательство. — Ной умер.

Он вернулся в маленькую комнату к своему другу. Медсестра, разговаривающая по телефону, уже накрыла его простынею. В комнату влетели Олив, его мать и Кайли, и вскоре помещение заполнилось истерическим плачем. Хантер стоял, скрестив руками, когда мимо него протиснулась Кайли, едва не сбив его с ног, чтобы добраться до Ноя.

— Нет! Нет! Нееееет... — кричала, плача, она, прижавшись к нему, разваливаясь на части.

Олив выглядела не лучше, присоединившись к ней и терзая тело Ноя в своем безумном горе. На матери Ноя была длинная голубая ночная рубашка. Она качала головой, и слезы текли по ее щекам. Хантер взял свой мобильный телефон и включил «Not Afraid» Эминема.

— Он хотел, чтобы эта песня играла на его похоронах. Он говорил мне.

Схватив Олив с кровати, он обнял ее, и она обняла его в ответ так крепко, что Хантер был потрясен тем, насколько сильно ее горе. Это лишило его дыхания. Погладив ее по голове, он посмотрел на Ноя. Мертвого.

— Ной, ты показал всем, как это делается. Ты не боялся. Ты не был слабаком в этой жизни, за исключением того момента, когда ты боялся, что Олив перестанет верить в тебя, — сделав паузу, он поцеловал Олив в щеки, улыбаясь в ее большие голубые глаза. — Я не ее отец, Ной. Я никому не отец, но теперь я уважаю твой страх. Я понимаю его, независимо от того, правильный он или нет. Я понимаю страх разочаровать того, кто зависит от тебя, того, кого ты любишь. Она была твоим криптонитом, — Олив зарыдала сильнее. — Ты был одним из самых храбрых мужчин,

которых я когда-либо знал... — голос Хантера дрожал, а щеки покрылись влагой. — Ты посмотрел смерти в лицо и сказал: «Да пошла ты», — он поднял в воздух средний палец. — Увидимся однажды на другой стороне, боец...

Хантер выглядел великолепно в своем темном костюме. Его волосы были подстрижены в стиле «Цезарь», а борода идеально уложена. Во время службы он рассказал историю о себе и Ное, заставившую весь зал расхохотаться. В ней фигурировали пейнтбольный пистолет и банан, и она определенно помогла облегчить мрачное настроение. Он нес гроб вместе с пятью другими сильными мужчинами, являвшимися друзьями и семьей Ноя, и, казалось, неплохо держался, несмотря на серьезность ситуации и тучу депрессии, нависшую над ними.

Теперь же его нигде не было видно.

Где он? Возможно, вышел покурить?

Нита стояла внутри переполненной церкви, откуда, похоже, еще никто не собирался уходить.

Похороны закончились. Белый министр с легким южным акцентом в голосе произнес

речь, люди вспоминали добрыми дела Ноя, и, как ни странно, явилась даже банда мотоциклистов, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение. Очевидно, у Ноя было много связей. Он, вероятно, знал весь Детройт. Шепотом шутили о шикарных женщинах, пришедших на его похороны. Да, дамы любили Ноя, присутствовала даже парочка черных.

Грустно улыбнувшись, Нита стала рассматривать фотоколлаж, посвященный жизнеописанию Ноя.

Коллаж начинался с фотографий, на которых Ной был младенцем, затем шли те, на которых он был симпатичным маленьким мальчиком, долговязым подростком, а затем и мужчиной. Некоторые фотографии были сделаны в тюрьме. Чем старше он становился, тем больше света уходило из его глаз. Странно, как она это заметила. Возможно, я искала это? Возможно, я боюсь, что то же самое случится с Хантером... На нескольких фотографиях она действительно заметила Хантера. На одной из них им было около пятнадцати, оба худые и высокие с детскими лицами. В их глазах светилось озорство.

Сквозь толпу Нита прошла к Олив, стоявшей с Тишей и другими девушками из их старой школы. Во время похорон она сорвалась. На самом деле в какой-то момент Ните пришлось вывести ее из зала и крепко держать, но сейчас она казалась намного спокойнее.

— Олив, тебе что-нибудь нужно, детка? — спросила она.

— Нет, я в порядке, мисс Нита. Спасибо.

Похлопав девушку по плечу, она продолжила пробираться сквозь толпу, двигаясь к окну. Она выглянула на стоянку. Некоторые люди уезжали после долгого дня, другие разговаривали и обнимали друг друга на прощание. Я до сих пор не вижу Хантера. Она подумала о том, чтобы написать ему сообщение, но решила, что ему, вероятно, хотелось побыть наедине. Одиночество было его фишкой, особенно в последнее время. Он немного отстранился, но она все понимала. Ему было больно. Этим утром, когда они занимались любовью, он не смотрел на нее. Он разбудил ее этим своим первым жестким толчком, тем, от которого у нее всегда перехватывало дыхание. Мужчина ухитрился взобраться на нее, не разбудив, и, уткнувшись лицом в просвет между ее плечом и шеей, медленно и глубоко входил в нее, прежде чем тихо кончить...

Хантер, ты где? Нита, покачав головой, взглянула на свой телефон, чтобы проверить время. Завтра ей нужно было идти на работу, а потом она решила заехать и ненадолго навестить родителей. Она хотела познакомить их со своим парнем, но, учитывая все происходящее и приближающиеся праздники, это было неподходящее время. Она взяла два выходных, чтобы помочь Олив и Хантеру с приготовлениями к похоронам, и теперь все закончилось. Или еще нет? Что-то витало в воздухе, начинался новый день. Она молилась, чтобы Хантер научился отпускать и больше говорить с ней, когда эмоционально страдал, но она принимала его таким, какой он есть, несмотря ни на что...

Звуки работающих автоматов заполнили слух Хантера. Проверив время, он кивнул коллеге, а затем прошелся по казино в полной боевой готовности.

— Привет, Хантер.

Белый парень с золотым зубом и массивной цепочкой на шее, один из завсегдатаев, улыбнулся ему. Одетый в ярко белый блейзер в стиле Полиции Майами, Рики был пожилым мужчиной с загорелой кожей и прической в стиле Элвиса, только его волосы были седыми.

— Привет, Рики, как дела?

Они дали пять друг другу.

— Нормально.

Мужчина почесал волосатую грудь, видневшуюся из расстегнутой рубашки, махнув зажженной сигарой. Он выглядел так, будто хотел что-то сказать. Мужчина огляделся вокруг, покуривая сигару. Рики был игроком, любящим играть по-крупному. Он был родом из Нью-Джерси, но ходили слухи, что он уехал оттуда в спешке после крупной аферы и кражи на почти миллион долларов. В любом случае, этот мужчина был гением игры в блэк-джек и, как известно, водил прекрасные машины и встречался с женщинами вдвое моложе его. Он также чертовски хорошо умел делать ставки и был богат, как Крез.

— Хантер, я кое-что о тебе слышал.

— Да, у меня большой член, но это не твое гребаное дело.

Они расхохотались.

— Я говорил с Уэсли, Хантер, и он сказал, что ты хорошо провел спарринг в спортзале.

— Да? — спросил Хантер, наблюдая за любыми подозрительными действиями в зале.

— Да... он сказал, что ты прирожденный боец. Животное на ринге. Сказал, что у него давно не было таких, как ты. Ты бьешь сильно. Ты бьешь быстро. Ты двигаешься, как молния. Ублюдки никогда не замечают твоего удара, пока не становится слишком поздно. Вырубаеть ублюдков в два счета. Спокойной гребаной ночи.

— Возможно, ублюдки просто приняли снотворное «Амбиен».

— Возможно, они приняли таблетку лекарства «Тиран-волк». Ты зверь, лишаящий их всяких шансов на победу.

— Да что ты говоришь? — Хантер хрустнул костяшками пальцев. Он знал, что будет дальше, и был к этому готов.

— Я так понимаю, что начальник службы безопасности, индеец, Джонни, мистер Гроза Преступников, обучает тебя. Собирается выставить тебя для начала на местном уровне, посмотреть, как пойдет дело, а затем популяризировать тебя. Это правда? — спросил Рики, предлагая ему сигару.

— Мне не положено курить в рабочее время, но я оставлю ее на потом. Спасибо, — взяв у мужчины сигару, Хантер сунул ее в карман. — Да, это правда. Джонни нанял Уэсли, чтобы тот меня тренировал. Почему ты интересуешься этим?

— Потому что, если ты так хорош, как он говорит, я могу позаботиться о том, чтобы у тебя было больше денег. Видите ли, если ты выиграешь бой, Уэсли получит довольно приличную долю, а Джонни не меньше половины, затем они должны будут заплатить промоутерам, казино, всем этим членам, и это оставит тебя ни с чем. Ты только и будешь делать, что облизывать ложку и пытаться угадать, что это был за вкус.

— Вижу, к чему ты клонишь. Я знаю, как делать деньги, Рики. Мне нравится боксировать, но я не собираюсь посвящать этому свою жизнь, поэтому...

— Не обязательно делать на этом карьеру. Я даже не прошу тебя бросить Джонни. Оставайся с ним, но позволь мне увидеть, как ты дерешься. Если ты так хорош, как он говорит, я хочу, чтобы ты поучаствовал в бое для меня. Выйдешь против местного парня, Зиона Дэниелса.

— Я слышал о нем. Хорошие показатели. Он лидирует в рейтинге игроков.

— Да, он хорош. Ваш бой может стать эпическим. Вы оба суровые парни, воспитанные улицами.

— У меня контракт, Рики. Я не могу драться без ведома Джонни. Если я это сделаю, мы можем лишиться многих спонсоров.

Рики усмехнулся и покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты остался с Джонни, поверь мне. Это поможет тебе создать серьезную боксерскую репутацию, что означает больше денег для всех нас.

— Больше денег? Да... где-то я уже это слышал, — сказал Хантер, стиснув зубы.

— Я серьезно, Хантер. Ты новичок, но похоже, у тебя большие перспективы. Кроме того, это будет за закрытыми дверями... совершенно секретно. Небольшая толпа игроков, делающих ставки на спорт. Элита. Миллионеры. Я всегда ищу новые таланты. На самом деле я рассчитываю на то, что ты достигнешь хороших результатов под руководством Джонни и его команды.

— И почему же?

— Потому что тогда у тебя будет еще лучшая репутацию.

Хантер на мгновение задержал взгляд на мужчине.

— Я тоже кое-что о тебе слышал.

— И что это?

— Я слышал, что у тебя есть важный брат, который переехал сюда с тобой. Я слышал, что он сейчас работает в пенитенциарной системе Детройта.

— Да, это так, — ответил мужчина, попыхивая сигарой. — Иронично, не правда ли? Я — мистер Отступник, а мой брат — мистер Закон, — он усмехнулся. — Я так понимаю, тебе нужна услуга. Хочешь передать весточку другу?

— Что-то типа того...

Они оба немного помолчали.

— Как его зовут?

— Дрю Доуэри. Он находился в Мичиганской федеральной тюрьме, но недавно его перевели.

— Понятно... Так, эм-м, ты говоришь, что потрешь мне спинку, если я потру твою?

— Ага.

— Какого рода услуга нужна для этого Дрю?

— Мне просто нужно пять минут с ним наедине ...

Молчание длилось очень долго.

— Я постараюсь помочь тебе. Не могу ничего обещать. Это трудная задача.

— Ты сделаешь это.

Внезапно его рация зашипела.

Хантер нажал на кнопку приема, отвернувшись от Рики.

— Хантер Вульф, прием.

— Вульф, это Андерсон. Покерный стол в западной стороне зала, парень в зеленой бейсболке что-то вытащил из носка. Похоже на игральную карту.

— Принял.

Я Влюблена в Супермена

Проснувшись от звуков «I Choose You» Уилли Хатча, Нита открыла глаза и ахнула. Повсюду в ее спальне были развешаны белые рождественские гирлянды, золотые и серебряные ангелы, мишура и множество других украшений. Хихикая, она выползла из постели и тут же утонула в аромате французских тостов и кленового сиропа. Она слышала, как девочки и Хантер разговаривали внизу, а потом все трое расхохотались. Тихо войдя в гостиную, она застала их троих за развешиванием украшений. Ахнув, она прикрыла рот обеими руками.

В углу комнаты стояло одно из самых красивых деревьев, которые она когда-либо видела.

— Мама! — обернулась к ней Тиша, широко улыбаясь. — Хантер украсил весь дом! Вчера вечером он даже пробрался в нашу с Олив комнату и поставил там маленькую белую елочку с маленькими белыми огоньками. Это так мило. Посмотри на эту офигенную елку!

— Девочка, немедленно перестань ругаться!

— Она офигенно большая, да, Тиша? — поддразнил ее Хантер, заставляя девушек смеяться. — Удивительно, как падают цены, когда ты покупаешь елку в канун Рождества.

— А где наша елка? — спросила Нита.

— О, та искусственная, которая выглядела так, будто ее долгое время использовали вместо ершика? — вопрос вызвал новый взрыв смеха у девушек. — Эта жуткая вещь в мусорке.

Нита боролась с желанием отругать его. Да, старая елка представляла собой печальное зрелище, но она находила ее милой, по-своему особенной.

Хантер с гордостью осмотрел рождественскую елку.

— Эта мне больше нравится. Достояна короля. Подойди сюда и поцелуй меня.

Щеки Ниты вспыхнули, когда она подошла к нему и, обвив рукой его талию, поцеловала в губы.

— Тиран, как насчет того, чтобы добавить золотые украшения? Мне кажется, они неплохо бы смотрелись вместе с серебряным и зеленым, — спросила Тиша.

— Коробка вон там, — Хантер указал на диван, на котором стояло несколько коробок с неоткрытыми украшениями. — Но не вешайте на елку слишком много, их должно хватить на всю комнату.

— Ну, разве ты не мистер Рождество, — поддразнила его Нита, предлагая еще один поцелуй.

Он взял его и улыбнулся, крепче ее обнимая.

— Как давно ты проснулся?

— Я не ложился, — прошептал он.

Она отступила от него на шаг, когда девочки, оттолкнув ее в сторону, бросились к елке, чтобы повесить золотые украшения. Весь вечер Хантер был беспокойным. Когда она попыталась поговорить с ним об этом прошлой ночью, он отрицал, что что-то не так, но она знала лучше. Возможно, праздники принесли ему новую волну переживаний. Ной был похоронен не так давно, и, хотя Хантеру определенно нравилась его работа, она все-таки

занимала определенное время, а он вдобавок ко всему начал готовиться к бою. В процессе подготовки он даже сократил количество сигарет, что в последнее время сделало его немного более нервным.

— Мои родители заглянут, чтобы оставить подарки для Тиши и Олив, — сказала Нита, направляясь на кухню, чтобы налить кофе, который он сварил.

— Я думал, мы должны были встретиться с ними сегодня вечером за ужином у них дома? Ты сказала, что там еще будут твоя любимая тетя и несколько кузенов.

— Да, все так. Моя сестра Наоми сказала, что не сможет приехать в этом году, но я надеюсь, что у нее все-таки получится вырваться до Нового года. Мои родители просто хотят зайти. Они любят дарить Тише подарки пораньше.

— Тогда позволь мне быстро принять душ и одеться, — сказал Хантер, на котором была футболка и шорты, а сверху накинут черный халат.

— Хорошо.

Вполуха слушая, как девушки болтают друг с другом, Нита зашла на кухню, и сразу же увидела свою тарелку, на которой лежали два французских тоста, яичница и три полоски бекона.

Этот мужчина меня балует...

Улыбнувшись, она взяла тарелку и начала есть, прислонившись к стойке и наслаждаясь мелодией «Fish Ain't Bitin» Ламонта Дозье.

Сто лет не слышала эту песню! Боже мой!

Нита чувствовала себя замечательно...

У меня есть сексуальный, трудолюбивый мужчина, который каждый раз занимается со мной любовью так, будто это наш первый... Умная и веселая красавица-дочь... Ее верная и добрая подруга, стойко переживающая недавнюю потерю отца... Два замечательных родителя, научившие меня стойко выдерживать удары судьбы и никогда не гнушаться из-за моих ошибок, но напоминавшие, чтобы я отличала хорошее от плохого... Отец моего ребенка, в данный момент переживающий жизненные неурядицы, но активно участвующий в жизни нашей дочери. Он хороший отец, помогающий мне заботиться о нашем ребенке... Моя работа, чертовски напрягающая меня, но я только что получила прибавку к зарплате и рождественский бонус. И еще я собираюсь пойти на повышение, ради которого я закончила несколько онлайн-курсов. Жизнь хороша, чертовски хороша!

Продолжая улыбаться, Нита потерялась в своем собственном мире, и вырвалась из него только тогда, когда в дверь позвонили. Приехали ее родители. Открыв дверь, она обняла свою мать, в то время как Тиша схватила в объятия дедушку. Приняв родительские пальто и повесив их в шкафу в прихожей, Нита обнаружила, что Олив несет на столик мятный чай и рождественское сахарное печенье... в восемь утра.

— Олив, у нас есть кое-что для тебя! — сказала мама, вручая ей большую красную коробку.

— Большое спасибо! — поблагодарила ее Олив и положила коробку под елку к другим подаркам, которые они вскоре должны были открыть. Именно тогда Нита заметила там большую серебряную с золотым коробку с красным бантом, на карточке которой почерком Хантера было написано ее имя.

— Хантер здесь, бабушка. Ты можешь познакомиться с ним.

— Да? — мама огляделась. — Где же он?

— В душе, — ответила Олив и ушла на кухню.

Нита не упустила из виду, как губы ее матери поджались, когда та оглядела ее с ног до головы в стиле церковной проповеди «Ты-же-знаешь-что-ты-не-права». Вцепившись в свою сумочку, мама начала допрашивать Тишу о том, в какие колледжи та хочет поступить.

— Я хочу попробовать поступить в университет Эмори.

— О, это хорошее заведение, — сказал отец Ниты с широкой улыбкой. — Шон окончил ее, Джуди, — сказал он маме.

Ее родители болтали с девочками, когда Нита услышала, как по лестнице спускается Хантер. На нем была черная рубашка на пуговицах и повседневные брюки. Выглядел и пах он восхитительно.

— Здравствуйте, мистер Перси. Я Хантер, парень Ниты, — с натянутой улыбкой протянул он руку отцу Ниты.

— Приятно познакомиться, — встав, папа подал ему руку навстречу, глядя на Хантера так, словно у того было две головы. Нита проглотила смешок, услышав изумление в голосе отца. Он был явно потрясен ростом и телосложением Хантера.

— Ты высокий, мужик. И большой. Не толстый, я имею в виду твои мышцы. Черт, чем тебя в детстве кормила мама? Бетоном?

Комната взорвалась смехом, когда папа попытался добавить в голос немного баса. В нем было всего около метра шестидесяти, и они забавно выглядели, стоя вместе.

— Забавно, — рассмеялся Хантер. Он пожал папину руку, и бедняга покраснел.

— Папа, тебе больно?

— Нет, мне не больно! Это было просто дружеское рукопожатие! — огрызнулся папа, защищая свою мужественность. Это только заставило ее с мамой снова рассмеяться.

— Я не хотел сильно сжимать вашу руку, мистер Перси. Наверное, я немного нервничаю, — сказал Хантер.

Она знала, что он лжет, она нутром это чувствовала. Хантер красовался, показывая папе в какой-то примитивной, пещерной манере, что с ним можно иметь дело.

— Здравствуйте, миссис Перси. Я...

— Не надо пожимать мне руку, — улыбаясь, сказала мама.

Проигнорировав ее просьбу, Хантер наклонился и обнял ее, а затем чмокнул в щеку. Он отступил от нее, и мама, открыв рот, пораженно уставилась на него с дивана.

— Ты чудесно пахнешь! Приятно познакомиться, Хантер! — наконец, сказала она.

— Взаимно. Теперь я знаю, от кого Нита получила свою красоту.

Ее родители, казалось, были впечатлены им, и в течение следующих нескольких минут Хантер показал себя хорошим собеседником.

К большому удивлению Ниты, никто из ее родителей не упомянул о его тюремном заключении, о котором она рассказала им в свое прошлое посещение. Она не собиралась приукрашивать прошлое своего мужчины, рассказав все как было. Но она также рассказала им о его новой работе, его жизни в настоящее время и о том, как хорошо он относится к ней и девочками. Это, похоже, впечатлило их, и как только она рассказала, как две недели назад Хантер отремонтировал ее кухню и заплатил за починку крыши несмотря на то, что был далеко не богат, они были весьма довольны тем, что он, похоже, остепенился и взялся за ум. Единственное, о чем она просила, это чтобы они не упоминали его родителей. Папа едва не испортил все своей маленькой шуткой.

— Нита сказала, что ты боксируешь, — сказал папа, беря свою кружку и делая глоток мятного чая. — Ты тренируешься сейчас?

— Да, — ответил Хантер, садясь напротив них на двухместный диванчик. — Сейчас у меня тренировки, а бой состоится в апреле. Я давно не дрался, но тренировки проходят хорошо.

— Чудесно. Мне нравится бокс. Возможно, я приду на бой и понаблюдаю за тобой.

— Да? Круто. Я могу достать вам бесплатные билеты. Просто дайте мне знать.

Эти двое завели разговор о величайших боксерских поединках всех времен, кто был лучше кого и так далее и тому подобное. Нита обняла себя, чувствуя тепло изнутри. Через несколько мгновений девушки попросили разрешения открыть свои подарки. Все смотрели, как Олив и Тиша разрывают упаковку на коробках, и радовались их восторженным крикам. Хантер подарил Тише и Олив по айпаду, разбаловав их до чертиков. Папа с мамой подарили им одежду, подарочные карты и по какой-то странной причине книжки-раскраски «Хэлло Китти». Нита была уверена, что мама иногда забывает, что Тиша уже не маленькая девочка... впрочем, как и она сама. Хантер получил подарочные карты в магазины автозапчастей. Это то, что он просил. Нита также подарила ему золотую цепочку с распятием.

— Давай, открывай свой, — сказал Хантер, держа в руках красивые часы, которые ей подарили родители. Бросив на него взгляд, Нита протянула руку и схватила завернутую в серебряно-золотую фольгу коробку. Среди бумажного наполнителя Нита нашла какую-то фотографию в рамке. Сняв с него защитную пленку, она уставилась на изображение прекрасного дома.

— Что это?

— Это дом, который я купил для тебя в Грин Акрс. (Примеч.: район на северо-западе Детройта).

Комната наполнилась ахами.

— Хантер... — тихо сказала она, и слезы появились на ее глазах.

— О, детка! — сказала мама, несомненно, чувствуя радость и потрясение. Подойдя к ней, Хантер обнял ее и поцеловал в щеку.

— Но... о Боже... как? И зачем ты ремонтировал этот дом, если думал о другом?

— Потому что тебе нужно будет продать его, и ты должна получить за него как можно больше. Если крыша протекает, а кухня сломана, тебе будут поступать плохие предложения, если вообще будут.

— Откуда он у тебя? Ты купил его? — счастливые слезы текли по лицу Ниты.

— Мои бабушка с дедушкой знают много людей. У них есть друг в сфере недвижимости, который помог мне, и, поскольку я исправил свою кредитную историю, то смог взять этот дом в кредит. Процентные ставки сейчас низкие. Это стоило мне не так дорого, как ты думаешь. Мне нужно немного поработать над ним, но это того стоит. Ипотека, очевидно, немного выше, чем платишь ты, но я собираюсь помочь тебе с выплатой твоей ипотеки, так что не волнуйся. Также я внес приличный первоначальный взнос. Дом хороший, но нуждается в некоторой модернизации. В нем есть три спальни, кабинет, гараж на три машины, огромная хозяйская спальня с гардеробной, четыре ванные комнаты и полноценный подвал. Я собираюсь снести одну из стен, чтобы сделать для тебя хорошую застекленную веранду... К тому времени, когда закончу, дом будет идеальным, но сейчас он готов к заселению.

Обвив руками шею Хантера, она крепко обняла его. Не было ничего, чего не мог бы сделать ее супермен...

Благодаря трагедии она встретила его. Благодаря чуду она открыла свое сердце, чтобы испытать неизведанное. Благодаря милости Божией она влюбилась...

— Счастливого Рождества, детка, — прошептал он и поцеловал ее в кончик носа. — Я так рад, что ты есть у меня...

Через три недели после Нового года красная «Файрберд» шестьдесят седьмого года была готова. На ней лежал свежий слой краски, салон был перетянут кроваво-красной кожей, а кожаный чехол на рулевом колесе соответствовал по цвету. Хантер изучил автомобиль, довольный своей работой. Фары, шины и все остальное было совершенно новым и переделанным по его вкусу. Он сохранил за собой склад Ноя и нашел способ использовать его с пользой. После того, как освободил его от большинства вещей, оставшиеся Хантер пожертвовал нуждающимся людям или подарил друзьям, бабушке и дедушке, Ните и своему брату. Бабушка всегда мечтала о дорогой вафельнице ресторанного типа, поэтому ужасно обрадовалась, когда он подарил ей такую в оригинальной упаковке. У Хантера были планы познакомиться с ней Ниту в ближайшее время.

Вернувшись в Сагино на пару дней, он заглянул в новый дом своего брата, а также навестил нескольких знакомых, просто чтобы поздороваться. Там его друг предложил попробовать продать некоторые памятные вещи со склада Ноя на «eBay» — несколько бейсбольных карточек, фотографию Синатры с автографом и тому подобное. Освободив склад, Хантер использовал его в основном как гараж для работы над машиной и будущими проектами. Перенеся туда свои ящики для инструментов, а также два обогревателя, он устроил там небольшую мастерскую. Еще он планировал повесить там боксерский мешок, поставить гантели и даже скамью для жима штанги лежа. Все шло просто замечательно.

Закрыв капот красавицы, он проверил пропущенные сообщения на своем телефоне, а затем набрал номер Джастина, который звонил ему дважды.

— Как дела? Я как раз думал о тебе.

Включив громкую связь, он начал собирать грязные бумажные полотенца, брошенные им на цементный пол, и свои инструменты, разбросанные тут и там.

— Я в порядке, чувак. Вижу, ты вернулся в Детройт.

— Ага.

— Не слышал тебя неделю, хотел узнать, как твои дела. Еще раз спасибо за рождественские подарки. Это было мило с твоей стороны, чувак.

— Не за что. Я хотел, чтобы у вас с детьми был хороший праздник. Извини, что не смог остаться дольше. Мне нужно было вернуться в Детройт по работе.

— Да, работа и все такое, горжусь тобой, чувак. — Хантер мог слышать, как на заднем плане играет «Stuck In A Dream» Лиля Мози. Его брату нравилась такая музыка, хотя она не давала ему такого чувства, как классика. — Эй, большой брат... Мне нужно кое-что сказать тебе.

Хантер прислонился к машине, потирая шею. Он ненавидел, когда голос Джастина становился таким — водянистым и мягким. Это означало, что он собирался сказать ему какое-то дерьмо, которое он не хотел слышать.

— Что, Джастин?

— Папа сказал, что скоро даст интервью для новостей. Журналисты спросили, могут ли они взять интервью и у нас, и он хотел, чтобы ты знал об этом, потому что тебе позвонят с «ЭнБиСи».

— Кто, черт подери, хочет взять интервью у этого человека? — уныло усмехнулся

Хантер. — Знаешь, сколько в стельку пьяных или под кайфом людей убивают свою вторую половинку, Джастин? Это не новость. Это то, что происходит каждый день.

— Это был... странный ответ. Тиран, послушай... Я знаю, что ты не хочешь говорить с папой, но думаю, его история была уникальной по нескольким причинам. Черт, я не знаю, но он хотел поговорить с тобой о том, что произошло, рассказать тебе свою версию истории и как он сожалеет о том... что он...

— Ублюдок, тебя там не было. Нет никакой «его версии истории». Я видел это своими гребаными глазами! Не хрена тут объяснять! Ты был далеко, в безопасной зоне, пока я жил в аду. Он хочет извиниться? Его «извини» не вернет, нахрен, мою мать, не так ли?! И пусть ты не очень ладишь со своей, она хотя бы еще дышит. Давай, мне пора.

Закончив разговор, Хантер собрал с пола остальные инструменты и выключил свет на складе. Заведя машину, он закурил, его грудь тяжело вздымалась. Пока он ехал, в его мозгу проигрывались, словно какой-то гротескный фильм, сцены из его жизни. Тем не менее, ему казалось, что он вообще ни черта не понимает.

На первый план вышло воспоминание о Ное в гробу, одетом в белый костюм. Вокруг него рыдают женщины... Мама на полу с выбитыми мозгами, из ее глаза катится слеза... Тепло мочи, стекающей по его маленькой ножке, когда папа вставляет пистолет в свой рот... Олив, которую буквально несут на похороны, девушка практически потеряла сознание от такой сильной эмоциональной боли... Нита, кричащая на своей кухне в тот момент, когда у нее случился нервный срыв из-за всех тех проблем, которые ей пришлось нести на своих плечах... Джастин с разбитым лицом и избитым телом после похищения и ограбления...

Все эти образы заполнили его разум, заставив стиснуть зубы и ощутить пульсацию в черепе. Хантер зарычал, ощутив, что его вены наполнились горячей жидкой кислотой. Он поймал свое отражение в зеркале заднего вида — ноздри раздулись, как у демона, зеленые глаза казались почти черными, лоб сморщился, а губы скривились в кривой усмешке. Выпустив изо рта дым, он наклонился вперед и включил радио, пытаясь остыть, и из динамика загремела «Come Together» группы «Битлз».

Приоткрыв окно, он поехал быстрее, выехав на шоссе. Доведя скорость до ста пятидесяти, он летел, словно стрела. Музыка в салоне была такой громкой, что казалось, будто эта гребаная группа воскресла и играет на заднем сиденье. Мозг Хантера продолжал выстреливать воспоминаниями, заставляя его переживать больше ужаса, больше печали...

Ярко-красная кровь брызжет на белые, покрытые трещинами стены... Губы, опухшие от поцелуев всю ночь напролет... Потные конечности, запутавшиеся в черных простынях... «Детка, пожалуйста, не останавливайся...» ... Голодные укусы шелковистой, коричневой ключицы... Стискивающая его гладкая, женская плоть, которую он прижимает крепче к себе, чтобы ощутить максимум ритмичных пульсирующих толчков... Он просит ее никогда не говорить ему, что она его любит, потому что он был проклят...

Катафалк...

Комья грязной земли, лежащие на серебристой крышке гроба...

Звуки выстрелов, разорвавшие тишину, когда он разрядил обойму во врага...

Он ничего не чувствовал, когда стрелял в того человека, как и когда стрелял в другого. Это был просто еще один день в аду. Запах новой кожи, которой обтянуты сиденья... Он двенадцатилетний, сидящий в ванне и выковыривающий осколки разбитого стекла из ноги после того, как убежал босиком по переулку от сумасшедшего обдолбанного ублюдка, который принял его за кого-то другого... Немного более позднее воспоминание, когда его

член впервые отсосала девочка по имени Джейми, дочь социального педагога из приюта для мальчиков... Он кончил ей в рот, и она разозлилась...

Письма отца, которые мужчина отправлял бабушке каждую неделю, когда Хантер был подростком... Он читал их и выбрасывал в мусорное ведро, а потом вообще перестал читать...

Вспомнились обрывки фраз, которые он когда-то слышал от учителей, бывших девушек и родственников: *«Он был таким милым маленьким мальчиком, а затем превратился в монстра»... «Его невозможно контролировать»... «Принимала ли его мать наркотики, когда была беременна им?»... «Почему он такой злой?»... «Он агрессивен потому, что он сын своего отца»... «Говорят, он убил несколько человек, но так и не был пойман»... «Он в банде»... «Он тусуется с плохой компанией»... «Ему нужен Иисус»... «Он Скорпион, я думаю, этим все сказано»... «Я люблю тебя, Тиран, но не могу ждать, когда ты выйдешь из тюрьмы, я хочу жить своей жизнью»... «Это твой ребенок, Хантер!.. Прости, кто тебе сказал? Да... тест ДНК показал, что я ошиблась, отец не ты, но тогда мы расстались, так что...» ... Молотки в зале суда... «Вы приговорены... Вы приговорены... Вы приговорены...» ... «Что вы можете сказать в свою защиту, мистер Вульф?»*

Пи*дец...

Хантер расхохотался, когда страницы его жизни перевернулись в его голове, подобно книжным — он сошел с ума, его мозг практически взорвался. Он ехал и ехал, пока не оказался в Сагино, остановившись перед домом бабушки и дедушки под одеялом звезд. Выйдя из тюрьмы, его визиты к бабушке и дедушке стали скорее визитами вежливости — никто не вспоминал о тех огорчениях, которые он доставил им в свое время, и он не рисковал упоминать ни мать, ни отца, ничего из этого дерьма. Все дело было в том, чтобы двигаться вперед, забыв прошлое, словно его даже не существовало. Но в этот момент он был разбит, сломлен. Что-то шло не так. Ужасно неправильно. Прошное требовало, чтобы его услышали. Взяв телефон в руку, он набрал Ниту.

— Привет, милый, — она зевнула. — Я заснула. Ты придешь?

— Нет, не сегодня, детка. Я в Сагино.

— О... все в порядке?

— Да, утром я вернусь домой. Надо навестить бабушку и дедушку и позаботиться о нескольких вещах. Я просто, эм-м, хотел позвонить тебе... спросить, как у вас дела, и сообщить, что случилось, — ответил он и закинул руку за голову.

— Хорошо, тогда, думаю, увидимся завтра. Хочешь, чтобы я заехала к тебе завтра вечером, или ты приедешь ко мне? Иногда мы можем менять места нашей дислокации. Просто я...

— Нет, это хорошая идея. Кроме того, тебе нужно начинать упаковывать вещи, и я могу тебе помочь. Еще я могу достать для тебя несколько ящиков из казино. Им постоянно доставляют еду и всякое дерьмо, и они выбрасывают сотни картонных коробок. Я могу взять столько, сколько тебе нужно.

— О, это было бы здорово! Я промониторила школы, и ты прав. Государственные школы в этом районе просто великолепны, так что это избавит Тишу и Олив от счетов за обучение. Это сэкономит мне тысячи долларов.

— Я говорил, что не стал бы ставить тебя в положение, способное вызвать у тебя финансовый стресс, даже если бы я не помогал платить... или случилось бы что-то такое, что помешало бы мне это делать.

— Что, например? Ты собираешься сбежать от меня или что-то в этом роде? — рассмеялась она.

— Не-а. Вовсе нет... но знаешь, дерьмо иногда случается.

— Да... да... ну, береги себя... я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

— Позвони мне завтра утром, хорошо?

— Хорошо. Спокойной ночи, Джей-Джей.

Она послала ему воздушный поцелуй по телефону, и он отключился.

Он сидел в машине, слушая радио до тех пор, пока на ретрорадиостанции не заиграла «Faded Pictures» Кейса. Грустно улыбаясь, он стал качать головой в такт песне. Девушка, которая ему очень нравилась, когда он учился в школе, Селеста, тоже любила эту песню. После нее они обычно трахались. Он был тогда таким молодым, глупым, сумасшедшим... Дослушав песню до конца, Хантер вышел из машины, закрыл ее и направился к серовато-голубому красивому дому его дедушки и бабушки. Он достал свой ключ, но затем передумал и вместо этого позвонил в звонок.

Они могут спать. Не хочу их пугать.

Тут же в гостиной зажегся свет.

— Фрэнк, кто-то позвонил в дверь.

Он улыбнулся, услышав ее голос.

— Бабушка, это я, Хантер... — сказал он.

— Это Хантер, — повторил дедушка. Мужчина едва мог слышать, но его он слышал очень хорошо. Через пару мгновений дверь открылась, и маленькая старушка улыбнулась ему, сверкая глазами за парой очков с толстыми стеклами.

— Привет бабуль.

— Заходи! Ты мог бы воспользоваться своим ключом, Хантер, — с улыбкой отчитала она его, закрывая дверь и запирая ее. — Проходи и садись! Позволь мне принести тебе чего-нибудь поесть и попить. Рада тебя видеть.

— Бабуль, это не обязательно. Я ненадолго. Я просто хотел сказать вам обоим, что люблю вас. Я хотел сказать, что вы изо всех сил помогали мне, но я не поступал хорошо по отношению к вам. В тюрьме у меня было много времени подумать, особенно в последний раз, и многое произошло с тех пор, как я вышел, что заставило меня понять, что мне нужно... сказать вам обоим, что я прошу прощения за все то дерьмо, через которое я провел вас, когда рос. Не то, чтобы я ничего не понимал. Мне просто было все равно.

Он опустил голову, пытаясь подавить свои эмоции.

— Хантер... — прошептала бабушка.

— Нет, так и есть. Сейчас я это понимаю. Вдобавок к тому, что ваша дочь, моя мать, была убита мужчиной, которого вы приняли в семью, вы пытались воспитать их ребенка, а я почти не проявлял признательности, — они посмотрели друг на друга. — Знаю, что это кажется из ряда вон выходящим, но я так сильно люблю вас обоих... Вы даже не представляете себе, насколько сильно. Теперь у меня есть хорошая работа в казино, как я уже говорил вам, — дедушка кивнул, выглядя довольным. — Я снова боксирую. Происходит много всего... хорошего. Как вы знаете, я встречаюсь с красивой, милой дамой, я уже говорил вам о ней. Моя девушка, Нита — ну, ее зовут Анита, но мы все зовем ее Нитой — подходит мне, не сбивает меня с пути, — бабушка широко улыбнулась. — Она хорошая женщина, гораздо лучше, чем я заслуживаю.

— Мы не можем дожидаться встречи с ней, Хантер, — сказал дедушка, и его улыбка становилась все шире с каждой секундой.

— Я хочу дать тебе это, — сказал он, вытащив свой бумажник. — Я собирался приехать к вам на этих выходных, но не знаю, — пожал он плечами, взясь с кожаными складками, — я работал над машиной, мои мысли метались, и мне просто хотелось увидеть вас прямо сейчас, — он вложил несколько купюр в руку деда. — Я не смогу вернуть вам деньги за всех адвокатов, которых вы нанимали на протяжении многих лет, за ваше время, за все это. Вы потратили почти половину своих сбережений, пытаясь помочь мне, но это хотя бы начало. Я зарабатываю не так много, как хотелось бы, но этого достаточно, чтобы начать возвращать вам понемногу деньги. Каждый месяц вы будете получать от меня немного больше. Это обещание. Вы двое должны быть на Гавайях или еще где-нибудь, наслаждаясь серебряной порой своей жизни. Из-за меня у вас сейчас туго с деньгами, и я не могу позволить вам так жить.

На глазах его бабушки появились слезы, а нижняя губа задрожала.

Он нежно притянул ее к себе и поцеловал в щеку, затем взял дедушку за руку и тоже обнял его.

— Не знаю, что и сказать! — улыбнулся дедушка, а бабушка всхлипнула.

— Не плачь, бабуля, — он снова обнял ее и успокаивающе похлопал по спине. Еще раз поцеловав ее, он направился к входной двери. — Я скоро вернусь. Как я и сказал, я привезу Ниту, чтобы вы могли познакомиться.

Он потянулся к дверной ручке.

— Хантер.

— Да? — он посмотрел через плечо на бабушку.

— Не имеет никакого значения, что ты был занозой в заднице. Мы давно простили тебя. Ты сказал, что осознавал, что делаешь, но это не всегда было так. Я знаю это, я могла смотреть на тебя и видеть, что иногда ты понятия не имел, что делаешь, мальчик. Ты сломался не по своей вине. Ты сделал ужасный выбор в жизни, но мы никогда не винили тебя за это. Твои родители подвели тебя. Мы тоже не безупречны, оглядываясь назад, я понимаю, что в той ситуации мы могли бы поступить немного по-другому. Никто не идеален, но мы старались. Мы не были... мы не были готовы оказать тебе необходимую помощь. Тогда я была достаточно наивна, чтобы верить, что тебе помогут исцелиться только любовь и молитва. Ты слишком много видел... слишком много пережил. Потребовалось бы много времени для того, чтобы ты, наконец, почувствовал себя лучше, но мы знали, что ты того стоишь... ты наш внук... и мы любим тебя! — Когда она говорила, по ее щеке катились слезы. — Мы ценим этот жест, но нам не нужны твои деньги. Фрэнк, верни их ему.

— Что? Черта с два мы их не возьмем! Этот мальчик, благослови тебя Бог, Хантер, не ты разорил нас своим дерьмом! Адвокаты! Поручители! Кредитные офицеры! Полиция была у нашей двери чаще, чем в участке! Мы должны были позволить им спать в комнате для гостей, настолько чертовски часто они приходили. Кроме того, мне нужна новая пара теннисных туфель, и доктор оставил нас без штанов с этой штуковиной от храпа, и что насчет...

— Заткнись, Фрэнк! Верни их ему немедленно. Тебе должно быть стыдно! — рявкнула бабушка, и Хантер подавил смех. — Я пытаюсь сказать нашему внуку кое-что важное! — закончила она торжественно.

— Я не возьму деньги назад, бабушка. Если ты заставишь меня это сделать, то я просто

отправлю их вам по почте.

Дедушка, стоявший рядом с ней, стал считать деньги с широкой улыбкой на лице, словно какая-то рэп-звезда в музыкальном клипе.

— Хантер...

— Да, бабуля?

— Лучший способ отплатить нам, дорогой, — это просто быть счастливым... — она грустно улыбнулась ему. — Все, что нам нужно, это чтобы у тебя было все, что ты хочешь, и чтобы ты, наконец, обрел мир и покой...

— Не думаю, что это хорошая идея, Хантер, — сказала Нита, заклеивая скотчем коробку и радуясь, что осталось совсем немного. Грузовик для переезда должен был подъехать уже через пару часов.

Сегодня я приму здесь последний душ. Не могу в это поверить.

Она грустно улыбнулась.

— Этот бой очень важен, Нита. Я мог бы заработать много денег всего за одну ночь.

— Но это противоречит твоему контракту. Если Джонни узнает об этом, он будет в ярости.

— Это одноразовая сделка. Бой будет проходить в том особняке на бульваре Арден Парк. Я провел исследование и выяснил, кто является владельцем и прочее дерьмо. Специально для этих боев они обустроили территорию, и я уверен, что смогу заработать пятнадцать тысяч долларов. Ублюдки делают большие ставки и любят грязные бои, особенно среди тяжеловесов. Ты знаешь, что мы могли бы сделать с этими деньгами?

— Деньги нам не помогут, если ты умрешь, Хантер.

— Ну, по крайней мере, они оплатят мои похороны.

— Не смешно.

— Ты драматизируешь. Это обычный бой, а не соревнование по поеданию ядовитых змей.

— Что, если они будут относиться к этому словно к какому-то римскому Колизею, варварской херне типа «драться до смерти»? Ты знаешь, что эти сверхбогатые старики тащатся от подобного рода безумного дерьма! Им становится скучно, Хантер, они не знают, что делать со своими деньгами, и начинают покупать странные снафф-фильмы, устраивать вечеринки с «золотым дождем», организовывать женские бои и стравливать бывших заключенных друг с другом ради чистого удовольствия. Ты не животное, но они, вероятно, видят тебя именно такими. словно ты дикарь какой-то! Что, если они заставят тебя драться с маньяком?

— Что, если они заставят меня драться с моим зеркальным отражением? Я разобью его, — она поморщилась от его маленькой шутки и стала заклеивать следующую коробку. — У тебя очень живое воображение... Привнеси побольше его в спальню, — подмигнул он, заставив ее закатить глаза.

— Тиша и Олив уже должны были вернуться. Чтобы купить пончики и кофе в магазине, не нужно много времени, — она фыркнула. — В любом случае, я ничего об этом не знаю, Хантер. Звучит подозрительно.

— Вероятно, так и есть, и я расскажу об этом Джонни, но все равно сделаю это и

получу то, что обещал мне Рикки.

С этими словами он вышел из гостиной на кухню. Как раз в этот момент в ее дверь позвонили.

— Я думал, ты сказала, что грузчиков не будет еще несколько часов? — закричал Хантер.

— Это не они. Лэнс хотел сводить Тишу в кино, — ответила она, ожидая, что Хантер скажет что-нибудь остроумное, но не услышала ни слова.

Теперь Нита была по-настоящему обеспокоена. Подойдя к входной двери, она открыла ее.

— Привет, Лэнс.

Быстро обняв мужчину, она впустила его внутрь.

— Привет, — он расстегнул пальто и широко улыбнулся. — Так вы действительно переезжаете? — Он окинул взглядом коробки. — Рад за вас.

— Ага, переезжаем! Я невероятно этим взволнована! Тиша и Олив скоро придут. Олив может остаться и помочь мне закончить.

— Вообще-то я собрался забрать их обеих, если ты не против.

— Да? Не против. Уверена, что им понравится эта идея. Они как две горошины в стручке.

— Как держится Олив? Я знаю, что для нее все это было невероятно тяжело.

— О, у нее все хорошо, несмотря ни на что. Я горжусь ею.

— Итак, вся эта история с Аризоной... Мы...

Словно жуткая летучая мышь, из кухни тут же выпорхнул Хантер. Большой татуированный мужчина без футболки прислонился к дверному проему, выглядя довольно раздраженным. Возросший уровень тестостерона в помещении практически затопил ее.

— О... эм-м, ты, должно быть, Хантер? — спросил Лэнс, подходя к нему и протягивая руку.

Хантер с дерзкой ухмылкой демонстративно окинул его взглядом с головы до ног, а затем пожал ему руку.

— Да, я Хантер.

Он пожимал руку мужчины слишком долго, и она могла видеть, что Лэнсу было больно, когда ублюдок хорошенько сжал ее.

Я должна была догадаться, что он не собирается вести себя правильно.

— Хантер... Хантер... — сказала она напряженным голосом с натянутой улыбкой на лице. Хантеру потребовалось время, чтобы ослабить хватку и отпустить мужчину, а Лэнс попытался вести себя так, будто ничего не произошло.

— Хантер, думаю, мы с тобой, возможно, начали не с той ноги, возникло явное недоразумение.

— Я все прекрасно понял.

— Нет, видишь ли, мы с Анитой друзья, а не только родители, — сказал Лэнс, улыбнувшись ей, затем снова посмотрел на Хантера. — Мы доверяем друг другу, и я ничего не имел в виду, сказав ей некоторое время назад то, что сказал. Я просто был расстроен, и это вышло наружу. Вот и все. Я очень забочусь об Аните, но никогда бы не поверил, что мы с ней можем воссоединиться как пара.

— Хорошо, — ответил Хантер, мрачно улыбаясь, его глаза превратились в зеленые щелочки. Вытащив сигарету из кармана, он склонил голову набок и прикурил это дерьмо от

серебряной зажигалки. Выпустив дым уголком рта, он ухмыльнулся еще шире. Его злобная ухмылка была из тех, что означают неизбежную катастрофу.

— Хантер, не...

— Все нормально, — подмигнул ей Хантер.

Это конец... Пожалуйста, не дай им начать драку! Мне нужно попытаться разлучить их...

— Нита — хорошая женщина, Лэнс. Я знаю, что у вас двоих есть история. Тебе нравится история? Ну, знаешь, истории о старых местах, старых вещах и мертвых людях?

Лэнс нервно усмехнулся и посмотрел на нее, как бы спрашивая: «Этот ублюдок опасен?»

— Эм-м, да, с историями у меня все в порядке. Итак, эм-м, Тиша сказала мне, что ты работаешь охранником в казино?

— Не-а. Я учусь на офицера службы безопасности. Это две разные вещи, — Хантер потер нос, словно избавляясь от зуда. — И еще я боксер. Я нокаутирую парней ради удовольствия. Это Тиша тебе тоже говорила?

— Да, — ответил Лэнс и, скрестив руки на груди, встал во весь рост, явно отказываясь сдаваться без боя.

Лэнс... не делай этого... ты не хочешь этого делать... Ты серьезен и рассудителен, а Хантер, ну... это Хантер.

— Я знаю карате, Хантер. У меня синий пояс.

— Оу, синий пояс, — Хантер покачал головой, явно испытывая веселье. — Разве это не обычное достижение семиклассников?

Черт.

— Некоторых, не всех. В свое время мне пришлось бросить занятия, но своего сына, ну, пасынка, я тоже вожу на карате.

— Да, карате — это хорошо, Лэнс. Это отличный вид спорта... — между ними повисла неловкая тишина. — Очень жаль, если два кулака прилетят в тебя с космической скоростью, ты, скорее всего, уже будешь валяться в коме, изображая крадущегося тигра в реанимации.

— Хантер, давай перейдем к делу, — Лэнс откашлялся, явно сытый по горло. — Я не знаю, что с тобой происходит, что с тобой такое, но ты стоишь здесь и говоришь всякие вещи в угрожающей манере.

Хантер, изобразив потрясение, указал на себя.

— Кто? Я? Нет, нет, нет, — усмехнулся он. — Я бы никогда не стал угрожать тебе, чувак. Даю тебе обещание.

— Хантер, перестань... — начала Нита.

Лэнс повернулся к ней и поднял руку, чтобы остановить ее.

— Нет, Нита. Этот разговор нужно закончить. Послушай, чувак, меня может разозлить тот факт, что моя бывшая держит моего ребенка рядом с чертовым бывшим заключенным. Я мог бы придать большое значение этому и прочему дерьму, которое слышал о тебе, но я этого не сделал, — сурово заявил Лэнс. — Я доверяю мнению Ниты, но эта ситуация определенно не идеальна. Хотя я хочу мира. Ты нравишься Ла-Тише, и это хорошо, но, честно говоря, я бы не хотел, чтобы моя дочь находилась рядом с тобой. Тем не менее, она сказала, что ты был добр с ней и помог ей. Я знаю, что ты расстроен из-за моих отношений с Нитой, но я не пытаюсь вмешиваться в ее личную жизнь. Я не знал, что у нее есть парень, когда ты услышал наш разговор по телефону... Ну, я знал, что она с кем-то встречалась в то

время, но не знал, что это так серьезно.

— Но ты знал, что у тебя есть жена, верно?

Нита покачала головой и отвернулась.

— Чувак, это не твое дело. Это личное, но да, у меня есть семейные проблемы. Кроме того, я бы никогда не переступил черту.

Хантер закатил глаза.

— Ты сделал это. Единственная причина, по которой дело не пошло дальше, заключается в том, что Нита сказала тебе, что этого не произойдет.

— Я, как и ты, хочу, чтобы Нита была счастлива, так что ради нее и ради нашей дочери давай заключим перемирие?

Хантер, пожав плечами, стряхнул пепел в пепельницу, стоящую на кухонном столе.

— Давай я расскажу тебе кое-что о себе. Я бывший заключенный. Также как и у всех, у меня есть прошлое. У тебя тоже есть прошлое, так что упоминание моего тюремного заключения тебе сейчас не поможет. Нет, тебя не посадили, но ты наделал много грязного дерьма, и, если бы быть дешевым выпендренником было преступлением, ты бы давно сидел в камере смертников.

— Ты сумасшедший сукин сын! Я хочу, чтобы ты знал...

— Остановись! О господи... Хантер... — Нита закатила глаза. — Вам обоим нужно немедленно остановиться. Это нелепо!

— Нита, я просто говорю, что Лэнс упомянул об этом с таким видом, будто делает мне одолжение, терпя меня. Тиша может быть обеспокоена знанием того, что сделал ее дорогой папочка, так что не пытайся представить себя каким-то честным гражданином, когда мы все облажались в этой жизни. И когда мы должны за это отвечать, то, что я был за решеткой, а ты — в чужих трусиках, не делает тебя лучше меня, ясно? Синий пояс! Ну, надо же? Смех, да и только!

Стиснув зубы, Хантер прошел мимо Лэнса, двигаясь так, словно собирался врезаться в него. Вместо этого он просто направился к лестнице и затопал по ней наверх.

Напряжение в воздухе было таким плотным, что его можно было резать ножом. Нита сцепила руки, и ее бывший пожал плечами.

— Он — настоящее сокровище, — фыркнул Лэнс, а затем мрачно рассмеялся. — Парень до него был ненамного лучше. Черт, Нита, что ты в нем нашла?

— Много чего, Лэнс. Я многое чего нашла в нем.

— Но он головорез. Белый головорез, ко всему прочему. Кажется, Тиша считает его фантастическим! Не понимаю, почему.

— Он действительно такой. Он умен, изобретателен и имеет большое сердце. Он слишком остро отреагировал, но ты просто зацепил его сам.

— Как ты можешь так говорить? Он весь в гребаных татуировках!

— Перестань, Лэнс, — улыбнулась Тиша. — Ты же тоже его подстрекал. И ты знал, что делаешь. Вы двое устроили соревнование на самый длинный член, но, по крайней мере, с этим покончено, — мужчина фыркнул. — Вы оба хорошие люди, просто разные. Я знаю Хантера. На этом все закончилось — он высказался и теперь может двигаться дальше. В любом случае, присаживайся. Давай, я принесу тебе что-нибудь выпить. Лимонад подойдет?

— О, я обожаю твой лимонад, спасибо.

Как только она ушла на кухню, в парадную дверь ворвались Олив и Тиша.

— О, привет, папа, — сказала Тиша, поцеловав отца в щеку.

— Привет детка. Ты готова ехать? Фильм скоро начнется. Олив, хочешь поехать с нами?

— Да, конечно! Спасибо!

— Вот твои пончики, мама.

— Спасибо, — вернувшись из кухни, Нита взяла пакет из рук дочери и кофе из рук

Олив. — Иди и возьми свою сумку, Тиша, а утром мы с Хантером заберем тебя и отвезем в новый дом. К тому времени ваши кровати будут уже собраны. Олив, собери вещи на ночь, раз ты тоже едешь.

— Хорошо!

Девочки поднялись наверх, и снова стало тихо.

— Нита, — Лэнс последовал за ней на кухню. — Я рад, что у тебя появился новый дом в хорошем районе города, с хорошей школьной системой. Несмотря на то, что Тиша почти закончила школу, это все равно сделает ее выпускной год еще более особенным. Я серьезно. Это здорово. Я очень, очень рад за тебя.

— Я знаю это.

Достав из холодильника кувшин с лимонадом, она стала наливать его ему в стакан.

— Несмотря на ссору, которая у нас с ним вышла, я могу сказать, что Хантер — счастливчик. Я говорю это не потому, что хочу того, что теперь принадлежит ему, а потому, что ценю то, как далеко мы оба продвинулись.

Она протянула ему лимонад, и, пока он пил его, она сморгнула слезы благодарности.

— Спасибо, Лэнс.

— Ах, как трогательно! — за этими словами последовали медленные аплодисменты Хантера. Звук доносился издали, как будто он был на вершине ступенек. — Так я белый головорез, да?

— Верно! Я сказал именно это! — закричал Лэнс, теперь его глаза сверкали от ярости.

— У тебя до сих пор синий пояс по каратэ! Слово это то, чем можно хвастаться. Второсортный, низкопробный клоун!

— Угадай, кому не приходилось беспокоиться о том, чтобы не уронить мыло, и у кого никогда не было инспектора по надзору? — усмехнулся Лэнс.

Все, что могла сделать Нита, — это закатить глаза и плюхнуться в кресло, потирая виски, мигрень вырвалась наружу.

— Конечно, ты не ронял мыло. Ты наклонялся по своей воле, и эй, чувак... Ага... пей лимонад. Он хорош, не так ли? В нем есть дополнительный ингредиент. Тебе нравится это острое послевкусие? Я помочился в него!

Лэнс, поднявший до этого стакан к губам и сделавший глоток, тут же с отвращением выплюнул лимонад, а его лицо покраснело как свекла.

— Хааантер!

...Несколько дней спустя

— Ты действительно так думаешь?

Нита наполнила посудомоечную машину стаканами, которые и так уже были отмыты до совершенства в старом доме. Она не могла удержаться, у нее не было посудомоечной машины с тех пор, как она жила в доме своих родителей.

— Почему бы и нет, черт возьми? Они уже много раз заставляли тебя выполнять управленческую работу, когда босса не было на месте, и ты прекрасно с ней справлялась. Ты соответствуешь требованиям, ведь так?

— Ну, у меня есть степень младшего специалиста в области делового администрирования, и я прошла те бесплатные онлайн-курсы пару месяцев назад, но я хочу вернуться в колледж и получить еще одну степень. Я думала об этом много лет.

— Вперед. Ты уже так давно работаешь там, что практически все умеешь делать. Ты постоянно на подхвате, и тебя все любят. Я увидел это, когда пришел за тобой на обед. Иди за мечтой, детка.

Хантер поискал подходящее место, чтобы поставить коробку с папками, которые она собрала, и остановился на запасной спальне. Он работал по ночам, но весь день посвящал переезду. В кабинет ожидалась доставка мебели, и он пока не хотел ничего там ставить. Вернувшись, он тяжело вздохнул и провел рукой по своему голому плечу.

— Что случилось? С тобой все в порядке?

— Умираю от жажды. Есть что-нибудь выпить?

Она покачала головой, ухмыляясь.

— Как насчет лимонада с каплей мочи? Разве это не звучит вкусно?

— Просто дезинформация, — пожал он плечами.

— Ты знаешь, что был в корне не прав, — сказала она, разрезая еще одну коробку ножницами.

— И он был в корне не прав, назвав меня головорезом. В любом случае, это было несколько дней назад, — отмахнулся он от нее.

— Забавно, когда ты делаешь что-то, ты хочешь, чтобы об этом забыли, Хантер, но, когда кто-то что-то делает с тобой, он должен слышать об этом вечно.

— Что ты имеешь в виду?

Ните хотелось швырнуть в него чем-нибудь, пока он выходил из комнаты и спускался по ступенькам вниз чтобы, вероятно, разобрать коробку с продуктами на кухне. Хантер солгал о том, что так поступил с охлажденным напитком, чтобы вывести Лэнса из себя, и это сработало.

Нита собиралась уже открыть следующую коробку, но смех Тиши на их новом заднем дворе заставил ее остановиться. Подойдя к окну и отдернув шторы, она выглянула наружу и увидела, как ее дочь прохаживается по лужайке с мобильным телефону, разговаривая с какой-то подругой. Олив была на ярмарке вакансий, чтобы найти себе летнюю подработку. Она надеялась, что этим вечером они все съедят пиццу и сыграют в карты — что-нибудь, чтобы расслабиться после нескольких напряженных дней переезда.

Я буду скучать по этому... Осталось так мало времени. Когда они рядом со мной, я

чувствую себя наполненной.

Ее накрыла волна печали, и не только потому, что девочки вот-вот должны были покинуть семейное гнездо.

Она предполагала, что Хантер захочет переехать к ним. Возможно, не сразу, но таков был план. Однако она ошиблась. Он этого не сделал. Он недвусмысленно сказал ей, что это ее дом, а потом добавил: «Я все равно здесь все время. Ты не заметишь разницы». Но она не была уверена, что думает по этому поводу.

Какой мужчина купит женщине дом, причем хороший дом, а потом не захочет жить с ней в нем?

У него был еще кто-то на стороне? Чувство страха наполняло ее. Она ни в коем случае не была неуверенной в себе женщиной, но это было совершенно новой для нее территорией. Она была безнадежно влюблена в этого мужчину несмотря на то, что временами он нажимал на ее больные точки. Тем не менее, Хантер не производил впечатления изменщика, впрочем, такого впечатления на свою вторую половинку не производило большинство успешных изменщиков. Снова появившись в дверном проеме, Хантер прислонился к дверному косяку, отрывая ее от размышлений.

— Только что получил сообщение из мебельного на пятой авеню. Они будут здесь через час.

Нита кивнула, отгоняя свои мысли подальше, но было слишком поздно. Должно быть, он уловил ее энергию как паук — попавшую в сеть бабочку, чувствуя паническое трепыхание ее крылышек.

— Что-то не так? — спросил он, сделав большой глоток воды из бутылки.

— Хантер, ты считаешь себя верным человеком? — поинтересовалась она, разрезая очередную коробку и доставая из нее сложенные футболки, чтобы потом сложить их в комод своей спальни.

Мужчина склонил голову набок и, изогнув бровь, сделал еще один глоток воды.

— Сейчас или раньше?

— В целом.

Он задумался, и пока он обдумывал ее вопрос, она продолжила заниматься своими делами. Через несколько мгновений он нарушил молчание.

— Иногда я изменял девушкам, с которыми встречался, а иногда был верен.

— Что заставило тебя изменять им? — спросила она, бросив на него взгляд через плечо.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Разные причины, думаю.

— Это было из-за них или из-за тебя?

— Не всегда это было из-за них. Я имею в виду, дерьмо, что был молод.

— Значит, скажем, за последние пять или шесть лет ты никому не изменял?

— Эм-м, если ты помнишь, в последний раз я сидел в тюрьме четыре года, и волосатая задница другого мужчины меня не интересуется, так что нет, — поморщившись, она покачала головой. — Ну, давай посмотрим... Последняя женщина, с которой я был... Нет, я ей не изменял. Мы с ней были вместе какое-то время. Женщина перед ней... Да, был такой инцидент.

— Инцидент? Так это теперь называется? — спросила она, закатив глаза.

— К чему все эти расспросы, Нита?

— Я пытаюсь выяснить модель поведения, вот и все.

Допив воду, Хантер выбросил бутылку в маленькое мусорное ведро.

— Мне кажется, ты пытаешься спровоцировать ссору.

— Нет, не пытаюсь!

— Нита, ты создала что-то в своей голове и теперь хочешь, чтобы я сыграл в эту маленькую игру разума. Я был здесь буквально пять минут назад, — он указал на дверной проем, — и ты улыбалась. Я вернулся, а ты ведешь себя так, будто я украл твое печенье. Мужчины изменяют, Нита. Черт. Что ты хочешь, чтобы я сказал? — закатив глаза, она схватила еще одну футболку и положила ее в ящик комода. — Мы делаем это. Я никогда не говорил, что это дерьмо правильное, но большинство из нас хотя бы раз изменили своей девушке или жене. Возможно, это был просто оральный секс, но это все равно случилось, и я никогда не говорил, что это правильно.

— Однако ты считаешь это чем-то само собой разумеющимся.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Ты не услышала от меня ни слова, оправдывающего это. Я даже не виню в этом своих бывших, хотя одна из них мне тоже изменяла. И это была та, которую я любил больше всего... которая получала от меня весь спектр любви.

Нита кивнула, вспомнив его слова о том, что, по его мнению, у любви есть спектр. Дело в том, что она никогда не ожидала, что влюбится в этого мужчину. Она ожидала, что пойдет с ним на каток, хорошо проведет время и позволит ему помочь Олив с ее отцом. А потом он исчезнет.

Она понятия не имела, что он не только понравится ей, и что они будут встречаться снова и снова, но вскоре она почувствует к нему обожание и привязанность. Она никогда не относилась к мужчинам так, как к Хантеру, и поначалу, должна была признать, ей было неловко. Нита никогда раньше не встречалась с белым мужчиной, но он заставлял ее чувствовать себя так непринужденно... И вскоре она поняла, что влюбилась не в цвет кожи или расу. Она влюбилась в душу. Он так хорошо с ней обращался, так хорошо ладил с ее девочками, был таким любящим и внимательным, несмотря на наличие в нем «острых углов».

— Ты думаешь, что однажды изменивший останется изменщиком на всю жизнь, Нита? — он скрестил руки. — Это то, о чем идет речь?

— Честно говоря, я не знаю, Хантер.

Схватив кипу носков, она положила их в комод.

— Я не верю, что, когда ты достигнешь определенного возраста, у тебя будет достаточно жизненного опыта и ты встретишь нужного человека, ты будешь продолжать вести себя так. Я думаю, что люди могут расти над собой, если хотят этого. Я не имею против тебя того, что со мной сделала другая женщина. Моя бывшая, изменившая мне, сама решила это сделать. Точно так же, как мое решение изменить было только моим. Перестать изменять и быть только с одной женщиной — это самостоятельный выбор. Я сделал этот выбор. С тобой, — сказал он, медленно закрывая дверь.

— Правда? Почему ты почувствовал в этом необходимость?

— Потому что, как я объяснял своему другу в свой день рождения, каждый человек растет и развивается со своей скоростью. Но когда ты приходишь до этой точки, когда бы это ни произошло, до финишной черты своей зрелости в отношении подобного дерьма, ты понимаешь, что никто не стоит того, чтобы ваши отношения разрушились, никто не может соблазнить тебя выбросить все ради одной ночи удовольствия.

Хантер подошел к ней сзади, и Нита вздрогнула, когда он обнял ее. Она почувствовала

его теплое дыхание, ласкающее ее шею, когда его рот заскользил по чувствительной плоти.

— Ты когда-нибудь изменяла парню? — спросил он, продолжая целовать ее и крепче прижимая к себе.

— Нет.

— А когда-нибудь думала об этом?

Она заколебалась.

— Нет, — ответила она, судорожно сглотнув.

— Позволь мне сказать тебе кое-что, Нита... — выпрямившись, он посмотрел ей в глаза. — Я не знаю, что побудило тебя спросить меня об этом прямо сейчас, да и на самом деле это не имеет значения. Мне нужно, чтобы ты знала, что теперь я нашел тебя, — он покачал головой и улыбнулся. — И мне больше никто не нужен, — она улыбнулась в ответ. — Зачем мне трахать кучу разных женщин, когда я могу трахнуть тебя кучей разных способов?

Она завизжала, когда он, подхватив ее на руки, усадил на комод. В мгновение ока он стянул через голову ее футболку, а затем спустил вниз ее темно-серые штаны для йоги. Напряженность в его глазах заставила ее ахнуть. Отодвинув ее красные трусики в сторону, но не сняв их, он стянул джинсы и боксеры чуть ниже бедер, обнажая свой толстый, длинный член.

Одной рукой сжимая ее задницу, а другой обхватив свою длину у основания, он скользнул в нее и не останавливался до тех пор, пока не вошел в нее до упора. Комод трясся под ней, когда он наносил быстрые короткие толчки, заставляя ее разлетаться на куски от удовольствия. Обхватив его ногами, Нита прижала его к себе ближе, ахая, пока Хантер двигался внутри нее, как эксперт, коим он и был. Все, что она могла слышать, это его тяжелое дыхание, грохот комода, щебетание птиц снаружи и любовь, которую она чувствовала к нему. Приподняв ее подбородок, он засосал в свой рот ее нижнюю губу. Скользнув языком внутрь, он стал целовать ее глубоко и основательно, не замедляя своих толчков. Теперь он схватил ее за задницу обеими руками, направляя ее навстречу каждому своему мощному толчку.

— Ммм, да... возьми этот член, детка...

Она задрожала, и ее внутренние мышцы напряглись, когда он погладил ее клитор, осыпая ее грудь поцелуями.

— Черт... — дернувшись, она кончила, дрожа в его объятиях.

Без предупреждения он вышел из нее и развернул лицом к комоду, заставив встать на цыпочки. Она почувствовала его руки на своих икрах, затем на бедрах. Влажность, тепло...

— Черт! — застонала Нита, когда Хантер, отведя ее трусики в сторону, провел языком по тугому кольцу ее задницы, массируя ее грудь поверх лифчика. Скользнув рукой вниз по ее животу, он стал играть с ее киской, поглаживая ее, одновременно языком трахая ее задницу, все быстрее и быстрее, пока ее, наконец, не настиг мощный оргазм.

— Тебе нравится, когда твою задницу вылизывают и играют с ней, детка?

— Да!

— Я как раз подходящий для этого, мерзкий ублюдок, и мне нравится вылизывать каждую дырочку в твоем теле... и я весь твой. Навсегда.

Его низкий голос отозвался во всем ее теле, и она почувствовала, как большая головка его члена медленно скользнула в ее попку...

— Черт! Что ты... что ты делаешь?!

— А на что это, по-твоему, похоже? Я трахаю свою женщину в задницу... — хмыкнул он, двигаясь медленно и осторожно покачивая бедрами взад и вперед. Ублюдох почувствовал, как она напряглась, и остановился. — Расслабляйся, — сказал он властным, но в то же время успокаивающим тоном. — Подумай обо всем том дерьме, которое мы сделали, обо всем, что я сделал с тобой... о вещах, которые, как ты думала, тебе не понравятся, но они тебе понравились. Я не собираюсь причинять тебе боль.

Она напряглась, когда он вошел в нее еще немного.

— Ммм, детка! Твоя задница такая чертовски тугая!

Он входил в нее медленно. Нита не знала, насколько далеко он вошел, но в какой-то момент боль начала превращаться в удовольствие, когда он погладил ее киску и поцеловал ее спину. У нее не было анального секса много лет, и даже тогда это было всего пару раз. Определенно не ее фишка. Но с Хантером... черт, с ним это было по-другому. Как и все с ним. Его прикосновения дарили неземное удовольствие, его поцелуи были божественными, его член входил и выходил из ее задницы, заставляя Ниту чувствовать себя грязной и прекрасной одновременно.

— Тебе нравится, как я заставляю тебя чувствовать себя, детка? — прошептал он, держа за ее бедро одной рукой и работая с ее киской другой.

Прежде чем она успела ответить, он ввел в ее киску палец, и тело Ниты охватила эйфория. Его палец трахал ее киску, а член пульсировал в ее прямой кишке. Оргазм с головы до ног охватил ее. Она начала падать, и он поймал ее, обвив рукой за талию и удерживая неподвижно до тех пор, пока она не перестала дрожать. Через несколько мгновений он выскользнул из нее и, не сказав больше ни слова, направился в ее ванную комнату. Услышав, как включилась вода, Нита воспользовалась этим временем, чтобы попытаться привести волосы на голове в порядок, а затем снова надеть штаны.

Я вымоюсь после того, как он выйдет.

Подойдя к окну, она выглянула в него. Тиша все еще разговаривала по телефону, сидя на железной скамейке, оставшейся от прежних хозяев. Пару минут спустя Хантер открыл дверь ванной и вышел, его член все еще был тверд, как камень, и подпрыгивал, багровый и готовый.

— Почему ты снова в штанах? — спросил он раздраженно.

— Ну, ты пошел в ванную, так что я...

— Чтобы помыть свой член! — сказал он, как будто это было очевидно. — Это не шоу одной женщины! Я еще не кончил... Ты эгоистка, — сказал он, заставив ее рассмеяться.

— Эгоистка?!

— Ты кончила как минимум дважды, а как насчет меня? Я хочу покрасить эту киску в белый цвет. Иди сюда.

Схватив, он швырнул ее на новый матрас, который все еще был обтянут полиэтиленовой пленкой. Нита хихикнула, когда он оседлал ее, стянул с нее штаны и отшвырнул их в другой конец комнаты. Она схватилась за его запястья, когда Хантер буквально вонзился в нее, проникая так чертовски глубоко, что она чувствовала его толчки у себя в животе. Они ахали и стонали, двигаясь навстречу друг другу, ненасытные и жаждущие... жадные друг до друга. Ее сердце забилось быстрее, когда он потянулся к ее горлу и крепко сжал его, продолжая жестко трахать ее. Полиэтилен под ними скрипел и трещал, и Нита наслаждалась тем, как властно он держал ее, прижимая к матрасу, заставляя принимать его в себя. Всего его. Она подавалась навстречу его мощным толчкам, чувствуя, как ее стенки сжимаются и

пульсируют вокруг него. Ослабив хватку на ее шее, Хантер одарил ее требовательным поцелуем.

Со стоном она кончила снова, затем закричала, когда он продолжил безжалостно врезаться в нее снова и снова... Взревев словно лев, он укусил ее за шею, продолжая вдавливать в нее. Звук его яиц, шлепающих о ее киску, отдавался эхом, или, возможно, это было лишь в ее голове. Все звуки сейчас казались резкими и громкими... Нита держалась за него, принимая его мощные толчки, сжимая его своими внутренними стенками, пытаясь осушить досуха.

— Кончай, детка! Я хочу каждую твою каплю! Каждую гребаную каплю! — молила она, пристрастившись к нему... ненавидя и любя себя за то, что так жаждала его. Этот сукин сын хвастался своей сексуальной доблестью, но он снова и снова доказывал, что все, что он говорил, было правдой.

Быстро выйдя из нее, Хантер схватил в руку свой член, блестящий от ее соков, и передернул его, орошая ее живот своими теплыми сливками. Он стонал и рычал, кончая на нее, а затем быстро запихнул покрытого венами монстра обратно в свои боксеры, в которых тот едва помещался в вертикальном положении...

— Я слышал подъехавшую машину. Должно быть, это мебельщики, — сказал он, быстро вставая на ноги. После того, как помог ей подняться, он пошел в ванную и вымыл руки, и действительно, менее чем через минуту раздался звонок в дверь.

— У тебя отличный слух. Я ничего не слышала.

Чмокнув ее в губы, он направился к двери.

— Я впусти их и покажу, куда поставить стол и все остальное после того, как удостоверюсь, что они привезли все, что мы заказали, — Нита кивнула

Затем он закрыл за собой дверь ее спальни, а она пошла в ванную, чтобы привести себя в порядок. Вскоре она услышала приглушенные мужские голоса. Нита изучала свою великолепную светлую спальню со сводчатым потолком, чувствуя, что ее мозг был словно в тумане. В один момент она чувствовала неуверенность по поводу этого мужчины, а в следующий он утопил ее в безграничной любви, подарив уверенность в том, что она для него одна в целом свете.

Она опустила взгляд и улыбнулась. Я благословлена, но в моей жизни было несколько неприятных моментов. Доверие дается мне нелегко. Оно должно быть заработано. Нита стала жертвой измены мужчины, которого любила несколько лет назад, а до этого еще одного. Это было чертовски больно, и весь этот опыт оставил ее немного измученной. Мало того, денег всегда не хватало, но она отказывалась брать что-либо у родителей. У них был фиксированный доход, поэтому, когда они предлагали помощь, Нита всегда делала вид, что у нее все под контролем.

С Хантером всех этих проблем не существовало, но Нита просто не привыкла к такому. Ей было трудно принять то, что кто-то настолько неидеальный может обращаться так идеально с ней...

Это был не первый раз, когда она задавала ему вопросы, но это должно было прекратиться. Он не сделал ничего, что могло бы вызвать у нее подозрения, теперь Нита понимала это.

Я просто влюблена в него. Мысль о том, что это не работает, заставляет мою голову и сердце болеть. Он смешной и чертовски сексуальный! Он хорошо ладит с детьми. Было здорово наблюдать, как на Рождество он играл со всеми детьми моей семьи. Он

превратился в большого ребенка. Есть что-то милое в парне, который хорошо ладит с молодежью. Он помогает мне с моими счетами, хотя я никогда не прошу его об этом. Черт, этот человек купил мне великолепный дом, который собирается усовершенствовать и сделать еще лучше. С Хантером легко общаться несмотря на то, что он временами закрывается. Даже в такие моменты я все еще чувствую, что могу рассказать ему все, что угодно, и у него всегда есть интересная точка зрения. Тиша и Олив обожают его, как и мои родители. Мне просто нужно перестать пытаться найти крошечную прореху в ткани, а надеть эту одежду и носить ее с гордостью...

— Детка! — крикнул он с первого этажа, выдергивая ее из мыслей.

— Что случилось, Хантер? — спросила она, выйдя в коридор и перегнувшись через перила.

— Они сказали, что кресло, которое мы заказали, было в резерве, и они не знали об этом до сегодняшнего утра. Но они привезли более новую модель, которая почти такая же, только стоит примерно на сорок долларов больше. Ты согласна на это? Они сказали, что скинут десять долларов за неудобства. Я сказал им, что все в порядке, но, наверное, должен был сначала спросить тебя.

— Да, все в порядке. Я оплачу разницу.

— Нет, я позаботился об этом, Нита. Просто хотел перепроверить.

Он вернулся к разговору с одним из парней, как обычно, управляя на микроуровне и командуя всеми вокруг. Она улыбнулась ему, все еще ощущая его запах на своей коже, на всем своем теле. Ее киска и задница продолжали пульсировать от его вторжения, и она любила каждую частичку его богатого, мужского, землистого аромата и то, как он заставлял ее тело покалывать.

Тиран... ты невероятен...

Мой брат сказал мне, что я не знаю ни сострадания, ни компромисса. Я просто притворяюсь, что знаю, чтобы получить то, что хочу. Джастин сказал мне это однажды, когда мы поссорились, когда я еще сидел в тюрьме. Я никогда не забывал этих его слов. Джастин склонен к проявлению сильных эмоций, но я люблю своего брата. Он хороший человек. Я не виню его за то, что сделал наш отец. Он не имел к этому никакого отношения. По большому счету, я не могу сказать, что он ошибался, говоря о том, что я хладнокровен и безжалостен, хотя говорил он это в запале. Я признаю это, но проблема в том, что мне на это просто наплевать.

Некоторые обвиняли меня в садизме, в том, что я получаю удовольствие от причинения боли. Так и есть. Но это происходит только на боксерском ринге или когда кто-то пытается наколоть меня.

Нита. Все, что я хочу делать по отношению к ней, это защищать, любить и трахать. Сидя здесь и наблюдая за тем, как моя девушка смеется и разговаривает с моими бабушкой и дедушкой, я думаю о том, как бы забрать ее куда-нибудь и хорошенько оттрахать. Это потому, что она переоделась в машине, опасаясь, что не произведет на них хорошего впечатления своей блузкой с глубоким вырезом. Подъехав к бордюру, я наблюдал, как она достает из сумки и надевает более консервативную рубашку. Она даже сменила лифчик... Потребовалась вся моя сила воли, чтобы сдержаться и не схватить одну из этих больших мягких сисек и не припасть к ней ртом. На самом деле я часто думаю о том, чтобы

трахнуть ее несмотря на то, что у нас довольно активная половая жизнь.

У нее такие большие сочные соски, которые ощущаются на моем языке как виноградины. Я жаден, когда дело доходит до нее. Она сексуальна... у нее потрясающее тело, она хорошо пахнет, хорошо выглядит. Она подходит для меня. Я не чувствую себя напряженным, когда нахожусь рядом с ней. Она не употребляет наркотики и не пьет слишком много. Я чувствую, что могу дышать, когда она со мной. Хотя я ревную и ненавижу это, но ничего не могу с собой поделать. Мне не нравится, когда парни разглядывают ее, когда мы вместе, но, в то же время, я бы не хотел кого-то, кого никто не хочет. Вдобавок ко всему, я знаю, что ее бывший все еще любит ее. Чертов болван. Я уверен в себе, не поймите меня неправильно, но он из тех парней, на которых западают многие женщины: он симпатичный, образованный, правильно изъясняется. У него хорошая машина и дом, просто он был очень молод, когда они с Нитой были вместе. Они были первой любовью друг друга, а такое невозможно забыть.

Возможно, он не влюблен в нее, но кому может не нравиться Нита? Она просто потрясающая. Она понятия не имеет, как привязала меня к себе. Я бессилен, когда дело доходит до нее. Она независимая женщина, но поклоняется мне в постели... Подчиняется сексуально. И это то, что мне нужно. Это то, что я хочу. И мне хочется разорвать ради нее весь мир, если она попросит меня об этом.

Я люблю доминировать над Нитой в постели. Она становится все более и более открытой ко всему новому. Она никогда не была ханжой, но поначалу была слишком сдержанной. Теперь она плывет по течению. Я диктую условия, когда дело доходит до секса. Я агрессор. Что мне нравится, так это заставлять ее выкрикивать мое имя, терять контроль... возможно, даже немного бояться того, что я могу сделать дальше. Она говорит мне, когда я злюсь, мое настроение становится непредсказуемым. Но разве само это не является предсказуемым? Самое главное, несмотря ни на что, она может положиться на меня.

Я могу чувствовать то, что, черт подери, хочу чувствовать, это мое личное дело, но не позволю этому разрушить мои решения сейчас. Когда я говорю ей, что собираюсь что-то сделать, я делаю это. Я хочу эту женщину. Я пообещал, что в некоторых вопросах постараюсь пойти на уступки. Она считает меня упрямым, смелым и сосредоточенным, и я именно такой. Но она знает, что я не тот человек, который любит говорить об эмоциях... о том, что я чувствую. Я буду прокручивать это в своей голове, но никогда не произнесу вслух. Я ненавижу слабость, но не против приободрить людей, которых люблю, когда они падают духом. Нита знает, что я такой, и это не значит, что мне все равно, на самом деле все как раз наоборот.

На ее жизнь выпало достаточно разочарований. Вот почему это так страшно. Я имею в виду, было много мужчин, которые хотели мою девушку до того, как она встретила меня. Нита какое-то время зареклась иметь какие-либо отношения после последнего парня, с которым была, решив соблюдать целибат. И вот она здесь, с двумя людьми, которых я люблю больше всего на свете, и понятия не имеет, что это последний шаг к чему-то большему...

Нет, я не покупал ей этот чертов дом, чтобы она жила в нем только с Тишей и Олив. Хотя это то, что я ей сказал. Мне пришлось так сделать. Не думаю, что сейчас подходящее время для того, чтобы переехать к ней, но со всем, что случилось с Ноем, и с прочим дерьмом я просто хотел, чтобы они начали новую жизнь. Но я всегда присутствую

в этом уравнении. Я делаю такие вещи не только по доброте душевной. Я хочу чего-то взамен. Чаще всего это просто признательность, но на этот раз это намного больше. Тем не менее, я хотел сделать это правильно, понимаете? У меня есть план...

— О, ты был таким милым! Только посмотрите на эти большие зеленые глаза! — взвизгнула Нита, вырывая его из раздумий.

— Бабушка, не показывай ей эти старые фотографии. Ну же.

Но старушка вынимала все новые и новые фотоальбомы и шлепала их на кофейный столик. У всех были полные животы после обильного ужина из запеченной курицы и пельменей.

— Тихо, Хантер. Нита хочет их видеть! — улыбнулась она и перелистнула альбом на следующую страницу. — О да, это наша дочь Хизер в больнице с Хантером. Она вот-вот родит. Ей было так больно, но она отказывалась от любых лекарств и все равно была так счастлива.

— О, Хантер, твоя мама была такой красавицей.

— Разве не так? Просто великолепной. Еще она была невероятно изящной, Нита, сложенной как танцовщица, — гордо сказала бабушка. — Никто не мог сказать, что она беременна, до последнего месяца ее беременности. Она была так рада, что у нее будет ребенок!

Бабушка перевернула страницу, и на следующей фотографии он увидел своих родителей, держащих его на руках. Ему было не больше пары дней от роду.

— Это отец Хантера, — быстро сказала бабушка и перелистнула страницу. — О! Это его девятый день рождения! Ему подарили велосипед!

Хантер стиснул зубы и отвернулся. Все вокруг смеялись, веселились, кроме него.

— Хантер, — услышал он хриплый голос дедушки. — Пойдем, выйдем со мной на крыльцо. Позволим дамам немного побыть наедине.

Хантер встал и последовал за стариком. Передняя сетчатая дверь ударилась о раму. Дедушка вытащил сигару из маленького жестяного контейнера и дал ему другую. Сначала он подкурил свою, затем дал подкурить Хантеру. Они стояли там, курили и молчали, глядя на двор перед туговыми деревьями. Хантер грустно улыбнулся, вспомнив, как любил есть их плоды, настолько, что иногда у него ужасно болел живот. Дедушка рассмеялся, закашлялся, потом снова засмеялся.

— Что? — с улыбкой спросил Хантер.

— Понятия не имел, что тебе нравятся черные женщины. Не пойми меня неправильно, она милая, но я просто удивился, когда вы двое вошли сюда.

— Да? Я встречался с некоторыми... Если я нахожу кого-то привлекательным, это все, что имеет для меня значение. Раса и цвет кожи не имеют никакого значения, независимо от мнения некоторых людей, с которыми я тусовался в детстве.

Дедушка понимающе кивнул.

— Мы никогда не воспитывали тебя таким образом. Это не по-христиански. Люди есть люди. Когда я работал в «Дженерал Моторс», там было много черных парней, которые были хорошими людьми. Не пойми меня неправильно, я достаточно честен с собой, чтобы признать, что у меня есть предубеждения и я говорил вещи, которые мне не следовало говорить. Но я никогда не хотел, чтобы что-то такое передалось тебе. Во всяком случае, она кажется очень милой леди.

— Так и есть. Еще она умная... и находчивая. Я пытался убедить ее пойти на

руководящую работу в своей компании. Поощрял ее. Она может это сделать.

— Я рад, что она есть у тебя. Она определенно кажется здравомыслящим человеком, в отличие от той глупой девчонки, которую ты однажды привел. Мусор! — дедушка хмыкнул, а затем фыркнул от отвращения.

Хантер выпустил дым и усмехнулся.

— Теперь ты говоришь как бабушка, всегда называющая людей мусором. Ты знаешь, что некоторые люди тоже называют меня мусором?

Дедушка пожал плечами.

— Ты не мусор. Ты боец. Они не знают, что с тобой случилось... Мы знаем, — голос дедушки дрогнул, когда он отвернулся. — Итак, я слышал, что ты разговаривал с этим мальчиком. Джастин.

— Моим братом... да.

— Да, с ним, — дедушка сделал еще одну затяжку и уставился перед собой. — Хантер, я знаю, что ты не любишь говорить о том, что произошло, поэтому не собираюсь поднимать эту тему, но должен сказать тебе, что твой отец шпионил здесь.

Хантер повернулся к дедушке, его кровь застыла в жилах. Он был в секундах от того, чтобы впасть в ярость.

— Мой отец? Он все еще в тюрьме. Ты имеешь в виду звонки?

— Да, звонки и, эм-м, еще письма. Мы устали от этого. Он знает, что ты здесь больше не живешь, но умоляет нас передать тебе, чтобы ты позвонил ему.

— Он просил и Джастина, чтобы тот уговорил меня поговорить с ним. Я отказался. Я хочу, чтобы он просто оставил меня в покое. Он должен перестать звонить и писать вам. Я собираюсь положить этому конец.

— Я не знаю, что происходит, — дедушка пожал плечами. — Возможно, он болен или что-то в этом роде. Однако он стоил нам очень много нервов. Очень много! — закончил дедушка дрожащим голосом.

Хантер похлопал дедушку по спине, и с этого момента они просто наслаждались ветерком. Была еще зима, но весна уже давала о себе знать. На деревьях появлялись почки, и воздух наполнялся сладким ароматом. Когда они вернулись внутрь, Нита и бабушка сидели рядом, все еще листая фотоальбомы. Дедушка проскользнул мимо него в ванную, а он просто прислонился к стене. Нита на мгновение посмотрела на него и улыбнулась. Он подмигнул ей. Когда она сидела там с его бабушкой, рассматривая его детские фотографии, он представил, как однажды она сделает то же самое, показывая фотографии их дочери или сына его бабушке и дедушке. Какая прекрасная фантазия...

«Dr. Feelgood» МотлиКрю громко звучал из динамиков закрытого стадиона. Толстые стальные цепи, висевшие вокруг, словно дребезжащие занавески, звенели при малейшем прикосновении и заставляли его чувствовать себя скорее животным, запертым в клетке.

Тюрьма.

Поток беспорядочных воспоминаний захлестнул его мозг. Но нет, эти цепи символизировали свободу. Они раскачивались взад и вперед, распевая песни железного освобождения. Его новый менеджер по боксу, материализовавшийся рядом с ним, ободряюще похлопал его по спине и ушел.

Когда заиграла музыка, он снова сосредоточился на цепях, которые, качаясь, словно лианы на деревьях в джунглях, свисали с арочного дверного проема, в котором были ключи от его будущего. Люди в зале кричали и размахивали флагами. Некоторые, несомненно, были нетрезвыми и просто подначивали окружающих. Огромная толпа, вскочив на ноги, ревела и аплодировала, когда его противник в атласных красных боксерских шортах с белыми полосами по бокам, стоя на ринге, устроил шутовское шоу. Хантер сделал шаг назад, оставаясь окутанным тьмой за завесой из цепей. Коричневое полотенце на голове собирало пот.

Его противник в супертяжелом весе, двухметровый уроженец Детройта по имени Джеймс Джокер, известный своими ложными замахами, быстрыми ударами и глупыми выходками, в данный момент подпрыгивал, словно мяч. Его коротко остриженные рыжие волосы и татуировки, покрывающие бледную кожу, мелькали под резким светом.

Сняв полотенце с головы, Хантер положил его на ближайший стул и поправил толстый металлический собачий ошейник с поводком, надетый на его шею и придававший ему вид дикой собаки, которую кто-то пытался приручить. Хантер счел это глупым, но Джонни заверил его, что толпа клюет на такое дерьмо. Уэсли, его тренер, подошел к нему и положил руку ему на плечо.

— Ты сможешь это сделать, Хантер. Я знаю, что ты впервые выступаешь перед такой большой толпой, а Джеймс — любимец города, но у тебя есть некоторые преимущества перед ним. Играй на его слабостях, как мы это уже обговаривали.

Хантер вспомнил множество видеозаписей с боями этого парня, которые он просмотрел. Ублюдок был хорош. Но он был лучше.

Когда музыка переключилась на его музыкальную тему — «BadBoyz» Шайна, Хантер выпрямился, стукнув боксерскими перчатками друг об друга. Мелодия гремела из динамиков, когда он вышел в сопровождении свиты, состоящей из Уэсли, двух тренеров, с которыми он также тренировался и работал, и пары симпатичных полураздетых дам, одетых в серебристый и черный цвета его шорт.

— ГАВ! ГАВ! ГАВ! — залаял конференсье в микрофон, возбуждая толпу. — А вот и наш второй участник! Родом он из Сагино, штат Мичиган. Рост метр девяносто, вес сто двадцать три килограмма, Тирааааан Вульф!!!

Когда он шел по проходу, раздавались бурные аплодисменты и крики, а вокруг вспыхивали головокружительные яркие огни. Когда он вышел на ринг, музыка плавно перешла в «HungryLike a Wolf» ДюранДюран. Одна из девушек, улыбаясь, сняла с его шеи ошейник, еще раз продемонстрировала его публике и исчезла с ринга. Хантер немного

попрыгал на месте, разогревая мышцы, а затем он и другой боец приблизились друг к другу, оставив между собой расстояние всего в пару шагов. Они поедали друг друга взглядом, словно акулы, претендующие на одну и ту же добычу. Рядом стоял рефери, белый парень средних лет в рубашке в черно-белую полоску. Хантер уставился на боксера, который только что устроил для зрителей глупое шоу, и выражение на лице мужчины отражало его собственное. Затем его противник ухмыльнулся, но Хантер сохранял бесстрастное выражение своего лица, пока ему не предложили уйти в свой угол.

Сев на маленький табурет, он сделал поток воды и надел капу. Хантер попытался разглядеть в зале Ниту, ее отца, Джастина и Итана, но не смог их найти. Однако он не волновался, он знал, что они пришли.

— Помни, что я тебе говорил, — крикнул ему Уэсли сквозь шум. — Ты сможешь это сделать! Ты зверь! Самородок, редкий талант, мужик... Я в тебя верю!

Похлопав его по плечу, тренер перелез через канат и спустился с ринга, но остался стоять рядом. Музыка стихла, и рефери вызвал обоих боксеров в центр ринга. Хантер вполуха слушал, как парень говорил о хорошем, честном бое и прочем дерьме, которое нужно было сказать вначале, прежде чем все выйдет из-под его контроля.

Странно, но вместо противника он мог видеть только своего отца. Мужчина не был похож на него, но что-то в энергии этого чувака, его аура, как сказала бы Нита, делало его похожим. Хантеру это не понравилось. Он злился все больше и больше — настолько, что казалось, что все звуки и образы приглушены, и только он и этот мудака стояли там, лицом к лицу. Ударил гонг. Они коснулись перчатками друг друга, и на ринг вышла одна из девушек, держащая в руках мигающую табличку с надписью «Первый раунд».

Его гребаное сердце готово было вот-вот выскочить из груди. Подпрыгивая, они кружили друг вокруг друга, проверяя, практически обнюхивая друг друга, словно бродячие собаки. Внезапно парень сделал джеб, который прорезал воздух, как острое лезвие, едва не задев его. Толпа зашумела громче. Хантер продолжил двигаться, выискивая возможность наброситься на слабое место чувака — вывихнутое два года назад плечо, а затем забить его до смерти. Ублюдок снова замахнулся, на этот раз попав ему в плечо. Толпа вновь наполнилась энергией, некоторые даже скандировали имя ублюдка, подбадривая его.

Виски Хантера начали сильно пульсировать. Он слышал, как люди кричали: «Бей его!» Его терпение сводило людей с ума. За все время проведенных им боев он заметил такую тенденцию, беспокойство толпы росло, словно бокс был какой-то тупой брачной игрой. Бокс был единственным занятием, в котором он проявлял терпение. Хантер не хотел тратить энергию впустую, потому что, когда освободит ее, он планировал вложить в нее все свои силы. Он всегда терпеливо ждал своего часа.

Ты должен изучить, как человек двигается, его особенности. Ты должен посмотреть ему в глаза и понять, прирожденный ли он убийца или позер. Я знаком с обоими вариантами. Когда ты сражаешься с себе подобным, это намного сложнее. Ты понимаешь этого ублюдка.

Хантеру не нравилось, как мужчина сейчас смотрел на него, словно готовился сделать что-то невероятное — что-то, что, без сомнения, сослужит ему хорошую службу. Хантер мог отличить уверенность от фальшивой бравады. Этот парень определенно верил в себя. Это сделало уничтожение этого ублюдка еще слаще.

Я устрою шоу. Я позволю ему ударить меня.

Хантер, внутренне улыбаясь, замедлился и намеренно пропустил несколько довольно ощутимых ударов в корпус... Зрители, закричав, вскочили на ноги. Одни подбадривали его,

другие призывали к расправе над ним. Уэсли сходил с ума, крича, чтобы он поднял свои гребаные руки и показал хоть какую-то защиту, мысленно же Хантер отсчитывал секунды. Первый раунд практически подошел к концу. Нужно было принимать решение. Его разум начал играть с ним злые шутки, когда ублюдок ударил его в челюсть, сотрясая весь его проклятый череп, и на языке почувствовался насыщенный вкус крови.

Брызги крови на стенах... «Ты убил мою маму!»... «Я все еще твой отец!»... «Хантер, все это в прошлом. Я не понимал, что творю!»... «Хантер... Хантер! ХАНТЕР!»... «Ты маленький ублюдок! Ты так похож на нее»... «Мне нужно поговорить с тобой! ТЫ ДОЛЖЕН МНЕ! МОЯ КРОВЬ ТЕЧИТ В ТВОИХ ЖИЛАХ!»

БУМ! БУМ! БУМ!

Очнувшись, Хантер выстрелил комбинацией правая-правая-левая. Ритм боли и разрушения! Рыжеволосый Джокер отшатнулся назад, и кровь брызнула из его гребаного рта, словно гейзер. Хантер продолжал бить этого ублюдка, пока не стало казаться, что тот бьется в конвульсиях и истекает кровью каждой порой. Все произошло так быстро, что он не мог остановиться. Подскочивший рефери оттащил его. Прозвучавший удар гонга, ознаменовавший собой окончание первого раунда, пробудил Хантера от грез. Он помотал головой, пытаясь вспомнить последние двенадцать или около того секунд. Его разум был практически пуст.

Хантер огляделся в изумлении. Уэсли улыбался, толпа кричала во все горло, а на ринг вышли два человека, одетые в медицинскую форму. Парень не мог стоять самостоятельно, хотя и пытался сделать это несколько раз. Подхватив под руки, медики поставили его на ноги, но в какой-то момент ослабили хватку, в результате чего Джокер обмяк и упал лицом вперед. Лежа на полу, он не шевельнул ни единым мускулом, а его глаза были закрыты. Толпа снова разразилась криками, и руку Хантера дернули вверх.

— И победителем сегодняшнего соревнования становится чемпион в супертяжелом весе, Тирааан-большой-плохой-Вууульф, нокаутировавший своего соперника в первом же раунде!

Тут же из колонок рванули аккорды «Werewolves of London» Уоррена Зевона. Хантер вытер струйку крови, стекающую по его подбородку. Подбежавший секундант, входящий в команду Хантера, промокнул ему лицо полотенцем и хлопал по его спине с поздравлениями, когда на ринге начала собираться толпа. У Хантера раскалывалась голова, но, тем не менее, он чувствовал себя чертовски хорошо, находясь в состоянии эйфории.

Внезапно он заметил Джастину, помогающего Ните и ее отцу выйти на ринг, и его наполнила радость. Пробившись к нему, Нита обвила рукой его потное тело, и он притянул ее к себе и поцеловал в макушку, а затем приветственно кивнул отцу Ниты и ударил кулаком кулак Джастина. Репортер местных новостей сунул ему в лицо микрофон, и Хантер посмотрел на микрофон так, словно никогда раньше его не видел. Это было не то, чего он ожидал. Джонни и Уэсли ничего не говорили ни о каких интервью. Хантер был просто жестким безмянным боксером, которому нравилось давать парням прикурить, но сейчас, очевидно, дело пошло в совершенно новом направлении.

— Хантер Вульф! Поздравляю! — бодро начал молодой парень.

— Спасибо...

— Многие заядлые любители бокса ждали этого матча. За короткий промежуток времени вы приобрели неплохую репутацию, и сегодня мы все понимаем, почему! Как вы себя сейчас чувствуете?

— Я чувствую себя хорошо... да, — ответил он и крепче обнял Ниту, притягивая ее к себе ближе.

— Вы ожидали, что этот бой закончится так скоро?

— Да.

Это вызвало взрыв смеха.

— Значит, как я понимаю, вы считаете, что Джеймс Джокер — легкий соперник?

— Нет, я так не считаю, — Хантер покачал головой. — Мужчина может драться, он может называться Джокером, но нет ничего смешного, когда он ловит тебя на уклоне. Его удары чертовски болезненны, этого у негоне отнять. Я просто ударил сильнее, — закончил он, пожав плечами.

Кое-где раздалися аплодисменты.

— Вы ударили сильнее, а? Да! Сегодня вечером, думаю, мы все с этим согласимся. Итак, как долго вы готовились к этому бою?

— Около полугода.

— Как долго вы занимаетесь боксом профессионально?

— Профессионально? Недолго. Большую часть своей жизни Я боксировал как любитель. До сих пор у меня никогда не было менеджера, или тренера.

— Значит, это ваш первый профессиональный бой? Вау! Думаю, у вас будет многообещающая карьера, сэр! Еще раз поздравляю! Вы восходящая звезда. Уверен, что мы еще увидимся с вами.

Пожав руку парня, Хантер крепко поцеловал Ниту, от которой так чертовски приятно пахло любовью и вождедением.

— Я... в шоке, — наконец сказала она. — Я так горжусь тобой, детка!

Поцеловав ее в щеку, Хантер поговорил еще с несколькими людьми из местной прессы и, сделав пару фотографий, направился в свой номер в отеле, чтобы привести себя в порядок перед вечеринкой. Он хотел быть один, но сейчас у него была вынужденная компания. По обе стороны от него в лифте стояли Джонни и Уэсли. Мужчины были полны энтузиазма и воодушевления перед толпой, но теперь оба выглядели мрачными.

— Хантер, — сказал Джонни, нарушая тишину.

— Что?

— Поздравляю. Ты сделал именно то, что я и думал, только лучше.

— Спасибо, — ответил Хантер и облизал нижнюю губу, сухость во рту сводила его с ума. Тупая боль в челюсти срочно нуждалась в холоде, и он планировал заняться этим в своем номере.

— Мы поменяли тебе номер. Ключ у меня. Я взял тебе один из лучших номеров отеля, потому что знал, что сегодня ты будешь праздновать победу, — объяснил Джонни.

— Спасибо.

— Вечеринка, которую мы устраиваем для тебя, имеет непристойную цену, но это инвестиции, так что ты того стоишь.

— Инвестиции? — Хантер стиснул зубы и скрестил руки на груди. — Я же сказал вам, что не знаю наверняка, хочу ли делать эту карьеру.

— Я знаю, что ты нам сказал, но не ты выбрал бокс. Похоже, это бокс выбрал тебя.

Хантер фыркнул, чувствуя, как из носа вытекло немного жидкости. Горло пересохло, а кожа покрылась потом. Уровень его адреналина спадал, к тому же он не курил несколько дней. Ему не терпелось закурить. Так же, как это было в тюрьме — он резко и полностью

бросил, а затем снова начал, как только у него появился на это шанс. Нита заметила, как странно было то, что он мог бросать курить на годы, а затем снова начинать, с каждым разом все меньше получая от этого удовольствия, но все равно продолжая это делать.

— Джонни, я сказал тебе, что принял предложение Рики, и знаю, что это то, о чем ты действительно хотел бы поговорить.

Двери лифта открылись на пятнадцатом этаже казино. Все трое вышли, и мужчины пошли вместе с ним по коридору к его номеру. В динамиках на этаже тихонько играла «Mr. Robot» Стикса.

— Я могу платить тебе за бои больше, Хантер, особенно если ты продолжишь драться так, как сегодня вечером.

— Дело не только в деньгах, — сказал он, взяв ключ-карту у Джонни и подойдя ближе к двери своего номера. — Все намного сложнее.

— В чем же тогда? — спросил Джонни.

— Это личное, но мне нужно это сделать. Это будет один бой и все. Обещаю.

— Мне не нравится, что ты ставишь меня в такое положение.

— Скажем, это будет ради благотворительности. Я жертвую половину своего заработка и передаю его тебе. Это поможет тебе выйти из затруднительного положения.

Глаза Джонни потемнели. Можно было сказать, что мужчина был ошеломлен тем, что Хантер все это обдумал и нашел выход из ситуации.

Хантер поднес ключ-карту к электронному замку, и дверь щелкнула, отпираясь. Он улыбнулся. Номер был абсолютно великолепен. Белые шторы, белые простыни, колонны вокруг кровати, золотые элементы отделки и зеркала высотой во всю стену. Это было похоже на путешествие в рай.

— Ну, как? — подал голос Уэсли, выходя вперед. — Мы позаботились о том, чтобы твой бар был полон. Бери, что хочешь — твой счет будет оплачен. У тебя есть лед, бесплатное обслуживание номеров, халаты для тебя и твоей девушки. Она останется с тобой сегодня вечером, верно?

— Да...

Через открытую дверь в ванную комнату Хантер заметил большую стеклянную душевую кабинку с широкой насадкой и стоящую рядом полку с чистыми полотенцами, свернутыми в рулоны.

— Хорошо, Тиран, — сказал Джонни. — Я оставляю эту историю с Рики в покое. Это нарушение контракта, но я его не замечу. Мне нужно, чтобы ты серьезно обдумал возможность перехода на следующий уровень. Я хочу взять тебя с собой в Германию на пару недель, чтобы потренироваться, но только в том случае, если ты настроен серьезно. Ты можешь добиться больших успехов в этом виде спорта, Хантер. Дело не только в деньгах, которые ты можешь заработать. Мы видим это по тому, как ты дерешься. Ты безжалостен, но все же следуешь правилам бокса. Уэсли сказал, что ты никогда не бьешь сопернику в голову, а те несколько ударов ниже пояса были чисто случайными. У тебя хорошее время, и ты силен. Ты можешь быть следующим Оскаром Ривасом.

— Я ничего в этом не понимаю. Я — это просто я, — ответил он и сглотнул, ощущая жажду пива. Все время подготовки к бою он сидел на правильном питании, в том числе с исключением алкоголя. Пришло время праздновать.

Хантер огляделся и понял, что ему нужно. Схватив ведро со льдом, он сунул в него руку и, схватив несколько кубиков, приложил их к своей челюсти.

Уэсли, подняв трубку гостиничного телефона, попросил принести в номер пакет со льдом.

— Щека опухнет. Я приложил к ней ненадолго лёд после твоего боя, но ты должен продолжать это делать.

— Я знаю. Все в порядке, — ответил Хантер и свободной рукой раздвинул шторы, открывая захватывающий вид на город.

— Хотя на секунду я забеспокоился, — усмехнулся Джонни. — Ты начал медленно, но Уэсли предупредил меня, что иногда ты такое проворачивал. Тем не менее, увидеть это самому было впечатляюще.

— Меня он тоже заставил понервничать.

Двое мужчин рассмеялись.

— Не было причин для беспокойства, — произнес Хантер, смотря на мигающие огни мегаполиса. — Это то, на что люди пришли посмотреть. Им нравится тревожное ожидание. Я собирался тянуть три раунда, но потом... не знаю, просто захотел избавиться от него, — закончил он, видя в отражении окна, как Уэсли и Джонни многозначительно переглянулись.

— Подумай о Германии, ладно? Подумай о перспективах, Хантер, — он нерешительно кивнул, все еще не убежденный. — У тебя есть то, что хотели бы иметь многие. Мастерство, талант, способности, харизма, а теперь и быстрорастущая фан-база. Погугли себя завтра. Этот бой потряс всех. Думаю, ты тоже удивишься. Увидимся через час на вечеринке. Если тебе что-нибудь понадобится, позвони.

— Мне действительно кое-что нужно... точнее, кое-кто. Найдите мою девушку и попросите кого-нибудь проводить ее сюда, пожалуйста.

— Сделаем.

Уэсли щелкнул пальцами, и Джонни последовал за ним. Они ушли, закрыв за собой дверь. Хантер продолжал смотреть на улицу, думая о своей жизни, обо всем том дерьме, которое произошло с ним с самого начала его жизни и до этого самого момента. Подойдя к тумбочке, он положил мобильник рядом со стоящими на ней часами. Именно тогда он заметил, что его сумку с вещами уже принесли в номер. Приехав, он вынужден был оставить ее на стойке регистрации, так как ему заявили, что новый номер, который был для него забронирован, на тот момент был недоступен.

Расстегнув сумку, Хантер достал зарядное устройство для телефона, а также пачку сигарет и зажигалку. Поставив телефон на зарядку, он направился в душ, чтобы смыть с себя тяжелые двенадцать секунд боя. Он сильно тер кожу намыленной мочалкой, удаляя с неё вместе с потом сегодняшней день, свое полубессознательное состояние на ринге, ненависть, которую чувствовал...

Хантер смыл все свои проблемы в канализацию, но они были как изжога, которая имела свойство обычно приходить снова. Выйдя из душа, он вытерся и вернулся в комнату.

Нита, невероятно хорошенькая, сидела на кровати.

— Черт, ты отлично выглядишь, детка! — улыбнувшись, сказал он ей.

Она улыбнулась. На ней было облегающее черное платье с одним плечом, серебряное кольцо на шее и волосы, собранные в гладкий пучок. Она выглядела чертовски стильно и сексуально одновременно.

— Спасибо. Я нарядилась специально для тебя, — ответила она, скромно хлопая ресницами, заставив его рассмеяться. — О, Джонни передал тебе это, — закончила она, подавая ему сигару.

Взяв белую сигару из ее рук, Хантер положил ее на тумбочку, а затем, упав на колени, уткнулся головой ей в грудь, яростно желая ее. Нита стала гладить его, словно домашнего льва, заставляя его стонать. Нежно поймав его за подбородок, она перевела его взгляд на себя и вздрогнула.

— Боже мой, Хантер. Ты видел свою щеку, детка? Она воспалена.

— Я знаю. Через день-два все придет в норму, — в этот момент раздался стук в дверь. — Это принесли пакет со льдом.

Подойдя к двери, он посмотрел в глазок и открыл ее. Поблагодарив парня, который принес пакет, он прижал лед к своей щеке и спросил Ниту, не было ли у нее проблем с парковкой или поиском места. Затем, положив пакет со льдом на тумбочку, он уронил полотенце на пол и осторожно потер ушибленный кулак. Взгляд Ниты блуждал по всему его телу, словно пытаясь убедиться, что с ним все в порядке, он цел.

— Ты знаешь, как тяжело было смотреть этот бой? — спросила она голосом, полным эмоций. — Знаешь, каково это — видеть, как того, кого ты любишь, снова и снова бьют?

— Знаю.

Ее глаза расширились.

— Черт! Прости, Хантер, — она покачала головой. — Я не имела в виду...

— Я знаю... тебе не нужно извиняться. Я не настолько хрупок, детка. Я просто отвечал на твой вопрос, — они немного помолчали. — Перед вечеринкой у нас есть немного времени... — сказал он, глядя на нее из-под полуопущенных век. — Я хочу заняться любовью. Раздевайся.

С чувственной улыбкой она встала и начала снимать платье, не сводя с него глаз. Закурив сигару, Хантер наслаждался представлением, а затем, положив сигару на пепельницу, схватил стул и поставил его ближе к кровати. Подняв с пола уроненное полотенце, он бросил его на сиденье и сел, вальяжно раскинувшись. Взяв в руку свой член, Хантер начал медленно гладить его, глядя на Ниту. Проводя рукой вверх и вниз по своему стволу все быстрее и быстрее, он застонал, смотря на нее, сосредоточившись на ее сиськах и киске. Ему не разрешено было трахать ее несколько дней, и это сдерживание истощило его. Теперь он мог, наконец, облегчить свою нужду. Мог, наконец, взять ее.

Нита подошла к нему, не нуждаясь в команде. Когда она встала перед ним, он схватил ее за талию, притянул к себе и провел языком по ее клитору. Вздрогнув в его объятиях, она провела руками по его голове, застонав от удовольствия. Медленно и нежно он втянул клитор в свой рот, наращивая интенсивность сосания до тех пор, пока она уже не могла выдержать ни секунды дольше... Он слизал ее соки, когда она кончила на его языке, дрожа в его хватке и выкрикивая его имя. Когда она успокоилась, он поцеловал внутреннюю сторону ее бедер, а затем шлепнул по заднице.

— Встань, подойди к моей сумке и достань из нее цепь, — любопытство читалось на ее лице, когда она сделала, как он просил. — А теперь тащи свою задницу сюда вместе с ней.

Она подошла к нему и он, накинув цепь сначала на ее талию, а затем на свою, соединил их тела.

— А теперь оседлай меня.

Нита последовала его указанию. Он держал ее за бедро, пока они смотрели в глаза друг другу, не желая выходить из транса. Цепь зазвенела, когда он погладил головкой своего члена скользкие, мягкие губки ее киски...

Ахнув, она закрыла глаза, когда он вошел своим членом в ее теплое лоно и не

останавливался до тех пор, пока не оказался в ней полностью, а затем подался назад, так же почти полностью выйдя из нее, затем снова толкнулся вперед.

Двигаясь медленно и плавно, он заставлял ее чувствовать каждый толчок. Нита застонала, и он, подавшись вперед, обхватил пальцами ее шею и подарил восхитительный поцелуй. Поглаживая ее язык своим, он трахал ее в таком бешеном ритме, словно у него не было киски тысячу лет.

— Да, вот так... — пробормотал он, чувствуя себя настолько хорошо, что даже не был уверен, что продержится так долго, как обычно. Холодный металл цепи обвивал его плоть, плоть Ниты, гремя каждый раз, когда он погружался в нее. Хантер взял свободный конец цепи, лежавший на полу, и, накинув его себе петлей на шею, протянул ей конец. — Затяни.

— Что? — недоуменно спросила она и ее глаза расширились.

— Затяни эту гребаную цепь на моей шее.

Слотнув, Нита осторожно потянула за конец цепи. Когда она это сделала, Хантер глубоко толкнулся в нее, заставив Ниту закричать от интенсивности удовольствия. Крепко обняв, он притянул ее к себе, заставил положить лоб ему на плечо, когда все ее тело задрожало от приближающегося оргазма.

— Затяни ее! Снова затяни цепь!

Она сделала это снова и снова. Каждый раз, по сигналу, он врывается в нее, совершая мощные толчки в ее пульсирующей киске, двигаясь сильно и быстро.

— Каждый раз, когда ты будешь затягивать ее, детка, я буду входить в тебя так глубоко, что люди могли бы подумать, будто твой живот — это гребаный вигвам. Затяниее, — Нита, казалось, пребывала в эйфории. — Затяни эту гребаную цепь!

Она снова затянула ее, потом еще раз, пока, громко крича, не кончила, стекая соками по его члену, а он, застонав, не кончил в нее. Дрожа, они держались друг за друга, рассыпаясь на куски.

— Бл*ть! — он толкался в ней, как поршень, выстреливая спермой внутри ее теплых, сладких стенок. — Детка, твоя киска так хороша! Я должен иметь ее утром, днем и вечером...

Со стоном Хантер откинулся на спинку стула, пот стекал по его лицу. Он закрыл глаза и улыбнулся, чувствуя, как она осыпает его тело нежными поцелуями. Пока он нежно гладил ее по спине, они сидели, прижавшись друг к другу, словно несчастные влюбленные, укравшие драгоценный момент. Ему не хотелось двигаться, не хотелось вставать, не хотелось покидать тепло ее оазиса.

— Нам нужно подготовиться к выходу. Люди ждут тебя, детка, — сказала Нита, словно читая его мысли, в которых он искал способ продлить их время вместе. — Ну, давай же, — хихикнула она. — Мы сможем вернуться к этому позже.

Она отстранилась от него, и цепь, связывающая их, зазвенела. Сняв петлю со своей шеи и освободив их тела, Хантер отбросил цепь на пол с громким лязгом. Нита покачала головой и расхохоталась, вставая на ноги.

— Извращенец. Ты способен превратить в сексуальный объект даже пустую бутылку из-под газировки.

Насытившиеся и довольные, они направились в превосходную ванную комнату вместе. Пользуясь раковиной, Хантер вымыл свой член, лицо и руки, пока Нита принимала душ. Закончив, Нита снова надела платье, а он — красивую белую рубашку и темные брюки, а также пару туфель, которые его любимая выбрала для него на похороны Ноя. Стоя рядом,

они посмотрели на себя в большое зеркало.

— Ты чертовски красива, Джей-Джей! Посмотри на себя — какая конфетка!

Она завизжала, когда он схватил ее и чмокнул в щеку. Через несколько мгновений они, взявшись за руки, вышли из гостиничного номера и направились в банкетный зал на афтерпати — его первое в качестве профессионального боксера. Когда они подошли ближе, Хантер услышал громкую, глухую музыку диджея — «CumonFeeltheNoize» группы «КьютРайот». Прежде чем они вошли, Нита обняла его и поцеловала, а затем, приподнявшись на цыпочках, прижалась губами к его уху. Хантер обвил рукой ее талию.

— Я люблю тебя, Хантер, — прошептала она. — Если хочешь продолжать заниматься боксом, то делай это. Не позволяй никаким моим опасениям остановить тебя. Я помню, что сказала в номере отеля, и это было правдой. Я чувствую то, что чувствую, но ты заслуживаешь нового начала. Ты хорош в боксе. Нет, великолепен... великолепен в нем, и, если какой-то части тебя интересно дальнейшее развитие этой профессии, я буду рядом. Ты получишь мою полную поддержку.

Некоторое время он смотрел на нее, не зная, что ответить. Ему действительно нужно было услышать эти слова, но не по тем причинам, о которых она могла подумать. Он поцеловал ее в лоб, и они вошли в большой зал, заполненный таким количеством людей, что едва можно было разглядеть танцпол.

Диджей посмотрел в его сторону и кивнул.

— Леди и джентльмены! Наша звезда, наш герой, вожак волчьей стаи с нами! Встречайте аплодисментами — Тираан, большой-плохой Вульф, победивший Джокера!

Хантер ощутил запах крови, которой не было. В воздухе витал до боли знакомый запах пота и куриного бульона, который, казалось, всегда наполнял воздух во время обеда, хотя никогда не являлся его частью. Обед заключенных состоял из несвежих, тонко нарезанных бутербродов с ветчиной и плавленым сыром, увядших листьев салата и вялого апельсина.

Идя вперед, он снова уловил запах несуществующей крови и улыбнулся. Опять же, крови не было видно, но убийца всегда должен быть на шаг впереди.

Такие фокусы мог проделывать его разум с тех пор, как он впервые вошел во вращающуюся дверь тюрьмы. Хантер никогда не признавал этого, но все эти пребывания за решеткой изменили его, сделали жестче, злее, научили не попадаться. Он сжал руки в кулаки. Железные двери с громким щелчком открылись, а затем с грохотом закрылись, и Хантер вошел в тюрьму с ощущением цели.

Все тюрьмы имели одинаковое ощущение и зловоние — смесь пота и страха. Хантер стоял между двумя охранниками, напоминавших ему зомби. Они выполняли свою рутинную работу без особых раздумий, держа руку в миллиметрах от своего оружия. На этот раз Хантер не был наполнен тревогой и ужасом. Сейчас он не отбывал срок. Эти офицеры не вели его обратно в камеру, а сопровождали на встречу с человеком, наставившим пистолет на голову его матери и нажавшим на курок прямо у него на глазах.

Большая светлая комната была заставлена блестящими оранжевыми столами, на большинстве из которых стояли бумажные стаканчики с водой. Охранники расхаживали взад-вперед, дежуря в течение всего времени посещения, пока Хантера и других посетителей запускали внутрь, чтобы они могли увидеться с теми, кого любили — или, в его случае, ненавидели.

За одним из оранжевых столов сидел старик.

Он был более худым и менее пугающим, чем тот человек, которого помнил Хантер. Одетый в синий комбинезон, сцепив руки на столе, он смотрел на свои пальцы. Затем старик поднял голову, и их взгляды встретились.

Подходя ближе, Хантер сделал медленный глубокий вдох. Он ненавидел то, как сразу же увидел себя в этом человеке, их сходство было слишком очевидным, чтобы его отрицать. Любой, у кого были глаза, мог понять, что это его отец. Даже не поздоровавшись, Хантер вытащил стул из-под маленького столика и плюхнулся на него. Наклонившись вперед, он сцепил руки на столе и, казалось, целую вечность удерживал взгляд мужчины. Губы отца скривились в дьявольской ухмылке.

— Привет, сынок. Черт... как будто в зеркало посмотрел и увидел себя тридцать лет назад. Хорошо выглядишь! У моей линии сильные гены, — сказал он с гордостью, сиявшей на его лице.

— Не звони больше бабушке и дедушке.

— Ты даже не здороваешься со мной? — брови отца нахмурились.

— И не пиши больше никаких гребаных писем. Я их не читаю, и они тоже. Хватит пытаться заставить Джастина убедить меня общаться с тобой. Если он хочет возиться с тобой, это его дело. Теперь ты даже дошел до того, что меня преследуют СМИ. Зачем, черт подери, ты вообще сделал это? Теперь они суют нос в мое досье, копаются в моем прошлом.

— Они делают телешоу, и я хотел помочь. Им нужно было поговорить с людьми,

которые меня знают... моими сыновьями, моей матерью, лучшим другом.

— Я не знаю тебя, чувак, — сказал Хантер, стиснув зубы. — Мы не общаемся. И ты меня тоже не знаешь. Предупреждаю, что твои пятнадцать минут славы будут изрядно подпорчены, если ты не скажешь им оставить меня в покое. Я устал от этих репортеров, которые звонят на мой гребаный телефон. Один из них, с канала «Открытые расследования», говорил о какой-то передаче про хладнокровных убийц. Словно я должен гордиться тем, что ты натворил. Охренеть! — Хантер склонил голову набок, чувствуя сильное желание нокаутировать этого козла к чертовой матери. — Я не собираюсь помогать тебе.

Улыбка старика быстро исчезла, а его глаза потемнели, напомнив Хантеру о прошлом. Прямо как в тот день...

— Все еще полон негодования после всех этих лет... — сказал старик, недоверчиво покачав головой.

— Негодования? Это слишком громкое слово для такого ничтожного человека.

Его отец имел наглость фыркнуть.

— Все еще так же зол, как и тогда, когда снял трубку телефона в доме своей бабушки лет десять назад и обругал меня. Это убьет тебя, Хантер.

— Как ты убил маму? Скажи это громче, чтобы ублюдки сзади тебя лучше слышали.

Мужчина вздохнул.

— Ненависть, которую ты питаешь ко мне, убьет тебя. Вот о чем я говорю. Это то, чего ты хочешь?

— Я не ненавижу тебя. Мне на тебя плевать, — пожал Хантер плечами.

— Ну, а мне на тебя не наплевать, — мужчина опустил взгляд на свои руки, лежащие на столе, словно пытаюсь собраться с мыслями. Когда он снова поднял голову, его глаза заволкло слезами. Хантер поморщился и скрестил руки на груди. Этот человек был полон дерьма. Он не собирается жалеть его. — Сынок, здесь происходит, эм-м... много интриг. Некоторые люди здесь делают вещи, которые могут стоить спокойствия другим людям, а иногда даже жизни. Я не хочу получить ножевое ранение и умереть, не посмотрев тебе в глаза и не сказав, что люблю тебя.

— Ты меня не любишь. Ты никого не любишь, кроме себя.

— Посмотри на это. Посмотри на то, как ты себя ведешь. Я не могу... не могу даже поговорить с тобой, — старик развел руками. — Ты делаешь это невозможным. Зачем ты вообще пришел сюда, Хантер? Я думал, ты хочешь поговорить со мной. Наконец-то. — Хантер просто смотрел на него. Через несколько секунд мужчина продолжил свою речь. — Той ночью... Той ночью, когда все произошло, я был в состоянии алкогольного опьянения, и в моем организме была куча наркотиков. Я ничего не соображал. Это был несчастный случай, Хантер. Я любил твою мать.

— Ты соображал достаточно, чтобы вставить пули в патронник и разрядить их в нее, орать на нее, пока она умирала. Ты соображал достаточно, чтобы сказать ей накануне, что убьешь ее, если она попытается от тебя уйти.

— Все это было в пределах временных рамок моего запоя.

— Бред. Это был не первый раз, когда ты угрожал ей. Это было преднамеренно. Однако я пришел сюда не для того, чтобы спорить или дискутировать с тобой об этом. Я знаю, что произошло, я знаю факты, как бы ты ни пытался сидеть и лгать об этом. Ты спросил, зачем я пришел сюда? Я тебе отвечу. Я пришел сюда для того, чтобы сказать тебе, что не хочу иметь с тобой ничего общего, и я настаиваю на этом. Беру свои слова обратно — я ненавижу тебя.

Я ненавижу тебя больше, чем когда-либо, и это никогда не изменится. Ненависть к тебе не убьет меня. Она будет постоянно напоминать мне о том, кем и чем не следует становиться.

Откинувшись на спинку стула, отец расхохотался.

— А ты дерзкий... — посерьезнев, сказал он. — Думаешь, что можешь просто вычеркнуть меня?! Нет, не можешь. Я твой отец, нравится тебе это или нет!

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Однажды мы были с тобой в одной тюрьме, Хантер, а ты даже отказался признать меня! Я посылаю записки. Я практически подкупил охранников, чтобы те помогли, а ты что сделал? Проигнорировал меня, — Хантер усмехнулся, когда мужчина постучал пальцем по столу. — О, это смешно?

— Ага... так и есть. Я сделал тебе одолжение. Если бы я встретился с тобой, то убил бы. Тут же.

Они посмотрели друг другу в глаза, и по взгляду старика стало ясно, что тот понял, что Хантер, черт подери, не шутил. Грудь Хантера болела от приступов ярости, когда воспоминания о его матери, лежащей мертвой на полу в гостиной, всплывали на поверхность. Отец скованными наручниками руками потянулся за стаканом воды. Он сделал судорожный глоток, затем еще один.

— Хантер, послушай, — теперь его голос звучал спокойнее, как будто у него была возможность переоценить ситуацию. — Помимо меня существует остальная часть моей семьи. Они спрашивали о тебе.

— Они знают, где я, черт подери. Это не секрет.

— Они не знают, открыт ли ты для отношений с ними или нет. Моя мать, твоя тетя, дяди, кузены... Они не знают тебя, но хотели бы узнать. Они говорили мне это не раз. Не наказывай их за то, что сделал я.

— О, так ты теперь король семейного единения, да? Тебя беспокоят корни, традиции, кровные узы и прочее дерьмо. Ну, надо же.

— Они — моя семья, и твоя тоже. Нравится тебе это или нет, но это то, что есть.

— Разве это не охренительно? Ты убил мою мать, но теперь сидишь здесь и убеждаешь меня установить отношения с твоей семьей. Нет, спасибо. Они виновны уже только потому, что имеют к тебе отношение. К черту их тоже.

— Хантер... Я тебя предупреждаю.

— О чем? И что ты сделаешь? Я больше не маленький сопляк! С кем, черт подери, ты думаешь, что разговариваешь?! — зарывчав, Хантер вскочил со своего места и навис, облокотившись о стол, над своим отцом таким образом, что их носы практически соприкасались. — Я задал тебе вопрос! Что ты сделаешь?! Сделай что-нибудь! Давай!

Ноздри его отца раздувались, но с его губ не сорвалось ни единого слова.

— Угрожать мне... Ты с ума сошел? Я разорву тебя на части! К тому времени, когда сюда прибегут охранники, ты будешь порешен, словно гребаная математическая задачка.

Его отец немного откинулся назад, широко раскрыв глаза. Подошедший охранник попросил Хантера расслабиться и сесть на свое место либо же закончить визит. Ему потребовалось мгновение, чтобы восстановить самообладание, и на это время между ними повисла тишина. Грудь отца вздымалась и опускалась, как меха аккордеона.

— Ты сказал, что не хочешь быть таким, как я, Хантер, но ты такой же, — наконец, сказал он. — Это пугает меня.

— Я не наркоман.

— Ты все время злишься. Наркотики тут ни при чем. Я пытаюсь спасти тебя. Я слышал, что ты занимался рестайлингом угнанных машин. Я тоже учил тебя машинам. Я слышал истории о том, как ты брал развалюхи, старые куски дерьма, и превращал их в шедевры. Автомобильные угонщики со всего Мичигана пригоняли тебе автомобили, и у тебя даже был список ожидающих людей, желавших заполучить автомобили, которые ты починишь и отреставрируешь. Что бы ты ни задумал, ты воплощал это в жизнь. Верить или нет, но я тоже был таким до того, как подсел на наркоту. Я был неплохим человеком, Хантер, — глаза отца снова заблестели. — Я не могу заставить тебя перестать ненавидеть меня, и я вижу, что ты не отпустишь это, ты застрял в прошлом и не собираешься двигаться вперед. Ничего из того, что ты говоришь, не поможет и не изменит ничего. Вы с Джастином для меня все. Кажется, он очень высокого мнения о тебе... И ты присматривал за ним. Я слышал об ограблении. Те четверо парней, узнав о том, что ты дал ему немного денег, украли их, да вдобавок еще и избили его очень сильно. Ты выследил этих ублюдков и проучил их, напугав до усрачки. Вот это мой мальчик!

Снова Джастин и его большой гребаный рот...

— Я не твой мальчик, — Хантер на мгновение отвел взгляд.

— Да, мой. Твои руки поистине золотые, сынок. Бокс, ремонт техники, машины, даже игра на гитаре, черт подери, которой, по словам Джастина, ты не занимался годами. У тебя так много талантов, Хантер! Так много умений... Я не хочу, чтобы ты потратил их впустую.

— Compliments? От тебя из всех людей? Ты, как обычно, затеваешь какое-то дерьмо, да? Просто признай это, — Хантер мрачно усмехнулся.

Его отец просто сидел там, делая вид, что знает и ценит его.

— Нет. Я говорю правду. Я просто хотел помириться с тобой. Моя семья, твоя семья тоже хочет с тобой помириться. Семья важна, Хантер.

— Семья важна для тебя? Не могу этого сказать! Смотри, как ты разрушил нашу. Твоя семья моя? Они не моя семья. И никогда ею не были. Но я могу сказать тебе, что они из себя представляют. Они часть проблемы.

— Хантер, ты...

— Твоя мать и сестра сказали, что моя мать была шлюхой, что она сама виновата в своей смерти, что ты не должен был ее убивать, но она подтолкнула тебя к этому. Все ложь! Я был там под той крышей, а не они. Они — поддерживающая тебя сторона, и они такие же плохие, как и ты.

— Это не правда. Кто тебе это сказал?

Чувак, должно быть, думал, что он блефует.

— Я. Слышал. Это. — Поза отца напряглась. — Своими собственными ушами! Эта твоё дегенеративная семья сделала все, чтобы облегчить то дерьмо, которое ты натворил, потому что, когда ты не был за решеткой, то давал им деньги, когда они у тебя были, и бухло. Они поклонялись тебе, словно ты был каким-то богом, хотя ты был дерьмом большую часть своей жизни.

Его отец усмехнулся, словно это дерьмо было забавным.

— Никого из них не волновала моя мать, и я помню ясно, как божий день, как они с ней разговаривали и как обращались. А все потому, что она хотела, чтобы вы двое завязали с наркотиками и переехали в более благополучную часть города. Только и слышно было, что: «Она хочет забрать его у нас». Мама любила тебя, а ты ее убил!

— Знаешь что, Хантер? Хорошо! — мужчина прикусил нижнюю губу. — Допустим, ты

прав. Допустим, моя семья — это просто кучка злодеев, которые ненавидели твою мать. Что, черт подери, ты хочешь, чтобы я сделал с этим сейчас?! Чего ты от меня ждешь?

— Почему ты так упорно добивался, чтобы я поговорил с тобой и простил тебя? Почему тебя вообще это волнует?

— Потому что ты мой сын, мой первенец, и я люблю тебя! И как я уже говорил, я не хочу умирать, не сказав тебе этого в лицо.

— Ты что, болен? Это способ очистить свою совесть, прежде чем сдохнуть?

— Нет, я не болен.

Хантер полез в карман и, вытащив сложенный лист бумаги, швырнул его на стол между ними.

— Что это такое? — спросил его отец, глядя на них сверху вниз.

— Я сделал генеалогический ДНК-тест, знаешь, такой мазок изо рта, — отец понимающе кивнул. — Сначала я не хотел это делать. Слышал, что правительство сохранит эту информацию и сможет использовать ее против тебя, но я уже в системе, поэтому подумал: «А что мне терять?»

— Что заставило тебя сделать этот тест? Любопытство, наверное?

— Я работаю на парня, который сказал мне, что я должен это сделать. Он поднимал этот вопрос несколько раз, поэтому я решил пойти ему на встречу. Он заплатил за исследование. Он тоже хотел знать. И я не жалею об этом.

— Этот человек для тебя является фигурой отца?

Если бы Хантер ничего не знал, он бы поклялся, что парень ревнует.

— Он для меня был бы больший отец, чем ты. Но нет... он не является для меня фигурой отца. Он хочет использовать меня, как и тебя, но, по крайней мере, с ним я получаю за это что-то взамен.

Отец моргнул несколько раз, затем сделал глоток воды.

— Работаешь на парня? Какого? Как его зовут? — спросил он, подняв бровь. — Где ты работаешь?

— Охрана. Казино. Неважно, кто это.

— А бокс? Что насчет него? К черту все это дерьмо с казино. Это мелкая картошка. Мой сын сейчас стал знаменитым, — глаза Хантера сузились, когда он смотрел на мужчину. Правда наконец-то вышла наружу. — Я всегда знал, что ты станешь гребаной звездой, — ублюдок ухмыльнулся, и сердце Хантера забилося чуть быстрее. — Что? Ты не думал, что я об этом знаю? — отец ухмыльнулся. — Это гремит отовсюду, Хантер, или лучше сказать Тиран-большой-злой-гребаный-Вульф?

— Исследование выявило кое-что интересное, — схватив бумаги, Хантер начал читать. — Здесь написано, что я...

— У тебя впечатляющий послужной список, сынок. Я также видел твой бой на YouTube. Теперь нам разрешают пользоваться компьютерами по полчаса в день. Отправлять электронные письма, всякое такое дерьмо.

— На тринадцать процентов я являюсь британцем, на девять — скандинавом, еще на девять — итальянцем, на одиннадцать — ирландцем, шотландцем — на...

— Ты должен был сказать им, что можешь так здорово драться из-за меня! — гневно сказал отец. — Да, из-за меня, сукиного сына, которого ты ненавидишь! Ты должен был сказать им, когда они брали у тебя интервью, что это я подарил тебе твои первые боксерские перчатки! Купил их на свои деньги! Тоже классные! Я — тот, кто усаживал тебя рядом с

собой, и мы смотрели бои ночи напролет! Я — тот, кто научил тебя всему тому, что ты знаешь о боксе, и ты можешь думать, что я плохой, что я был бесполезен для тебя, что ты можешь просто вычеркнуть меня из своей жизни, забыть меня, но это я и мои гребаные гены привели тебя туда, где ты есть! Моя кровь! Семья твоей матери ни хрена тебе не дала! Они яйца выеденного не стоят!

— ...Невероятно, но на пять процентов я — азиат. Еще есть куча всякой чепухи, на которую приходится по одному — два процента, но дальше следует большой сюрприз — восточноазиатские и коренные американцы составляют колоссальные сорок пять процентов! Чиппева, если быть точным, и следы пары других племен тоже, но чиппева — это главное. И все это с твоей стороны. Есть пара процентов следов во мне славян, но я рассказал тебе о самом важном.

Аккуратно сложив лист бумаги, Хантер сунул его обратно в карман.

— Хорошо, так к чему ты ведешь?

— К чему я веду? К тому, что мне грустно. Ты никогда не говорил мне ничего из этого, — Хантер покачал головой. — Ты никогда не усаживал меня и не рассказывал о наследии твоего отца. Мне пришлось прочитать в интернете, что он, его братья, сестры и мать находились в гребаной резервации. Он женился на белой женщине, твоей матери. Я бы и за миллион лет не догадался, что являюсь частично индейцем, не говоря уже о том, что у меня есть двоюродные братья, которые жили в резервации. Черт, некоторые из них до сих пор, возможно, там живут. Потребовался чертов незнакомец, который посмотрел на меня и сказал: «Ты индеец. Ты один из нас». Он сразу это понял, посмотрев на меня. Я каждый день смотрю на свое гребаное лицо и ничего не вижу. Имею в виду, что у меня зеленые глаза, слишком светлая кожа... Знаешь, как глупо я себя чувствовал, когда узнал правду? Всю свою жизнь я ничего из этого не знал, и, возможно, это ничего не значит для тебя, но для меня это кое-что значит.

— Преимущественно я белый. Мой отец был белым наполовину, Хантер, не полностью индейцем. Он был метисом. Он мертв, как ты знаешь. Умер еще до твоего рождения.

— Преимущественно — это еще не все! — они уставились друг на друга. — Ты бы не существовал без этой части себя! Твой отец был индейцем больше, чем наполовину, это доказывают проценты. Я видел старые фотографии, их имена, все.

— Как бы это изменило твою жизнь, Хантер? Как знание того, что ты частично являешься индейцем, изменило бы твою судьбу?

— Потому что я не знаю, кто я! Однажды ночью моя девушка сказала мне вещь, которая взорвала мне мозг. Она сказала, что люди, которые не знают свою родословную, не понимают, что им передано ему по наследству. Я пытался определить себя с того момента, как ты убил мою мать! Я пытался отличаться от тебя, убежал от тебя, но, как ты и сказал, я такой же, как ты! Ты прав. Я оппортунист. Манипулятор. Некоторые даже говорят обо мне, что я пограничный садист. Я жесток по умолчанию, это моя гребаная заводская настройка с детства. То, что мне пришлось увидеть то, как ты убиваешь ее, щелкнуло переключателем в моей голове. Ты этого не осознаешь. То, что с тобой что-то не так, заложено в твоих генах. Теперь, вот, в моих. Сейчас я пытаюсь использовать бокс, чтобы контролировать свои импульсы, и молюсь, чтобы это сработало.

— Хантер, я был для тебя неплохим отцом.

— Хороший отец не будет бить мать своего ребенка! Хороший отец не будет, схватив за гребаные волосы, таскать ее по коридору, кричащую и плачущую! Хороший отец не будет

избивать свою женщину за то, что она уронила его тарелку с едой, не давая уснуть своему сыну всю ночь, а затем ожидать, что тот будет любить и уважать его! — лицо отца побледнело от его слов. — Да, я помню все, что тогда было. Я словно гребаный слон. Я видел дерьмо... Такое дерьмо, которое потрясло бы даже самых сильных мужчин. Ты тушил об нее сигареты, заставлял ее слизывать рассыпавшуюся еду с пола, бил ее ногами.

— Я знаю, что мама не была идеальной, но она была хорошей матерью. Она любила меня, пыталась защитить меня, уходя от тебя. Но ты не допускал этого. Ты не хотел терять контроль над ней. Да, ты прав, папа. Ты научил меня всему, что я знал тогда о боксе. Это было единственной вещью от тебя, которая имела значение. Но самое печальное то, что ты научил меня боксировать не потому, что любил меня. Ты научил меня боксировать для того, чтобы сделать меня продолжением себя. Это был эгоистичный, корыстный поступок. Ты видел во мне потенциал и хотел на этом заработать. Увидев мой бой, ты мысленно представил себе гору денег, потому что после этого звонков и писем от тебя стало больше. Ты стал действовать более отчаянно. Ты знал, что, за что бы я ни взялся в этой жизни, законно бы это было или нет, я смогу заработать серьезные деньги. И ты хотел в этом участвовать. Вот что бесит больше всего. Ты никого не любишь. Ты любишь только то, что человек может сделать для тебя. Когда ты больше не можешь использовать или контролировать этого человека, то выбрасываешь его. Я все сказал, что хотел. Мы закончили.

Хантер медленно встал и застегнул куртку.

— Итак, ты в конце концов согласился встретиться со мной только для того, чтобы еще раз сказать, что ненавидишь меня, попросить меня перестать звонить и интересоваться тобой, сказать, что ты наполовину индеец, а затем уйти? — раздраженно спросил сукин сын.

— Теперь ты в завязке, но являешься все тем же человеком. Бездушным. Я должен был увидеть это собственными глазами. Я тоже не подарок, но никогда бы не стал избивать женщину, которую люблю, женщину, которая родила твоего гребаного ребенка, а потом сидеть здесь и пытаться переписать историю. Я не бью женщин. Я не приношу вред детям. Они невиновны. Это недопустимо. Так поступают только слабые люди. Нет, я не прощаю тебя. Потому что ты ни о чем не сожалеешь. Я вижу лишь жалкого старика, который все еще находит отговорки тому, что он сделал, тому, как едва не разрушил мою жизнь. Я больше не дам тебе эту власть надо мной, — закончил он и, повернувшись, направился к двери.

— Хантер!

Он продолжал идти.

— Хантер!!!

Наручники звенели за его спиной, но он не остановился. Его грудь и голова болели, а разум был словно в тумане. Что-то в том, что он посмотрел в глаза мужчине, успокоило весь его гнев. Он свел счеты. Он нуждался в этом — увидеть часть себя, взглянуть на монстра, живущего внутри него.

Нита была так права, когда рассказала ему об этом однажды, глядя его по голове, которую он положил ей на грудь. Он курил, смотря в потолок, ощущая грусть, потому что это был день рождения его матери...

«Мы не можем выбирать родителей, Хантер, но мы можем выбрать свой путь», — сказала она. — «Сойти с этой дороги. Образно говоря, ты едешь с этим человеком в одной машине, и он наслаждается поездкой. Ты все еще ненавидишь его, и я не могу запретить тебе это делать, но могу сказать, что успех, самосохранение и любовь — лучшая месть,

детка. Встреться с этим человеком, посмотри ему в глаза, имея своей целью положить этому конец. Я не знала твою маму, не могу сказать о ней ничего, кроме «покойся с миром», но я видела ее фотографии. Она была красива, и у тебя определенно ее улыбка. Не забывай об этой улыбке, Хантер, потому что это твоя мама подарила ее тебе. В тебе есть черты не только от твоего отца, но и от твоей мамы. Ты одновременно Красавица и Чудовище...»

— Мне нужно, чтобы ты пообещал мне, Хантер, как минимум пять полных раундов, — стоя под огромной золотой люстрой в своем особняке, Рики поднял пять унизанных кольцами пальцев и пошевелил ими.

Они были только вдвоем, за исключением какого-то чувака из обслуживающего персонала, который время от времени появлялся в их поле зрения.

— Пять, — повторил мужчина со странным смешком, который прозвучал как смех графа из детской передачи «Улица Сезам».

— Посмотрим. Я не подтасовываю драки, Рики. Я плыву по течению, но понимаю, к чему ты клонишь. А ты не управляешь этим.

— Что значит, не управляю? Я плачу тебе хорошие деньги за этот бой.

Хантер цокнул и огляделся вокруг. Из соседней комнаты доносилась приглушенная музыка, а в воздухе витал отчетливый аромат дорогих сигар и марихуаны.

— Я не гребаная шлюха. То, что ты мне платишь, не означает, что я делаю то, что ты говоришь. Я здесь, чтобы боксировать.

— У тебя было еще два боя в Мичигане после того, как ты нокаутировал Джокера, и в обоих боях ты делал одно и то же — даже не дошел до второго раунда. Эти ублюдки приходят сюда для того, чтобы увидеть бой, Хантер, а не тридцать секунд избиений. Дай им насладиться зрелищем, — усмехнулся он.

— На кого ты поставил, Рики? На меня или Зиона? — спросил Хантер, позволив своей спортивной сумке выскользнуть из своих пальцев на мраморный пол.

— Конечно на тебя.

Хантер подмигнул ему, зная, что этот парень полон дерьма. Зион был гребаным монстром, любимцем публики, которого прозвали вторым Холифилдом. Он был из тех бойцов, которые не игрались с соперником и их удар был подобен удару кувалдой. Он дрался быстро и был заряжен на результат. Хантер был уверен, что из всех боксеров-любителей в Мичигане именно этот парень заставит его работать каждую чертову секунду матча.

В этот момент в особняк вошел человек, одетый в шелковые бело-голубые шорты и соответствующий по цветовой гамме голубой шелковый халат с капюшоном, надвинутым на голову.

Блеск одежды мужчины контрастировал с его темной кожей. С Зионом было еще четверо парней, один из которых был его тренером. Парни враждебно посмотрели на него, Зион же в это время что-то читал на своем телефоне. Подняв, наконец, на него глаза, мужчина дружелюбно помахал рукой. Хантер сделал то же самое, прежде чем парень исчез из поля зрения. За всю свою карьеру Зион проиграл всего один бой, и это было предметом разногласий. Многие считали, что он тогда проиграл честно, но реванша, который мог бы успокоить слухи, никогда не было.

— Он хороший парень, Хантер... Мне нравится Зион. Будет обидно, если он надерет тебе задницу, — сказал Рики, усмехнувшись в своей жуткой манере.

Чертов двуличник.

— С нашим договором все в порядке, Рики? — Хантер хрустнул костяшками пальцев. — Потому что я пришел сюда не только ради гребаных денег. Я пришел сюда для того, чтобы получить то, что мне было обещано.

Улыбка Рики стала немного напряженной.

— Конечно, в порядке! Я бы никогда не обманул тебя. Мой брат обо всем позаботится. Тебе нужно простое посещение... просто посещение.

— Точно. Не в приемное время. С выключенными камерами. Пять минут. Наедине. Твой младший брат, которого ты иногда почему-то называешь своим сыном, обещал это мне.

— Я это делаю по причине нашей с ним разницы в возрасте. Кроме того, это удерживает людей подальше от нашего бизнеса, понимаешь?

Хантер потер челюсть, чувствуя под пальцами бороду, и посмотрел вдаль, заметив чернокожую женщину средних лет, одетую в форму горничной. Это зрелище задело его. Возможно, потому что женщина была похожа на мать Ниты.

— Позволь мне прояснить кое-что для тебя — если он облажается, я приду к тебе, Рики, — мужчина заметно сглотнул. — Ты первое контактное лицо. Затем я разберусь с ним, а затем продолжу спускаться вниз по иерархической цепи.

— Да ладно тебе, Хантер! — Рики рассмеялся, хлопнув его по спине. — Я похож на того, кто решил подставить бывшего заключенного боксера-тяжеловеса?! Кроме того, мы теперь друзья!

— У меня нет друзей.

— Конечно, есть!

— У меня есть моя женщина и мой младший брат. Это все. Лучший урок, который преподавал мне дедушка, заключался в том, чтобы мой личный круг был небольшим. Меньше шансов, что тебя на*бут каким-то образом. Единственный настоящий друг, который у меня был, умер.

Взяв сумку, он направился в уборную. Наступало время шоу...

Нита шла сквозь клубы густого дыма, ее тело вибрировало от оглушительной музыки. Два дворецких, одетых в белое, впустили ее в особняк после того, как она предъявила специальный пропуск. Особняк был внушительных размеров. Ее проводили в комнату цвета слоновой кости с дорогим ковром, множеством больших растений и картинами животных в золотых рамах, а затем указали на одинокий белый стул с красной обивкой, на который она могла присесть.

Через несколько мгновений улыбающийся прислужник принес ей чай со льдом. Нита чувствовала себя немного не в своей тарелке, но не забыла о своих манерах и любезно поблагодарила мужчину. Находящиеся через коридор напротив двойные двери были слегка приоткрыты, и она смогла разглядеть за ними огромный зал.

Как странно. Это было совсем не так, как Нита себе представляла.

Было немного необычно то, что она не могла смотреть бой из зала, но Хантер уже позвонил и предупредил ее об этом. Она сказала, что может остаться дома, но он настоял, что хочет, чтобы она была там, чтобы он мог чувствовать ее энергию рядом, даже если не мог видеть ее физически. Толпа состояла из группы богатых бизнесменов из Мичигана, Огайо и Индианы, которые собирались вместе для домашних стриптиз-шоу, незаконных собачьих боев, женских поединков по борьбе в масле, а теперь еще и грубого бокса.

Это был клуб богатых мальчиков, поэтому ей не разрешалось сидеть среди них, но она, черт подери, собиралась извлечь из ситуации максимум пользы. Кроме того, она слышала о Зионе Дэниелсе, и, хотя Нита не слишком увлекалась спортом, особенно боксом, нужно

было жить в лесу, чтобы не знать о восходящей звезде профессиональных боев. Из динамиков заиграла другая песня, и толпа пришла в неистовство — в зал вошел Зион. Поставив чашку на пол, Нита встала и тихонько подошла к своей двери. Ее ладони вспотели, а сердце колотилось, как у кролика, когда она смотрела, как мужчина поднимается на ринг. У нее перехватило дыхание, когда Зион был представлен и получил причитающиеся ему вступительные похвалы.

Хантер, пожалуйста, будь осторожен!

Конечно, она обещала поддерживать его, но в глубине души ей становилось плохо каждый раз, когда он дрался. Что, если кто-то неудачно ударит его, и он получит сотрясение мозга?

Милая, это твой мужчина. Он не ребенок. Просто радуйся, что ему платят за это, и он не делает это в какой-нибудь тюрьме. Если бы он не выплескивал свою агрессию таким способом, то что бы он делал? Я даже не хочу это представлять.

Она отбросила свои ужасные мысли в сторону и сосредоточилась на происходящем.

Менее чем через минуту конферансье объявил выход ее любимого.

— ...А вот и Тирааан! Большой! Злой! Волк!

Из динамиков зазвучала песня Грин Джелли «Three Little Pigs» и в зале под гром аплодисментов появился Хантер, одетый в свои блестящие черные шорты с серебряной полосой и соответствующий халат. Забравшись на ринг, он сбросил халат и начал подпрыгивать и вертеть шейей. Сложив ладони вместе, Нита произнесла миллион безмолвных молитв.

— Ты можешь сделать это, детка!

В этот момент к дверям зала со стороны коридора подошла пара мужчин, и Нита отошла в сторону, к стене, уйдя из их поля зрения. Один из мужчин достал свой телефон.

— Это Джонни... да... начинается прямо сейчас, так что давайте побыстрее! — сказал мужчина в трубку, а затем они, пройдя мимо, направились к главному входу в дом.

Джонни? Интересно, это Джонни из казино? Босс Хантера... Джонни... Он сказал, что сообщил ему о бое, но не говорил, что этот парень будет здесь. Это может быть кто угодно... возможно, это даже не он. Однако парень выглядит так, как описал его Хантер.

Пожав плечами, Нита продолжила наблюдать за происходящим в дверную щель, и едва не выпрыгнула из собственной кожи, когда прозвенел громкий удар гонга, символизирующий начало первого раунда. Два боксера начали двигаться друг вокруг друга на приличном расстоянии. Затем это пространство сократилось, и Нита напряглась, увидев, как Зион замахнулся, но с облегчением выдохнула, когда он промахнулся. Толпа начала орать и выкрикивать нецензурную брань, аплодировать и стонать от разочарования. Через несколько мгновений Зион каким-то образом смог загнать Хантера в угол, и Нита взволнованно закусила щеку, наблюдая за тем, как избивают ее мужчину.

О боже... Хантер! Убирайся оттуда! Выходи из этого угла!

Но он, похоже, не мог этого сделать. Единственное, что его спасло, это удар гонга, сигнализирующий об окончании раунда.

Все началось не очень хорошо, и все тело Ниты было наполнено беспокойством. Услышав приближающиеся шаги, она снова быстро отошла от своей двери в сторону. Двери зала открылись и снова закрылись, а затем она почувствовала ярость. Не заботясь о последствиях, она вышла из своей комнаты, прошла через коридор, распахнула двери в зал и вошла в него, держась дальнего его конца. Нита кралась вдоль стены, пытаясь слиться с ней,

но это было бесполезно. Она уже привлекла несколько недоумевающих взглядов мужчин в дорогих костюмах, большинство из которых попыхивали сигарами. На их лицах отражались замешательство и тревога.

Склонив голову набок, Нита показала средний палец одному мужчине, который продолжал пялиться на нее, презрительно усмехаясь. Снова переведя взгляд на ринг, она с трудом сдержала слезы, увидев, как изо рта Хантера течет кровь. Несколько мужчин, окруживших его, давали ему советы и подбадривали, возможно, даже угрожали, вытирая его тело мокрой тряпкой и давая ему пить по глотку. Его тренер сунул капу обратно ему в рот, но Хантер вынул ее, выплюнул обильную кровь, а затем засунул ее обратно.

Черт! Хантер, детка...

Снова раздался удар гонга, и Хантер на удивление быстро вскочил на ноги. Никакой медлительности, никакой вялости. Просто человек, перепачканный собственными биологическими жидкостями, с горящими зелеными глазами, напряженными мускулистыми руками, принявший боевую стойку. В мгновение ока он и Зион сцепились темно-коричневыми и бежевыми конечностями, покрытыми татуировками, сплелись в клубок, держась изо всех сил. Судья быстро разнял их. Мужчины, подпрыгивая, начали кружить друг вокруг друга. Внезапно Хантер нанес удар, попав Зиону прямо в глаз.

Да!

Нита обрадовано сжала кулаки.

Толпа вскочила, кто-то аплодировал, кто-то свистел. Это было безумие, вызванное тестостероном. Зион, не теряя времени, ответил, нанеся Хантеру серию ударов в верхнюю часть груди. Они бросились друг на друга, словно это была смертельная схватка, нещадно избивая друг друга. Мельтешение рук, брызги пота и крови. Нита прислонилась к стене, пытаясь отдышаться. Внезапно Хантер, получив удар в бок, прямо над бедром, согнулся пополам от боли. Она почти чувствовала ее... его боль стала ее. С глухим стуком он упал на пол, и судья, подождав секунду, встал над ним и начал отсчет.

Недолго думая, Нита помчалась по узкому проходу, ее ноги двигались недостаточно быстро, как ей бы хотелось. Летя по проходу к рингу и чувствуя на себе сотни взглядов, она закричала так сильно, что у нее начало гореть горло.

— Вставай! Вставай! Вставай! Хантер! Я знаю, ты слышишь меня! Это твоя мечта Вставай!

Внезапно он повернул голову и нашел ее взглядом. Хантер еле заметно улыбнулся, а кроваво-красная слюна капала у него изо рта и скапливалась на коврик. Вздвогнув, он потер больное место рукой в перчатке, и глаза его загорелись. В этот момент она снова влюбилась в него и увидела, что он чувствует то же самое. Оперевшись перчатками в мат, он с мучительным стоном поднялся на ноги как раз перед тем, как рефери завершил отсчет. Толпа была словно наэлектризованная. Судья внимательно посмотрел ему в глаза, проверяя его готовность к действию. Кивнув, мужчина заговорил с ним. Хантер каким-то образом ответил, и рефери жестом приказал ему продолжать бой. Толпа взорвалась аплодисментами и криками.

Внезапно к ней подошел мужчина и схватил ее за запястье.

— Эй, вам нельзя здесь находиться.

Выдернув руку из его хватки, Нита смерила его взглядом.

— Не прикасайся ко мне. Это мой парень, — она указала на Хантера, который теперь снова вернулся в свой угол и сидел на табурете, а его тренер, склонившись над ним, что-то

ему говорил. — Я отойду назад, но никуда не уйду из зала.

— Оставь ее в покое, Дотсон, — обратился другой мужчина к первому, перекрикивая шум толпы. — Она не причинит неудобств.

Мужчина, который схватил ее за запястье, умчался прочь, оставив ее стоять там, где она стояла.

— Присаживайтесь сюда. Отсюда его будет хорошо видно, — сказал незнакомец и встал со своего стула, освободив его для нее.

— Спасибо... большое спасибо.

Мужчина кивнул и направился к выходу из зала с сигарой в руке.

Стул был теплым, но далеко не комфортным. Теперь она могла видеть ринг еще лучше, и происходящее на нем заставило ее сердце сжаться. Сторона тела Хантера, в которую его ударили, была ярко красной. Что-то определенно было не так. Его тренер практически кричал, хотя она не могла разобрать, что говорит мужчина. Зион выглядел немного растерянным. Ему тоже было больно, но не так сильно, как Хантеру. «Отхерачь его как следует!» — услышала она обрывок фразы тренера. Мужчина засунул капу обратно в рот Хантеру, а затем ее мужчина улыбнулся ей.

— Я люблю тебя, ты можешь это сделать! — прошептала она, на ее глазах выступили слезы.

Этот бой был гораздо важнее для ее мужчины, чем она думала сначала. Он дрался не для того, чтобы произвести впечатление на кучку спонсоров и даже не ради денег. Что-то в этом было еще, что-то большее. Она вспомнила странный разговор, который у них был несколько недель назад, и теперь он обрел смысл. Иногда Хантер говорил загадками, особенно когда не хотел, чтобы она знала все подробности. Он все больше раскрывался, но по натуре оставался замкнутым человеком. Он тщательно охранял свои мысли. В любом случае, этот бой был тем, чего он жаждал. В чем нуждался.

Раздался удар гонга, и бой возобновился. Теперь ее трясло, все ее тело дрожало.

Третий раунд был просто ужасным. На этот раз Хантера не повалили на пол, не ударили головой или что-то в этом роде, но, похоже, Зион нашел его слабое место и продолжал его отрабатывать. Из рта Хантера не вырвалось ни звука, но по его временами напряженному выражению лица было ясно, что он испытывает сильную физическую боль. Хантер был известен своим высоким болевым порогом. Многие били его кулаками, и он, казалось, не чувствовал этих ударов — но не в этот раз. Зион был бойцом другой породы.

Она внутренне рыдала, как это всегда делал Хантер. Именно так он проявлял эмоции большую часть своей жизни — так, что никто не мог этого увидеть.

Боль, удерживаемая внутри, приводит к четвертой эмоциональной стадии рака душевного спокойствия. Он съест тебя заживо, по крупицам. Он убьет тебя...

Нита, сморгнув слезы, высоко подняла голову и, скрестив руки на груди, решила довериться неизбежному.

Четвертый раунд прошел хуже некуда. Это была катастрофа. Толпа начала насмехаться над Хантером.

«Большой Злой Волк — это овца в волчьей шкуре! Нет, дрессированный пудель! Тебе не нужен металлический ошейник и поводок, тебе нужен розовый боа!» — выкрикнул кто-то, вызвав в толпе бурный взрыв смеха. Нита не желала смотреть в мерзкие глаза мужчин, издали насмехавшихся над ее возлюбленным. Мужчин, которые не могли выдержать ни одного удара десятилетнего ребенка, не говоря уже о таких тренированных, превосходных

боксерах, как Зион и Хантер. Она не доставит им такого удовольствия. Вместо этого она сосредоточила свой взгляд на Хантере.

Она вложила в него всю свою энергию, так что, если он посмотрит на нее, то увидит надежду. Он увидит любовь. Он увидит, что, несмотря ни на что, всегда будет победителем в ее глазах. Толпа зааплодировала, когда Зион снова попал ему в ребра. На этот раз Хантер издал низкое рычание, звук которого проник прямиком в ее кистку.

Зион разрывал его в клочья, и к концу четвертого раунда Нита готова была молиться, чтобы этот кошмар закончился. Но было что-то в глазах Хантера, странное мерцание в глубине этих двух бездонных зеленых океанов. Он был ее Красавицей и Чудовищем. И было что-то прекрасное в том, как он выглядел в этот момент — весь в поту и крови, под лучами яркого света, с улыбкой своей мертвой матери, любившей его из могилы.

Он взглянул на нее раз или два, один его глаз теперь был наполовину закрыт. Зиону тоже хорошо досталось, его губа кровоточила. Он уже не выглядел таким самоуверенным. Они оба выглядели совершенно обессиленными, из последних сил, цепляющимися за жизнь. Хотя оба хотели этого. В некоторых людях просто жило первобытное желание сражаться. Другие же предпочитали быть зрителями.

Раньше Нита думала, что все эти бои — это так по-варварски, но теперь она действительно увидела в этом красоту. Чтобы направить эти эмоции в нужное русло, требуется немалое мастерство. Нужно взять их под свой контроль, абстрагироваться от боли. Это было трудно, но лишь это могло бы ему помочь победить.

Они были отличными бойцами, пытавшимися что-то доказать, но не толпе, а самим себе. Снова ударили в гонг, и Хантер вернулся на свое место. Он отстраненно смотрел на ослепляющие огни, когда его тренер что-то кричал ему, будучи, очевидно, чертовски злым. Казалось, Хантер пребывает в своем собственном мире, слушая тренера вполуха.

Именно тогда Нита увидела надпись, сделанную на тыльной стороне его правой кисти. «Ной». Грустно улыбнувшись, она кивнула. Возможно, он посвятил этот бой ему? К началу пятого раунда Хантер снова встал на ноги, снова вернувшись в этот мир из своего.

Зион, не теряя времени даром, ударил Хантера так сильно, что, казалось, его голова вот-вот сделает разворот на триста шестьдесят градусов. Нита на мгновение опустила взгляд, по ее щекам текли слезы, когда она слышала, как некоторые зрители радовались страданиям ее любимого. Снова подняв голову, она увидела, что Хантер на нее смотрит, а его глаза темнее, чем крошечная тьма безлунной ночи. От этого зрелища у нее по спине побежали мурашки. Затем Хантер посмотрел на Зиона с кривой ухмылкой на лице.

Сердце Ниты колотилось так сильно, что это испугало ее. Вцепившись в ткань своего платья, она крепко сжала ее в кулаке.

— Ной! — крикнула она. — Ной! Ной! Ной! За Ноя!

Хантер уклонялся от ударов Зиона, пригибаясь и уворачиваясь, словно извивающаяся змея. Что-то подсказывало ей, что мужчина услышал ее.

Бам! Бам! Бам!

Внезапно Хантер нанес своему противнику серию из трех быстрых, тошнотворных ударов, заставивших Зиона пошатнуться и рухнуть на пол, словно мешок с камнями. Более половины толпы вскочило на ноги, у многих читался на лице страх.

— Да! Да! — закричала она, едва не выпрыгивая из кожи от возбуждения.

Люди вокруг нее сыпали проклятиями. Нита подалась вперед, чтобы лучше видеть. Зион лежал неподвижно. Как это вообще было возможно?! Этот человек выиграл все раунды, а

теперь валялся без сознания! Они вымотали друг друга до предела, но каким-то образом Хантеру удалось найти в себе немного энергии — ровно столько, чтобы победить своего противника!

Хантер уставился на другого бойца, его грудь вздымалась, а ноздри раздувались, он был похож на разъяренного быка. На ринге, как и в битве с Джокером, появилось несколько человек в медицинской форме, чтобы проверить состояние Зиюна и привести его в чувство. Казалось, это было невозможно, пока один не сунул ему что-то под нос, заставив мужчину прийти в себя. Рефери замахал руками, и толпа просто обезумела. Бой был окончен. Зион не мог стоять на собственных ногах и едва мог связно отвечать на вопросы.

То, что вначале выглядело как стопроцентная победа Зиюна, закончилось тем, что Хантер, найдя в себе последнюю частицу своей силы, или, возможно, своей ненависти и ярости, ударил своего соперника так быстро и сильно, что это выглядело буквально размытым пятном.

— И победителем сегодняшнего боя является Тирааан Вуууульф, нанеся своему сопернику нокаут в пятом раунде! — объявил конферансье и, схватив Хантера за руку, поднял ее в воздух.

В зале, взорвавшемся бурными аплодисментами, воцарился полный хаос. Одни сыпали гневными проклятиями, в то время как другие, казалось, готовы были рыдать от искренней радости, размахивая букмекерскими карточками и наличными.

Когда улыбающийся тренер начал выводить Хантера с ринга, Нита медленно направилась к нему. Через некоторое время Хантера отвели в сторону для оказания медицинской помощи. Подмигнув ей своим единственным здоровым глазом, он жестом велел ей подойти к нему.

Подбежав, она приподнялась на цыпочках и поцеловала его в распухшую щеку. Его запястье и ребра были перемотаны бинтами, а доктор что-то быстро ему говорил.

— Возможные повреждения суставов указательного и среднего пальца, связанные с длительной нагрузкой на кисть руки, рваная рана над левым глазом, сломанное ребро...

Медик продолжал перечислять предполагаемые травмы, осматривая его раны и ощупывая кожу руками в перчатках. Его рекомендацией был отдых сегодня вечером, а завтра утром первым делом посещение врача.

Хантер обнял Ниту за плечи и поцеловал в макушку, пока медик упаковывал в коричневый бумажный пакет то, что он назвал эффективными, но безопасными болеутоляющими средствами. Скрутив верхушку пакета, он положил его на ближайший стул. Нита протянула руку, взяла мятый пакет и прижала ее к груди.

— Спасибо, — Хантер махнул уходящему медику.

Нита приготовилась рассказать ему, как ей было страшно. Как много она молилась... Но потом решила, что это не то, что ему нужно сейчас услышать.

— Я люблю тебя. Сегодня вечером ты проделал потрясающую работу, детка.

Он кивнул, на его лице появилось мрачное выражение.

— Я тоже тебя люблю, Джей-Джей.

Они уже направлялись к выходу, когда к ним подошли двое мужчин.

— Отлично! Отлично! — взволнованно воскликнул один из них.

Хантер закатил глаза.

— Пять полных раундов! — сказал другой с ухмылкой. — Ты дал их мне.

— Я ничего не дал тебе. Ничто из того, что случилось сегодня, не было игрой. Я должен

был больше доверять своей интуиции, и это закончилось бы раньше, но я сделал пару ошибок, и это стоило мне усилий. Это больше не повторится. В любом случае, теперь все закончилось. Рики, и я хочу получить то, что ты мне обещал. Ты знаешь крайний срок, — голос Хантера был напряженным, отрывистым, злым. — И перестань притворяться, что ты счастлив. Ты ставил на нас обоих, но на Зиона немного больше. Это жульничество. Но чего я мог ожидать от профессионального игрока и афериста?

Ухмылка мужчины исчезла.

— Хантер, какое дикое предположение!

— Думаешь, я тупой? И я знаю, что Джонни тоже был здесь. Вероятно, должен был увидеть это своими глазами, чтобы убедиться, что все идет так, как надо. Надеюсь, он увидел то, что хотел увидеть. Впрочем, довольно. Мне нужно это посещение, чувак. Я серьезно. Не забывай о той цене, которую тебе придется заплатить в том случае, если ты захочешь обмануть меня. Я никогда не занимаюсь дерьмом бесплатно. Не заставляй меня делать тебя первым контактным лицом, — выплюнул Хантер, отталкивая мужчину в сторону и направляясь мимо него к выходу из зала.

— Какое посещение, Хантер?

Взяв за руку, он повел ее в уборную, в которой оставил свою сумку.

— Какое посещение? — повторила свой вопрос она.

— Нита. У меня есть деловая договоренность, вот и все.

Она смотрела, как он принимает душ, вытирается и надевает чистую одежду.

— Хантер, если в процессе ты рискуешь потерять меня, свою новую профессиональную возможность и покой, который у тебя есть сейчас, тогда не делай того, что ты задумал.

Он смотрел на нее, его дыхание было медленным и ровным. Затем, выключив свет, он схватил свою сумку, и они вышли из уборной.

— Сегодня я останусь у тебя. Я поеду за тобой на своей машине, — объявил он.

Выйдя на улицу, они остановились и стали ждать, пока им подадут их машины. Нита чувствовала себя далеко не в праздничном настроении. Хантер что-то замышлял, и это беспокоило ее. И он по-прежнему отказывался говорить об этом.

— Останешься у меня?

— Секс. Я хочу секса сегодня вечером.

— Но ты весь разбит. Утром ты должен будешь пойти к врачу. А сегодня тебе нужно отдохнуть.

— Мой член работает просто отлично. Мне нужно, чтобы ты отсосала и трахнула меня. Два в одном. Киска и минет. Вот тогда я отдохну.

Ее машину подогнали первой. Сев в нее, Нита проехала несколько метров и съехала на обочину. Вскоре подогнали автомобиль Хантера, и, глядя в зеркало заднего вида, она увидела, что мужчина по имени Рики вручил ему конверт, прошептал что-то на ухо, а затем похлопал по спине. Хантер пожал ему руку, словно довольный происходящим, и сел в машину.

Несмотря на то, что он ехал следом за ней, дорога казалась долгой и одинокой, хотя он был рядом. Зазвонил ее мобильный телефон. На экране отразился незнакомый ей номер, поэтому Нита решила не отвечать.

Примерно через час они прибыли к ее дому. Девочки крепко спали, потому что было уже почти час ночи. Хантер проскользнул в ванную и, раздеваясь, она услышала, как он мочится. Затем он принялся чистить зубы, все время мурлыча какую-то мелодию. Несколько

минут спустя он вышел из ванной, голый и с эрегированным пенисом.

Нита направилась в ванную, чтобы освежиться и надеть что-нибудь красивое. Подойдя к раковине, ее глаза тут же наполнились слезами при виде крови в ней. Очевидно, он ополоснул раковину, но не до конца. Собравшись с мыслями, она напомнила себе о том, что ее мужчина нуждается в ней, и она должна быть сильной. Хантер знал о рисках. Ему было больно не от физической боли, а потому, что ему нужно было что-то доказать самому себе, и он собирался продолжать делать это, пока не останется доволен. Вернувшись в спальню, Нита надела атласную золотую ночную сорочку на тонких бретельках и подошла к нему.

В мгновение ока она оказалась на коленях и, ощутив его твердый член у себя во рту, начала с упоением сосать его, заставляя Хантера стонать и содрогаться от ее орального мастерства. Он толкался в ее рот, задевая зубы, заставляя ее взять его еще больше. Киска Ниты потекла, а соски затвердели, когда он доминировал над ней, его агрессивная потребность в ней отправила ее в водоворот похоти.

— Встань. Дай мне эту чертову киску, детка.

Она отпустила его, но не раньше, чем попробовала несколько капель его презекулята.

Не теряя времени даром, он расположил ее именно так, как хотел: лицом в подушку и задницей вверх. Она застонала, когда он грубо вошел в нее под мелодию «Losing My Religion» R.E.M., звучащей из его телефона.

— Тебе не нужно беспокоиться о том, чтобы я кончила, детка. Я знаю, что у тебя все болит, и ты и устал.

Он глубоко погрузился в нее. Вцепившись в простыни, Нита держалась изо всех сил, пока он грубо брал ее. Вздрогнув, она ахнула, почувствовав его нежные поцелуи, которыми он стал покрывать ее спину, и ее затопило удовольствием. Это была такая противоположность тому, как он трахался. Протянув руку, он аккуратным, но в то же время уверенным прикосновением погладил ее клитор, отчего Нита почувствовала себя чертовски хорошо.

— Заставить тебя кончить — моя работа. Разве мужчина не должен обеспечивать, детка? Кров... безопасность... секс...

Еще раз поцеловав ее, он продолжил уверенно поглаживать ее клитор, пока она не взорвалась, заливая его пальцы и свою внутреннюю часть бедер.

Трахая ее, Хантер продолжал гладить ее киску еще долго после того, как она достигла своего пика. Нита была истощена, ее тело безвольно дергалось от его мощных толчков, когда он с каждой секундой приближался к своему оргазму.

Прижавшись к ней всем телом, Хантер придавил ее к кровати, практически лишив возможности двигаться. Он удерживал ее на месте, входя в ее киску безжалостными, мощными, резкими толчками. Рычание и стоны Хантера были глубокими и частыми, а его занятие любовью интенсивным. Переплетя их пальцы над ее головой, он поцеловал ее в щеку.

— Я люблю тебя, детка. Я не собираюсь быть всем, чем ты хочешь, чтобы я был, но обещаю быть всем, что тебе нужно.

Она улыбнулась его словам. Через несколько мгновений он громко застонал, кончая, выплескивая свой жидкий бальзам, казалось, прямоком в ее чертову душу. Ему потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться и перестать дрожать, а его члену — пульсировать внутри нее. Перестав двигаться, он все еще тяжело дышал, и тепло его дыхания, овевавшего плечо Ниты, успокаивало ее. Посмотрев на него через плечо, она увидела, что его глаза были закрыты.

О боже...

Ей удалось выскользнуть из-под него, но это было нелегко. Казалось, Хантер весил целую тонну. Он вырубился, крепко спав. Нита проглотила смешок. Она никогда не видела, чтобы он так быстро засыпал. Мужчина явно устал. Укрыв его простыней, она вернулась в ванную, чтобы привести себя в порядок. Вернувшись в спальню, она скользнула в кровать рядом с ним и стала ковыряться в своем телефоне.

Именно тогда Нита поняла, что человек, звонивший с неизвестного номера, когда она ехала домой, оставил голосовое сообщение. Включив телевизор, она приглушила громкость, и воспроизвела сообщение.

«Здравствуйте, мисс Перси. Это детектив Харт из Департамента полиции Детройта третий участок. У нас есть кое-какая информация по делу о пропавшей Холли Сандерс. Также мы хотели бы поговорить с Олив Сандерс, над которой, как мы понимаем, у вас есть временная опека. Пожалуйста, позвоните нам по телефону 313-596-5300. Спасибо»

Нита сжала телефон так крепко, что было удивительно, как эта чертова штука не треснула. Ее сердце бешено заколотилось в опасении самого худшего. Каким-то образом ей удалось разбудить спящего гиганта.

— Детка, — сказал он сквозь зевок. — Ты очень сильно дрожишь, — он погладил ее руку. — В чем дело?

Она еще раз воспроизвела сообщение, чтобы он мог его услышать. Хантер потянулся и включил лампу на ночном столике. Встав с кровати, он надел пижамные штаны, которые хранил в специальном ящике комода в ее спальне, и взял ее телефон. Перезвонив по неизвестному номеру, он включил громкую связь.

— Здравствуйте, могу я поговорить с детективом Хартом?

— Это я, — ответил мужчина, на заднем фоне слышались приглушенные голоса.

— Это Хантер Вулф. Я включил громкую связь. Вы звонили моей девушке, Ните Перси, по поводу ее подруги Холли Сандерс.

— Да, так и есть. Вы здесь, мисс Перси?

— Да, я здесь.

— Хорошо... ну, к сожалению, нет способа сказать это, не причинив боль, мисс Перси, но... мы нашли тело Холли. Мы знаем, что это она, основываясь на предыдущих ее фотографиях, татуировках и украшениях.

— О боже!

Уронив голову, Нита зарыдала. Хантер обнял ее за плечи.

— Простите, — сказал детектив после некоторого молчания.

— Вы знаете, что произошло?

— Ну, мы ожидаем результаты ее вскрытия, но, судя по тому, что мы выяснили, похоже на передозировку наркотиков, — покачав головой, Хантер отвел взгляд в сторону. — Судя по тому, в котором виде находилось ее тело, мы предполагаем, что она умерла за несколько дней до того, как вызвали полицию. Также, основываясь на кое-какой другой информации, мы предполагаем, что она была с группой людей, и они просто оставили ее там, вероятно, из страха, что их арестуют. Рядом с Алпайном нередко можно найти трупы.

Говоря все это, голос мужчины звучал довольно спокойно, но Нита не удивилась и не обиделась на это. Он встречался с подобным изо дня в день.

— Где именно ее нашли?

— В притоне на Куинси-стрит.

Нита покачивалась, обхватив себя руками. Честно говоря, она ожидала подобного, но все равно было больно.

— Мы должны сказать Олив, — заявил Хантер. Она кивнула.

— Я знаю, что уже поздно, но не проснулась ли случайно юная леди? — спросил детектив.

— Нет, она спит, — ответил Хантер. — Несколько месяцев назад она потеряла отца.

— Мне очень жаль это слышать. Похоже, ей через многое пришлось пройти.

— Так и есть. Итак, давайте сделаем так: мы поговорим с ней, а она перезвонит вам сегодня позже. Мы не хотим сообщать ей об этом, а потом сразу давать ей трубку.

— Я понимаю. Пожалуйста, перезвоните, как только сможете.

— Хорошо.

Вытащив салфетку из коробки, стоящей на столике, Нита промокнула глаза и высморкалась. Закончив разговор, Хантер вышел из спальни. Вернувшись через некоторое время с Олив и Тишей, он усадил их на кровать.

— Нита... скажи им.

— Ты беременна? — спросила Тиша, улыбаясь.

Нита грустно покачала головой.

— Нет, ничего подобного, детка. Мы... Нам позвонили сегодня вечером. Олив, — встав с кровати, Нита присела перед девушкой. Взяв ее руки в свои, она сжала их, по ее лицу потекли слезы. — Олив, твоя мама...

— Она умерла, не так ли? Моя мама умерла? — глаза девушки заблестели от слез, но тон ее голос звучал сердито... так сердито! Нита кивнула. Олив расплакалась, и Тиша, обняв ее, зарыдала вместе с ней.

Следующий час был не чем иным, как искаженной, туманной мерой времени, заполненной треском заново ломающихся душ. Были слезы, звучал маниакальный смех, припадки чередовались со спокойствием, после которого снова раздавались рыдания. Все это время Хантер оставался в стороне от этих проявлений чувств, сидя в кресле. Время от времени он делал глоток воды из бутылки, но оставался спокойным. Он оставался скалой.

— Олив, я знаю, что ты чувствуешь, — наконец, заговорил он. — Моя мать тоже умерла, — Олив посмотрела на него покрасневшими заплаканными глазами. — Как и твоя, она умерла слишком молодой. У нее были проблемы с наркотиками, но она была красивым человеком, прямо как твоя мама. Я знаю, что ты чувствуешь, поверь мне. Я понимаю тебя лучше, чем кто-либо другой в этой комнате. Ты достаточно натерпелась. Впрочем, все будет хорошо. Я обещаю. Иди сюда. Я хочу тебя обнять.

Он поднялся на ноги, и девушка, встав, бросилась к нему. Она уткнулась головой ему в грудь, пряча заплаканные глаза, крепко ухватившись за него. Забинтованной рукой он погладил ее по голове. Нита смотрела, как девушка сжала свои объятия, вероятно, причиняя ему боль, но он не оттолкнул ее, даже не поморщился. Подавив свою боль, он позволил ей опереться на него, и они еще долго так стояли.

— Тиша, пойдем вниз, поможешь мне сварить кофе и сделать легкий перекус, а потом займемся звонками. У нас есть дела, о которых нужно позаботиться, — сказала Нита.

Тиша кивнула, и они направились к двери. Прежде чем выйти, Нита бросила на них взгляд через плечо. Хантер положил подбородок ей на макушку. Олив дрожала, словно осиновый лист. Было похоже, будто маленького светловолосого ангела утешал огромный великан. Между этими двумя существовала особая связь и та боль, которую никто другой не

мог понять. Они оба пришли из разрушенного, жестокого и опустошенного мира, который оставил их в руинах. Они говорили на языке, который никто не мог понять, кроме тех, кто побывал на их месте.

Повернувшись, чтобы уйти, Нита услышала слова Хантера.

— Олив... Ноя и Холли больше нет, но они будут продолжать жить в тебе. Ты не одна. Ты никогда не будешь одна. У тебя есть Нита. У тебя есть Тиша. И видит Бог, как и обещал твоему отцу, у тебя есть я...

Хантер держал в руках старую гитару. У Джастина было довольное выражение лица, дополненное широкой ухмылкой.

— Играй, чувак! Ну, давай же. Это хорошая акустическая гитара, на которой ты когда-то играл. Она принадлежала Джону Денверу.

— Ты чертов лжец, — усмехнулся Хантер, усаживаясь на диван Джастина с принтом «пейсли», а его племянницы и племянники бегали вокруг него.

— Просто сыграй. Я хочу это услышать.

Хантер стал перебирать струны. Прошло так много времени с тех пор, как он это делал.

— Я не так хорош в игре на гитаре. Мне просто нравилось это делать.

— Прекрати оправдываться и позволь мне немного послушать.

Хантер еще немного поперебирал струны, а затем начал играть «Free Fallin» Тома Петти. Закрыв глаза, он стал петь в меру своих возможностей. Вокруг него внезапно стало тихо. Он больше не слышал детского смеха, криков и звука телевизора, ничего. Допев, он открыл глаза и увидел, что его брат, беременная девушка его брата и их дети смотрели на него в благоговении.

— Хантер! — воскликнула Миранда. — Ты так хорошо играешь!

— Спасибо.

Его племянница забралась к нему на колени и захлопала, заставив всех засмеяться.

— Сыграй еще! — попросила она, болтая ногами.

Все уселись, и он сыграл «Have You Ever Seen The Rain?» группы «Криденс Клируотер Ревивал». Его сердце сжалось в груди, когда он вспомнил, как сильно его мать любила эту чертову песню. Он боролся со слезами. Часть из них были счастливыми, часть вызванными душевной болью. Похороны Холли разорвали его на части. При погребении присутствовало не очень много людей, потому что ее зависимость на протяжении многих лет вызвала отторжение. Те, кто все-таки пришел, знали, с какими трудностями ей приходилось сталкиваться, и видели, как она старалась их преодолеть. Это была песня, которую он подпевал в детстве.

Но ему нужно было быть сильным и помешать своему мозгу заменить лицо Холли, лежащей в гробу, лицом его мертвой матери. Он должен был это сделать и для Олив, и для Ниты. Его женщина была сильной, но за закрытыми дверями, наедине с ним она сходила с ума из-за Олив. Обычно ее плач раздавался тогда, когда она думала, что ее никто не слышит, за дверью ванной или в туалете, но мучившие ее кошмары он видел своими глазами. Иногда, когда тебя окружало горе, спасения не было.

Сердце Ниты было просто чертовски огромным. Она очень сильно переживала за любую из своих девочек, и он это понимал. Нита любила Олив так, будто та была ее родной дочерью.

Пришло время для чего-то нового, чего-то приятного, чего-то, что заглушило бы печаль хотя бы на одну ночь. Поэтому он сыграл последний аккорд песни и улыбнулся, когда слушатели взорвались аплодисментами. Его семья была разрушена, но Джастин оставался с ним.

— Что? — спросил Хантер, опуская гитару.

— Черт, ты хорош, — улыбнулся Джастин, закуривая сигарету.

— О, выкинь это дерьмо или убери его на улицу, чувак — твоя девушка беременна.

Его брат выглядел так, будто хотел возразить, но кивнул. Через заднюю дверь они вышли на крыльцо, перед которым находилась маленькая, но хорошо ухоженная лужайка, и облокотились на перила.

— Папа, эм-м, сказал, что ты навестил его, — сказал Джастин, стряхивая пепел.

— Ага.

— Он сказал, что все прошло не очень хорошо.

— Для меня все было совсем не так.

— Наверное, я просто верю во второй шанс, Хантер, — помолчав, сказал Джастин.

— Я не спрашивал, во что ты веришь.

— Знаю, я просто тебе говорю, — Джастин посмотрел на него грустными глазами, но Хантер отвернулся, теперь тоже отчаянно желая закурить.

— У меня бой через пять месяцев... в Калифорнии. Ты придешь?

— В Калифорнии? Черт! Это здорово, чувак. Да... да... просто скажи мне, где и когда.

Хантер кивнул.

— Джастин, — он погладил подбородок. — Я не хотел говорить тебе, как надо вести себя с нашим отцом, но раз уж ты затронул эту тему, я поговорю с тобой об этом. Видишь ли, ты должен понимать, что некоторые вещи просто невозможно забыть. С тобой он другой человек, чем со мной. Он играет тобой. Вот что делают парни вроде нас.

— Парни вроде нас? Нас с тобой?

— Нет, — Хантер, сцепив руки, смотрел, как вдалеке что-то вынюхивала собака. — Парни вроде меня и папы. Мы пользуемся людьми ради своей выгоды. Мы просто так устроены. Мы можем обмануть обманщика. Я... уродлив внутри. Иногда у меня бывают темные мысли. Но я знаю, кто я, и я отличаю правильное от неправильного. Нита — мой компас. Она мне нужна, но иногда даже компас не может удержать лодку от того, чтобы та то и дело не сбивалась с пути. Иногда море сильнее силы внушения и направления. Иногда нужно просто позволить волку быть волком. Природа против воспитания — смешно, верно? — Хантер мрачно улыбнулся. — Я сказал Ните, что любовь спектральна. Для меня это так. Я могу любить людей, но при этом иметь степень любви к ним. Я могу любить одного человека больше, чем другого, но при этом любить их обоих. Нита... Я люблю ее сильно, чувак. Это что-то новое... Любовь к ней полностью меня заполнила. Я никогда не чувствовал такого по отношению ни к одной другой женщине. Типа, влюбился сильно и быстро. Такого со мной никогда раньше не было.

Джастин слегка рассмеялся над его словами.

— Понимаю. Она мне нравится, Хантер. Я уже говорил тебе это. Думаю, ты влюбился в нее потому, что она соответствует всем твоим критериям. Нита очень красивая, чувак. Она добрая, умная, зрелая, ответственная, собранная... Я рад, что ты, как и я, нашел кого-то, кто сделает тебя счастливым. Наши с Мирандой отношения не идеальны: иногда мы ссоримся, как кошка с собакой, но она любит меня и хорошо обо мне заботится.

— Миранда — милая женщина, Джастин. У тебя хорошая семья. Не позволяй папе испортить это, — выпрямившись, Хантер похлопал брата по спине и приготовился вернуться внутрь.

— Как папа может все испортить? Он будет в тюрьме до конца жизни, — Джастин нервно усмехнулся. — Он бы не сделал этого, Хантер. Ему нравится рассматривать фотографии моих детей. Бога ради, он теперь дедушка.

— Джастин, мы с папой различаемся по двум причинам.

— Как это?

— Он терпеть не может видеть кого-то счастливым, и он не знает, что такое любовь. Никогда не сообщай ему о своих планах, о том, что тебя волнует, или о своем следующем шаге. Даже находясь за решеткой, он может творить дерьмо. Помнишь тех парней, которые ограбили тебя? Это он им сказал, что я дал тебе деньги.

Вся краска, казалось, сошла с лица Джастина.

— Они знали об этом еще до того, как ты сказал им об этом в баре. Все, что ты сделал той ночью, лишь подтвердило это. Из твоих слов они поняли, что это не просто слухи, поэтому начали действовать. Папа упомянул об этом, но проговорился, сказав, что тех парней было четверо... Никто об этом не знал, Джастин. Я даже тебе не сообщил, сколько их было. Папа сказал это как бы мимоходом, и даже не понял, что проговорился, но в отличие от него я понял все кристально ясно. Он просил у тебя часть этих денег, не так ли?

Джастин сглотнул.

— Да...

— И что ты ему сказал?

— Я сказал, что могу дать ему немного, но большая часть должна пойти на мою девушку и детей, тем более что Миранда беременна. Я сказал, что должен использовать эти деньги во благо своей семьи. Я сказал, что нам нужно больше места, квартира побольше или дом. И я сказал, что планирую записаться на какие-нибудь курсы или что-то в этом роде.

— И он взял то, что ты мог ему дать, притворившись благодарным, но на самом деле желая большего... Он был в ярости, Джастин, он злился на то, что ты предпочел ему свою новую семью. Так что он дал знать парочке местных идиотов, что у тебя есть наличные, надеясь на то, что они поступят так, как обычно поступают местные идиоты... и они, так и сделали. Он не обязательно хотел, чтобы ты умер, но он хотел, чтобы ты был наказан... Потому что он больной ублюдок! Я знаю, ты хочешь верить, что он может исправиться, но это не так, Джастин. Люди — существа привычки. У нашего отца есть привычка причинять боль людям, которые о нем заботятся. Он получает от этого болезненное удовлетворение. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя будет.

Джастин сконфуженно опустил голову. Сигарета выскользнула из его рук, и он сердито раздавил ее ногой. Хантер обвил рукой шею брата и притянул его к себе.

— Я не хочу тебе верить... но... в этом есть смысл. Вроде бы. Дерьмо! Как... как он мог?!

— Проснись, младший брат, и почувствуй запах гребаного кофе. Нет ничего более опасного, чем дикое животное, которое внезапно оказывается в клетке до конца жизни. Его сумасшедший мозг все еще усердно работает. Эти решетки ни хрена не останавливают. Они просто повышают жажду крови существа до максимума. Некоторые животные убивают своих детенышей, наслаждаясь этим. Никогда этого не забывай...

— «Уно»! — Олив закричала и, засмеявшись, бросила на стол последнюю карту. В столовой зазвучали те еще стоны. Нита улыбнулась и встала из-за стола.

— Кто-нибудь еще хочет чего-нибудь выпить?

— Я хочу! — закричала Тиша. — Еще один раунд, мама!

— Мне утром на работу!

Тиша пробормотала что-то себе под нос, но Нита слишком устала, чтобы спрашивать ее, что она там сумничала. Открыв двухлитровую бутылку диетической «Кока-колы», она налила два стакана: один для себя, другой для дочери. Вернувшись в столовую, она тихонько выругалась, увидев, что ее мужчина, игнорируя ее пожелания, поощряет девушек, перетасовывая карты и делая еще одну раздачу.

— Хантер, я сказала, что мне нужно вставать на работу, — она поставила стаканы на стол. — Теперь, когда я учусь на менеджера, мне особенно нужно быть пунктуальной!

— Еще одна игра, детка, — пренебрежительно заявил он.

Ей захотелось стукнуть его чем-нибудь. О, как же он действовал ей на нервы в последнее время! Хантер, как правило, был адекватным, сдержанным человеком, но на той неделе с ним трудно было иметь дело из-за того, что он был подвержен частой смене настроения. Казалось, все раздражало его. Это было довольно странно, хотя Нита старалась не придавать этому особого значения.

Когда они начали новый раунд, по радио звучала песня Джона Леннона «Imagine». Но когда Нита села и взяла карты, что-то показалось ей странным. Ее сердце начало биться быстрее.

— Твоя очередь, детка, — сказал Хантер, небрежно потягивая газировку.

Ее руки начали трястись, и она расхохоталась.

— Эта... эта карта «Уно» говорит: «Мы — два человека, которые встретились и полюбили друг друга».

Текст был написан на первой карте.

— Ага.

Вторая же карта в ее руке говорила: «Ты выйдешь за меня замуж?». Нита посмотрела на Тишу и Олив, которые улыбались, как сумасшедшие.

— Вы обе знали!!!

Они засмеялись и захлопали, на их красивых лицах читалось волнение. Хантер вынул из кармана своих брюк маленькую коробочку. Нита, ахнув, прикрыла рот рукой. Повернувшись к ней, он какое-то время смотрел на коробочку, словно пытаясь собраться с мыслями.

— Итак, какое-то время я планировал, как это сделать. Ничто не казалось мне правильным или достаточно подходящим. Я собирался пригласить тебя на шикарный ужин, но это клише. Я собирался взять тебя в круиз, но однажды ты рассказала мне, как тебя пугает вероятность потерпеть в океане крушение, и я отказался от этой идеи. Я обдумывал разные способы, но затем вспомнил, что у нас есть семейные игровые вечера два раза в месяц. Это то, что всем нам нравится. И я хотел сначала поговорить с Тишей, потому что я не пытаюсь быть ей отцом, ну, знаешь, заменить его. У нее уже есть хороший отец, но раз уж я собирался стать членом ее семьи и, так сказать, быть для нее примером, то хотел убедиться, что ей будет комфортно.

Тиша кивнула в знак согласия, широко улыбаясь.

— Поэтому я усадил ее и Олив и сказал им... Я сказал им, что люблю тебя. Что хочу быть с тобой, и чтобы мы все стали семьей. семьей, которой у меня никогда не было, — он остановился и пару раз моргнул. — Еще я сказал Тише, что люблю ее, а потом сказал то же самое Олив. Нита, ты так много значишь для этих детей. Ты много значишь для всех нас. Когда пару недель назад Олив сбежала и вернулась через несколько часов после всех твоих голосовых сообщений, ты не рассердилась на нее. Ты поняла, — Олив опустила голову. — Она борется. Вы поговорили, и она поняла, как ты любишь ее.

— Я боялась, что после того, как закончится школа, я потеряю вас, как потеряла... неважно, — глаза девушки увлажнились. — Я полагала, что... когда мне исполнится восемнадцать, ваша работа со мной закончилась бы. Тиша пошла бы в колледж, а я бы осталась совсем одна. Поэтому, как я уже говорила вам, мисс Нита, я решила уйти до того, как это произошло бы. Простите. Это было глупо.

— Олив, — Нита покачала головой. — Мы обсудили это. Я понимаю, что произошло, и я всегда буду рядом с тобой. Я сказала тебе, что мой дом — это твой дом, и ничто не сможет этого изменить!

Она улыбнулась девушке, и Олив улыбнулась ей в ответ.

— Итак, со всем этим я знал, что вхожу в ваш мир, а не наоборот. Вы трое — семья. Я знал, что эта семья особенная, и хотел, чтобы женщина, находящаяся в центре этой семьи, стала моей. Навсегда.

Нита боролась со слезами. Упорно боролась. Он открыл коробочку, и они с Олив и Тишей ахнули. Внутри находилось золотое кольцо со сверкающим бриллиантом овальной огранки. Камень был огромным. Хантер вынул потрясающее кольцо из коробочки и отложил ее в сторону.

— Анита Перси, ты выйдешь за меня замуж?

— Да!

Улыбнувшись, он надел кольцо ей на палец. Девочки подпрыгивали на своих местах, хлопая в ладоши. Нита даже ущипнула себя за бедро, чтобы убедиться, что она не спит. Хантер, казалось, увидев, как она это делает, подмигнул ей.

— Ты должна выйти замуж этим летом, мама! — взвизгнула Тиша.

— Однако зимние свадьбы тоже хороши, — вмешалась Олив. — Когда я буду выходить замуж, я буду делать это зимой.

— Олив, ты, возможно, и захочешь отморозить свои булки в середине января, но, когда я буду выходить замуж, моя черная задница будет находиться в теплой церкви!

— Включи воображение, Тиша! Это было бы красиво! — запротестовала Олив.

— Это было бы не красиво, а глупо! Если твоя свадьба будет зимой, то на ней никого не будет, особенно меня, если я буду подружкой невесты. Единственный человек, который будет там с тобой, это какой-то дурак, будет пытающийся доказать тебе свою любовь, отмораживая свое хозяйство! Поговорим о том, как можно испортить первую брачную ночь. После такой свадьбы его штука будет похожа на замороженную рыбную палочку, а ты будешь кричать «Немо!»

На этих словах Хантер едва не упал со стула.

— Тиша! Ты сошла с ума! Болтаешь что попало! — отчитала Нита, когда все расхохотались.

Она покачала головой, глядя на дочь. Девушка была в ударе.

Шутки и глупости продолжались, и пока они заканчивали игру, она не могла удержаться, чтобы не смотреть время от времени на свое кольцо, сверкающее у нее на пальце.

Оно. Было. Потрясающим!

— Я хочу сделать тебя официально своей как можно скорее, Джей-Джей, — наклонившись к ее уху, прошептал Хантер. — Ни в коем случае не хочу торопить тебя, но не затягивай с назначением даты свадьбы, — его лицо светилось так же ярко, как ее кольцо. — Этот бокс действительно набирает обороты. У меня хороший доход, и я все еще работаю в

охране, пока не смогу заниматься боксом на полную ставку, но ты знаешь, к чему все идет. Я востребован. Я появился в новостях, люди болтают обо мне по всей стране, и Джонни нашел мне действительно хороших тренеров, — Нита согласно кивнула. — Хочу, чтобы девочки знали, что я настроен серьезно, будучи для них примером того, как мужчина должен относиться к женщине, — Хантер пожал плечами. — Просто пришло время сделать это. Я готов.

Поцеловав ее, он снова сосредоточился на игре.

Но Ните было трудно сосредоточиться. На самом деле, она была на таком эмоциональном подъеме, что в ближайшее время вряд ли сможет спуститься. Да она и не хотела этого делать, желая вечно парить в облаках со своим Тираном, на которого никто не был похож на всей земле. Его душа была невероятно благородна, его сердце было большим и смелым, как и его личность, а его любовь не имела границ в этом мире.

Хантер стоял, прислонившись к своей отремонтированной красной «Файрберд» шестьдесят седьмого года, над которой работал лично, воплощая свою мечту в реальность. В итоге получилось настоящее произведение искусства. Эта тачка, в которой Ной носился по улицам Детройта, была самой ценной вещью, доставшейся ему от его лучшего друга. Глянцевая красная краска казалась влажной на ощупь. Хантер чувствовал, как легкий ветерок треплет полы его пиджака. День был хорошим, но пасмурным. В воздухе витала свежесть, предвещавшая приближение дождя.

Он чувствовал себя несколько странно в черном костюме, который надевал на похороны Ноя, но, возможно, в данный момент он подходил ситуации. В любом случае, у него не было особого выбора: это было необходимо. За свою жизнь он побывал в слишком многих тюрьмах, обычно в качестве заключенного. Приходилось быть осторожным. Кто-нибудь, возможно, мог узнать его, если бы он вошел внутрь в своем обычном прикиде. К тому же сегодня был своего рода праздник. Хантер был одет с иголочки. Тыльная сторона кисти его правой руки слегка болела после того, как накануне он сделал на ней татуировку с именем Ноя.

Наконец к нему подошел напряженно выглядящий мужчина в темно-синем спортивном пиджаке. Хантер выбросил сигару, которую курил, и раздавил ее туфлей.

— Думал, уже придется посылать за вами собак! — усмехнулся он.

— Прощу прощения за задержку.

Хантер осмотрел с головы до ног высокого худощавого парня, появившегося перед ним с опозданием почти на пятнадцать минут. Мистер Томас делал то же самое. Хантер видел в нем небольшое сходство со своим братом Рики, но ничего такого, что явно бы кричало об их родственной связи. Возможно, они были братьями по одному из родителей, как они с Джастином?

— Мистер Митчелл, рад вас видеть, — мужчина протянул руку, которую Хантер лениво потряс.

— Да... Я тоже рад вас видеть.

Идя плечом к плечу к дверям тюрьмы, парень украдкой поглядывал на него, как будто первого взгляда на него ему было недостаточно.

— Вас интересуют мои статистические данные?

— Ваши... статистические данные?

— Рост, вес, размер ноги... Черт, вы смотрите на меня так, будто пытаетесь понять, сможете ли завалить меня, — поддразнил Хантер, пытаясь успокоить нервничающего мужчину.

— Эм-м, нет... нет. Вы просто выглядите не так, как на фото, которое показывал Рики. В любом случае, ваш клиент доступен для консультации. Мы войдем в здание как обычно, — он указал вперед, — а затем я выведу вас через черный вход, подальше от посторонних глаз.

— Отлично.

Когда они приблизились к зданию, Хантер окинул взглядом тюрьму, а затем посмотрел на сереющее небо. Через несколько шагов все снаружи исчезнет, как если бы огромный вакуум поглотил всю красоту и удачу в мире. Не останется ничего, кроме твердой стали, старого бетона, огромной боли и колоссального по своим масштабам страдания.

Мужчина приложил свое удостоверение личности к табло электронного сканера, и входная дверь открылась. Кивнув паре охранников, он двинулся дальше по длинному коридору, и его ботинки издавали гулкий звук, отдававшийся эхом при каждом шаге. Они прошли через несколько дверей, и в какой-то момент Хантеру пришлось показать свое поддельное удостоверение личности, предоставленное ему Рики, и расписаться на каком-то бланке.

Титус Митчелл.

Как только они вошли в один из ярусов тюрьмы, все стало громким и стереофоническим. Вокруг ходили вооруженные охранники, наблюдая за каждым движением заключенных. Впервые он мог видеть их, находясь снаружи. На вышке также были охранники, наблюдающие за проволочным забором, который рассекал плоть подобно тому, как раскаленное лезвие разрезало масло. Внутри у охранников были бессердечные лица, словно они были готовы убить по собственному желанию. Так и должно было быть в этой ужасной тюремной крепости. Вопрос выживания. В таких местах улыбка равнялась слабости. Изумленный и растерянный вид делал тебя легкой мишенью.

Хантер слишком хорошо знал об этом. Он видел это миллион раз. Заключенные используют свои отточенные манипулятивные навыки, чтобы добиться благосклонности охранника и в дальнейшем иметь возможность доставать наркотики, алкоголь, сигареты, порнографию, музыкальные плееры, получать незаконные свидания с женами и так далее. Любой признак слабости или мягкотелости будет использован против тебя.

Продажные охранники тоже вносили свой вклад. Это была отвратительная извилистая улица с двусторонним движением, которая ни к чему не приводила, кроме еще большего принуждения и коррупции. Ходили истории о заключенных, трахавших женщин-охранников за услуги, и даже о мужчинах-охранниках, ввязывающихся в сексуальные приключения в мужской тюрьме. Некоторые женщины-охранники, похоже, питали слабость к заключенным в тюрьму «плохишам» — чем тяжелее были их обвинения, тем было лучше. Они не могли оторвать от них своих рук, ртов и кисок.

Пока Хантер шел с этим человеком, который присутствовал на заседаниях элиты, произносил ободряющие речи о тюремной системе Мичигана по всей стране и обо всем, что делали другие политиканы, подобные ему, он не мог не вспомнить о своей прошлой жизни за решеткой.

Во время одной из его отсидок к нему тоже приставала женщина-охранник. Известно, что она была падкой до больших парней, возможно, думая, что их хозяйство будет соответствовать их росту. Внезапно он начал получать сладости, пиво и даже косяки. Потом стали приходить письма с признаниями о ее безумной страсти и грубыми описаниями того, как она была готова залезть на него, как на дерево. Он не стал спать с ней, но не из-за какого-то морального кодекса, который у него мог быть. Его отказ был больше связан с тем фактом, что он просто не был в таком отчаянии.

Она просто была не в его вкусе — напомнила ему злую буфетчицу, которая была у него в начальной школе, немного мужеподобную и слишком агрессивную, когда для этого не было повода. Ему нравились женщины сильные и независимые, но в то же время женственные. Кто-то сказал бы, что трах есть трах, но всему есть цена... Эта женщина-охранник хотела большего. Поэтому он не собирался попадать в затруднительную ситуацию, даже когда поступали более привлекательные предложения.

Кроме того, для таких случаев у него имелась его верная рука и маленькая

искусственная киска, или, как они называли это приспособление, фифи, которую он соорудил из свернутого куска старого полотенца, латексной перчатки, канцелярских резинок и вазелина. Он внутренне усмехнулся этому воспоминанию. Тюремное дерьмо. Выживает сильнейший.

Они продолжали идти по коридору, который, казалось, никогда не закончится. Путь к месту назначения занял какое-то время, но это было хорошо, потому что дало ему время еще раз обдумать свой план. У него была миссия, и она будет выполнена в полном объеме в соответствии с его судом.

— Исправительное учреждение Ионии — самая большая тюрьма в штате Мичиган, — пояснил мужчина, нарушая их затянувшееся молчание.

Хантер кивнул, хотя и так знал это. Он никогда не сидел здесь, но знал достаточно людей, которых перемещали по штату, среди которых были несколько заключенных, побывавших за этими стенами.

Проходя мимо стены из закаленного стекла, расположенной справа, он мог видеть некоторых заключенных, но они не могли видеть их. Внизу, в столовой, за столиками сидело несколько человек, которые с его точки зрения казались маленькими, словно куклы. Некоторые играли в карты, некоторые казались абстрагированными от внешнего мира, но многие просто разговаривали и смеялись. Остальные лежали в своих камерах и смотрели телевизор.

Самая худшая часть заключенных не разгуливала здесь вот так просто. Только не в этой тюрьме строгого режима. Их держали совсем в другом месте, подальше от лишних глаз. Этих последних обычно арестовывали за педофилию или какую-нибудь отвратительную хрень, связанную с убийством детей или стариков. Это был моральный кодекс заключенного: нельзя причинять вред собственной матери, старикам и детям. Если же становилось известно, что ты это сделал, что ж, ты автоматически попадад в задницу. Хотя этот олдскульный моральный кодекс начал ломаться, он все еще действовал.

Он снова погрузился в воспоминания.

Глядя на всех этих ублюдков...

Некоторые из заключенных были пленены птицами, многие были пойманными в ловушку монстрами. Некоторые, несомненно, находились здесь потому, что им больше некуда было идти. Быть бездомным было в некотором смысле хуже, чем оказаться в тюрьме, особенно в зимние месяцы. Северные зимы были убийцами. Выжить в жестокой мичиганской метели было практически невозможно.

Подойдя к стальной двери, мужчина поднес свою карточку к электронному табло, после чего раздался громкий жужжащий звук, дверь открылась и они зашли в небольшую комнату с раковиной, столом, двумя стульями и одним крошечным окном.

— Подождите здесь, пожалуйста.

Прежде чем Хантер успел ответить, мужчина исчез за стальной дверью. Хантер стал ждать, скрестив руки. Мельком бросив взгляд в зеркало, висевшее над раковиной, он едва узнал себя. Он не появлялся в доме Ниты уже пару дней, не желая видеть разочарования в ее глазах, сказав ей по телефону, что у него есть кое-какие дела по работе, не сказав при этом полной лжи. Она что-то подозревала, потому что знала его чертовски хорошо, лучше, чем большинство.

В любом случае, его бы не смогли отговорить от этого. Он уже принял решение. Он пришел из мира, о котором она ничего не знала. Она бы не поняла. Нита выросла в семье,

принадлежащей к рабочему классу, живущему от зарплаты до зарплаты, но у нее была любящая семья, в которой приветствовались образование и хорошая работа. Возможность жить нормальной жизнью. Также практически каждое воскресенье она ходила в церковь.

С другой стороны, его детство было перевернуто с ног на голову. После того, как его психике был причинен невосполнимый урон, его пожилые бабушка и дедушка пытались собрать его воедино. Тогда он проводил больше времени на улицах, чем под крышей их дома.

Они делали все, что могли, но к тому времени ущерб уже был нанесен. Он оставался таким потеряннным до тех пор, пока не понял, кто он и что он такое, и, наконец, не принял это. Теперь он нашел самого себя, и больше с этим не боролся. Хантер не чувствовал ненависти к себе, он уважал себя в полной мере. Он был одновременно и необходимым благословением, и злом.

Раздавшийся громкий жужжащий звук отвлек его от мыслей. В дверях стоял брат Рики, и они встретились с ним взглядами.

— Я должен был моему брату услугу. Пожалуйста, просто придерживайтесь уговора.

Хантер кивнул, и мужчина вышел. Подойдя к окну, Хантер выглянул наружу. Ничего, кроме колючей проволоки и депрессии. Некоторое время он стоял у окна, но вскоре он услышал, как дверь открылась, а затем закрылась, а затем раздался щелчок закрывающегося замка.

С улыбкой он медленно повернулся к Дрю Доуэри. Стоящий перед ним в тюремном комбинезоне, с растрепанными волосами и мешками под глазами мужчина выглядел как дерьмо. А еще он выглядел растерянным.

— Я знаю тебя...

— Я тоже знаю тебя, Дрю.

— Хантер? О, вау, чувак, — Дрю улыбнулся, демонстрируя отсутствующий зуб, который, как помнил Хантер, был выбит давным-давно. — Я не видел тебя много лет! — сказал он, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. — Мне, эм-м, сказали, что я должен поговорить с адвокатом. Ты не адвокат.

Дрю сел на стул. Потерев ухо, Хантер сделал несколько шагов к нему и, оперевшись на противоположный конец стола, наклонился к нему.

— Нет, Дрю, я не адвокат, но сегодня я судья и присяжные.

— Что? Да ладно!

— Ты разве не слышал? Ной Бимер умер.

— Что, правда? Нет, — пожал плечами мужчина. — Не слышал. Что случилось?

— Случился ты.

Мужчина непонимающе смотрел на него.

— Я, эм-м, ничего не сделал Ною. Я здесь, и у меня нет таких связей. Что? Это был заказное убийство? Думаешь, я мог бы...

— Не играй со мной, Дрю, — усмехнулся Хантер. — Ной прикрывал твою спину, когда мы сидели все вместе, а ты сдал его и подставил. Из-за тебя к его приговору добавили еще несколько лет, а тебя перевели в тюрьму получше. Но потом ты облажался и был отправлен сюда. Из-за тебя, из-за тех нескольких лишних лет, которые Ной провел за решеткой, он заболел, и, как обычно, никому там не было до этого дела и ему не разрешили обратиться за помощью врача. Его болезнь не была обнаружена вовремя, и он умер медленной, мучительной, жуткой смертью.

Дрю вскинул руки и ухмыльнулся.

— Чувак, ты не можешь винить в этом меня, — он покачал головой. — У Ноя были деньги. Многие там пытались откусить от него кусок. Я здесь ни при чем.

— Никто не знал, что у Ноя были припрятаны гребаные деньги, кроме людей, которым он доверял, а таких было немного. Ты был его сокамерником и хорошо с ним ладил. Он помогал тебе, и вот так ты его отблагодарил, — Дрю встал. — О, — Хантер усмехнулся. — Хочешь уйти, да? Посмотри же мне теперь в глаза как мужик, когда знаешь, что произошло, ублюдок!

Дрю, сглотнув, высоко поднял голову.

Хантер запылал. Он стал огненным шаром, когда огибал стол, словно гребаный ястреб. Налетев на Дрю, он ударил этого ублюдка со всей силы в челюсть. Ярость, охватившая его, была темно-красной и серой, липкой и кровоточащей, каким становился человек под его гневными кулаками. Крики ублюдка звучали как пронзительные визги, укрепляя решимость Хантера уничтожить его.

— Я не вижу, чтобы ты сейчас улыбался! Где твоя улыбка, ублюдок?! — Хантер, подпрыгнув, опустился ногами на грудь этого ублюдка, словно тот был человеческим багутом. Боль и грусть изливались из него, словно горячая лава. Все горе, которое он испытывал по поводу смерти Ноя, наконец-то нашло дорогу наружу. Он никогда не мог справиться с ним, не верил, что когда-нибудь сможет, но происходящее сейчас помогало, черт подери.

— Ахххххх!

Мужчина стонал и катался по полу от мучительной боли. Его лицо было едва узнаваемо, когда Хантер сделал пару шагов назад. Тяжело дыша, он посмотрел на сукина сына. Нагнувшись, он схватил ублюдка за волосы и потянул назад, заставив его шею согнуться под острым углом. Он хотел сломать ее этому мудаку. Крики, вырывавшиеся изо рта Дрю, теперь звучали не громче шепота. Внезапно дверь открылась и быстро закрылась. Не говоря ни слова, несколько мужчин схватили Хантера.

— Я не закончил! Мое время еще не вышло!

— Мистер Митчелл! У нас был договор! — раздался голос мистера Томаса. — Я же говорил вам, что вы не можете убить его! Достаточно! На этом все!

Хантер плюнул на окровавленное тело мудака, в то время как в комнату вошли еще двое мужчин, одетые в медицинскую форму, подняли тело Дрю с пола и молча вынесли его. Мужчины, державшие Хантера, отпустили его и тоже молча вышли. Он остался наедине с мистером Томасом.

Томас выглядел обеспокоенным этой сценой. Возможно, даже напуганным. Откинувшись на спинку стула, он покачал головой.

— Вы не могли удержаться? Будет чудом, если он не умрет после того, что вы с ним сделали.

— Хорошо. Я надеюсь, что это произойдет. Жизнь за жизнь. Я не буду плохо спать из-за этого. Кроме того, мой лимит времени не истек.

Внезапно на часах Хантера сработал таймер, и он, улыбнувшись, выключил его. Двое мужчин смотрели друг на друга, затем мистер Томас выпрямился и скрестил руки на груди.

— Вау... на какого же монстра я сейчас смотрю, — Хантер равнодушно пожал плечами. — Рики сказал, что вы — зверь. Он сказал, что вы бездушен, хитер и опасен. Сказал, что вы боксируете, как никто. И у вас есть выносливость старшего поколения

мужчин, а не этой новой породы кисок и слабаков. Мой брат считает вас ходячим оружием. Он думает, что вы особенный.

— Так и есть, ублюдок.

— Да, так и есть, — глаза мужчины сузились. — То, что я только что увидел на камере из своего кабинета, было грубо. Одна из самых жестоких, гротескных атак, которые я видел за долгое время. Это заняло четыре минуты, никакого оружия, только кулаки и иногда ноги. Я не восхищаюсь вами, но благоговею перед вами, мистер Митчелл. Дрю выглядит так, будто его обработали бейсбольными битами. Несмотря ни на что, наши обязательства друг перед другом выполнены. Никто не услышит ни слова об этом. Согласно нашему договору, это останется между нами.

— И кому, черт подери, я бы сказал об этом? И что еще более важно, зачем? Я не собираюсь снова оказываться в каком-нибудь чудесном месте вроде этого, — ответил Хантер, стиснув зубы.

— Хорошо. Позвольте мне дать вам время, чтобы привести себя в порядок, а затем я провожу вас. Мистер Митчелл, могу я задать вам вопрос?

— Да.

— Почему вы чувствовали себя настолько обязанным сделать это? Вы свободны. Вы даже не на испытательном сроке. Насколько я могу судить, у вас впереди многообещающая боксерская карьера и совершенно новая жизнь. К чему было все это? Я слышал, что вы упомянули о своем друге, я понимаю, но... должно быть что-то еще, кроме этого. Вы прошли долгий путь, эмоционально и физически.

— Я больше не в тюрьме. Но есть некоторые тюремные правила, которые я унесу с собой в могилу. Что должны извлечь из этого вы, мистер Важная Шишка, так это то, что правила в этих местах должны измениться. Когда заключенный говорит вам, что у него проблемы со здоровьем, вы обязаны проверить это. Вы и вам подобные, разбогатевшие на таких парнях, как я, должны это знать: да, мы облажались, мы нарушили закон, но мы все еще остаемся людьми! У нас есть права. Тюремная система ухудшает жизнь таких, как я. Это дерьмо не реабилитирует, и мы оба это знаем. На самом деле вы не хотите, чтобы мы исправлялись, ибо тогда бы вы вымерли. Тем не менее, среди заключенных здесь есть правила, и их нужно соблюдать.

Существуют определенные вещи, которые ты не должен совершать. Это дело чести. Это вопрос о том, чтобы держать свое слово. Дрю нарушил несколько правил, и всем было плевать на это, чувак. Никого это не заботило, пока они получали выгоду от того, что он делал. Я исполнил предсмертное желание. Мне нужно было сравнить чаши весов и отправить сообщение: не связывайся с моим другом Ноем, не связывайся с моим братом, Джастином, не связывайся с моими бабушкой и дедушкой. С моей женщиной и ее дочерьми тоже не связывайся. Это не ядерная физика, все намного проще...

Она хотела чего-то скромного, но получила гораздо больше.

Тем не менее, это было волшебно красиво. Задний двор Ниты был украшен красивыми блестящими синими и белыми лентами. Вкрапления серебра тут и там создавали идеальный акцент. Пастор, стоящий под аркой, между парой столбов, специально поставленных для этого случая, держал в руках Библию. Люди, продолжавшие подходить, усаживались на красивые белые стулья с голубыми атласными сиденьями. Ните, выглянувшей из окна своей

спальни, было трудно поверить, что сегодня наступил тот самый день...

Она выходила замуж.

Стоял прекрасный июльский день, и ее желудок сжимался от нервов. Она не видела и не слышала Хантера весь день, но ее новый шурин Джастин обещал присматривать за ним эту неделю, хотя она знала, что это была чертова ложь. Джастин смотрел на Хантера снизу вверх, практически боготворил его. Он бы никогда его не сдал. Этот человек вместе с несколькими сумасшедшими друзьями Хантера накануне вечером устроил ему мальчишник, и Нита молилась, чтобы он мог сегодня стоять прямо у алтаря. Мысль о том, что они будут стоять бок о бок, ожидая ее появления, заставила ее улыбнуться. Джастин был так счастлив, когда Хантер сказал ему, что хочет видеть его в качестве своего шафера.

На днях Джастин сделал предложение своей давней девушке Миранде, красивой и милой женщине. У них было несколько детей, которыми она занималась. Недавно Миранда родила еще одного ребенка, мальчика, и казалось, что жизнь для них с Джастином продолжается.

Сев за туалетный столик, Нита окинула взглядом свой макияж. Мама хорошо поработала. Ее мать часто пользовалась косметикой и хорошо ею управлялась, в отличие от Ниты, обычно пользующейся лишь помадой и тушью, но сегодня у нее был полный мейк-ап и спрей для его фиксации в придачу. Раздался стук в дверь.

— Да?

— Привет, детка, это я, — глубокий голос Хантера вызвал у нее чувственную дрожь. Даже по прошествии всего этого времени у нее кружилась голова, когда он был рядом. — Я знаю, что не могу тебя сейчас видеть, но... просто хотел поздороваться.

Его голос звучал немного нервно. Как мило!

— Привет, — улыбнулась Нита и помахала рукой, хотя он не мог ее видеть. — Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. Похоже, что почти все пришли, — он прочистил горло. — Официанты тоже, а на кухне полно кастрюль и другого дерьма. В доме полно народа. Я видел твоих подружек в бело-синих платьях. Они выглядят великолепно.

— Правда? Я отпустила их. Хотела посидеть здесь и помолиться, собраться с мыслями... Тебе было весело прошлой ночью?

— Да. Были стриптизерши, но я ничего с ними не делал. Не хватал за грудь или что-то типа этого дерьма. У меня был танец на коленях, но я не трогал ее и пальцем, клянусь. Я просто смотрел, а потом засунул немного денег ей в стринги. Еще я напился прошлой ночью, детка, но теперь я в порядке и чувствую себя хорошо.

Она улыбнулась его честности.

— Ладно, это хорошо, Хантер. Ты вчера оттянулся по-полной, но я все равно люблю тебя.

— Я знаю...

— Хантер, отойди от этой двери, — крикнул кто-то.

Голос был похож на голос ее сестры, Наоми, но Нита не была уверена в этом на сто процентов.

— Мне нужно идти, детка! Пока! — сказал он и убежал, оставив ее в приступе хихиканья.

Она встала, чтобы бросить последний взгляд на свой наряд. Ее кремовое свадебное платье, имевшее форму колокола, облежавшее бедра и имевшее кружевной лиф в форме

сердца, было невероятно нежным и женственным. На ее шее висел бриллиантовый кулон в форме капли, который Хантер подарил ей на день рождения. Она также одолжила у матери небольшие бриллиантовые серьги, которые та надевала в день своей свадьбы. Под платьем на Ните были синие кружевные трусики и бело-синий пояс с подвязками. Ее волосы были собраны в высокий гладкий пучок с вплетенными цветами гипсофилы, а сзади свисала вуаль, струившаяся до талии.

— Мама, — постучала в дверь Тиша. — Хантер сейчас снаружи. Можно нам войти?

— Да, детка.

Промокнув глаза салфеткой, Нита открыла дверь спальни. В коридоре стояли ее дочери, обе одетые в великолепные синие платья с белыми поясами. Взяв под руки, Олив и Тиша вывели ее из комнаты и стали спускаться по ступенькам вниз. Люди охали и ахали, и на ее щеках вспыхнул румянец, когда она улыбнулась.

Как только она спустилась по ступенькам, отец крепко обнял ее. Когда он отстранился, его глаза подозрительно блестели.

— Ты выглядишь великолепно! — сказал он прерывистым, полным эмоций голосом.

— Папа, перестань! — улыбнулась Нита. — Ты заставишь меня плакать.

Снова взяв ее под руки, Олив и Тиша направились к задней части дома.

Звучала красивая джазовая музыка, а в воздухе витали ароматы жареной курицы, стейка, куриных шашлыков и других разнообразных закусок.

Подойдя ближе к задней двери, она заколебалась. Слезы навернулись на ее глаза при виде Хантера, стоящего рядом со своим братом и друзьями, одетых в черные смокинги с синими галстуками и выглядевших потрясающе. Его волосы и борода были идеально подстрижены. Заиграла душевная песня «Memories» группы «Марун файв». Хантер смеялся, звук его смеха был полон любви, жизни... и удивления.

Отпустив ее руку, Олив вышла за дверь и призвала всех к порядку. Все подружки невесты встали рядом с ней, и Ните было невероятно сложно не расплакаться, когда ее захлестывали такие сильные эмоции!

— Девочка! — прошептала Ните ее подруга, потирая ей спину. — Успокойся, детка. Не смей портить макияж слезами. Испортишь его вечером, когда будешь заниматься любовью.

За этими словами последовало девичье хихиканье.

Когда дверь открылась, из динамиков донеслась песня Фрэнка Синатры «The Way You Look Tonight». Нита осталась стоять, когда одна за другой вышли ее подружки невесты, каждая в сопровождении одного из дружков Хантера. Ее сердце бешено колотилось, пока она ждала, сжимая букет, который мама только что вложила ей в руки. Она смотрела на нее, широко улыбаясь, но не говоря ни слова, зная, что это снова отправит Ниту в шторм эмоций.

— Не думала, что буду так нервничать! — прошептала Нита матери.

— Ты влюблена. Это важный день! Так бывает, — ответила мама, похлопав ее по руке, отчего слезы навернулись на глаза Ните.

Вскоре подошедший к двери Джастин предложил пожилой женщине свою руку, а затем проводил ее к ее месту в первом ряду. Справа от Ниты встал папа, благоухая сигарами и божественным одеколоном. Ей нравилось, как он пах. Нита положила голову ему на плечо, и он поцеловал ее в макушку.

— Встаньте, пожалуйста, — сказала плачущая Тиша в микрофон, когда дверь снова открылась, — невеста идет.

Все поднялись на ноги, и Нита в сопровождении своего отца вышла в небольшой сад и, пройдя мимо скамейки, направилась к белой ковровой дорожке, усыпанной синими лепестками цветов. Подходя к ней, она бросила взгляд на Хантера.

Если бы у интенсивности было имя, оно бы звучало как его. Глаза Хантера, устремившего на нее свой взгляд так, словно она была единственной женщиной во всем мире, буквально светились. Из динамиков, подключенных Джастином за несколько дней до этого, зазвучала «Come Away with Me» Норы Джонс. Когда она подошла ближе, Хантер сексуально улыбнулся. Пастор заговорил, и музыка стала звучать немного тише.

— Кто отдает эту женщину замуж за этого мужчину?

— Я, — выдавил папа, и по его лицу стекла слеза. Пожав руку ее мужчине, он сел рядом с ее матерью, а также бабушкой и дедушкой Хантера. Музыка стихла, и началась брачная церемония, сопровождающаяся клятвами жениха и невесты.

Все шло так, как они репетировали пару дней назад, но в какой-то момент Хантер удивил ее.

— Знаю, что мы не говорили об этом во время репетиции, но могу я кое-что сказать? — спросил он пастора.

— Конечно, — кивнул тот. — Следуйте велению своего сердца.

Хантер повернул ее так, чтобы она могла видеть гостей, которые теперь перешептывались между собой.

— Анита — невероятная женщина, — сказал он, и многие согласно кивнули. — Она заслуживает прекрасного мужа. Однако, очевидно, произошло что-то сумасшедшее, и она понизила свои стандарты, так что я не успокоюсь, пока не выясню, какого черта она согласилась на меня. Кто-то же должен докопаться до истины!

Присутствующие, включая пастора, взорвались смехом и Нита, хихикнув, шлепнула его по плечу.

— Я знал, что хочу эту женщину с первого дня, как только увидел ее, — продолжил Хантер, взяв ее за руки и становясь серьезным. — Но стоя здесь и глядя на эту прекрасную женщину, я задумался и понял, что ничего из этого не произошло бы без Ноя... моего лучшего друга.

Нита улыбнулась.

— Видите ли, на смертном одре он попросил меня найти его дочь и дал мне адрес Ниты.

Они оба, повернувшись, бросили на Олив краткий взгляд. Щеки девушки приобрели темно-розовый оттенок, когда она улыбнулась.

— Итак, я сделал именно это. Я подумал, что поговорю с Олив, отдам ей то, что хотел передать ей ее отец, и уеду. Но произошло вовсе не это. У Бога были другие планы, скажут многие. За этой входной дверью, к моему большому удивлению, жила любовь всей моей жизни.

По щекам Ниты потекло еще больше слез.

— Посмотрев на Ниту, я увидел женщину невероятно красивую, невероятно грациозную, которая была полной противоположностью мне.

Толпа разразилась смехом, и Хантер ухмыльнулся.

— Она была невероятно настоящей, невероятно честной. И еще она была невероятно любящей. Она — мать, которую мы все хотели бы иметь.

Олив и Тиша стояли, держась за руки, явно взволнованные.

— Олив, спасибо за то, что ты была причиной, по которой я вошел в эту дверь. Тиша, спасибо за то, что подарила мне свою маму... потому что я знаю, что ее любовь к тебе была на первом месте. Если бы ты не чувствовала, что я подхожу для нее, то сказала бы ей это, и нас бы сейчас здесь не было. Тиша, ты помогла Ните стать такой, какая она есть сегодня. Когда ты появилась на свет, она была совсем юной, но ты стала для нее не чем иным, как благословением, и она приняла вызов. Она сказала мне, что в тот день, когда ты родилась, она так сильно поллюбила тебя, что ей стало больно.

Тиша вытерла глаза костяшками пальцев.

— Она дала мне понять, что вы с Олив были ее главными приоритетами в жизни, и мне это понравилось. Это заставило меня хотеть ее еще больше. Спасибо за то, что позволили мне быть частью вашей семьи, потому что это то, чем мы являемся. Семейей. Перед смертью Ной сделал меня крестным отцом Олив, но даже если бы он этого не сделал, он знал, что я возьму на себя ответственность. Теперь у меня есть жена и две дочери. И это на самом деле так.

Хантер прочистил горло, когда среди присутствующих послышалось всхлипывание.

— Я просто, эм-м, хотел это сказать.

Улыбнувшись, пастор похлопал его по плечу, а затем продолжил церемонию. Когда пришло время обмениваться обручальными кольцами, у Ниты едва не подкосились колени.

Засунув руку в нагрудный карман пиджака, Хантер вытащил небольшую бархатную коробочку. Он открыл ее, и Нита увидела два парных кольца, каждое из которых было инкрустировано сверкающими бриллиантами. Он снял с ее пальца помолвочное кольцо, надел одно парное кольцо, затем помолвочное, а затем второе парное кольцо. Такого прекрасного сюрприза Нита не ожидала.

Сестра протянула ей обручальное кольцо, которое Нита купила для Хантера, и она надела его ему на палец. Искусно сделанное, оно было украшено крошечными бриллиантами вдоль обоих краев. На внутренней стороне были выгравированы его инициалы и дата их свадьбы.

— Поскольку жених и невеста согласились сегодня на священный союз и поклялись друг другу в любви и верности, и подтвердили это дарением колец, властью, данной мне, и по свидетельству друзей и семьи, объявляю вас мужем и женой!

Взяв ее лицо в руки, Хантер наклонился к ней и скрепил их любовь поцелуем. Они оторвались друг от друга, когда люди начали аплодировать. Он смотрел на нее так, словно она была центром его вселенной. Пристально смотря Ните в глаза, он снова притянул ее к себе и подарил ей еще один восхитительный поцелуй.

— Я так тебя люблю, Хантер! — сказала Нита, крепко обнимая его.

— Мне так повезло, что я могу провести остаток своей жизни с тобой, детка, — прошептал он ей на ухо. — Ты не просто мой лучший друг и любовница. Ты половина моей души...

Два года спустя

Сегодня день рождения Ноя... Надеюсь, ты гордишься мной, чувак.

Хантер так и не привык видеть свое имя на афишах, но ему это нравилось.

Он также никогда не уставал драться. Это было заложено в его природе, было его призванием. Настолько, что он превратил этого мудака Дрю в прикованный к постели овощ.

Всего за четыре минуты. Теперь он тоже будет страдать от невыносимой боли до конца своей жизни, неспособный мочиться и гадить самостоятельно точно так же, как он сделал с Ноем, нанеся человеку удар в спину, подставив его и предав, выгородив этим себя. Разрушив ему всю жизнь.

Теперь ублюдок не мог ходить. Разговаривать. Едва помнил свое имя. Это часто вызывало улыбку на лице Хантера. Для тех, кому нужно было знать, сообщение было передано: Дрю был наказан за то, что подставил другого заключенного.

С днем рождения, Ной...

Многие профессиональные спортивные репортеры и боксерские организации предсказывали, что Хантер станет следующим чемпионом в супертяжелом весе. Все шло прекрасно.

Он никогда не уставал от своей прекрасной жены и семьи, но у него было одно желание. Он хотел большего...

Хантер бездельничал в своей берлоге, где на сером кожаном диване лежала его усталая задница, а на большом экране телевизора, установленного над мраморным камином, шел классический фильм о мафии. На глянцево-черном столе перед ним дымилась сигара в пепельнице, поставленной рядом с бутылкой пива, над которой он работал. Мысли роились в его голове.

Работа боксером полный рабочий день делала Хантера очень занятым, это ему нравилось. Деньги, которые она приносила, были большими, настолько большими, что Нита, если бы захотела, могла бросить работу, но она отказывалась это делать. Теперь она была менеджером и ей очень нравилась эта работа. Хантер любил покупать ей красивую одежду, обувь, дорогие духи и украшения, он даже купил ей машину. Он мог дать ей все, что ей бы захотелось. Нита редко его о чем-нибудь просила, но он любил делать ей приятное.

Тиша уехала учиться в колледж, но часто приезжала. Они с Нитой очень скучали по ней. Скучали по ее смеху, ее юмору, ее легкомыслию.

Олив собиралась переехать в Нью-Йорк, чтобы начать работать моделью. Хантер на всякий случай проверил агентство, но выяснилось, что никакого обмана не было и все было вполне законно. Девушка собиралась сниматься в журналах. Она очень хотела стать актрисой, но полагала, что это может стать хорошей ступенькой на пути к достижению ее целей.

Для того, чтобы переехать туда, она использовала часть своего наследства. Нита подчеркивала, что все еще хочет, чтобы Олив ходила в колледж, чтобы получить какое-то образование и иметь впоследствии возможность на что опереться, но было что-то притягательное в этих огнях большого города.

Хантер поселил Олив в хорошей квартире, оплатив ей аренду за год, что было чертовски дорого, поскольку она хотела жить в центре Манхэттена. Он также заставил ее пообещать быть умницей, никогда не ездить на такси одной, особенно ночью, и быть осторожной, иначе ему придется приехать и надрать кому-нибудь задницу, если кто-то обидит ее. И девушка знала, что он говорил это абсолютно серьезно.

— Детка! — позвал он и, наклонившись вперед, схватил пульт. — Поторопить. Я жду. Кроме того, меня скоро будут показывать на «ESPN»!

— Уже иду! Черт! — крикнула Нита со второго этажа их нового дома. Недавно они продали тот, который он ей купил, и приобрели другой со всеми прибабасами. Здесь даже был бассейн.

— Нита!

— Хватит меня звать! Я услышала тебя еще в первый раз!

Он закатил глаза. Иногда Нита была медлительна, как улитка, и это сводило его с ума, когда им нужно было куда идти.

Через пару мгновений она спустилась вниз и присоединилась к нему на диване. Сев рядом с ним, она скрестила свои красивые ноги, частично прикрытые белым атласным халатом, и уставилась на экран. Хантер подождал... и подождал еще немного. Ничего.

— Женщина, не играй со мной! — сердито рыкнул он, а она ухмыльнулась, будто ничего не происходило.

— Что? — спросила она как ни в чем не бывало.

— Нита! Что показал тест на беременность? Я уже полгода пытаюсь тебя обрюхатить, вложив в тебя ребенка! Ты должна была сейчас сделать этот тест. Прекрати это.

Хихикая, она вытащила тест из кармана халата и протянула ему. Посмотрев на него, он сглотнул, а затем расхохотался.

— Черт подери! Я стану отцом! Ну, я уже и так отец, но ты понимаешь, что я имею в виду! — Хантер крепко обнял ее, и она, смеясь, обняла его в ответ. — Я так чертовски счастлив! Боже мой!

Пока он сидел, широко улыбаясь, Нита позвонила матери и поделилась с ней этой прекрасной новостью.

— Девочка, ты сделала это! — услышал он голос ее матери и усмехнулся. — Ты начинаешь все сначала! Твоя дочь выросла, а ты снова собираешься купить чертовы подгузники и есть за троих. Но я безумно счастлива! Кое-кого я еще могу избаловать!

Звонки все продолжались и продолжались. Следом за матерью она обзвонила всю свою семью и подруг. Схватив свой мобильный телефон, Хантер набрал номер бабушки и дедушки, поставив их на громкую связь.

— Бабушка, угадай, по какому поводу я тебе звоню? — выпалил он сразу же после того, как женщина сказала «алло».

— Что случилось, дорогой?

— Включи громкую связь, чтобы дедушка тоже мог слышать.

— Подождите минутку... Эй! Хантер звонит! — они с Нитой подавили смех, когда бабушка кричала, привлекая внимание деда. В последнее время его здоровье пошатнулось, так что они надеялись, что эта новость вызовет у него улыбку. — Хорошо, мы оба здесь. Что случилось, Хантер?

— Нита беременна. У нас будет ребенок!

— О-о-о! О боже мой! — следующие несколько минут бабушка с дедушка смеялись, обмениваясь восторженными восклицаниями. — Это замечательная новость! Ох, я не могу этого дождаться!

Хантер продолжал говорить с ними еще несколько минут, а затем сбросил вызов. Затем им потребовалось еще несколько минут, чтобы все обдумать — оба были на седьмом небе от счастья, — пока они наблюдали за тем, как его противник болтает о нем всякую чушь на «ESPN». Это была рутинная хрень, просто часть спорта. Хантер, поглаживая ногу Ниты думал о том, как сильно изменится его жизнь, когда появится та недостающая часть, которую он хотел. Нита наконец-то носила его ребенка... Он повторял эти слова в уме снова и снова. Это казалось таким нереальным.

— Это захватывающе, но иметь ребенка означает ежедневно проделывать большую

работу. Иногда ты будешь задаваться вопросом, сколько дней прошло с тех пор, когда ты хорошо отдыхал. Ты готов к этому, Хантер? — спросила Нита, повернувшись к нему с серьезным выражением лица.

Он долго думал над ее вопросом.

— Тот момент, когда понял, что люблю тебя, был тем моментом, когда я стал готов, Нита. Готов ко всему, что встречалось на нашем пути, запланированному или нет, я был готов к этому с рождения. Я говорил тебе еще до того, как мы поженились, что хочу, чтобы ты родила мне ребенка. Так что да... Я был создан для этого. Я буду рядом с тобой на каждом шагу. И это мое тебе обещание.

Приподняв ее подбородок, он поцеловал ее в губы...

Девять месяцев спустя

Вестибюль больницы выглядел так, будто в нем проходила гребаная вечеринка. Хантер стоял там, его рубашка промокла от пота, его эмоции зашкаливали. Помимо него здесь присутствовали Джастин, Тиша, его бабушка и дедушка, приятели по спорту, тренер, друзья и даже пара представителей прессы. Все ждали новостей. Он расплакался от радости, и люди бросились обнимать и поздравлять его.

— Нита... моя жена... она родила. Это мальчик. У меня родился сын! Почти четыре килограмма. Хантер Ной Вульф. Он здоров, идеален, и с Нитой все в порядке, — присутствующие зааплодировали. — Блин, я не знал, что буду таким! Это сломало меня. Когда он рождался, я чуть с ума не сошел от беспокойства, когда увидел, как это происходит... Боже мой... Я не мог сдержать слез. Это неправильно — я же все-таки боец! — пошутил он.

— Поздравляем, Хантер!

Это были долгие роды, и они боялись, что Ните может понадобится кесарево сечение. Слава Богу, операция не понадобилась, и в конечном итоге он, находясь в полном шоке и под впечатлением, перерезал пуповину.

— Сейчас его приводят в порядок и одевают. Я лучше вернусь туда.

Вернувшись в родильное отделение, он зашел в палату Ниты. Его жена была невероятно прекрасна. Ее длинные волосы были убраны назад, а лицо сияло, хотя она была истощена. Хантер взял ее руку в свою. В этот момент в палату принесли запеленатого младенца.

— Вот ваш малыш! Такой большой и красивый мальчик! — объявила медсестра с широкой улыбкой. Нита, бережно взяв новорожденного на руки, прижала его к груди, и они оба стали внимательно его изучать.

— Хантер, он похож на тебя! Он даже такой же белый, как ты! — рассмеялась она. — В конце концов, он приобретет свой цвет, но, черт подери, в данный момент можно подумать, что я не имею к этому никакого отношения.

Когда он расхохотался, Нита удивленно на него посмотрела.

— Он действительно похож на меня... черт, — Хантер сморгнул слезы. — Могу я... Могу я подержать...

— Конечно, ты можешь подержать своего сына, — Нита осторожно передала его Хантеру, который аккуратно взял ребенка на руки, поддерживая ему головку. — Пусть передадут Тише, чтобы она зашла и познакомилась со своим братом. Олив будет здесь завтра.

Хантер кивнул, не сводя глаз со своего малыша. Ребенок моргнул и слегка приоткрыл глазки. Они посмотрели друг на друга, и сердце Хантера переполнилось любовью.

— Нита, у него твой рот.

Она присмотрелась повнимательнее.

— Ты прав... Но все остальное — твое. Даже уши.

Он согласно кивнул.

— Я так сильно его хотел. Спасибо... спасибо тебе за этот подарок, Нита, — прижав малыша к груди, Хантер наклонился и поцеловал ее. На глазах Ниты появились слезы, когда в палату вошла Тиша.

— Ладно, ладно! У вас был шанс! — юная леди замахала руками. — Теперь отдавайте моего брата — настала моя очередь!

Палата взорвалась смехом, когда Хантер сунул ребенка в объятия Тиши.

— Тиша, ты помыла руки? — спросила Нита, приподняв бровь.

— Нет, мама. Вместо этого я подумала, что было бы неплохо поковыряться в грязи и покопаться в мусорных отходах из больничной столовой, прежде чем прийти сюда и поддержать только что родившегося ребенка.

Нита закатила глаза, глядя на свою улыбающуюся дочь, а Хантер расхохотался.

— Так это Хантер Ной, да? — сказала Тиша мягким, сладким голосом, глядя в глаза своему младшему брату. — Мы ждали тебя!

Хантер сжал руку Ниты.

— Спасибо за этот подарок, — снова произнес он.

— Пожалуйста. Ты уже благодарил меня, однако ты также в равной степени достоин благодарности. Без тебя я не смогла бы его создать.

— Нет, я говорю о другом... Я говорю о даре твоей любви. Даре принятия. Принятии меня таким, какой я есть. Мы сделали так много за столь короткое время... Я не смел даже мечтать о таком, — поднеся руку Ниты ко рту, он поцеловал ее. — Я вышел из тюрьмы, мне нужен был новый старт. Я узнал плохие новости о своем лучшем друге... и вот, когда началось это путешествие. Выйдя из одной трагичной двери, я вошел в другую, полную надежды. За той дверью была ты... стояла там с Тишей и Олив. И вот мы здесь, с нашим сыном.

Нита вздохнула.

— Я хочу сфотографировать его, а мой телефон в сумочке, которую я оставила подруге, когда прибежала сюда слишком взволнованная. Я сейчас вернусь, — сказала Тиша и, вернув ребенка Ните, вышла из палаты. Нита поцеловала малыша в лоб и посмотрела на Хантера с любовью в глазах.

Нежно проведя пальцами по ее щеке, он перевел взгляд на сына, представляя, как его мать впервые видит своего внука... Затем он представил, что Ной тоже видит его. В тот момент не было ничего, что могло бы сравниться с тем, что он чувствовал. Не было слов, чтобы выразить то, что происходило в его сердце.

Моя половинка родила нашего ребенка. Они оба здоровы. Ничего не можете быть лучше этого, ничто не может это превзойти. Ни чемпионский пояс в супертяжелом весе, ни статьи в «Спорт Иллюстрейтед», ни новая машина с откидной дверью. Ничего. Если не считать того дня, когда мы поженились, я не могу припомнить, чтобы когда-либо был так же счастлив...

Тиран — Чудовище. Но и Красавица тоже. Его сын — это его детеныш. Его гордость и его радость.

Добро пожаловать в мир, Хантер Ной. Чувствуй себя в нем свободно. Ты — новый член стаи Вульфа. И ты дома.

«Любовь всегда протопчет тропку там, где страшно пробегать и злым волкам».
— Лорд Байрон